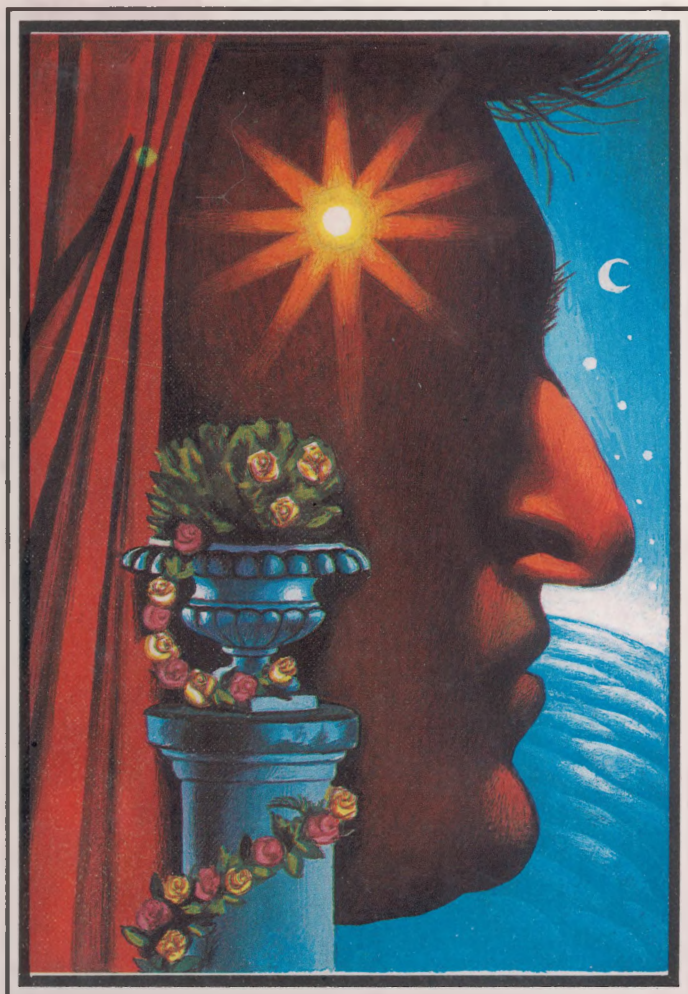

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume twenty two

**THE PAST THROUGH
TOMORROW**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Книга двадцать вторая
ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО**

Издательская фирма «Полярис»
1994

ББК 84.7США
Х19

The Past Through Tomorrow.
Putnam, New York, 1967
Copyright © 1967 by Robert A. Heinlein

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Издание подготовлено при участии
издательства «TERRA FANTASTICA»,
г. Санкт-Петербург

Выпуск издания осуществлен
при участии издательства «ФОЛИО»,
г. Харьков

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

Х 4703040100—081 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-080-8

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Не пристало пророку быть слишком точным.

Лайон Спрэг де Камп

Рассказы и повести этого и других томов серии, представляемой вашему вниманию, не являются ни пророчествами, ни хрониками. Так что автор будет весьма удивлен, если какая-нибудь его история окажется достаточно близкой к событиям реального будущего и станет рассматриваться как сбывшееся пророчество.

Все произведения серии — из разряда «что произойдет, если», где «если» (основа любой истории) является некоторым возможным изменением социальной среды, зародыш которого таится в нашей современной технике или культуре. Иногда эта возможность совершенно абстрактна, а иногда — почти реальность, как, например, в историях о межпланетных путешествиях.

Псевдоистория ближайшего будущего, прорисованная в таблице, которую вы найдете в этом томе, может создать впечатление, что я всерьез пытался пророчествовать. Однако это впечатление обманчиво. Таблица составлялась по ходу дела из фрагментов для того, чтобы я не допускал ошибок при написании новых историй. Первоначально она даже была большой и настенной, а я время от времени добавлял в нее карандашом новые данные. Саму идею мне пришлось позаимствовать у г-на Синклера Льюиса, который, как известно, ведет картотеки, справочники и даже рисует мелкомасштабные карты, касающиеся придуманного им штата Виннимак и его столицы Зенита. Для большинства читателей г-н Льюис ухитрился сделать Зенит со всеми его жителями куда более реальным, чем какой-нибудь настоящий город схожего размера на Среднем Западе. Я понял, что прием, который столь пригодился г-ну Льюису, так же послужит и мне — отчего и украл идею. И я рад, что могу принародно объявить себя должником.

Preface

© А. Тюрин, перевод, 1993

В 1940 году я похвастал своей таблицей перед Джоном Кэмпбеллом-младшим, который и настоял на ее публикации. С той поры я словно приклеился к ней: мне все труднее становилось написать рассказ, не влезаящий в эту схему. Я вынужден был придумать себе несколько псевдонимов, чтобы использовать их, когда в голове возникает вещь, совершенно несовместимая с предполагаемой «историей будущего». Но теперь эта таблица едва ли нужна, содержащаяся в ней «история будущего» так же реальна для меня, как и Плимутская скала.

Предлагаемая вам серия историй была начата десять лет назад, и эти годы принесли столько революционных изменений в технике, сколько все предшествующее столетие. Большое число самых отчаянных предсказаний писателей-фантастов угодило в багаж журналистов. В моей схеме вы найдете ракетные установки, отнесенные мной на следующий век, — но немцы создали их во время Второй мировой войны. Схема показывает 1978 год, как дату первого полета на Луну, — возможно, я поспешил, однако не стану биться об заклад с кем-либо, считающим, что это произойдет раньше.

Декорации меняются — спектакль продолжается. Технологии бегут вперед, а вот люди упорно остаются прежними. Недавно, стоя у газетного киоска, я насчитал в нем четырнадцать различных астрологических журналов и ни одного астрономического. От Плимутской скалы до атомной энергетики прошло всего три столетия, а в США по-прежнему сельских туалетов больше, чем ватерклозетов. Причем до того дня, когда человек впервые пройдет по молчаливому лику Луны, эта пропорция изменится ненамного. Аномалии Века Высоких Энергий более странны, чем его чудеса.

Но это все-таки великий и прекрасный век, удивительнейший из тех, что видела наша легкомысленная планета. Иногда — смешной, чаще — трагичный, но всегда прекрасный. Самые дичайшие фантазии, конечно же, поблещут перед тем, что в действительности грянет на наши головы. И будь то горе или радость — я хочу принимать участие в этом шоу как можно дольше.

Р. Э. Хайнлайн

Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

5 мая 1949 г.

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ДАТЫ ИСТОРИИ	ГЕРОИ	ТЕХНИКА
Н.З. (История, которые должны быть рассказаны) Амни жизни Да будет свет! 1975 (Острые слова) Дороги должны катиться Везде всегда возможен Человек, который продал Душу Адаман и космический монтажник Космический извозчик Резидент Адолас вальта Присаживатель, Агентальмены Теплые яйца Луны Как дорогов верить-ся А еще мы выдумываем содбак 2000 Испытание космосом Зеленые холмы Земли (Жад преаистодней) Долтика империя (Шум его крайлев) 2025 (Затмение) (Камешная подушка) 2050 Если это будет предоказаться... 2075 Ковенгтри 2100 Неудачник Восстания (только пролог) 2100 Асти Мафуссала Вселенная Заразай сака (Да Сапо)	Уингейт Сэм Джонс «Большеротый» Райсавит Негемия Скадлер Пьерро Мартин Дуглас Гейкс Блеккиносон Харпер Эриксон Кинг Лейд Харриман Маквинтайр Каммингс Лазарус Лонг	Солнечно-энергетические экраны Дугласа-Мартин Механизированные дороги Коммерческие ракетные перевозки Вертолеты Мехипланетные перелеты Возобновление межпланетных перелетов (Гриостановление) Открытия в психометрии и психодинамике Ограниченное применение телепатии Развитие субмолекулярной механики, исследований по ядерной энергетике и искусственной радиации: Уран-235 Статическая субмолекулярная техника (парастатика)

1951—2600 г.г. н.э.

ФАКТЫ	ФАКТЫ СОЦИОЛОГИИ	ПРИМЕЧАНИЯ
Трансатланти- ческие ракет- ные перелеты	«БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ» Забастовка 1966 г. «ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ», 1960—70 гг Первый полет на Луну, 1978 г	Значительные технические до- стижения этого периода сопро- вождаются постепенным падени- ем нравов, распадом привычно- го жизненного уклада и общественных институтов и за- канчиваются массовым психо- зом в шестидесятые годы. На- ступают «смутные времена».
Межконтинен- тальная ракетная служба	Основание Луна-Сити Космический предупредительный акт Лунная корпорация Харримана ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКС- ПЛУАТАЦИИ, 1970—2020 г.г. Революция в Лмтл-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-Австралоазиатский альянс	«Смутные времена» сменяет пе- риод реконструкции. Финансо- вые заявления Вурхиса дали временную экономическую ста- бильность и возможность пере- ориентации. Это завершилось открытием новых рубежей и возвратом к экономической си- туации XIX века.
Бактериофаги Транспортный модуль и боевой модуль	Рост религиозного фанатизма Новый «крестовый поход» Восстание и независимость колонистов Венеры	Три революции завершили ко- роткий период межпланетного империализма: в Антарктике, в США и на Венере. Космиче- ские перелеты прекратились до 2072 г.
Коммерческая стереоптика	Религиозная диктатура в США	В этот период не велось почти никаких исследований и техни- ческие достижения незначитель- ны. Крайний пуританизм. Неко- торые аспекты психодинамики и психометрии, массовая психо- логия, социальное управление разработаны классом священни- ков
Ракетные пушки Синтетическая пицца Управление погодой Волновая механика «Барьер»	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, 2075 г. и далее	Восстановление гражданской свободы. Возрождение научных исследований. Возобновление космических полетов. Вторично заложен Луна-Сити. Наука соци- альных отношений, основанная на главных отрицательных по- ложениях семантики. Застой в гносеологии. Ковенант.
Микротехноло- гия Элементы 98-416 Нарастающе- сложная техника		Начало консолидации Солнеч- ной системы.
Работы над за- медлением жизненных процессов в организме Исследования по симбиотике Долголетие		Первая попытка межзвездных исследований. Гражданские беспорядки, за ко- торыми следует конец юности человечества и зачатки первой полноценной культуры.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали — по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его мягкое лицо было бесстрастно. Председатель повернулся к докладчику, с трудом сдерживая раздражение:

— Доктор Пинеро, — сказал он, выделив голосом первое слово, — я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о приличествующем ученым достоинстве и позволить себе прерывать докладчика — независимо от того, насколько... — он сделал паузу и пожевал губами, — насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

— Моя обязанность — следить за соответствием программы нашего собрания регламенту. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же

«Life-Line»

© А. Дмитриев, перевод, 1993.

время я вынужден попросить вас воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

— Но как же я смогу внушить вам новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? — Пинеро театрально воздел свои пухлые, белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

— Джентльмены! Прошу вас! — и обратился к Пинеро: — Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

— Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

— Верно, — председатель снова пожевал губами. — Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся — все той же раздражающей улыбкой:

— Вот как? Мне следовало бы догадаться... Стари-на Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не станет выкладывать Бидуэллу денежки даже за самые распрекрасные страховые полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, поскольку весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро хладнокровно повернулся к залу спиной, не обращая ни малейшего внимания на ропот, из гневного превратившийся в зловещий. Председатель безна-

дежно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

— Господин председатель!

Председатель решил не упустить шанса и прокричал:

— Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван-Рейнсмиту!

Гомон в зале мало-помалу прекратился. Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид неопременного участника заседаний дамских благотворительных обществ.

— Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд вынесет свой приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае — он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, — если мы не слишком хорошо знаем университет, присвоивший ему ученую степень. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно, — чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует знать их. — Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. — Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять такой круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и попечитель попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван-Рейнсмитт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна...

Когда аплодисменты утихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

— Вы продолжите, доктор Пинеро?

— Зачем?

Председатель пожал плечами:

— Вы для этого и пришли.

— Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно — приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный открыто взглянуть в лицо голому факту и не смутиться при этом? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку — примет ли он истину? Нет, не примет! Тем не менее, если я не стану продолжать, вы победите меня потому уже, что я отказался от борьбы. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие люди, изобличили меня, Пинеро, как мошенника. Это меня не устраивает. Я буду говорить.

Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда Черный Верблюд преклонит колени у ваших дверей. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Некоторое время никто в зале не проронил ни слова.

— Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? — спросил председатель.

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

— Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, — он ударил себя в грудь, — для самого себя.

— Но как же мы узнаем, что за вашими словами стоит реальность, а не только нелепые заявления?

— Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает — прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему миру. Если же нет — я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий, сутулый человек:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Игнорируя председателя, Пинеро ответил непосредственно спрашивавшему:

— Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? Я предлагаю обследовать каждого из присутствующих, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. — Он свирепо оглядел аудиторию: — Вы согласны?

Поднялся дородный человек и размеренно заговорил:

— Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Будучи медиком, я с прискорбием замечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающегося докладчика или нет.

Его поддержал другой оратор:

— Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти ведьмины игры? Я убежден, что субъект, именующий себя доктором Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом, мы лишь играем ему на руку. Не знаю, какими махинациями он занимается, но мы ему нужны для рекламы. И

потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту регламента.

Предложение было принято одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» — он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

— Варвары! Болваны! Бестолочи! Такие, как вы, испокон веков не признавали ни единого великого открытия! Из-за вашей компании невежд Галилей вертится в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, он что, смеет называть себя медиком? «Знахарь» — было бы точнее! А вы, лысый коротышка, — да, да, вы! — вы называете себя философом и рассуждаете о временах и нравах, аккуратно раскладывая их по полочкам. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! — он плюнул на пол. — И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи ваших энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его подхватили с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв.

Газетчики перехватили Пинеро, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В нем не было и следа воинственности, которую он недавно демонстрировал. Репортеры окружили его:

— Как насчет интервью, док?

— Ваши взгляды на современное образование?

— Ну и всыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?

— Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

— По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все

задымили сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

— Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

— Итак, ребята, что вас интересует?

— Выкладывайте начистоту, док, есть у вас там что-то или нет?

— Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

— Вот и расскажите, как оно работает. На той ерунде, которую вы городили этим яйцеголовым, с нами вы недалеко уйдете.

— Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я так и стану рассказывать о нем первому встречному?

— Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

— Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

— Охотно! Это деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату.

— Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно — даже о назначении установки.

— На каком принципе эта штуковина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время — это четвертое измерение пространства. Хотите — верьте, хотите — нет, об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить

себе это, ощутите эмоционально. — Он подошел к одному из репортеров. — Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шести футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. Во времени за вами простирается значительная часть пространственно-временного объекта, берущего начало примерно в 1916 году. То, что мы видим сейчас, — поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и имеющий определенное сечение. На одном конце объекта — младенец, пахнущий кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом — в восьмидесятых, вероятно, — находится почти старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы; один его конец во чреве матери, а другой — в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение видится нам одним дискретным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянущегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность народа в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле народ похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И мы считаем срезы индивидуальными лишь потому, что воспринимаем только поперечные сечения.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, мрачноватый деловой парень, поинтересовался:

— Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

— Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слышали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашим червем. Подключая определенным образом свои приборы к

находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря — когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно — вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

— Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о народе как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать даты рождения, потому что связь с народом продолжается и через момент рождения отдельного человека.

Пинеро расцвел:

— Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолотатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, соответственно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

— Ну а теперь покажите, как это делается!

— С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

— Что, Люк, попался! — съехидничал кто-то из репортеров. — Или соглашайся, или заткнись!

— А я отнюдь не прочь. Что я должен делать?

— Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

— И что теперь?

— Разденьтесь и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

— К чему вся эта болтовня?

— Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводни-

ка, дорогой мой Люк. А теперь — не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился за аппарат. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он набросил на голову накидку. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро объявил:

— У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

— Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

— Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

— Проверьте меня, док!

— Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

— И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под накидку, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

— Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

— Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка.

— Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки.

— Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

— Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?

— Мне очень жаль, но я должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурки.

— Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вызнал возраст каждого репортера в городе, чтобы подготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

— Вы женаты, друг мой?

— Нет.

— Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Какой-нибудь родственник?

— Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

— Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

* * *

«Ученое собрание оборачивается скандалом»

«Компостер смерти на ваших табельных часах»

«Журналист умирает по предсказанию доктора»

«Мошенничество, — утверждает Ученый Совет»

«Дипломированные гураки, — парирует прорицатель»

* * *

«...через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к редакции "Дейли Геральд", в которой он сотрудничал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался.

Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра.

Начальник полиции Рой...»

* * *

«Беспокоит ли Вас Ваше будущее???

Не выбрасывайте деньги на гадалок — обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту, который при помощи непогрешимых методов науки поможет Вам спланировать будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких "посланий духов".

Наши предсказания обеспечены обязательством на 10 000 долларов, помещенных в банк.

Перспектив высылаются по первому требованию.

"Песочные часы жизни, Инкорпорейтед".

Мажестик Билдинг, № 700».

* * *

«Юридическое уведомление.

Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы "Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп", подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на сохранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями.

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро (и/или "Песочные часы жизни, Инкорпорейтед"), фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инс-

трукциями в беспристрастный Первый Национальный Банк этого города.

Подписано и заверено: Джон Кэбот Уинтроп III.

Подписано и заверено в моем присутствии во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон,
нотариус графства и штата.
Мои полномочия действительны
до 17 июня 1951 года».

* * *

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели. Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и никто еще не востребовал залоговую сумму, помещенную им в банк на случай своей возможной ошибки. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что он обладает прямой связью с главной конторой костлявой старухи с косой. Впрочем, что до меня, то мне не хотелось бы знать о своей смерти до того, как она произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

* * *

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

— Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к истокам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также, чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оставить риторику и

объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка, и продолжил:

— С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

— Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

— Формально да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных и финансовых учреждений, а значит, большинство населения, которое является держателем акций и обладателем полисов. Таким образом, мы считаем, что косвенно защищаем интересы всего населения — неорганизованного, безмолвствующего и беззащитного.

— Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, — сухо заметил судья. — Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя формального клиента. Но продолжайте; каковы ваши доводы?

Пожилой барристер безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

— Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимые причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин было бы достаточно.

Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он — обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он, конечно, хитроумнее простой цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога и медиума, но как раз потому и более опасен. Пытаясь ввести всех в заблуждение, он ссылается на современные научные методы, чтобы придать своим «чудесам» не принадлежащий им по праву авторитет. Мы пригласили в суд выдающихся ученых, академиков, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний.

Во-вторых, даже если утверждения этого человека справедливы — допустим ради дискуссии такое абсурд-

ное предположение, — мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, — мы убеждены, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места.

— Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

— Что именно?

— Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

— Ваша честь, — прервал его Уимс, — это абсолютно противоречит правилам.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

— Благодарю, ваша честь. Обратившись сперва к последнему пункту мистера Уимса, я готов признать, что публиковал те высказывания, о которых он говорил...

— Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката. Вы уверены, что вашей компетентности хватит, чтобы защитить свои интересы?

— Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, с чем я готов согласиться и так.

— Отлично. Можете продолжать.

— Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что поступившие так понесли потери. Я согласен, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это — естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я открою фабрику керосиновых

ламп, а потом обращаюсь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал Электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания.

Я согласен, что мой бизнес — предсказание даты смерти, но отрицаю, что занимаюсь магией — черной, белой или радужной. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой данной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои?

Конечно, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

— Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его методами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

— Позволит ли мне суд несколько минут посоветоваться с клиентами?

— Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

— У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратил к Пинеро вопрошающий взгляд.

— Добровольно я на это не пойду, — ответил Пинеро. — Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной, — он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся: — И они сами это прекрасно знают. Кроме того,

нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода формирования мнения: эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него — лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом.

Именно такой взгляд — точка зрения академических умов, как устрицы приросших к отжившим теориям, — всегда препятствовал развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!»

Однажды я уже предлагал этим самозванным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри — дата его смерти. На других конвертах я помещу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой группе людей, если верить актуариям «Смешанного», каждые одну-две недели кто-нибудь да умирает. Таким вот способом они смогут очень быстро выяснить, лжец Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он

свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

— Ну так как же?

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

— Вы принимаете?

— Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

— Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

— Мы принимаем, ваша честь.

— Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом. Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в стране утвердилось представление, что если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общему благу. Эта странная доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

* * *

Бидуэлл недовольно проворчал:

— Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрис-консульта. Вот уже десять недель, как вы проиграли

дело, этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были возвращены с тех пор, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

— Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны принимать никаких новых заявлений клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Не можем ли мы подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

— Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо факту? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю, что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены. — Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой: — Убейтесь отсюда, все вы. Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс опасливо откашлялся:

— Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

— О'кей, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро обежал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом торопливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, если не считать быстрых, словно звериных, глаз.

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

- О чем?
- Садись, потолкуем.

* * *

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета.

— Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней переключке?

Открытое лицо юноши выразило легкое замешательство.

— Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем — то есть Бетти ждет — ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

— Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба, или только молодой человек?

— Мы оба хотим, — ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

— Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои, приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

— Сначала миссис Хартли, пожалуйста, будьте добры, разденьтесь там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгновение появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута. Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

— Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь становитесь на этот помост. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться

к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под накидку, и шкалы ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

— Эд, вы прикасались к ней?

— Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

— Приготовьтесь, Эд.

— Ну что там у Бетти, доктор?

— Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

— Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

— Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

— Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко посидеть со мной?

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

— Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровенно стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

— Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать завтра.

— Завтра? Но завтра на это не будет времени.

— У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.

— Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?

— Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.

— И вас невозможно переубедить?

— Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор приблизился к окну. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на мостовой, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и повернули. Но машина была уже рядом. Когда она, провизжав тормозами, замерла на месте, — то, что извлекли из-под нее, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая скорее беспорядочную грудку тряпья.

— Отмените все оставшиеся на сегодня посещения... Нет... Ни одного... Меня это не интересует; отмените их.

Потом он опустился в кресло. И еще долго после наступления темноты продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

* * *

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они

оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

— Мадонна! *Non entrate!* Хозяин обедает!

— Пустяки, Анджела. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

— У вас ко мне дело, не так ли?

— Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашим проклятым колдовством!

— И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький юркий человечек.

* * *

— Мы можем начать. — Председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик. — Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

Служитель коснулся его руки:

— Доктор Берд, вас к телефону.

— Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

— Алло... Да. Говорите... Что? Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?... Мертв! Как?... Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

— Что случилось?

— Кто мертв?

Берд поднял руку:

— Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

— Убит?

— Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Члены комитета молча смотрели друг на друга. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

— Достаньте его.

— Что?

— Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежавший в конверте листок, пробежал его глазами.

— Ну? Что там?

— Час тринадцать минут пополудни — сегодня.

Его слушали в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящичку. Берд перехватил его руку:

— Что вы хотите сделать?

— Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

— Да, да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося ни слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

— Конечно, вы правы...

— Дайте вон ту корзину для бумаг. — Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал подюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

— Боюсь, я испортил стол.

ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ

— Кто заставляет дороги катиться?

Оратор застыл на трибуне, ожидая ответа. Послышались редкие выкрики, рассекающие глухой, настороженный гул собравшихся в зале людей:

— Мы!

— Мы!

— Мы, кто же еще!

— А кто там, в «преисподней», делает всю грязную работу, чтобы добропорядочные чистюли могли спокойно разъезжать наверху?

На этот раз люди откликнулись дружным ревом:

— Мы-ы!..

Не теряя времени зря, оратор подпускал пару. Слова уже не падали одно за другим, а неслись с металлическим скрежетом — бойко, без остановок, словно полотно транспортера. Говоривший навис над толпой, стараясь задержаться взглядом на каждом и одновременно обращаясь ко всем:

— На чем держится бизнес? На дорогах! Что подвозит людям жратву? Дороги! Как они едут на работу? Их везут дороги! А как добираются домой к своим женам? Опять же — по дорогам!

Он выждал эффекта ради и, понизив голос, продолжил:

«The Roads Must Roll»

• © С. Логинов, А. Броев, перевод, 1993.

— Где они все окажутся, если вы, парни, перестанете двигать дороги? В заднице, вот где, и они это прекрасно знают! Знают, но что это в них меняет? Да ничего! Неужели мы просим у них слишком много? Или наши просьбы необоснованны? «Право увольняться по собственному желанию». У каждого работника в любом другом месте оно есть. «Равная зарплата с инженерами». А почему бы и нет? Кто здесь настоящие профессионалы — мы или они? Неужели обязательно надо отбарабанить свое в курсантах, нарядившись в их дурацкие шапочки, чтобы выучиться протирать подшипники или опускать барабаны? Кто по-настоящему отрабатывает свой хлеб — джентльмен в конторе или парень в «преисподней»? Какие еще у нас требования? «Право самим выбирать инженеров». Да, мы хотим этого! Кто сумеет лучше подобрать инженеров — техники или тупая экзаменационная комиссия, которая даже носа в «преисподнюю» не совала и не может отличить подшипника от катушки электромагнита?

Он, словно прирожденный актер, сменил темп и еще больше понизил голос.

— Я говорю вам, братья, пора кончать с бессмысленными петициями в Транспортную комиссию и начинать бороться по-настоящему. Пусть слабаки болтают о демократии — в наших руках сила, и мы как раз те самые люди, с которыми им придется считаться!

Пока он так разглагольствовал, в конце зала поднялся человек.

— Брат Председатель, — он дождался очередной паузы и произнес, растягивая слова: — Можно мне пару слов?

— Конечно, брат Харви. Говори.

— Я вот что хочу спросить: для чего вы затеяли весь этот балаган? У нас самая большая почасовая оплата во всей гильдии механиков, у нас полная страховка и пенсия, безопасные условия труда, если не считать шума, из-за которого мы все можем оглохнуть, — Харви демонстративно сдвинул на затылок звукозащитный шлем. Одет Харви был в робу, видно, пришел сюда прямо с дежурства. — Конечно, — продолжал он, — нам приходится предупреждать об уходе за девяносто дней, но какого, спрашивается, хрена, мы же знали об

этом, когда поступали на работу. Дороги должны катиться, они не могут тормозить всякий раз, когда какому-нибудь бездельнику надоела его работа. А теперь Соупи...

Стук молотка резко его оборвал.

— Простите, — поправился Харви, — я хотел сказать — *брат* Соупи расписывает, какие мы сильные, и каким способом нам следует брать за глотку остальной мир. Крысы! Разумеется, мы можем остановить дороги и превратить страну в сумасшедший дом, но на это способен любой псих с банкой нитроглицерина, и ему при этом вовсе не обязательно быть техником. Думаете, мы с вами одни квакаем в этом болоте? Да, наша работа важна, но где бы мы оказались без фермеров и сталеваров, без дюжин других профессий и ремесел? Да в той же самой заднице, вот где.

Его прервал невысокий, болезненного вида человек с выпирающими, словно у крысы, верхними зубами.

— Минуточку, брат Председатель, — сказал он. — Я хотел бы задать вопрос брату Харви.

Он повернулся и ехидно спросил:

— Ты говоришь от имени гильдии или как? Может быть, ты и вовсе не веришь в гильдию? Ты, случаем, не... — он приостановился, скользнув взглядом по долговязой фигуре Харви, — не шпион, а?..

Харви глянул на него так, как смотрят на таракана, плавающего в тарелке с супом.

— Сайкс, — произнес он, — не будь ты таким коротышкой, я вбил бы твои вставные зубы тебе же в глотку. Я помогал создавать нашу гильдию, я бастовал в шестьдесят шестом. А ты где тогда был? Со штрейкбрехерами?

Ударил молоток Председателя.

— Прекратите, — потребовал он. — Никто из знающих историю гильдии не сомневается в лояльности брата Харви. Продолжаем в обычном порядке, — он прокашлялся. — Обычно мы не даем слова посторонним. Большинство из вас терпеть не может инженеров, которые с вами работают, но есть среди них один, которого всем нам приятно видеть, когда ему случается бывать у нас по делам. Думаю, это оттого, что он не боится испачкать руки в машинном масле, у него та же

грязь под ногтями, что и у нас. Во всяком случае, имею честь представить вам мистера Шорти Ван Клика!..

Выкрик из зала прервал его:

— Брата Ван Клика!

— Отлично, брата Ван Клика, заместителя Главного инженера нашего родтауна.

— Благодарю, брат Председатель, — представленный оратор проворно взобрался на трибуну, раздаривая собранию улыбки. Его прямо-таки распирало от внимания к своей персоне.

— Спасибо, братья. Разумеется, наш Председатель прав: здесь, в зале гильдии сектора Сакраменто, или в любом другом помещении гильдии я чувствую себя куда уютнее, чем в клубе инженеров. Во всяком случае, здесь нет сопливых курсантов, воображающих себя инженерами. Кто знает, если бы я окончил один из престижных технических институтов, возможно, я считал бы иначе, но свою точку зрения я вынашивал там, внизу, в «преисподней». А теперь я хочу сказать о ваших требованиях, которые Транспортная комиссия вам же и швырнула в лицо. Вы позволите мне быть откровенным?

— Говори, Шорти!

— Можешь нам доверять!

— Возможно, мне не стоило бы об этом и говорить, но ваши интересы — это мои интересы, и молчать я не могу. Дороги сейчас — самое главное, а вы — те люди, которые их заставляют катиться. И разве не справедливо бы было, если бы ваше мнение выслушали, а просьбы удовлетворили. Думается, политики достаточно умный народ, чтобы понимать это. Иногда, просыпаясь ночью, я ловлю себя на мысли, а почему бы нам, техникам, не взять это дело полностью в свои руки и...

— Мистер Гейнс, звонит ваша жена.

— Хорошо, — он взял трубку и повернулся к видеоэкрану. — Да, дорогая, я помню, что обещал, но... Ты абсолютно права, дорогая, но из Вашингтона просили показать мистеру Блекинсопу все, что он пожелает. А я никак не думал, что он прибывает сегодня... Нет, я не могу поручить заместителю. Это было бы невежливо.

Он министр транспорта Австралии, и принимать его должен я сам. Я говорил тебе... Да, дорогая, я знаю, что вежливость начинается дома, но ты же понимаешь — дороги должны катиться. Это моя работа, и ты знала, за кого выходила замуж... Да, это тоже часть моей работы... Вот, славная девочка. Мы обязательно поедem куда-нибудь завтра с утра. Давай сделаем так: ты закажи лошадей, завтраки, и мы устроим пикник. Я встречу тебя в Бейкерсфилде, как обычно... До свидания, дорогая. Поцелуй за меня малыша перед сном.

Он положил трубку на пульт, и хорошенькое, хоть и недовольное разговором лицо жены исчезло с экрана.

В кабинет вошла молодая дама. На внешней стороне двери, пока женщина ее открывала, на табличке мелькнула надпись:

РОДТАУН ДИЕГО-РЕНО ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Усталым взглядом Гейнс посмотрел на вошедшую.

— А, это вы. Хотите добрый совет. Долорес? Никогда не выходите замуж за инженера. Выходите за художников, они чаще бывают дома.

— Хорошо, мистер Гейнс. Мистер Блекинсоп уже здесь, мистер Гейнс.

— Уже? Я не ждал его так скоро. Видимо, корабль из Австралии приземлился раньше времени.

— Да, мистер Гейнс.

— Долорес, вы когда-нибудь испытывали эмоции?

— Да, мистер Гейнс.

— Хм-м... по вам не скажешь. Ну ладно, придется поверить, вы же никогда не ошибаетесь. Пригласите мистера Блекинсопа.

— Хорошо, мистер Гейнс.

Ларри Гейнс поднялся, приветствуя гостя.

«Не больно представительный малый», — подумал он, протягивая вошедшему руку и обмениваясь принятыми в таких случаях любезностями. Сложенный зонтик и котелок настолько не соответствовали невзрачной внешности посетителя, что выглядели слишком уж нарочито. Впрочем, отлично поставленное оксфордское произношение маскировало его гнусавый говорок австралийца, который нет-нет да и прорывался порой наружу.

— Рад видеть вас, мистер Блекинсоп. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным.

Блекинсоп улыбнулся.

— Уверен, что так и будет. Это мой первый визит в вашу замечательную страну. И знаете, я чувствую себя здесь как дома: эвкалипты, коричневые сопки...

— Но наверно, цель вашей поездки не только в этом?

— О, разумеется! Моя основная задача — изучить дорожные города — родтауны и доложить моему правительству, имеет ли смысл применять ваш опыт для решения наших социальных проблем. Поэтому меня к вам и направили.

— Понятно... Не знаю только, что именно вы бы хотели посмотреть. Полагаю, вы уже слышаны о родтаунах, как они начинались, как действуют и так далее?

— Да, конечно, кое-что я читал, но я же не инженер, мистер Гейнс. Я политолог. Мне было бы интереснее посмотреть, как все это сказывается на людях. Давайте так — вы будете мне рассказывать о дорогах, как будто я вообще о них ничего не слышал. А я буду задавать вопросы.

— Согласен, предложение дельное. Кстати, вы здесь один или с вами кто-нибудь еще?

— Нет, я один. Секретаря я отослал в Вашингтон.

— Понятно, — Гейнс взглянул на часы. — Скоро ужин. Я предлагаю пройти на Стоктонскую полосу. Там скоро будет проезжать неплохой китайский ресторанчик — очень даже рекомендую. Перекусим — это займет час, не больше, — а заодно вы посмотрите, как действуют наши дороги.

— Отлично.

Гейнс нажал клавишу, и на большом экране у противоположной стены появился плечистый молодой человек, сидящий за полукруглым пультом. Вверху светилась контрольная панель. Во рту у него застряла дымящаяся сигарета.

Он поднял глаза, улыбнулся и помахал рукой.

— Мое почтение, шеф. Чем могу служить?

— Привет, Дейв. Значит, ты сегодня дежуришь? Слушай, я убегая ужинать в сектор Стоктона. Где Ван Клик?

— Ушел на какое-то собрание. Куда, не сказал.

— Происшествия были?

— Нет, сэр. Дороги катятся, население топает к домашнему очагу.

— О'кей. Так держать.

— Есть так держать, шеф.

Гейнс отключил связь и повернулся к Блекинсопу.

— Ван Клик — мой первый заместитель. Последнее время он слишком увлекся политикой, вместо того, чтобы почаще бывать на дорогах. Впрочем, Дэвидсон и без него справится. Идемте?

Они спустились по эскалатору и вышли на пешеходную дорожку, которая ограничивала полосу, бегущую на север со скоростью пять миль в час. Обогнув вход в туннель с указателем «ПРОХОД НА ЮЖНУЮ ДОРОГУ», они остановились у края первой полосы.

— Вам приходилось кататься на транспорте? — поинтересовался Гейнс. — Это очень просто. Шагайте на полосу лицом навстречу движению.

Переходя с ленты на ленту, они начали пробираться сквозь толчею спешащих людей. Посреди двадцатимильной полосы им попалась прозрачная перегородка, почти достигающая крыши. Блекинсоп вопросительно вскинул брови.

— Это ветроломы, — ответил на молчаливый вопрос Гейнс и откатил в сторону дверь, приглашая своего спутника пройти дальше. — Если бы у нас не было способа разделения воздушных потоков у полос с различными скоростями, то на стомильной полосе ветер изорвал бы вам всю одежду.

Во время разговора Гейнсу постоянно приходилось наклоняться к Блекинсопу, чтобы перекричать свист ветра, шум толпы и приглушенный рокот машин, скрытых под полосой внизу. По мере приближения к середине дороги сочетание этих шумов делало разговор невозможным.

Они миновали еще три ветролома, расположенных на сорока-, шестидесяти- и восьмидесятимильных полосах, и наконец добрались до самой быстрой, стомиль-

ной полосы, которая пробегала от Сан-Диего до Рено и обратно за двенадцать часов.

Блекинсоп увидел, что оказался на пешеходной дорожке шириной двадцать футов. С другой стороны дороги высилось ограждение, вдоль которого, словно лавки на средневековом мосту, стояли легкие домики. Как раз напротив в окне одного из них призывно загорелась реклама:

«БИФСТЕКСЫ ДЖЕЙКА»

филиал №4

Самая быстрая еда на самой быстрой дороге!

Обед в полете, а мили — в полете!

— Потрясающе, — сказал Блекинсоп. — Это, должно быть, напоминает обед в трамвае. Там что, действительно хороший ресторан?

— Один из лучших. Конечно, не экстра-класс, но знатоки его уважают.

— В таком случае, может быть...

Гейнс улыбнулся.

— Насколько я понимаю, сэр, вы хотели бы туда заглянуть?

— Право, я не хотел мешать вашим планам.

— Не беспокойтесь. Я голоден как волк, а до Стоктона еще час езды.

Гейнс приветствовал хозяйку, словно знал ее много лет:

— О, миссис Маккой, привет. Как мы поживаем?

— Неужто сам шеф пожаловал? Давненько же мы вас у себя не видали.

Она проводила их в небольшой кабинет, отделенный перегородкой от прочих перекусывающих пассажиров.

— Вы и ваш друг желают поужинать?

— Конечно, миссис Маккой. И во всем полагаемся на ваш вкус, но непременно хотим попробовать ваши замечательные бифштексы.

— Двухдюймовые, из молодого бычка, который умер счастливым, — она ушла выполнять заказ, с удивительной легкостью неся свое грузное тело.

Маккой часто принимала в своем заведении Главного инженера и поэтому первым делом принесла и по-

ставила перед ним на столик переносной телефон. Гейнс подключил телефон к розетке на стене кабинета и сразу же набрал номер.

— Алло! Дэвидсон? Дейв, это я, шеф. Я ужинаю в четвертой столовке Джейка. Звони мне по 10-А-66.

Когда он положил трубку, Блекинсон вежливо поинтересовался:

— Вы всегда должны сообщать диспетчеру, где находитесь?

— Нет, что вы, — ответил Гейнс, — но знаете, как-то спокойней, когда бываешь в курсе всех дел. Мне или Ван Клику всегда желательно находиться неподалеку от телефона, чтобы старший сменный инженер — сейчас это Дэвидсон — в случае необходимости знал, где нас найти. Сами понимаете, если возникнет чрезвычайная ситуация, я обязан знать об этом в первую очередь.

— А что может вызвать чрезвычайную ситуацию?

— Главная опасность — обесточивание роторных барабанов, это остановит дорогу и оставит миллионы людей в сотнях миль от дома. Если такое произойдет в час пик, нам придется эвакуировать всех этих людей с дороги, что не так просто сделать.

— Вы сказали — миллионы людей. Неужели их здесь так много?

— Конечно. От дороги, на которой мы сейчас едем, зависят двенадцать миллионов человек, живущих или работающих в пятимильной полосе вдоль всего ее протяжения.

С появлением дешевой энергии человечество вступило в новую эпоху, которую можно было назвать не только эпохой энергии, но и эрой транспорта. Два события особо выделяются в этот период: получение дешевой солнечной энергии и пуск первой механической дороги.

Несмотря на вспыхивавшие от случая к случаю кампании за экономию энергетических ресурсов, уголь и нефть в США были позорным образом сожжены еще в первой половине двадцатого века. Главная заслуга в этом деле бесспорно принадлежала автомобилю. Мень-

ше чем за полстолетия скромная, одноцилиндровая безлошадная карета превратилась в стального монстра мощностью в сотню лошадиных сил и скоростью, превышающей сто миль в час. Даже в провинции автомобили кишели, словно дрожжи в закваске. Только по данным 1955 года один автомобиль приходился на каждого двух человек.

Собственно говоря, такое засилье автомобилей и стало причиной их гибели. Восемьдесят миллионов стальных колесниц, несущихся на огромной скорости и управляемых далекими от совершенства людьми, принесли разрушений и жертв больше, нежели война. В том же 1955 году суммы, выплаченные владельцами автомобилей в качестве компенсации за нанесенный ущерб, превысили суммы, затраченные на покупку автомобилей. Кампании за безопасность движения стали хроническим явлением, но при этом они явно напоминали благочестивые попытки королевской рати собрать Шалтая-Болтая. В сутолоке городов автомобиль делается особенно опасен. В ходу были мрачные шуточки вроде: пешеходы делятся на два класса — мертвые и быстрые. А еще пешехода определяли как водителя, которому посчастливилось отыскать стоянку для своей машины.

Таким образом, автомобили обусловили быстрый рост городов, а затем сами же их и задушили своим громадным количеством. Еще в 1900 году Герберт Уэллс заметил, что предельные размеры города находятся в прямой зависимости от скорости и пропускной способности транспортных магистралей. Казалось бы, скорость автомобилей позволяет городам вырастать до двухсот миль в диаметре, но постоянные транспортные пробки и растущая опасность, исходящая от мощных, плохо управляемых машин, перечеркнули эту возможность.

В 1955 году «главная улица Америки» — шоссе № 66, Лос-Анджелес—Чикаго, было переоборудовано в суперхайвей с нижним пределом скорости шестьдесят миль в час. Строительство дороги планировалось как госзаказ, она должна была поддержать развитие тяжелой промышленности, однако ее появление имело неожиданные последствия. Большие города, Чикаго и Сент-Луис, выпустили навстречу друг другу что-то наподобие

псевдоподий и слились, встретившись возле Блумингтона, штат Иллинойс. Вдоль магистрали выросла застроенная полоса, а население городов-родителей стало меньше.

В этом же году произошла замена устаревших фуникулеров на эскалаторы, действующие от солнечных экранов Дугласа-Мартин.

Хотя за 1955 год американцы приобрели рекордное число автомобилей, закат автомобильной эры был уже не за горами. Первым и грозным предупреждением об этом стал Закон о государственной обороне, принятый в 1957 году.

Этот закон, с таким трудом прошедший через Конгресс, объявил нефть стратегическим сырьем. Вооруженные силы получили приоритетное право на все наземные и подземные запасы нефти, а восемьдесят миллионов автомобилей оказались на голодном пайке.

Возьмем скоростные автострады того времени, урбанизированные вдоль всей своей длины. Добавим к ним механизированные улицы сан-францисских холмов. Нагреем до кипения грозящей нехваткой бензина и приправим полученную смесь изобретательностью янки. В результате получим первую механическую дорогу, которая была открыта в 1960 году между Цинциннати и Кливлендом.

Как и следовало ожидать, она была довольно примитивна. Ее основой послужили рудные транспортеры, самая быстрая полоса имела скорость тридцать миль в час и была довольно узкой, так что никто и не помышлял заниматься на ней мелкой торговлей. Тем не менее эта лента оказалась прототипом сложнейшей социальной структуры, которой предстояло доминировать на американском континенте в последующие десятилетия. Сельская и городская культуры слились, объединенные быстрым, дешевым и удобным транспортом.

Фабрики — широкие, низкие здания, с крышами, покрытыми солнечными экранами того же типа, что двигали полосы, — тянулись по обеим сторонам дороги. Тут же находились отели, магазины, театры, жилые дома. А если пройти еще несколько шагов, то окажешься за городом, где и проживала основная часть населения. Небольшие коттеджи расположились среди хол-

мов, по берегам рек, тут и там виднелись между сельскими фермами. Люди работали в городе, а жить предпочитали в деревнях, которые находились друг от друга в десяти минутах ходьбы.

Миссис Маккой сама обслуживала шефа и его гостя. Появление знаменитых бифштексов вмиг оборвало разговор.

Ресторан «Бифштексы Джейка» плавно катился вперед. Вдоль всей протянувшейся на шестьсот миль линии дежурные инженеры секторов каждый час выслушивали доклады техников, следящих за своими подсекторами.

«Подсектор 1 — проверен», «подсектор... проверен». Тензометрические данные напряжения, нагрузки, температуры подшипников... показания синхротахметров... «Подсектор 7 — проверен!» Все техники, как один, — выносливые толковые люди в робах, проводящие большую часть жизни в «преисподней» среди вечного шума стомильной полосы, резкого визга вращающихся роторных барабанов и жалоб передаточных роликов.

Дежурный инженер Дэвидсон рассматривал схему дороги, светящуюся на стене центрального поста управления сектора Фресно. Миниатюрная стомильная полоса на схеме едва заметно двигалась, и Дэвидсон машинально отметил место, где располагался четвертый ресторан Джейка. Шеф скоро доберется до Стоктона, надо будет позвонить ему после проверки. На трассе все спокойно, транспортная нагрузка нормальная для часа пик. Когда все вот так идет своим чередом, дежурный в центральной диспетчерской может спокойно вздремнуть, и никто этого не заметит.

Дэвидсон повернулся к курсант-инженеру:

— Мистер Барнс.

— Да, сэр.

— Как насчет чашки кофе?

— Неплохая идея, сэр. Я закажу, как только поступят все рапорты.

Минутная стрелка хронометра на панели управления подошла к двенадцати. Курсант щелкнул тумблером.

— Всем секторам доложить о ходе работ! — произнес он ломающимся от волнения голосом.

На экране появились лица двух дежурных по сектору. Тот что помладше, тоже изо всех сил стараясь скрыть смущение, отрапортовал:

— Диего-Кольцевая — катится!

Почти мгновенно их сменили двое других:

— Сектор Анджелес — катится!

Еще через секунду:

— Сектор Бейкерсфилд — катится!

И:

— Сектор Фресно — катится!

Последней отчиталась Рено-Кольцевая. Курсант повернулся к Дэвидсону и доложил:

— Дороги катятся!

— Очень хорошо — так держать!

Неожиданно видеоэкран осветился вновь.

— Сектор Сакраменто — дополнительный рапорт.

— Слушаю.

— Курсант Гюнтер — дежурный курсант-инженер сектора во время инспекционной проверки обнаружил, что курсант Алек Джинс и техник второго класса Р.Дж. Росс играли на посту в карты. Как долго они отлынивали от патрулирования — в точности неизвестно.

— Повреждения есть?

— Один барабан перегрелся, но остался синхронизирован. Его немедленно опустили и заменили другим.

— Очень хорошо. Прикажите бухгалтерии рассчитать Росса и передайте его дело гражданским властям. Курсанта Джинса — под арест и доставить ко мне.

— Слушаю, сэр.

— Так держать!

Дэвидсон повернулся к пульту управления и набрал номер «Бифштексов Джейка».

— Мистер Гейнс, вы говорили, что обесточивание большого участка дороги — главная причина, которая может вызвать чрезвычайную ситуацию. Значит, есть еще и другие причины?

Гейнс собрал с тарелки остатки салата и только тогда ответил:

— На самом деле никаких других причин нет и быть не может, но мы стараемся предусмотреть любые, даже самые невероятные события. Вот например: мы сейчас едем со скоростью сто миль в час. Можете представить, что будет, если полоса под нами неожиданно разорвется?

Мистер Блекинсоп беспокожно заерзал на стуле.

— М-да, наверно, это было бы неприятно. Я хочу сказать, что, сидя в этом уютном кабинете, я как-то совсем забыл, с какой скоростью мы несемся. Ну, так что бы тогда произошло?

— Не волнуйтесь. Лента разорваться не может. Она собрана из перекрывающихся секций и имеет двенадцатикратный запас прочности. Чтобы она порвалась, должны заглухнуть сразу несколько миль роторов и разом отказать все предохранители на оставшейся части дороги. Не исключено, что тогда возникнет достаточное для разрыва напряжение. В свое время нечто подобное было на дороге Филадельфия—Джерси-Сити. Вряд ли мы когда-нибудь забудем об этом. Авария произошла на одной из первых скоростных дорог. По ней перевозилось огромное количество пассажиров и грузов — она обслуживала большой индустриальный район. Лента дороги была довольно примитивной, немногим сложнее, чем обычный конвейерный транспортер. Когда ее строили, никто не предполагал, какие нагрузки ей придется выдерживать. Катастрофа случилась при максимуме нагрузки, когда лента была переполнена людьми. Часть ленты, оказавшаяся позади разрыва, вспучилась на несколько миль. Она двигалась со скоростью восемьдесят миль в час, размазывая пассажиров о крышу. Часть ленты в месте перед разрывом рванулась вперед и щелкнула, словно кнут, сбросив людей на соседние полосы, швырнув их вниз на вращающиеся барабаны или ударив о крышу. Погибших было больше трех тысяч, и по всей стране вспыхнуло движение за запрещение дорог. По приказу президента их даже остановили на неделю, но потом пустили опять. Просто не было выбора.

— Но почему?

— Страна стала экономически зависимой от дорог. К тому времени они превратились в основное средство

сообщения между индустриальными районами, во всяком случае — единственное средство, которое можно было принимать всерьез. Фабрики встали, продовольствие не подвозилось, людям начал грозить голод, — президент был просто вынужден пустить дороги опять. Другого выхода не было, социальная модель вылилась в определенную форму, которую стало уже невозможно изменить никаким распоряжением сверху. Крупное индустриальное общество должно иметь и соответствующий транспорт, и даже не столько для людей, сколько для нужд торговли.

Мистер Блекинсон зачем-то скомкал салфетку и неуверенно произнес:

— Мистер Гейнс, я не собираюсь умалять изобретательность и достижения вашего великого народа, но вспомните поговорку — нельзя укладывать слишком много яиц в одну корзину. По-моему, это слишком рискованно — ставить экономику всей страны в зависимость от механизмов какого-то одного типа.

— Я вас понимаю, — спокойно ответил Гейнс. — Правда в ваших словах есть, но далеко не вся правда. Любая цивилизация, поднявшаяся выше натурального крестьянского хозяйства, зависит от одного, ключевого типа машин. Старый Юг держался на хлопкоочистительных машинах. Британская империя возникла благодаря паровым двигателям. Большие народы, если они хотят выжить, должны иметь развитое производство, источники энергии и транспорт. Если бы не техника, наша цивилизация никогда бы не встала на ноги. Это не вина техники — это ее сила.

Разумеется, когда техника достигает высокого уровня, люди от нее начинают зависеть. Техника обеспечивает высокий уровень жизни, а нам приходится поддерживать ее работоспособность или страдать от последствий, ежели она вдруг откажет. Как видите, подлинный риск не в технике, а в людях, которые управляют машинами. Дороги, если рассматривать их только как механизмы, в полном порядке. Они мощны и безопасны, легко выдерживают любую нагрузку. Нет, угроза таится не в машинах, а в людях. Когда цивилизация начинает зависеть от техники, она становится заложницей тех людей, что обслуживают механизмы. Если у

них сильно развито чувство ответственности, а мораль их высока...

За стеной кто-то на полную мощность включил радио. Взрыв музыки заглушил голос Гейнса. Когда звук немного убавили, Гейнс сказал:

— Кстати. Вот прекрасная иллюстрация к тому, что я говорил.

Блекинсон прислушался. По радио передавали марш с навязчивым, затягивающим ритмом и в современной аранжировке. Оркестр подражал шуму моторов, ритмичному стуку работающих машин. На лице австралийца появилась улыбка — он узнал мотив.

— Это же гимн полевой артиллерии «Сбор канониров», правильно? Но я не вижу связи с тем, что вы рассказывали.

— Сейчас увидите. Это действительно музыка артиллерийского марша, но мы дали ей другие слова. Теперь это называется «Гимн курсантов-дорожников». Вот, послушайте.

Навязчивый ритм марша, казалось, слился в одно целое с шумом дороги. Затем вступил мужской хор:

*Слушай дороги гуд,
Смотри, как они бегут!
Наш бесконечен труд, вечен пот,
Ибо наши дороги идут вперед!
Покуда вы мчите,
Покуда скользите,
Мы снизу следим за главным событием:
Как наши дороги идут вперед!
Ну-ка быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!
ТАК ПУСТЬ ОНИ КАТЯТСЯ!
Это ваши дороги идут вперед!*

— Вы слышите? — оживленно воскликнул Гейнс. — Слышите?.. Вот в чем подлинное назначение Академии

транспорта США. Вот почему транспортники — полувойенная специальность со строгой армейской дисциплиной. Мы — узкое место, *sine qua non*, непеременимое условие существования индустрии и всей экономической жизни. В любых других отраслях возможны забастовки, но они вызовут лишь временные и локальные трудности. Время от времени могут случаться неурожай — страна переживет их довольно легко. Но если замрут дороги — остановится все. Результат будет такой же, как при всеобщей забастовке, но с одним важным отличием: всеобщую забастовку должно поддерживать большинство работников, которых надо как следует поприжать, чтобы они решились на такой шаг. А вот людей, двигающих дороги, — хоть и немного, но они способны вызвать полный паралич всей страны. Пока у нас была всего одна дорожная забастовка — в шестьдесят шестом. Причины ее были действительно серьезные, она выявила множество злоупотреблений. Но повториться она не должна!

— А что, по-вашему, мистер Гейнс, может служить порукой, чтобы такое больше не повторилось?

— Гордость работников — *esprit de corps*. Техникам дорожной службы постоянно внушается мысль, что они не просто трудятся, а выполняют священный долг. Кроме того, мы делаем все возможное, чтобы улучшить их социальное положение. Еще больше внимания мы уделяем Академии. Мы хотели бы выпускать не просто инженеров, а преданных делу людей, людей с железной самодисциплиной и желанием выполнять свой долг всегда, при любых обстоятельствах и несмотря ни на что. У нас есть прекрасные образцы для подражания: Аннаполис, Вестпойнт, Годдард.

— Годдард? Ах да, Ракетная Академия. Ну и каковы же ваши успехи?

• — Возможно, они могли быть и лучше, но мы стараемся. Не так это просто — создать традицию, для этого требуется время. Вот когда выпускник Академии, поступивший в нее мальчишкой, превратится в самого старого дорожного инженера, тогда можно будет немного расслабиться и считать, что главная задача выполнена.

— Вы сами, конечно, тоже кончали Академию?

Гейнс улыбнулся.

— Вы мне льстите. Неужели я кажусь таким молодым? Меня перевели сюда из армии. Видите ли, во время забастовки шестьдесят шестого министерство обороны целых три месяца обслуживало дороги. Я был в составе согласительной комиссии, она регулировала условия труда, решала вопрос о повышении зарплаты и все остальное. Ну а после меня приписали...

Сигнальная лампочка на переносном телефоне замигала красным.

— Извините, — сказал Гейнс и поднял трубку. — Да?

Блекинсон мог слышать голос на другом конце провода:

— Шеф, это Дэвидсон. Дороги катятся!

— Отлично. Так держать!

— Поступил еще один тревожный рапорт из Сакраменто.

— Опять? Что там на этот раз?

Но прежде чем Дейв успел ответить, связь оборвалась. Гейнс начал набирать номер, и в этот момент чашка с недопитым кофе опрокинулась ему на колени. В ровное жужжание дороги вплелась незнакомая тревожная нота, Блекинсона качнуло на край стола.

— Что случилось, мистер Гейнс?

— Непонятно. Аварийная остановка. Не знаю почему.

Несколько раз он нервно набирал номер, потом бросил трубку, не заботясь, чтобы она попала на место.

— Телефоны не работают. Пойдемте! Хотя нет, вам лучше обождать здесь, так безопасней.

— Можно, я пойду с вами. Если не возражаете.

— Ладно, но не отходите от меня далеко.

Он выбежал из ресторана, не заботясь о том, поспевает ли за ним австралийский министр.

Полоса медленно останавливала свой бег. Гигантские роторные барабаны и мириады роликов все еще двигались по инерции, предотвращая резкую остановку; она оказалась бы губительной для всех, кто находился на полосе. У выхода из ресторана уже начинала собираться толпа пассажиров, которые оставили ужин, чтобы узнать, что же произошло.

— Тихо!

В голосе человека, привыкшего к повиновению окружающих, есть что-то, заставляющее ему уступать. Возможно, это особая интонация или та гипнотическая сила, которой, как говорят, отличаются укротители диких зверей. В критическую минуту таинственное «не-что» проявляется и подчиняет даже тех, кто не привык уступать ни в чем.

Пассажиры замерли. Гейнс продолжал:

— Всем оставаться на местах, пока мы не подготовим эвакуацию. Я — Главный инженер. Здесь вам ничто не угрожает. Вот вы, — он указал на здорового парня, стоящего в дверях, — назначаетесь старшим. Проследите, чтобы больше никто не выходил из ресторана. Миссис Маккой, продолжайте обслуживание.

Гейнс вышел наружу, Блекинсон тащился за ним.

На самой полосе ситуация выглядела далеко не так просто. Стомильная полоса стояла, в то время как рядом с ней бешено мчалась другая, делавшая девяносто пять миль в час. Скорость не позволяла рассмотреть людей, стоявших на движущейся полосе, и их мелькающие фигуры казались вырезанными из картона.

Когда произошла остановка, пешеходная дорожка стомильной полосы была переполнена. Вдобавок на нее высыпала куча народу из магазинов, закусочных и прочих доходных мест, это не считая посетителей комнат отдыха и видеозалов. Все они сгрудились на дорожке, желая узнать, что же произошло. Вот тут-то и случилась беда.

Толпа, напирая, вытолкнула на край дорожки какую-то женщину. Пытаясь удержать равновесие, та ступила на летящую мимо девяностопятимильную полосу. Еще не опустив ногу полностью, она поняла, что сделала, и в отчаянии закричала. Спустя мгновение движущаяся полоса рванула ее, закружила волчком, придав упавшему телу скорость сто тридцать девять футов в секунду. Падая, женщина повалила несколько картонных фигурок, скосив их, как серп траву, и через секунду пропала с глаз, унесенная потоком дороги. Кто была эта женщина, жива ли, сильно ли пострадали сбитые ею люди — можно было только гадать.

Но этим дело не кончилось. Одну из картонных фигурок, тех, что она скосила, выбросило на стомиль-

ную полосу, она врезалась в шарахнувшуюся толпу, и люди увидели человека, живого, но искалеченного, всего в крови, лежащего среди тех, которые своими телами задержали его дикий полет.

Но это было еще только начало. Несчастье распространялось лавиной, каждая сбитая кегля в этой безумной игре неминуемо сбивала другие, те касались опасной границы, и их снова швыряло в толпу людей, пока еще сохраняющих равновесие.

Центр бедствия давно скрылся из глаз. Блекинсоп не видел всего, но его ум, привыкший вести дела в пересчете на миллионы людей, умножил кровавую лавину, что зародилась здесь, на двенадцать тысяч миль забитой людьми дороги — и у него похолодело внутри.

К удивлению Блекинсопа, Гейнс не стал помогать упавшим и успокаивать охваченную страхом толпу, он решительно повернул к ресторану. Блекинсоп сначала не понял, но когда до него дошло, что они и вправду возвращаются в ресторан, он схватил Гейнса за руку.

— Вы что, не останетесь им помочь?

Гейнс на ходу оглянулся. Это уже не был прежний радушный хозяин, принимающий высокого гостя. Лицо застыло, исчезла мальчишеская моложавость, весь он был сплошная энергия, управляемая холодной волей.

— Нет. Им помогут соседи. Мне надо заниматься дорогой. Всей. Целиком. Не мешайте.

Возмущенный политик стих. Он смирился. Разумом Блекинсоп понимал, что Главный инженер прав — человек, отвечающий за жизнь миллионов, не может все бросить ради нескольких пострадавших, но такой неприкрытый прагматизм был ему отвратителен.

Гейнс вернулся в ресторан.

— Миссис Маккой, где тут у вас запасной выход?

— На кухне, сэр.

Гейнс поспешил туда, Блекинсоп за ним. Мальчишка-филиппинец, который резал салат, увидев бегущих людей, быстро отскочил в сторону. Не долго думая, Гейнс взобрался на кухонный стол, смахнув с него разложенную мальчишкой зелень. Он дотянулся до круглого люка в потолке и открыл его с помощью ручного штурвала. Тут же был откидной металлический трап, закрепленный крючком на потолке.

Пытаясь поспеть за Гейнсом, Блекинсоп потерял шляпу. Оказавшись на крыше здания, Гейнс зажег карманный фонарик и принялся изучать верхнее перекрытие дороги. Согнувшись чуть ли не вдвое, он возился в тесном четырехфутовом промежутке между крышей ресторана и перекрытием.

Вскоре он нашел, что искал. В пятидесяти футах в стороне оказался другой лаз, похожий на тот, через который они только что пролезали. Гейнс крутанул колесо замка, выпрямился, положив руки на край отверстия, и одним ловким движением запрыгнул на крышу. Его компаньон полез следом за ним, хотя у него это получилось не сразу.

Они оказались в темноте, мелкий холодный дождь падал сверху на лица. Под ногами, от горизонта до горизонта тянулись, слабо фосфоресцируя, солнечные энергетические экраны. Та часть падающей на них лучистой энергии, которую не удавалось преобразовать в электричество, рассеивалась в воздухе. Она-то и создавала это призрачное свечение. Свет этот был так слаб, что по-настоящему ничего осветить не мог, он больше напоминал ровное сияние снега, искрящегося на равнине под звездами.

Ступая в этом призрачном свете, они отыскиали проход, по которому им предстояло добраться до невидимой из-за дождя стены, отделяющей дорогу от расположенных по соседству зданий. Узкая лента мостков таяла в темноте за плавным изгибом крыши. Они побежали по мосткам, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяла темнота. Блекинсоп все никак не мог успокоиться, возмущенный бездушием Гейнса. Насмотря на аналитический ум, по натуре он был человек чувствительный, он чувствовал свою сопричастность простому люду, а без этого никакой политик со всеми его достоинствами и недостатками не может рассчитывать на успех. Вот потому-то Блекинсоп инстинктивно не доверял тем, чьими поступками управляет исключительно логика. Сам он отлично понимал, что если держаться одной лишь логики, то можно запросто зачеркнуть сам смысл существования рода человеческого, не говоря уже о каких-то там человеческих ценностях.

Побудь он в шкуре того, кто был рядом с ним, вот тогда он наверное бы успокоился. Глядя со стороны, и вправду можно было подумать, что в голове у Гейнса работает электронное устройство, которое мгновенно анализирует информацию, вырабатывает варианты действий, но, совершенно лишенное чувств, откладывает оценку ситуации до тех пор, пока не будут получены все необходимые данные.

На самом деле, в душе он сильно переживал, и лишь привычка сдерживать свои чувства не давала им выходить наружу. Душа его мучалась от тех бесконечных упреков, которыми он сам себя осыпал. Видя страдания людей, он места себе не находил, представляя, что творится сейчас вдоль всей полосы дороги. Гейнс не знал, чем вызвана катастрофа и где искать виноватых, зато очень хорошо понимал, что прежде всего виноват сам, — он начальник, а начальник отвечает за действия своих подчиненных.

Он слишком долго был лидером, слишком долго взваливал на себя ответственность, от которой любой нормальный человек на его месте давно бы уже свихнулся. И, казалось, теперь он приблизился к той роковой черте, перейдя которую капитану ничего другого не остается, как идти на дно вместе со своим кораблем. И только необходимость немедленных и конкретных действий поддерживала его в эти минуты.

Но на его лице не было и следа бушевавшей в глубине бури.

На стене здания зеленым пунктиром светились стрелки, указывающие влево. Над ними возле узкой двери горел указатель: «ПРОХОД ВНИЗ». Гейнс, и следом за ним задыхающийся Блекинсон, поспешили туда. Они спустились по узкой лестнице, освещенной одинокой люминесцентной лампой, и оказались на переполненной шумной толпой неподвижной пешеходной дорожке, примыкающей к северной магистрали.

Рядом с лестницей, чуть правее, стояла телефонная будка. Сквозь стеклянную дверь был виден солидный, прилично одетый господин, увлеченно говоривший что-то своей не менее представительной собеседнице, чье изображение виднелось на экране. Еще три человека дожидались своей очереди. Гейнс протолкался к будке,

рывком распахнул дверь, ухватил за плечи изумленного и возмущенного человека и выпихнул его вон. Одним движением он убрал с экрана матрону — та даже слова не успела сказать — и нажал аварийную кнопку.

Он набрал свой личный код, и на экране возникла осунувшаяся физиономия дежурного инженера Дэвидсона.

— Докладывайте!

— Это вы, шеф! Слава Богу! Где вы? — воскликнул Дэвидсон с облегчением.

— Докладывайте!

Старший дежурный офицер овладел собой и принялся излагать суть дела:

— В девятнадцать ноль девять натяжение двадцатой полосы сектора Сакраменто неожиданно начало расти. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, оно вышло за критический уровень. Сработала блокировка. Подача энергии на полосу прекратилась. Причина аварии неизвестна. Связи с постом управления Сакраменто — нет. Они не отвечают ни по запасному, ни по коммерческому каналу. Попытки наладить связь продолжаются. Послан курьер из подсектора десять сектора Стоктон. По нашим данным — жертв на линии нет. Пассажирам по трансляционной сети рекомендовано держаться подальше от девятнадцатой полосы. Принимаются меры по эвакуации людей.

— Жертвы есть, — вставил Гейнс. — Срочно вызывайте полицию и скорую помощь.

— Слушаюсь, сэр! — Дэвидсон повернулся, чтобы отдать распоряжение, но дежурный курсант уже принялся его выполнять. — Надо ли останавливать действующую часть дороги, сэр?

— Не надо. Думаю, что жертв больше не будет. Продолжайте предупреждать людей об опасности. Если мы остановим движение остальных полос, то получим такую пробку, что сам черт ее не пробьет.

Принимая такое решение, Гейнс исходил из того, что остановить полосу легко, а вот разогнать ее снова можно только предварительно разгрузив. Роторы не такие мощные, чтобы сдвинуть с места ленту, переполненную людьми и грузами. После остановки дороги пришлось бы сначала эвакуировать со всех полос пас-

сажиров, затем, исправив положение на Двадцатой, опять запустить дорогу и лишь после этого решать проблему с образовавшейся пробкой.

А тем временем пять с лишним миллионов людей, застрявших вдали от дома, задали бы серьезную задачу полиции. Гораздо проще и безопаснее было эвакуировать людей с двадцатой полосы по крыше, чтобы они могли добраться до дома с помощью оставшихся полос.

— Сообщите мэру и губернатору, что я принимаю чрезвычайные полномочия, — распорядился Гейнс. — Поставьте в известность начальника полиции, пусть выполняет ваши распоряжения. Прикажите коменданту вооружить всех имеющихся под рукой курсантов — чтобы в случае необходимости они были готовы. Выполняйте!

— Есть, сэр! Надо ли вызвать свободных от дежурства техников?

— Нет. Это не авария. Посмотрите на ваши данные — целый сектор остановился одновременно. Не иначе как кто-то вручную отключил роторы. Впрочем, нет, техников соберите тоже, но не вооружайте и в «преисподнюю» посылать не надо. Весь наличный состав курсантов-старшекурсников направьте в десятый подсектор Стоктона в мое распоряжение. Вооружите их пистолетами и усыпляющими гранатами.

— Слушаюсь, сэр!

К плечу Дэвидсона склонился клерк и что-то прошептал ему на ухо.

— Сэр, — сказал Дэвидсон, — с вами хочет переговорить губернатор.

— У меня нет времени. У вас, кстати, тоже. Кто ваш заместитель? Вы за ним посылали?

— Хаббард. Он уже здесь.

— Вот пусть он и разбирается с губернатором, мэром, газетчиками, с кем угодно, хоть с Белым Домом. А вы занимайтесь дежурством. Все, я отключаюсь. Выйду на связь, когда разыщу патрульную машину.

Экран не успел погаснуть, когда Гейнс был уже на улице.

Блекинсон, не решаясь заговорить, поспешил за ним на северную двадцатимильную полосу. Там Гейнс остановился у ветролома, повернулся и начал присматри-

ваться к стене, мимо которой они двигались. Заметив какой-то неведомый его спутнику знак, он словно фигуристка, исполняющая на льду пробежку, метнулся обратно на неподвижный тротуар. Все произошло так быстро, что Блекинсоп отстал от него на несколько сот футов и уже подумал, что не догонит, когда Гейнс нырнул в какую-то дверь и побежал по лестнице вниз.

Они оказались в «преисподней». Впереди открывался неширокий проход между работающими машинами. Грохот со страшной силой надавил на барабанные перепонки и отозвался в каждой клеточке тела. Блекинсоп, ошалеv от шума, смутно воспринимал окружающее. Прямо перед ним находился один из роторов, приводящих в движение пятимильную полосу: его огромный барабан медленно вращался вокруг статора, на который он был надет, словно на ось. Верхняя часть барабана прижималась к ползущей над головами ленте дороги, передавая ей свое движение. Справа и слева, на сколько хватало глаз, крутились другие роторы. Промежутки между работающими роторами тесно, словно сигары в коробке, заполняли ряды роликов. Ролики служили постоянной опорой движущейся ленте. Сами они опирались на арки, собранные из стальных балок; сквозь их переплетение Блекинсоп с каким-то внутренним трепетом рассматривал ряды роторов — каждый следующий ряд вращался быстрее предыдущего.

Неподалеку от узкого тротуара, на котором они стояли, за металлическими колоннами проходила мощная насыпная дорога; с тротуаром дорога соединялась пандусом. Гейнс, не скрывая своего раздражения, всматривался в обе стороны образованного дорогой туннеля. Блекинсоп спросил было, что он там ищет, но обнаружил, что не слышит и собственного голоса. Невозможно было перекричать лязг тысячи роторов и визг сотен тысяч роликов.

Гейнс по движению губ понял вопрос Блекинсопа. Соорудив из ладоней рупор, он прокричал Блекинсопу на ухо:

— Нет машины! Здесь должна быть машина!

Австралиец, желая помочь и не зная, как это сделать, схватил Гейнса за руку и показал куда-то назад, в

джунгли механизмов. Гейнс взглянул в том направлении и увидел группу людей, которых не замечал раньше.

В нескольких полосах от них шестеро человек суетились у одного из барабанов. Опустив барабан так, чтобы он больше не соприкасался с дорогой, они собирались полностью его заменить. Замена лежала рядом на низкой массивной тележке.

Главный инженер отблагодарил Блекинсопа улыбкой и направил фонарь на группу работающих людей, сфокусировав луч в тонкую яркую иглу света. Один из техников поднял голову; Гейнс ему просигналил. Человек отделился от остальных и бегом направился к ним.

Подбежавший механик оказался худощавым молодым человеком, одетым в робу. На голове у него были наушники и нелепая шапочка с золотой кокардой и знаками отличия. Курсант узнал главного инженера и козырнул. За внимательным выражением его лица чувствовалось с трудом скрываемое напряжение.

Гейнс сунул фонарь в карман и принялся быстро жестикулировать, объясняясь с помощью языка, похожего на язык глухонемых. Блекинсоп покопался в своих дилетантских знаниях и решил, что больше всего это напоминает язык жестов американских индейцев, одобренный элементами мимического языка гавайских аборигенов. Разумеется, так только казалось, поскольку язык был приспособлен для технических нужд и состоял почти целиком из специальных терминов.

Курсант ответил на том же языке, подошел к краю тротуара и направил луч своего фонаря на юг. Световое пятно выхватило из темноты машину; она была еще далеко, но приближалась с огромной скоростью. Затормозив, машина остановилась около них. Это был небольшой экипаж, внешне напоминающий яйцо, поставленное на два колеса. Передняя часть откинулась вверх, и показался водитель — тоже курсант. Гейнс несколькими жестами объяснился с ним, затем протолкнул Блекинсопа в тесный пассажирский отсек и сам втиснулся следом.

Прозрачный колпак еще не успел стать на место, когда их ударил шквал ветра от пронесшихся мимо машин. Из трех австралиец успел разглядеть лишь последнюю. Они мчались на север со скоростью не мень-

ше двухсот миль в час. Блекинсопу показалось, что за стеклом последней машины мелькнули маленькие детские шапочки, впрочем, полной уверенности у него не было.

Спросить Блекинсоп так и не успел — водитель дал старт. Гейнс, не обращая внимания на перегрузки, вызывал по встроенному телефону Дэвидсона. В закрытой машине стало достаточно тихо, чтобы можно было говорить. На экране появилось лицо телефонистки релейной станции.

— Соедините меня со старшим дежурным офицером!

— О, мистер Гейнс! С вами хочет говорить мэр, мистер Гейнс!

— Пошлите его к черту и дайте Дэвидсона! Скорее!

— Хорошо, сэр.

— И еще: держите этот канал соединенным с пультом Дэвидсона, пока я не прикажу отключить.

— Хорошо, — телефонистка исчезла с экрана, уступив место дежурному офицеру.

— Это вы, шеф? У нас пока никаких новостей.

— Ладно. Ты можешь связываться со мной по этому каналу или через центр управления десятым подсектором. У меня — все.

Лицо Дэвидсона вновь сменилось лицом телефонистки.

— Звонит ваша жена, мистер Гейнс. Будете говорить?

Гейнс пробормотал что-то не слишком вежливое, потом ответил:

— Да.

На экране появилась миссис Гейнс. Не дожидаясь, когда она начнет говорить, он выпалил на одном дыхании:

— Дорогая, со мной все в порядке, буду дома, когда сумею добраться, я сейчас очень занят.

И быстренько отключил телефон. Экран погас.

Машина резко затормозила и остановилась у лестницы, ведущей на пост управления десятым подсектором. Они вышли наружу. Три больших грузовика стояли на пандусе, а три взвода курсантов, выстроившись в шеренги, нетерпеливо переминались рядом.

Подбежавший к Гейнсу курсант отдал честь.

— Дежурный курсант-инженер Линдсей, сэр. Дежурный инженер просил вас немедленно пройти на пост.

Они вошли в комнату, и дежурный офицер обратился к Гейнсу:

— Шеф, вас вызывает Ван Клик.

— Давайте.

Ван Клик появился на большом экране.

— Привет, Ван, — произнес Гейнс. — Ты где?

— На посту Сакраменто. Теперь слушай...

— В Сакраменто? Отлично! Докладывай.

Ван Клик состроил презрительную гримасу.

— Черта с два я буду тебе докладывать. Никакой тебе я больше не заместитель. Ты теперь мне будешь докладывать.

— Послушай, что ты там мелешь?

— Это ты слушай и не перебивай, тогда поймешь. Тебе конец, Гейнс. Я избран председателем временного комитета управления Новым порядком.

— Ван, у тебя все дома? О каком Новом порядке ты говоришь?

— Узнаешь. Сегодня произошла технократическая революция. Вы ушли, а мы пришли вместо вас. Это мы остановили Двадцатую, чтобы показать вам, что мы многое можем и больше шутить не намерены.

Трактат «Социальные функции: естественное устройство общества» впервые увидел свет в 1930 году. Это сочинение претендовало на создание научной теории социальных отношений. Его автор — Пол Декер — отвергал «устаревшие и пустые» идеи демократии и равенства людей, предлагая взамен систему, в которой люди оценивались функционально, то есть по той роли, которую они играли в экономике. Основное положение этой теории гласит, что каждый человек должен обладать той степенью власти над окружающими, какая внутренне присуща социальным функциям, им исполняемым. Любая другая форма социальной организации глупа, нереальна и противна «естественному» порядку.

То, что все отрасли современной экономики полностью зависимы друг от друга, совершенно ускользнуло от внимания создателя этой «замечательной» теории. Зато его идеи подкреплялись выводами поверхностной механистической псевдофизиологии, основанной на наблюдениях за иерархией среди домашних птиц, а также на известных павловских опытах по изучению условного рефлекса собак. При этом автора совершенно не интересовало, что люди — не собаки и не цыплята. Старый доктор Павлов полностью отвергал эту теорию, как отвергал все потуги тех, кто слепо и ненаучно пытался обратить в догму его важные, но строго ограниченные эксперименты.

Функционализм получил признание не сразу: во время Великой депрессии все — от водителя грузовика до девицы из гардероба — имели собственные планы «правильного» устройства мира, причем за самый короткий срок, и самое удивительное, что большинство этих деятелей умудрялись печатать свои «труды». И все-таки функционализм распространился. Особенно популярен он был среди людей маленьких, которых полно в любом уголке и которым ничего не стоило себя убедить, что именно их труд совершенно необходим миру, а поэтому при «естественном порядке вещей» они стали бы хозяевами положения. А поскольку в мире всегда в избытке действительно необходимых профессий, то очень многие легко поверили в полезность и необходимость функционализма.

Прежде чем дать ответ, Гейнс какое-то время внимательно смотрел на Ван Клика.

— Ван, — медленно сказал он, — неужели ты действительно собираешься начать такую аферу и думаешь, что это сойдет тебе с рук?

Коротышка выпятил грудь.

— Мы ничего не собираемся начинать. Мы уже начали. Ты не сможешь запустить Двадцатую, пока я не дам разрешения, и между прочим, если понадобится, я могу остановить всю дорогу.

Только теперь Гейнс с тревогой понял, что его заместитель оказался маниакально тщеславным человеком.

Значит, надо держать себя в руках и не раздражаться понапрасну.

— Конечно, Ван, ты можешь это сделать. Но как быть со всей остальной страной? Ты полагаешь, что армия США будет спокойно смотреть, как ты управляешь Калифорнией словно собственным королевством?

Ван Клик усмехнулся.

— Я это учел. Только что по радио было передано обращение ко всем дорожным техникам страны. Я рассказал, какие шаги мы предприняли, и призвал их к восстанию, чтобы добиться наконец справедливости. Если останутся все дороги страны и люди начнут голодать, то, полагаю, президент сначала крепко подумает, прежде чем посылать армию против нас. Да, он, конечно, может послать спецгруппу, чтобы захватить или убить меня. Но я не боюсь смерти, а он не посмеет начать уничтожение техников как класса. Страна не может существовать без нас, значит, ему придется смириться с нами и принять наши условия!

Гейнс чувствовал, что в словах Ван Клика скрывалась горькая правда. Если забастовка дорожных техников станет всеобщей, правительство не сможет подавить ее силой. Такая попытка сродни попытке избавиться от головной боли с помощью гильотины. Хотя с чего он решил, что возмущение будет всеобщим?

— Почему ты думаешь, что техники всей страны пойдут за тобой?

— А почему нет? Ведь это естественно. Сейчас век машин, реальная власть в руках техников, но они обмануты и не пользуются своей властью, потому что им ловко заморочили головы кучей вчерашних истин. А из всех техников самое главное место занимают дорожные техники. Сегодня они выходят на сцену, и это в порядке вещей! — Он отвернулся, покопался в разложенных на столе бумагах и добавил: — Я сказал все, Гейнс. Теперь мне надо позвонить в Белый Дом и сообщить президенту о положении дел. И скажи нашим, чтобы продолжали работу и вели себя смирно, если не хотят нарваться на неприятности.

Экран погас, но Гейнс еще какое-то время сидел неподвижно, осмысливая услышанное. Вот оно что, оказывается. Интересно, чего добьется Ван Клик своим

призывом к забастовке? Скорее всего, ничего! Трудно предположить, что техники окажутся способны на подобные действия. С другой стороны, может быть, зря он отказался обсуждать этот вопрос с кем-либо кроме своих сотрудников? Нет, все правильно, если бы он начал тогда говорить с губернатором или газетчиками, разговор бы, наверное, не закончился до сих пор. И все-таки...

Гейнс позвонил Дэвидсону.

— Дейв, в других секторах без происшествий?

— Да, сэр.

— А как на других дорогах?

— Пока сообщений нет.

— Слышал мой разговор с Ван Кликом?

— Да, слышал. Я был на связи.

— Ладно. Пусть Хаббард свяжется с президентом и губернатором и передаст им, что я категорически возражаю против применения военной силы, пока беспорядки ограничиваются одной дорогой. Передай, что я сниму с себя всю ответственность, если они вмешаются прежде, чем я попрошу.

Дэвидсон не мог скрыть сомнения.

— Вы считаете, что это будет правильно, сэр?

— Да! Если мы натравим на Вана и его бунтовщиков армию, мы и вправду рискуем вызвать восстание по всей стране. Кроме того, он успеет разрушить дорогу так, что сам Господь Бог и вся королевская конница не смогут ее собрать. Какова сейчас загрузка дороги?

— Пятьдесят три процента от пиковой.

— Что на Двадцатой?

— Почти всех эвакуировали.

— Хорошо. Надо очистить дорогу как можно скорее. Лучше, если полиция выставит на подходах к дороге посты, чтобы снизить пассажирский поток. Ван может в любой момент остановить полосы, или я сделаю это сам в случае необходимости. Теперь слушай план действий: я вместе с курсантами иду в «преисподнюю». Мы будем пробиваться на север. Если встретим сопротивление — придется подавлять. Ты подготовь команды обслуживания из дежурных техников. Они должны следовать за нами. Каждый барабан, до которого они доберутся, должен быть переключен на конт-

рольный щит сектора Стоктон. Делать все это придется быстро, отключив блокировку, поэтому пошли сюда побольше мотористов, чтобы они могли вовремя заметить все неисправности. Если наш план сработает, мы выкрадем управление сектором Сакраменто из-под носа у Вана, а после этого пусть он хоть сколько сидит на посту управления Сакраменто, пока не проголодается и не надумает образумиться.

Гейнс выключил связь и повернулся к дежурному инженеру подсектора.

— Эдмундс, дайте мне шлем и пистолет.

— Есть, сэр.

Он выдвинул ящик и протянул шефу пистолет. Пистолет был небольшой, но выглядел достаточно внушительно. Гейнс сунул его за ремень, затем втиснул голову в шлем, но наушники пока оставил открытыми.

Блекинсон кашлянул, напоминая о себе, и спросил:

— Можно... э-э-э... мне тоже взять шлем?

— Что? — Гейнс не сразу понял, о чем его спрашивают. — Нет, он вам не понадобится. Вы пока оставайтесь здесь, если что, я вас позову.

— Но... — австралийский министр хотел было ему возразить, потом передумал и сдался.

Состоящий у дверей дежурный курсант обратился к Гейнсу:

— Мистер Гейнс, здесь техник, он хочет с вами поговорить. Его зовут Харви.

— Мне некогда.

— Он из Сакраменто, сэр.

— Из Сакраменто? Давайте его сюда!

Харви коротко рассказал Гейнсу, что видел и слышал на митинге в гильдии.

— Мне стало противно, и я ушел, а они еще продолжали трепаться. Я даже вспоминать о них не хотел, пока не остановилась Двадцатая. А когда я узнал, что в секторе Сакраменто беспорядки, то сразу решил встретиться с вами.

— И давно у них готовилось выступление?

— Думаю, что порядочно. Вы же знаете, как это бывает: маньяки, они везде, хоть несколько, да найдутся, и, уж конечно, некоторые из них окажутся функционерами. Но не будешь же отказываться работать с

человеком только из-за того, что у него не такие политические взгляды? У нас свободная страна, и я просто не обращал внимания на болтовню функционалистов.

— Пораньше бы вам прийти ко мне, Харви!

Харви угрюмо молчал. Гейнс внимательно посмотрел ему в лицо.

— Не расстраивайтесь, вы правы. Следить — это моя обязанность, а не ваша. И насчет свободной страны вы верно сказали. Ко мне у вас больше ничего?

— Я... раз все так повернулось, я готов вам помочь... ну хотя бы выявить зачинщиков.

— Спасибо. Тогда пойдете со мной. Мы собираемся в «преисподнюю», попробуем разгрести весь этот бардак.

В этот момент дверь неожиданно распахнулась, и в помещение поста вошли двое — техник и курсант, которые несли на руках тело третьего. Они осторожно положили его на пол.

Убитый оказался совсем молодым парнем. Грудь его была залита кровью. Гейнс вопросительно посмотрел на дежурного офицера.

— Кто это?

Эдмундс наклонился над телом и ответил:

— Курсант Хьюджес, связист, я его отправил в Сакраменто, когда оборвалась связь. Мы не знали, что с ним, и следом я послал Мартсона и курсанта Дженкинса.

Гейнс что-то буркнул себе под нос и пошел к выходу.

— Идем, Харви.

Настроение ожидавших внизу курсантов было уже другим. Гейнс видел, что вместо юношеского азарта появилась злая готовность драться. Многие переговаривались на языке жестов, кто-то сосредоточенно проверял оружие.

Гейнс кинул взгляд на курсантов, потом подозвал старшего. Между ними произошел быстрый обмен жестами. Курсант козырнул, повернулся к остальным и, подав короткий сигнал, резко махнул рукой. Курсанты один за другим направились в комнату сменного персонала. Гейнс двинулся следом.

Оказавшись в помещении, где не было шума, Гейнс сказал:

— Вы все видели Хьюджеса. Кто из вас хочет свести счеты с той сволочью, которая это сделала?

Трое курсантов отозвались немедленно. Сломав строй, они шагнули вперед.

Гейнс холодно посмотрел на них.

— Хорошо. Вы трое, сдайте оружие и возвращайтесь в казарму. Если кто-то еще думает, что нам предстоит месть или охота, — он может присоединиться к ним. — Гейнс выдержал паузу, потом продолжил: — Сектор Сакраменто захвачен самозванцами. Мы пойдем его отбивать, но надо стараться, чтобы все обошлось без жертв и чтобы не останавливалась дорога. План такой: двигаемся в «преисподней», отбивая один барабан за другим, и переключаем их на Стоктон. Всех, кто вам встретится на пути, захватывайте и обезоруживайте. Но помните, что большинство из них невиновны. Поэтому старайтесь использовать гранаты с усыпляющим газом, стрелять только в крайнем случае. Капитан, разбейте людей на десятки и каждому отделению назначьте командира. Отделение распределяется по «преисподней» цепью, садится на «жуков» и движется на север. Скорость держать пятнадцать миль в час, интервал между цепями — сто ярдов. Передняя цепь окружает замеченных людей, задерживает их и доставляет в транспортную машину, затем, став за последней цепью, вновь продолжает движение. Фургоны, которые доставили вас сюда, используйте для размещения пленных. Водители фургонов должны держаться поблизости от второй цепи. Выделите группу захвата центров управления подсекторами, но ни одного поста не атаковать, пока его подсектор не будет переключен на Стоктон. Особое внимание обратите на обеспечение связи. У меня — все. Вопросы есть?

Гейнс пробежал взглядом по лицам. Не услышав вопросов, он снова повернулся к старшему:

— Отлично, сэр. Выполняйте приказ!

Пока Гейнс ставил задачу, прибыла группа техников. Возглавлявший ее инженер тут же получил от Гейнса распоряжения. Курсанты уже стояли у «жуков» наготове, и курсант-капитан в ожидании смотрел на Гейнса. Тот кивнул, курсант сделал рукой отмашку, и первая

партия, оседлав неслышно гудящих «жуков», двинулась вперед.

Гейнс и Харви, оба на «жуках», держались возле курсант-капитана ярдах в двадцати пяти позади первой линии. С тех пор, как Главный инженер последний раз ездил на «жуке» — маленькой, нелепого вида машине, — прошло немало времени, и сейчас Гейнс чувствовал себя не слишком уверенно. «Жук» не придает своему седоку внушительности, по размерам и форме он чем-то напоминает кухонную табуретку, гиростабилизированную на одном колесе. Но для патрулирования в тесном лабиринте под дорогой лучшего средства не придумаешь, он может пролезть в любой узкий проход, легко управляется и терпеливо сохраняет устойчивость, ожидая, пока наездник слезет.

Небольшая патрульная машина следовала за Гейнсом. Шныряя среди вращающихся барабанов, она старалась держаться поближе к Главному инженеру, с ее помощью обеспечивалось оперативное взаимодействие со всеми подразделениями.

Первые двести ярдов были пройдены без происшествий, затем им попался оставленный неподалеку от роторного барабана «жук». Техник, хозяин «жука», в это время снимал показания с индикаторов контрольно-измерительного пульта и приближения их не заметил. Техника тут же арестовали — он и не думал сопротивляться, хотя и был до крайности возмущен.

Отделение отстало, пропустив на смену вторую цепь.

Через три мили насчитывалось уже тридцать семь арестованных, но убитых, по счастью, не было. Двое курсантов получили небольшие ранения, и их отправили в тыл. Из всех пленников только четверо оказались вооружены, Харви узнал среди них одного из зачинщиков беспорядков. Самого себя Харви предложил в качестве парламентаря, но пока такой нужды не было.

Гейнсу идея Харви понравилась. Он знал, что техник — признанный профсоюзный лидер, и его авторитетом пренебрегать не стоило. Ради успеха надо было идти на все, кроме жертв и пролитой крови.

Через какое-то время первая цепь обнаружила очередного техника. Его скрывал вращающийся барабан, и курсанты подошли почти вплотную, прежде чем на него

наткнулись. Он не сопротивлялся, хотя и был вооружен, и происшествие не стоило бы внимания, если бы у техника не обнаружили потайной микрофон. Этот миниатюрный приборчик закреплялся во рту и, поскольку был нечувствителен к посторонним шумам, позволял говорить среди самого ужасного грохота.

Техника уже задержали, когда подоспел Гейнс. Он ухватил резиновый нагубник прибора и так сильно за него дернул, что послышался хруст зубов. Техник сплюнул обломок зуба, свирепо глянул на задержавших его людей, но все попытки заставить его говорить ничего не дали.

Гейнс хоть и действовал быстро, но пленник по переговорному устройству мог успеть предупредить противника об атаке. В этом случае внезапного удара не получалось. По цепи передали приказ продолжать движение, но с большой осторожностью.

Опасения Гейнса вскоре подтвердились — впереди показалась группа людей на «жуках». Не доезжая несколько сотен ярдов, они остановились. Людей в группе входило десятка два, точнее сказать было трудно — большинство из них укрывались за стальными барабанами.

Харви взглянул на Гейнса, тот кивнул и просигналил курсант-капитану остановиться.

Харви выехал вперед, высоко подняв над головой руки. Он вплотную приблизился к замершим на месте бунтовщикам и тоже затормозил. Один из заговорщиков, явно вожак, заговорил с Харви на языке жестов, Харви ему что-то ответил.

Они были чересчур далеко, а желтый свет слишком тускл, чтобы понять, о чем они говорили. Разговор продолжался недолго, затем наступила пауза. Вожак, казалось, был в нерешительности. Тогда из группы вперед выехал человек, и, сунув пистолет в кобуру, заговорил с предводителем. В ответ на резкие жесты подъехавшего тот отрицательно помотал головой.

Парень начал опять, но получил тот же ответ. Тогда он в последний раз сделал недовольный короткий жест, потом выхватил пистолет и выстрелил в Харви. Харви согнулся, схватившись за живот. Парень пальнул еще раз. Харви дернулся и съехал на пол.

Капитан выхватил оружие раньше Гейнса. Пуля попала в убийцу, тот подался назад, с удивлением вскинув голову. Казалось, он не может понять, что же такое произошло, хотя куда ему теперь понимать — парень был уже мертв.

Курсанты открыли огонь. Передняя шеренга вдвое уступала числом противнику, но тот был явно сбит с толку. Заговорщики ответили беспорядочными залпами, и сразу сделалось ясно, что кажущееся их преимущество ничего не стоит. После выстрела, сразившего Харви, не прошло и тридцати секунд, а повстанцы были кто перебит, кто ранен или взят в плен.

У Гейнса было двое убитых, считая Харви, и двое раненых.

Теперь Гейнсу пришлось резко сменить тактику. Враг знает о нападении, и значит, главное теперь — это скорость и сила удара.

Вторая цепь двигалась по пятам за первой, почти вплотную. Третья отставала всего на двадцать пять ярдов. Эта группа не обращала внимания на безоружных, оставляя их четвертой цепи, но должна была без предупреждения стрелять в каждого, у кого будет замечен пистолет.

Гейнс просил курсантов, чтобы, когда стреляли, старались ранить, а не убивать, хотя понимал прекрасно, что выполнить это практически невозможно. Будут смерти. Он этого не хотел, но выбора уже нет. Он не мог посылать своих ребят под пули, запретив им стрелять первыми. Любой вооруженный повстанец был потенциальным убийцей, и приказ открывать огонь был более чем справедлив.

Перестроившись, цепи взяли с места с той максимальной скоростью, которую только могли дать «жуки» — около восемнадцати миль в час. Гейнс ехал вместе со всеми.

Объезжая мертвое тело Харви, он невольно посмотрел на него. Натриевая лампа окрашивала лицо в неприятный желтушный цвет, но и на этой неживой маске отпечаталась суровая красота; даже сейчас, в смерти, был виден его сильный характер. Посмотрев в лицо Харви, Гейнс уже не так сильно жалел о своем приказе

стрелять. Но тем безжалостней продолжало его мучить другое — сознание, что скажут теперь про него люди.

Некоторое время они двигались, не встречая сопротивления, и Гейнс с надеждой подумал, что кровь больше литься не будет. Но тут он заметил, что ритмичный грохот машин, проникавший даже через наушники шлема, сделался каким-то другим. Он сдвинул шлем. Грохот машин затихал, роторные барабаны и ролики останавливали свой бег.

Дорога встала.

— Остановите людей! — крикнул он курсант-капитану, и слова его гулким эхом отозвались в неестественной тишине.

Откинулась дверца патрульной машины, и Гейнс поспешил туда.

— Шеф! — позвал из машины связист, — вас — к экрану.

Узнав Гейнса, девушка на экране сразу же уступила место Дэвидсону.

— Шеф, — сказал он, — с вами хочет говорить Ван Клик.

— Кто остановил дорогу?

— Он.

— Какие еще происшествия?

— Никаких. Когда произошла остановка, на дороге уже почти никого не было.

— Хорошо. Давай Ван Клика.

Лицо главаря заговорщиков было злее некуда.

— Ну что?! — с ходу закричал он. — Ты думал, я шутки с тобой шучу? Ну так получай, что хотел! Интересно, как ты теперь запоешь, мистер Главный инженер?

На Гейнса накатило желание выложить вслух все, что он думает о своем заме. Голос этого недоростка действовал на него подобно скрежету ножа по стеклу, но Гейнс не мог позволить себе роскоши говорить прямо. Он заставил себя говорить самым уважительным тоном, стараясь не выдавать чувств и успокоить болезненное тщеславие собеседника.

— С чего ты взял, Ван, будто я тебя плохо ценю? Я слишком давно тебя знаю, чтобы все принимать за

шутку. Я знаю, что ты говорил совершенно серьезно и признаю, что в этом тайме победил ты. Дорога стоит, и с этим ничего не поделаешь.

Чувствовалось, что Ван Клик доволен покорным видом Гейнса, но пытается скрыть свою радость.

— Тогда какого дьявола ты там суетишься? — он уже не говорил — требовал. — Сдавайся! Ты же сам знаешь, что победы вам не видать.

— Возможно, это и так, Ван, но, видишь ли, я не могу сдаться без боя. Кстати, с чего ты взял, что мое дело проиграно? На моей стороне вся армия США.

На лице Ван Клика появилась гордая улыбка победителя.

— Видишь вот это? — он показал грушевидный блок управления и длинный шнур, который отходил от него. — Стоит мне нажать кнопку, и взрыв перерубит дорогу пополам. Слышишь? Все полетит к черту! А перед уходом я возьму топор и напоследок разнесу на этой станции все, что можно.

Единственное, о чем Гейнс сейчас сожалел — что плохо разбирается в психиатрии. Чтобы переиграть Ван Клика, оставалось надеяться только на собственный здравый смысл.

— На это трудно что-нибудь возразить, Ван, — согласился он, — и все-таки я не вижу причины, почему бы мне не попробовать поискать выход еще.

— Не видишь причины? Так раскрой глаза! Если ты начнешь пробовать, я взорву дорогу тебе назло, вот и подумай, что станет тогда с людьми, которые будут на ней?

Гейнс судорожно искал решение. Он ничуть не сомневался, что Ван Клик выполнит свою угрозу. Неестественное возбуждение, с которым тот говорил, какая-то детская обидчивость, даже мальчишеское словцо «назло» — выдавали опасный крен во всем его поведении. Разрыв дороги в густонаселенном секторе Сакраменто скорее всего разрушит несколько крупных домов, и при этом наверняка погибнут владельцы и служащие стоящих на полосе магазинов и просто случайные люди, которые окажутся рядом.

Ван прав, абсолютно прав. Он не может понапрасну рисковать жизнью людей, понятия не имеющих о про-

исходящем; люди не хотят умирать, заработает дорога или не заработает. Если уж откровенно, проблема сейчас не в том, какой ущерб понесет дорога. Его выбила из колен угроза, нависшая над ничего не подозревающими людьми.

В голове его звучала мелодия: «Слушай дороги гуд, смотри, как они бегут! Наш бесконечен труд...» Что делать? Что ему делать? «Покуда вы мчите, покуда скользите...» Выхода нет, нет никакого выхода...

Он повернулся к экрану.

— Слушай, Ван, ты ведь не станешь взрывать дорогу, если тебя не вынудят. Я уверен, ты не хочешь, чтобы дорога погибла. И я не хочу. Два джентльмена всегда найдут способ договориться.

— Что ты еще задумал? — подозрительно поинтересовался Ван Клиг.

— Да ничего я не задумывал. Я приеду один, без оружия, буду скоро, как только позволит машина.

— А твои люди?

— Пока я не вернусь, они останутся здесь. Не веришь — можешь выставить наблюдателей.

Где-то с секунду Ван Клиг мялся с ответом, с одной стороны раздраемый страхом угодить ненароком в капкан, с другой — желанием видеть, как бывший шеф приползет к нему на коленях умолять об условиях сдачи. Наконец с недовольным видом он согласился.

Гейнс дал инструкции Дэвидсону и рассказал ему, что он собирается делать.

— Дейв, если через час я не вернусь, действуй по своему усмотрению.

— Будьте осторожны, шеф.

— Постараюсь.

Гейнс отослал водителя патрульной машины, вывел ее на насыпную дорогу, развернулся на север и дал газ. Несмотря на двести миль в час, с которыми мчалась машина, первый раз у него появилась возможность собраться с мыслями.

Положим, его план удастся, но и в этом случае после победы многое придется менять. В первую очередь надо сделать выводы из двух тяжелых уроков;

мысли о них крепко сидели в мозгу, словно занозы. Первое, что придется сделать — это установить на полосах перекрестную блокировку, чтобы в случае резкого расхождения скоростей примыкающие ленты ускорялись бы или тормозили. То, что произошло на Двадцатой, не должно повториться.

Но с этим просто, это задача техническая. Главная проблема не в этом, главное — подбор кадров. Разумеется, отборочные тесты должны быть улучшены, они должны гарантировать, что на транспорте будут работать только сознательные, понимающие свою ответственность люди. Но черт побери, ведь считалось, что именно это и гарантируют нынешние тесты. Улучшенный метод Хамма-Уодсворта-Бертонна еще ни разу не приводил к ошибкам. Во всяком случае, до сегодняшних событий в секторе Сакраменто. Непонятно, как Ван Клику удалось склонить к мятежу такое количество проверенных на тестах людей? Это просто невозможно!

Без серьезной причины хорошо подобранный коллектив не выйдет из равновесия. Поведение одного человека еще может не поддаваться прогнозам, но когда их большое количество, они надежны, словно числа или машины. Они подчиняются законам статистики, их действия можно измерить, проверить, классифицировать.

Гейнс представил себе отдел кадров, шкафы с картотеками, клерков... Наконец-то! Он понял! Ван Клик как первый заместитель Главного инженера был *офицером по кадрам* целой дороги!

Вот он — ответ, который объяснял все. Кому как не офицеру по кадрам дана в руки замечательная возможность собрать весь мусор в одну корзину. Только он может это сделать, причем — один, без помощников. Теперь Гейнс был твердо убежден, что Ван Клик намеренно переводил подходящих ему людей в один сектор, подделывая их личные дела. Должно быть, надувательство с тестами классификации темперамента тянулось не один год.

Вот он, самый главный урок: необходимы более жесткие тесты для офицеров. Классификацию и назначение персонала на должности нельзя доверять ни

одному офицеру, если за ним не ведется самого тщательного контроля. Даже его, Гейнса, необходимо проверять в этом отношении. Вот только... *Qui custodiet ipsos custodes?* Кто будет сторожить самих сторожей? Латынь, конечно, вещь устаревшая, и все-таки, древние римляне отнюдь не были дураками.

Теперь он знал, в чем была ошибка, и это доставляло ему мрачное удовлетворение. Надзор и контроль, проверка и перепроверка — вот ответ на вопрос. Да, будет хлопотно, да, не эффективно, но с этим придется смириться — повышая безопасность, всегда что-нибудь да приносишь в жертву.

Не надо было ему давать столько власти Ван Клику, не изучив его досконально. Но еще не поздно разужнать о нем кое-что!

Он нажал аварийную кнопку, и машина резко остановилась.

— Станция? Соедините меня с моим офисом!

Лицо Долорес смотрело на него с экрана.

— Вы на месте? — сказал он. — Отлично! Я думал, что вы уже дома.

— Я услышала об аварии и сразу вернулась, мистер Гейнс.

— Вы умница. Дайте мне личное дело Ван Клика. Я хочу посмотреть его квалификационную запись.

Она мгновенно вернулась с делом и принялась читать ему записи, большей частью состоящие из символов и процентов. Слушая, Гейнс машинально кивал головой — данные только подтверждали его подозрения: скрытый интроверт, комплекс неполноценности... Все сходится.

— Замечание комиссии, — прочитала она. — Несмотря на потенциальную нестабильность, выявленную максимумом А и Д на результирующей кривой, комиссия убеждена, что этот офицер, тем не менее, пригоден к работе. У него исключительно хороший послужной список, и он особенно подходит для руководства людьми. Поэтому его рекомендовано оставить на службе с возможностью дальнейшего продвижения.

— Достаточно, Долорес. Спасибо.

— Да, мистер Гейнс.

— Я иду ва-банк. Побольше меня ругайте, Долорес.
— Но, мистер Гейнс... — Там, во Фресно, на Долорес смотрел пустой экран.

— Проведите меня к Ван Клику!

Охранник нехотя убрал пистолет, упиравшийся Гейнсу в ребра, и кивком головы велел ему первым идти наверх. Гейнс вылез из машины и пошел, как ему велели.

Ван Клик обосновался не в административном корпусе, а на самом посту управления сектором. Его окружали с полдюжины вооруженных мятежников.

— Добрый вечер, директор Ван Клик.

Услышав, что Гейнс признал его новое звание, коротышка буквально разбух от гордости.

— Мы здесь не очень обращаем внимание на титулы, — сказал он с показным безразличием. — Можешь говорить просто — Ван. Ну что ж, Гейнс, присаживайся.

Гейнс так и сделал. Теперь надо было как-то удалить посторонних. Со скучающим видом он удивленно посмотрел на охрану.

— Ты что, боишься, что сам не справишься с одним безоружным человеком? Или функционалисты уже не доверяют друг другу?

На лице Ван Клика появилось раздраженное выражение, но он ничего не мог поделать против обезоруживающей улыбки Гейнса. Наконец, коротышка взял со стола пистолет и указал парням на дверь.

— Оставьте нас, ребята.

— Но, Ван...

— Пошли вон, я сказал!

Когда они остались одни, Ван Клик подвинул к себе пульт взрывного устройства, который Гейнс до этого видел на экране, и направил на своего бывшего шефа пистолет.

— Смотри у меня, — проговорил он, — попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель — все полетит к чертям. Ну, так что ты хотел мне сказать?

Улыбка на лице Гейнса стала еще шире. Ван Клик нахмурился.

— Что здесь смешного?

— Прежде всего ты сам, Ван, — ответил Гейнс. — Это надо же такое придумать: ты затеял функционалистскую революцию, а единственная функция, до которой ты смог додуматься, — взорвать дорогу, без которой ты вообще окажешься полный нуль. Признайся, чего это ты так боишься?

— Я не боюсь!

— Неужели? Ты сидишь здесь, готовый совершить харакири при помощи своей игрушечной кнопки, и еще говоришь мне, что не боишься? Если бы твои приятели знали, как близок ты к тому, чтобы уничтожить все, за что они столько боролись, — да они тебя тут же бы пристрелили! Ты ведь их тоже боишься, а?

Ван Клик оставил кнопку и встал.

— Я ничего не боюсь! — выкрикнул он и, подбираясь к Гейнсу, начал обходить пульт.

Гейнс сидел на месте и улыбался.

— Я же вижу, как ты боишься! Сейчас ты боишься меня. Боишься, что я вызову тебя на ковер и отчитаю за плохую работу. Ты боишься, что курсант при встрече не отдаст тебе честь. Ты боишься взять за обедом чужую вилку. Ты боишься, когда на тебя смотрят люди, думаешь, что они тебя не заметят.

— Нет! Ты врешь! — во все горло кричал Ван Клик. — Ты... ты грязный заносчивый сноб! Ты думаешь, будто лучше других только из-за того, что закончил престижную школу... — он задохнулся, голос его сорвался в попытке скрыть накатившие от бессильного гнева слезы. — Это все ты, ты и твои курсанты поганые...

Гейнс внимательно за ним наблюдал. Теперь он ясно видел, какой слабый у этого человека характер, и удивлялся, почему не замечал этого раньше. Ведь признаки были явные. Он припомнил, как однажды недоволен был Ван, когда Гейнс предложил ему помочь разобраться в каких-то вычислениях.

Но сейчас надо было сыграть на его слабости, отвлечь внимание Вана от кнопки, полностью направив его на одного Гейнса.

Хотя слишком его провоцировать тоже не следует, иначе неожиданный выстрел может положить конец самому Гейнсу, а заодно и лишить всех последнего шанса избежать кровавой битвы за контроль над дорогой.

Гейнс презрительно хмыкнул.

— Ван, — сказал он, — ты ничтожество, ты жалкое насекомое. Сейчас ты себя показал в истинном свете. Я вижу тебя насквозь. Ты — третий сорт, Ван, и ты вечно боишься, что тебя разглядят как следует и пошлют туда, где место таким, как ты. Да какой из тебя директор! Плунуть и растереть! Если ты лучший из функционалистов, то вас можно просто не замечать, вы сломаетесь сами, потому что прогнили насквозь.

Он повернулся в кресле, демонстративно подставив спину Ван Клику с его пистолетом.

Тот приблизился к своему мучителю, остановившись в нескольких футах, и заорал:

— Ты!.. Я тебе покажу!.. Я всажу в тебя пулю, понял, ты?..

Гейнс медленно развернулся, встал и пошел прямо на Вана.

— Убери эту хлопушку, а то еще поранишь себя.

Ван Клик отступил на шаг.

— Не подходи!.. — закричал он, — или я тебя пристрелю! Вот увидишь, я...

«Пора», — решил Гейнс и нырнул ему под руку.

Пистолет грохнул над самым ухом. Что ж, эта пуля была не его. Вцепившись друг в друга, они повалились на пол. Для своего малого роста Ван Клик был довольно крепок. Где же пистолет? Вот! Гейнс схватил выпавший пистолет и быстро вскочил, думая, что Ван Клик тут же бросится на него.

Но Ван Клик не поднялся. Он лежал на полу, слезы текли из закрытых глаз, он рыдал, словно наказанный ни за что ребенок.

Секунду Гейнс глядел на него, перебарывая в себе сострадание, потом размахнулся и ударил рукояткой пистолета по голове. Подошел к двери, прислушался и как следует ее запер.

Шнур от кнопки вел к щиту управления. Гейнс проверил соединение и осторожно его разъединил. Закон-

чив эту нехитрую работу, он повернулся к пульту и вызвал Фресно.

— Порядок, Дейв, — сказал он, — атакуйте прямо сейчас и, бога ради, побыстрее!

И тут же ушел со связи; он не хотел, чтобы подчиненный видел, как его трясет.

Новое утро Гейнс, уже совершенно спокойный, встречал в зале центрального поста управления во Фресно. Дороги катились — вскоре они должны разогнаться до нормы.

Это была долгая ночь. Гейнс потребовал провести тщательную проверку сектора Сакраменто, и туда для этой работы были посланы все свободные от службы инженеры и все курсанты, чтобы дюйм за дюймом проверить каждую из шестисот миль дороги. Посты управления двумя подсекторами, пульта которых были повреждены, пришлось переносить на другие, действующие. Но главное — дороги катились, подошвами, через пол, он ощущал их ритмичный бег.

Гейнс остановился рядом с усталым небритым Дэвидсоном.

— Почему ты не уходишь домой, Дейв? Макферсон уже принял дежурство. Шел бы, выспался, сегодня ты здорово поработал.

— А вы, шеф? Вы тоже не слишком тянете на роль жениха.

— Ничего. Я могу поспать у себя в кабинете. Чуть попозже. Между прочим, свою жену я уже предупредил. Она сама приедет ко мне сюда.

— И как она? Очень была недовольна?

— Да так, самую малость. Ты ведь знаешь, что женщины всегда чем-нибудь недовольны.

Он повернулся к приборному щиту и посмотрел, как работают контрольные комплексы, принимающие показания сразу шести секторов. Сан-Диего-Кольцевая, сектор Анджелес, сектор Бейкерсфилд, сектор Фресно, Стоктон... Стоктон? О Боже! Блекинсон! Он же оставил министра Австралии в конторе Стоктона на всю ночь!

Гейнс бросился к двери, крикнув на ходу Дэвидсону:

— Дейв! Ради бога! Срочно закажи мне машину!
Смысл просьбы дошел до Дэвидсона лишь тогда, когда Гейнс пересек зал и был уже у себя в кабинете.

— Долорес! — с порога обратился Гейнс к секретарше.

— Слушаю, мистер Гейнс.

— Позвоните моей жене и передайте, что я еду в Стоктон. Если она уже выехала, пусть ждет меня здесь. И еще, Долорес...

— Да, мистер Гейнс.

— Попробуйте ее как-нибудь успокоить.

Губы ее плотно сжались, но лицо осталось непроницаемым.

— Хорошо, мистер Гейнс.

— Ну вот и умница.

Он вышел из офиса и сбежал по ступенькам вниз. На дороге он огляделся. От вида бегущих полос на душе у него потеплело — наверно, это и было то, что называется счастьем.

Большими шагами он двинулся в сторону указателя: «ПРОХОД ВНИЗ». Насвистывая себе под нос, Гейнс открыл дверь, и грохочущий, ревущий ритм «преисподней» словно бы подхватил мелодию, слившись с ней воедино:

*Ну-ка быстро, быстро, быстро!
Мы негаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги игут вперед!*

ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом тяжелого медно-кадмиевого панциря.

— Какого черта, док?

Они смотрели друг на друга как два гладиатора, ожидающие только сигнала к бою. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла контрольного зала к ним приблизилась третья фигура в панцире.

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначаетесь вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, — казалось, что все происходящее его нисколько не касается. Инженер, которого подменил Эриксон, положил гаечный ключ на место.

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

«Blowups Харпер»

© Ф. Мендельсон, перевод, 1993.

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Может быть, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — комплексным атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибка в нужную сторону, ибо в этом деле заскоки недопустимы, потому что любой заскок может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. И это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы — его пригласили для проверки психической реакции персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб — его разум отступал.

Возможно, инженерам-атомщикам это удастся. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они живо представляют себе, какое непостижимо ужасное чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного, что их преследует страх и искушение...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя.

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось отстранить Харпера.

Силард уловил подозрительный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда и белые мыши, вроде вас, тоже взрываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже, — сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения — его сопло, извергающее поток разогнанных до немислимых скоростей элементарных частиц на бериллиевый стержень в центре самого реактора, исчезало за вторым щитом, расположенным между ускорителем и реактором. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестойкие изотопы — в процессе радиоактивного распада и цепной реакции в свою очередь делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая энергию чудовищную и невообразимую, — это превращение было самым важным и самым рискованным.

Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и в свою очередь вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуловимое мгновение, в одну микросекунду, перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было немисливо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

И тем не менее, для того чтобы промышленный атомный реактор работал, реакцию атомного распада необходимо было поддерживать на грани атомного взрыва. Бомбардировка ядер урана нейтронами бериллиевого стержня забирала гораздо больше энергии, чем ее высвобождалось при первичном делении. Поэтому для работы реактора было необходимо, чтобы каждый атом, расщепленный нейтронами бериллиевого стержня, в свою очередь вызывал расщепление других атомов.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно затухала. В противном случае вся масса урана взорвалась бы за такой ничтожно малый промежуток времени, что его невозможно было бы измерить никакими способами. Да и некому было бы измерять.

Инженеры-атомщики контролировали работу реактора с помощью «триггеров» — слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевый стержень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники энергии. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена — вернее, была укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе сейчас, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика. Инженеры походили на птиц, летящих хвостами вперед: они видели путь, который уже пролетели, но никогда не знали, где они находятся в данную секунду и что их ждет впереди.

И тем не менее инженер, и только он один, должен был обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не перешла критической точки и не превратилась во взрыв.

А это было невозможно. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог работать с полной отдачей, используя весь свой опыт и глубочайшие технические знания, чтобы свести роль случайности до математически допустимого минимума, однако слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют в царстве элементарных частиц, могли в любой момент обратиться против него и обмануть самые тонкие расчеты.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни. Потому что никто не мог толком предугадать, во что выльется такой взрыв. Наиболее консерва-

тивно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный железнодорожный узел на линии Лос-Анджелес—Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой и было получено разрешение на установку промышленного реактора, основывалась на математических выкладках Комиссии по атомной энергии, предусматривавших, что масса урана дезинтегрируется на молекулярном уровне, — таким образом, процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем не очень-то верили в официальную теорию. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как они того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были подтверждены опытом.

Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих собратьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и неослабевающее чувство ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, интеллигентные, которые могли до конца осознать всю значительность доверенного им дела, — другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для интеллигентных, чутких людей.

Поневоле возникала психологическая неустойчивость. И помешательства становились профессиональным заболеванием.

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитного панциря, непроницаемого для радиации.

— Что произошло? — спросил он Силараа.

— Пришлось устранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

— Предполагаю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в панцире, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратноголовые не сходят с ума, а, Густав?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело» — и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психиатры не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, обращаясь к Силарду. — Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор между щитами, окружающими контрольный зал. В раздевалке за последним щитом он вылез из своего похожего на жесткий скафандр панциря, поставил его в нишу и вошел в лифт. Кабина лифта остановилась глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, завинтил герметическую дверцу и откинулся на сиденье, чтобы резкое ускорение подействовало не так сильно.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета генерал-директора, в двадцати милях от реактора.

Собственно промышленный реактор был выстроен в котловине среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное, — располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что если день «Х» когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай истерии, но бедняга ничего не мог с собой поделать. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет генерал-директора. Харпер был уже там и ответил на его приветствие с ледяной вежливостью. Генерал-директор, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение истощало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Генерал-директор смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

Силард тяжело вздохнул.

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя контрольного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный только для фланцев водяных щитов, и

приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из контрольного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот провидец мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился и только взглянул на приборы.

Генерал-директор вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, что это правда, — проворчал тот упрямо. — Будем считать, что это чистая правда, но это не меняет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки нельзя предсказать заранее, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Генерал-директор Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Послушай, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Кинг помолчал, но и Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти испытания или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он. — Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-нибудь все время стоит у тебя за спиной и ждет, что ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь ученый муж, сам наполовину сумасшедший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

— Ну и распрекрасно! Мне не понадобится смиренная рубашка, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, — прибавил он. — Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подождите, — сказал он. — Мы еще не кончили. Забудьте об отпуске. Я перевожу вас в лабораторию изотопов. Как-никак вы исследователь, и никто вас от этой работы не освобождал. Если я назначил вас на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов. Что касается психологического контроля, — продолжал он, — то мне он так же неприятен, как и вам. Полагаю, вам неизвестно, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Вы помните Маннинга? Хотя нет, он был здесь до вас. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Маннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в контрольном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психиатра, чтобы мне подсказать. И однажды ночью помощник Маннинга вынужден был его оглушить... Он застал его в тот момент, когда Маннинг разбирал предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Маннинг так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но, после того как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе — в каждой смене два квалифицированных инженера и один психиатр-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф, — задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он

по-прежнему несчастным. — Все равно, шеф, нам чертовски неприятно.

— Смотри на это проще! — Кинг встал и протянул Харперу руку. — Послушай, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно — я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психиатру:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю, — ответил Силард, потирая щеку. — Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психиатры, кстати, не очень-то хорошо с этим справляются. Мы сами нервничаем рядом с Большой Бомбой, тем более что ничего в ней не понимаем. А ведь именно нам нужно бороться со страхом и нервозностью других. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть какой-то выход! — сказал он твердо.

Силард покачал головой:

— Это выше моих сил, генерал-директор. Как психиатр я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый главный?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

— Трудно сказать. В нашей области нет такого единственного лучшего в мире психиатра, — мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психиатр, разбирающийся в редких нетравматических и профессиональных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Он связывает теорию оптимального раздражения с искусственным торможением, технику которого Корджибский разработал опытным путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Корджибского, и это, кажется, единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь он, должно быть, уже староват, — Корджибский-то когда умер?

— Я просто хотел вас сориентировать, поскольку работы Ленца имеют отношение к инженерно-математической психологии.

— Ага, это нам и нужно! Значит, Ленц? Но я никогда не думал о нем как о психиатре!

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения заразительных неврозов, свирепствовавших в сумасшедшие годы, а он тогда сделал все, что мог.

— Где он теперь?

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустил в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. Лицо его снова стало уверенным.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф, — попробовал он возразить. — Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это... Ведь он — Ленц!

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится, заставьте на него нажать

из Вашингтона. Пусть его вызовет Белый Дом. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело!

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он наскоро перекусил на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадиз.

Парадиз, или Рай штата Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: они всемерно старались избавить служащих реактора от их повышенных заработков. В этом сами служащие охотно шли им навстречу, потому что в каждую получку им выдавали раз в десять больше, чем где бы то ни было. Они никогда не были уверены, что доживут до следующей зарплаты, а потому не откладывали денег на старость. К тому же компания открывала для своих работников солидные счета в банках Манхэттена — так что ж было скряжничать?

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадизе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадиз «Самым Большим Маленьким Городом в Мире». Разобиженные кабатчики Рено отвечали на это, что, поскольку любой город, расположенный по соседству с атомным заводом, неизбежно вызывает представление о смерти, гораздо более подходящим названием для Парадиза было бы «Врата Ада».

Эриксон, не теряя времени, начал обход значных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадиза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Эриксон не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лансея «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом,

хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультра-современных кабаков. Де Лансей был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а от дам требовал, чтобы они были одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца:

— А ну, сколько?

— Три, — отозвался Харпер. — Садись, Густав.

— Правильно, — одобрил Эриксон, уместя свое долговязое тело в низком кресле. — Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Наверное, Лансей его разводит. А я совсем спекся.

— Нет, Лансей этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдать? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделать их под орех.

— Я и высказался! — проворчал Харпер. — Э, все это чушь, Густав. Шеф прав. Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он должен его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши милые психиатры от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай найдем кого-нибудь одного и проверим на чувствительность! Я буду его держать, а ты лупи!

— Оставь, Густав! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини, — скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо. — Эриксон поднял свою белокурую голову и заорал: — Израэль!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

— Мистер Эриксон? Слушаю, сэр.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом. — Он повернулся к Харперу: — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть одна мысль.

Харпер посмотрел на него с насмешливым удивлением:

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, брат, с Земли нам не вырваться, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Все равно остается огромная масса реактора. Огромная из-за защитных покрытий. А использовать можно будет не более одного процента мощности. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон был невозмутим.

— Я не считаю, что ты предусмотрел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан, летающий к антиподам, можно было бы отправить на Луну, если бы у них было подходящее горючее. Но его нет. А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам. Потому что они до сих пор зависят от молекулярного топлива, от энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Ракетчики не виноваты: они давно ждут от нас концентрированного ракетного горючего и строят на этом все свои расчеты. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав, — возразил Харпер. — Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая слишком медленна — энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в межпланетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет.

— По-настоящему мы еще не пытались его найти, — отозвался Эриксон. — Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

— Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы:

— Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться теплоносителем, хотя бы просто водой. Тогда защита сведется к свинцовым или кадмиевым костюмам. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся:

— Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь даже доставить такое горючее на ракету: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжественной улыбке:

— Прошу вас, все готово!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израэль. Он выбрасывал кости в лучшем стиле, раскачивая стаканчик в гибкой кисти и далеко закидывая его назад. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — Лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь, — вздохнул Харпер. — Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Густав?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз это было весьма соблазнительное существо в вечернем платье,

которое словно стекало с пышной фигуры. Существо было лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скучаем, — терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

— Этот? От него никакого толку! Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку. — Вот, пойді пока выпей. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. — Спросите Элит, и я приду.

— Ханнинган и в самом деле плох, — согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. — И последнее время он что-то слишком самоуверен. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся, — ответил Эриксон. — Здесь уже есть соглядатай. Видишь? — Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Он сидел в дальнем углу бара, вертя в руках высокий бокал, чтобы не бросаться здесь в глаза. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

— Да, ты прав, — пробормотал Харпер. — И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лансей.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар. — Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. — Он широко улыбнулся.

— Нет, Лансей, сегодня никаких даров моря! — объяснил ему Харпер. — Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор в любую минуту может отправить вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

— Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю. — Де Лансей доверительно наклонился к ним: — Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро подработать для моей семьи, пока меня не изгрыз рак желудка. Но в клинике новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

— А что если он взорвется?

— Господь Бог призовет меня, когда я ему понадобится, — ответил он и быстро перекрестился.

Когда они уже уходили, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю, — проворчал он. — Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность невольно поразила генерал-директора: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но

перед ним предстал крепко сколоченный, почти толстый мужчина хорошего роста, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие пороссячи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже круглый, как яблоко, подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. Длинный мундштук постоянно торчал из угла его широкого рта, казавшегося еще шире от неизменной улыбки, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. В Ленце определенно был свой смак.

Оказалось, что договориться с ним не составляет труда. По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса.

Был только один способ экономически выгодного производства плутония — с помощью высокого напряжения в реакторе с неустойчивой реакцией природного, слегка обогащенного урана. При энергиях в миллион с лишним электронвольт уран-238 начинал расщепляться. При незначительном уменьшении напряжения он превращался в плутоний. Такой реактор сам поддерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой, по сути дела, атомную бомбу. Что может произойти в таком реакторе — этого никто не знал. Он будет вырабатывать большое количество плутония, ну а если он взорвется?

Инженерам-атомщикам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, он даже взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть — и эта возможность оставалась, — что вся многотонная масса урана взорвется одновременно.

— Выход из тупика подсказала дестреевская механика бесконечно малых величин, — продолжал Кинг. —

Ее уравнения доказывали, что если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из частиц тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Однако этого, разумеется, больше чем достаточно — такой взрыв опустошит половину штата. Но я лично никогда не был уверен, что дело ограничится только этим.

— Наверное, потому вы и согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

— Да, — сказал он наконец. — Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — не мог! Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если она вас убьет. А что касается этого Дестрея, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

— В том-то и беда! — согласился Кинг. — Его работа блистательна, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, — признался он с горечью.

Кинг рассказал Ленцу о трудностях работы и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Мы установили дополнительную экранировку, ввели индивидуальные защитные панцири, но это не помогло. Один юноша, который пришел к нам уже после установки экранов, однажды вечером за обедом

вдруг сошел с ума: он кричал, что свиной окорок сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он взбесился во время дежурства!

Система постоянного психиатрического контроля на-много снизила опасность внезапных помешательств у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: количество неврозов даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц, — закончил он. — И с каждым днем они идут хуже. Вы можете нам помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он. — Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет точных данных, нет фактов. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это возможно? Тогда через несколько дней мы, может быть, сообразим, что делать.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши инженеры не знают, кто я такой. Предположим, для них я ваш старый друг, такой же физик, который приехал вас навестить, — вы не возражаете?

— Конечно, почему бы и нет! Я сам им так скажу.

— Так мы ничего не добьемся, Густав!

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

— Похоже на то, — мрачно согласился Эриксон. — Но, черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и использовать по мере надобности. И ответ надо искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. Я уверен!

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

— Только не вешай нос! — сказал Харпер. — Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти. Прежде всего — три серии естественных изотопов уже проверены, так?

— Так. Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

— Прекрасно. Остается предположить, что другие исследователи испробовали все, что зафиксировано в их записях, — иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился бы даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

— Искусственные изотопы.

— Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследования, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь странными символами исчисления состояния. Харпер одобрительно кивнул:

— Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

— Ты хотя бы представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

— Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

— Ну, ты слишком скромн! Речь идет о десятках тысяч, не считая будущих изотопов! С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон утрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

— Густав, — сказал он, — похоже, эта работа и тебя доконала.

— С чего ты взял?

— Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда не перепробуем всех комбинаций и в худшем случае только избавим кого-нибудь другого от повторения наших ошибок. Вспомни Эдисона — шестьдесят лет бесконечных опы-

тов по двадцать часов в день, а ведь он так и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эриксон немного стряхнул уныние.

— Наверное, сможем, — согласился он. — Может быть даже, нам удастся придумать какое-нибудь приспособление, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

— Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто правильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все выскли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг генерал-директора. Ленц сунул свой нос даже в коммерческий отдел предприятия и выслушал подробнейшие объяснения о том, как энергия реактора превращается в электричество с помощью усовершенствованных солнечных батарей. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что психиатры никогда не обращали внимания на прошедших огонь и воду техников отдела превращения энергии. В этом не было нужды: даже явная, психическая неуравновешенность этих людей ничем не угрожала реактору, да они и не испытывали убийственного гнета ответственности перед родом человеческим. Здесь шла обычная работа, конечно, опасная для самих техников, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

Так, совершая свой обход, Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл сам Харпер в защитном шлеме

с откинутым забралом, — казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

— В чем дело? — спросил Харпер. — О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

— Собственно, и да и нет, — ответил толстяк. — Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

— Нисколько, заходите. Густав!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера — скорее видоизмененного бетатрона, чем резонансного ускорителя.

— Хэлло! — сказал он.

— Густав, это доктор Ленц. Познакомьтесь — Густав Эриксон.

— Мы уже знакомы, — отозвался Эриксон, стаскивая перчатки, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком». — Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гордостью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психиатр слушал, время от времени вставлял подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому инженеру, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

— Видите ли, — с увлечением объяснял Харпер, — мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в реакторе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу Большую Бомбу для производства безопасного, удобного атомного горючего для ракет и вообще для чего угодно.

Он объяснил последовательность экспериментов.

— Понимаю, — вежливо сказал Ленц. — Какой элемент вы изучаете сейчас?

— Дело не в элементе, а в его изотопах, — поправил его Харпер. — Мы уже испытали изотоп-два, и

результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и показал Ленцу образец. Потом быстро прошел за щит, ограждающий бетатрон. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с помощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

— Густав, как там у тебя?! — крикнул он. — Можно начинать?

— Пожалуй, начнем, — проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый щит из многослойного металлобетона, который заслонял их от бетатрона.

— Мне тоже надеть защитный панцирь? — спросил Ленц.

— Незачем, — успокоил его Эриксон. — Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих шуток каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке.

Эриксон посмотрел на Харпера — тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку посреди приборной доски, потом услышал щелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях — ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять немыслимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь — первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эриксон уже поднялся — у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

— Вы ранены? — бессмысленно спросил Ленц. — Что бы это могло?..

— Густав! — заорал Харпер. — Мы нашли, нашли! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

— Пять? — недоуменно переспросил он. — При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

— Ты заложил? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять! Понятно?

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

— Постойте, мальчики, — нерешительно вмешался Ленц. — Может быть, вы оба правы. Густав, вы заложили в камеру изотоп-два?

— Ну конечно! Я был недоволен результатом предыдущего опыта и решил его повторить.

— Джентльмены, значит, во всем виноват я! — радостно признался Ленц. — Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул толстяка по плечу.

— Не извиняйтесь! — воскликнул он, хохоча. — Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Густав? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

— Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался, — заметил психиатр.

— А, пустяки! — отрезал Харпер. — Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это узнаем. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

Несмотря на все настояния Кинга, Ленц все еще отказывался высказать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет генерал-директора и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

— Ну что ж, я очень рад, — сказал он. — Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

— Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? — спросил он.

Кинг мгновенно понял, куда он клонит.

— Если вы думаете о том, чтобы остановить реактор на длительное время, то из этого ничего не выйдет.

— Почему? Если полученные мной сведения правильны, вы вырабатываете не более тринадцати процентов всей энергии, потребляемой страной.

— Да, это верно, но мы обеспечиваем выработку еще тринадцати процентов энергии, поставляя наш плутоний атомным электростанциям, и вы, наверное, не учли, что это значит в общем энергетическом балансе. А наша энергия, которую мы вырабатываем прямо или косвенно, предназначена для самых важных отраслей тяжелой индустрии — стальной, химической, станкостроительной, машиностроительной, обрабатывающей. Лишить их тока — все равно что вырезать у человека сердце.

— Но ведь пищевая промышленность от вас, по существу, не зависит! — настаивал Ленц.

— Нет. Сельское хозяйство... Хотя мы поставляем определенный процент энергии обрабатывающим предприятиям. Я вас понимаю и готов признать, что производство, а также транспорт, то есть распределение пищевых продуктов, могут обойтись без нас. Но подумайте, доктор, что будет, если мы лишим страну атомной энергии. Всеобщая паника! Ведь это же краеугольный камень всей нашей индустрии!

— В нашей стране и раньше бывали всеобщие паники, но мы справились даже с нефтяным кризисом, когда нефть начала иссякать.

— Да, справились, потому что на смену нефти пришла солнечная и атомная энергия. Вы не представляете, что это будет, доктор. Это почище войны. В нашей системе все взаимосвязано. Если вы сразу остановите тяжелую промышленность, все остальное полетит кувырком.

— Не важно. Все равно вы должны остановить реактор!

Кинг невольно взглянул на застекленное реле в стене кабинета. Он, как и каждый дежурный инженер, мог бы укротить реактор.

Уран в реакторе находился в расплавленном состоянии при температуре выше двух тысяч четырехсот градусов по Цельсию, и чтобы остановить реактор, достаточно было разлить уран по небольшим контейнерам. Масса урана в каждом таком контейнере была недостаточна для поддержания цепной реакции.

— Нет, я не могу этого сделать, — сказал Кинг. — Вернее, могу, но реактор недолго будет стоять. Совет директоров просто пришлет другого человека, который меня заменит.

— Да, вы правы.

Некоторое время Ленц молча обдумывал положение, потом сказал:

— Прошу вас, закажите мне место, я хочу вернуться в Чикаго.

— Вы нас покидаете?

— Да.

Ленц вынул изо рта мундштук, и лицо его, впервые утратив благодушное выражение олимпийского божества, стало серьезным, почти трагичным.

— Если нельзя остановить реактор, мне здесь нечего делать. Иного решения проблемы я не вижу, да его и не может быть!

Я должен объяснить вам все до конца, — продолжал он. — Вы имеете здесь дело с локально обусловленными неврозами. Грубо говоря, симптомы их проявляются как нервная неустойчивость, или своего рода истерия. Частичное выпадение памяти у вашего секретаря Штейнке — хороший пример этому. Штейнке можно вылечить шоковой терапией, но это вряд ли будет гуманно, поскольку сейчас он избавлен от постоянного напряжения, которого он не смог бы вынести. Другой ваш юнец, этот Харпер, из-за которого вы послали за мной, — пример неустойчивости из-за повышенного чувства ответственности. Как только его избавили от этой ответственности, он моментально стал вполне нор-

мальным человеком. Но вот его друг Эриксон — за ним нужен глаз да глаз...

Но главное — это причина всех подобных неврозов, и мы говорим о том, как их устранить, а не о том, в какой форме они выражаются. Так вот, такого рода неврозы возникают всегда, когда обстоятельства сильнее человека, когда он не в силах вынести постоянной тревоги и страха. В конце-то концов он так или иначе сходит с ума. А здесь обстоятельства именно таковы. Вы набираете интеллигентных, чутких молодых людей, втолковываете им, что малейшая их ошибка или даже случайное, неподвластное их контролю изменение в реакторе приведет к гибели бог знает скольких тысяч человек, и после этого хотите, чтобы они не сходили с ума! Это же просто нелогично, невыносимо!

— Ради бога, доктор, неужели нет никакого выхода?

Кинг вскочил и забежал по кабинету. Ленц с горечью отметил про себя, что сам генерал-директор стоит на грани того самого нервного состояния, о котором они говорили.

— Нет, — сказал он медленно. — Выхода нет. Позвольте, я продолжу. Вы не можете доверить управление реактором менее чувствительным, менее ответственным людям. Это все равно, что доверяться безмозлому идиоту. А ситуационные неврозы лечатся только двумя способами. В первом случае, когда невроз возникает из-за неправильной оценки ситуации, достаточно помочь больному правильно оценить обстоятельства. Все его страхи исчезают. Для них никогда и не было реальных оснований. Больной просто их вообразил. Во втором случае больной правильно судит об окружающем и справедливо оценивает ситуацию как угрожающую. Его страх вполне нормален и обоснован, но он не может преодолевать его до бесконечности — и сходит с ума. В этом случае единственное лечение — изменение обстановки. Я пробыл у вас достаточно долго, чтобы убедиться: здесь дело обстоит именно так. Вы, инженеры, правильно оцениваете страшную опасность вашей Большой Бомбы, и это сознание неизбежно сведет всех с ума. Единственный выход — остановить реактор.

Кинг продолжал метаться по кабинету, словно стены были клеткой, в которой он был заперт со своей неразрешимой дилеммой.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — воскликнул он, на мгновение остановившись.

— Вылечить — нельзя. Облегчить болезнь, пожалуй, возможно.

— Каким образом?

— Ситуационные психозы возникают из-за недостатка адреналина. Когда человек испытывает нервное напряжение, железы, чтобы ему помочь, усиленно выделяют адреналин. Но если напряжение слишком велико, адреналиновые железы не справляются со своей задачей и человек заболевает. Это и происходит здесь. Адреналиновая терапия может отдалить душевное расстройство всего организма. С точки зрения общественной безопасности второе, конечно, предпочтительнее, но... тогда у вас скоро не останется физиков.

— И больше вы ничего не можете посоветовать?

— Нет. Пусть ваши психиатры займутся профилактикой. Они у вас люди способные.

Кинг нажал кнопку и коротко приказал что-то Штейнке. Повернувшись снова к Ленцу, он спросил:

— Вы побудете здесь, пока не подадут машину?

Ленц решил, что Кингу это было бы приятно, и согласился.

Внезапно раздался металлический щелчок, и на стол Кинга упал цилиндрок пневматической почты. Вытащив из него белый листок картона, визитную карточку, генерал-директор с удивлением прочитал ее и протянул Ленцу:

— Не могу понять, зачем я ему понадобился. Вы, наверное, не хотите, чтобы он вас здесь видел?

Ленц прочел на карточке: «Томас Р. Харрингтон, доктор математики, капитан ВМС США, директор Морской обсерватории».

— Нет, почему же, — возразил он. — Мы с ним знакомы, и я буду только рад...

Харрингтон был явно чем-то озабочен. Он вздохнул с облегчением, когда Штейнке, пропустив его в кабинет, исчез в соседней комнате, и сразу же заговорил, обращаясь к Ленцу, который сидел ближе к двери:

— Вы мистер Кинг? Пойдите, да это же Ленц! Что вы здесь делаете?

— Я здесь по приглашению, — ответил Ленц совершенно правдиво, но не полно, здороваясь с Харрингтоном за руку. — Знакомьтесь: генерал-директор Кинг, капитан Харрингтон.

— Как поживаете, капитан? Рад вас видеть.

— Для меня большая честь познакомиться...

— Садитесь, прошу вас.

— Благодарю. — Харрингтон сел, положив на угол стола свой портфель. — Вы, конечно, хотите знать, зачем я к вам явился вот так, без приглашения?..

— Я счастлив познакомиться...

В действительности все эти церемонии были уже слишком для натянутых нервов Кинга.

— Вы очень любезны, но... Кстати, нельзя ли сделать так, чтобы ваш секретарь, который меня впустил, забыл мое имя? Я понимаю, что это кажется вам странным, но...

— Совсем нет, я ему скажу!

Кинг был заинтригован и решил не отказывать своему выдающемуся коллеге в таком пустяке. Он вызвал Штейнке к видеофону и отдал соответствующее приказание. Ленц встал, показывая, что уже давно собирается уйти. Уловив взгляд Харрингтона, он пояснил:

— Я полагаю, вы хотите поговорить наедине.

Кинг вопросительно посмотрел на него, потом на Харрингтона, потом опять на Ленца.

— Я лично ничего не имею против, — запротестовал астроном после секундной заминки. — Решайте сами, доктор Кинг! Честно говоря, я буду только рад, если Ленц останется.

— Я не знаю, что вы хотите мне сообщить, — заметил Кинг, — но доктор Ленц здесь тоже по конфиденциальному поручению.

— Очень хорошо! В таком случае все в порядке. Перейду прямо к делу. Доктор Кинг, вы знакомы с механикой бесконечно малых величин?

— Разумеется.

Ленц подмигнул Кингу, но тот предпочел этого не заметить.

— Да, да, конечно. Вы помните шестую теорему и переход от тринадцатого уравнения к четырнадцатому?

— Кажется, помню, но я сейчас взгляну.

Кинг встал и направился к шкафу, но Харрингтон остановил его нетерпеливым жестом:

— Не беспокойтесь! У меня все есть.

Он открыл ключом портфель и извлек потрепанный блокнот с выпадающими листками.

— Вот! А вы, доктор Ленц, знакомы с этими построениями?

Ленц кивнул:

— Я как-то их проглядывал.

— Прекрасно. Итак, я полагаю, вы со мной согласитесь, что ключ к решению всей проблемы именно здесь, в переходе от тринадцатого уравнения к четырнадцатому. Этот переход кажется вполне обоснованным и справедлив в определенных условиях. Но что, если мы расширим его значение и проследим всю цепь логического построения для всех возможных состояний материи?

Он перевернул страницу и показал те же два уравнения, разбитые на девять промежуточных. Ткнув пальцем в среднюю группу математических знаков, Харрингтон спросил, тревожно заглядывая собеседникам в глаза:

— Видите? Вы понимаете, что это значит?

Кинг помолчал, шевеля губами, потом ответил:

— Да, кажется, я понимаю... Странно... Да, так оно и есть!

Харрингтон должен был бы обрадоваться, но он только тяжело вздохнул.

— Я надеялся, что хотя бы вы найдете ошибку, — проговорил он, чуть не плача, — но, боюсь, теперь надеяться не на что. Дестрей сделал допущение, действительное для молекулярной физики, однако у нас нет ни малейшей уверенности, что оно действительно для физики атомной. Я полагаю, вы сознаете, что это значит для вас, доктор Кинг...

Голос Кинга превратился в хриплый шепот.

— Да, сознаю, — сказал он. — Да... Это значит, что если наша Большая Бомба взорвется, она взорвется

мгновенно и целиком, а не так, как предполагал Дестрей... И тогда один Бог знает, что здесь останется.

Капитан Харрингтон откашлялся.

Но тут заговорил Ленц:

— А что, если мы проверим ваши расчеты и они окажутся непогрешимыми, — что дальше?

Харрингтон всплеснул руками:

— Я для того сюда и приехал, чтобы спросить вас: что будет дальше?

— Дальше ничего, — упрямо сказал генерал-директор. — Ничего сделать нельзя.

Харрингтон уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Но послушайте! — взорвался он наконец. — Разве вы не понимаете? Ваш реактор необходимо демонтировать, и немедленно!

— Успокойтесь, капитан! — Невозмутимый голос Ленца был словно холодный душ. — И не надо злиться на бедного Кинга — все это волнует его больше, чем вас. Поймите его правильно. Речь идет не о физической проблеме, а о политической и экономической. Скажем так: остановив реактор, Кинг уподобился бы крестьянину, который оставил бы свой дом, виноградник, скот и семью на склонах Везувия и сбежал, потому что когда-нибудь сможет произойти извержение вулкана. Этот реактор не принадлежит Кингу, он всего лишь служащий. Если он остановит реактор против воли владельцев, они просто вышвырнут его за порог и наймут другого, более покладистого. Нет, нам необходимо убедить хозяев.

— Президент мог бы их заставить, — высказал предположение Харрингтон. — Я могу обратиться к президенту...

— Разумеется, можете, по инстанции, через свой департамент. Возможно, вы его даже убедите. Но что он сделает?

— Как — что? Все! Ведь он же президент!

— Подождите! Вот вы, например, директор Морской обсерватории. Представьте, что вы взяли молоток и вознамерились разбить главный телескоп. Что у вас выйдет?

— Да, пожалуй, ничего, — согласился Харрингтон. — Мы с нашего малютки глаз не спускаем. Охрана...

— Так и президент ничего не может решать самостоятельно, — продолжал Ленц. — Допускаю, тут еще мог бы повлиять Конгресс, поскольку Комиссия по атомной энергии от него зависит. Но что вы скажете о приятной перспективе читать нашим конгрессменам курс элементарной механики?

Эту перспективу Харрингтон сразу же отверг, однако не сдался.

— Есть другой путь! — сказал он. — Конгресс зависит от общественного мнения. Нам нужно только убедить народ, что реактор представляет собой смертельную угрозу для всего человечества. А это можно сделать и не прибегая к высшей математике.

— Да, конечно, — согласился Ленц. — Вы можете поднять шум и перепугать всех до полусмерти. Вы можете вызвать такую панику, какой еще не видела даже эта полусумасшедшая страна. Ну уж нет, спасибо!

— Хорошо, но что в таком случае предлагаете вы?

Ленц немного подумал, прежде чем ответить.

— Это почти безнадежно, однако попробуем вколотить в головы директоров компании хоть крупицу здравого смысла.

Кинг, который, несмотря на усталость, внимательно следил за разговором, спросил:

— А как вы это сделаете?

— Не знаю, — признался Ленц. — Мне надо подумать. Но это мне кажется самым верным путем. Если у нас ничего не выйдет, можно вернуться к варианту Харрингтона — к широкой кампании в печати.

Харрингтон взглянул на часы довольно необычной формы и присвистнул:

— Боже правый, я забыл о времени! Официально я сейчас должен быть в Центральной обсерватории.

Кинг невольно заметил время, которое показывали часы Харрингтона.

— Сейчас не может быть так поздно! — возразил он.

Харрингтон удивленно посмотрел на него, потом рассмеялся.

— Конечно, здесь сейчас на два часа меньше! Но мои часы радиосинхронизированы с городскими часами в Вашингтоне, а там другой пояс.

— Вы сказали «радиосинхронизированы»?

— Да. Остроумно, не правда ли? — Харрингтон показал свои часы. — Я называю их телехронометром. Это племянник придумал специально для меня. Голова парень! Он далеко пойдет. Конечно, — лицо его омрачилось, словно эта маленькая интерлюдия только подчеркнула весь ужас нависшей над ними угрозы, — конечно, если кто-нибудь из нас останется в живых!

Вспыхнула сигнальная лампочка, на экране возникло лицо Штейнке. Кинг выслушал его и сказал:

— Машина ждет вас, доктор Ленц.

— Пусть ею воспользуется капитан Харрингтон.

— Значит, вы не улетаете в Чикаго?

— Нет. Ситуация изменилась. Если вы не возражаете, я еще попытаюсь кое-что сделать.

В следующую пятницу, когда Штейнке ввел Ленца в кабинет Кинга, тот встретил гостя чуть ли не с распростертыми объятиями:

— Откуда вы взялись, доктор? Я и не ждал вас раньше чем через час-два.

— Только что прибыл. Чтобы не ждать, я нанял машину.

— Что-нибудь удалось?

— Ничего. Они твердят свое: «Независимые эксперты утверждают, что расчеты Дестрея безупречны, а потому компания не потерпит истерических настроений среди своих служащих».

Кинг забарабанил по столу, уставившись в пространство. Потом он круто повернулся к Ленцу и сказал:

— А вы не считаете, что президент компании прав?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, мы все трое — вы, я и Харрингтон — попросту заработались и свихнулись?

— Исключено.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я нашел других «независимых» экспертов, которые не работают на компанию, и дал им проверить расчеты Харрингтона. Все сходится.

Ленц не стал упоминать о том, что устроил эту проверку отчасти потому, что не был до конца уверен в здравом смысле самого генерал-директора.

Кинг резко наклонился и нажал кнопку.

— Сделаем одну попытку, — объяснил он. — Посмотрим, удастся мне напугать этого болвана Диксона или нет. Штейнке! Соедините меня с мистером Диксоном.

— Слушаюсь, сэр.

Минуты через две экран видефона ожил, и на нем возникла физиономия президента компании Диксона. Он был не у себя, а в зале совета директоров энергетической компании в Джерси-Сити.

— Да! — сказал Диксон. — Это вы, генерал-директор?

Голос его был одновременно ворчлив и добродушен.

— Мистер Диксон, — начал Кинг. — Я потревожил вас, чтобы объяснить вам всю серьезность действий компании. Моя репутация ученого позволяет мне утверждать, что Харрингтон полностью доказал...

— Ах, вы об этом? Мистер Кинг, я думал, вы поняли, что с этим уже покончено.

— Но, мистер Диксон...

— Прошу вас, генерал-директор! Если бы действительно было хоть какое-то основание для опасений, неужели бы я колебался? Знаете ли, у меня самого есть дети и внуки...

— Именно потому...

— Именно потому мы стараемся вести дела компании так, чтобы избегать ненужного риска и приносить пользу обществу. Но у нас, кроме того, есть и ответственность. Сотни и тысячи вкладчиков рассчитывают на приличные дивиденды.

— Я приму это к сведению, мистер президент! — процедил Кинг ледяным тоном.

— Бросьте, мистер Кинг, не обижайтесь. Кстати, хорошо, что вы меня вызвали. Только что закончилось специальное заседание совета. Мы решили дать вам

возможность выйти в отставку — разумеется, с сохранением полного оклада.

— Я не подавал в отставку!

— Знаю, мистер Кинг! Однако совет решил, что вы...

— Понимаю. Прощайте!

Кинг выключил экран и повернулся к Ленцу.

— «С сохранением полного оклада»! — повторил он. — Я могу теперь жить безбедно до конца моих дней и наслаждаться жизнью, как в морге!

— Совершенно верно, — согласился Ленц. — Ну что ж, испробовали этот путь. Полагаю, теперь можно позвонить Харрингтону. Пусть попробует чего-нибудь добиться через печать и наших политиканов.

— Да, пусть попробует, — повторил Кинг с отсутствующим видом. — Вы возвращаетесь в Чикаго?

— Нет, — пробормотал Ленц. — Нет. Я, пожалуй, полечу прямо в Лос-Анджелес, а оттуда на вечерней ракете махну прямо к антиподам.

Кинг посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

— Я сделал здесь все, что мог, — ответил Ленц на его невысказанный вопрос. — И я предпочитаю быть живым пастухом в Австралии, чем мертвым психиатром в Чикаго.

Кинг яростно закивал головой:

— Прямой смысл! Я гроша ломаного не дам за этот реактор, готов хоть сейчас остановить его и последовать за вами!

— Нет, Кинг, не прямой смысл. Прямым путем попадешь из огня да в полымя, чего я как раз и не собираюсь делать. А почему бы вам не остаться? Тогда с помощью Харрингтона вы сможете нагнать на них такого страху!..

Лицо Штейнке возникло на экране.

— Шеф, здесь Харпер и Эриксон.

— Я занят.

— Они срочно хотят вас видеть.

— О Господи! Ладно,пусти их, — проговорил Кинг устало. — Теперь уже все не важно.

Они не вошли, а влетели. Харпер — первым и сразу заговорил, сообразив, что генерал-директор не в духе и действительно занят:

— Шеф, мы нашли, мы своего добились! И все расчеты сходятся до последней единички!

— Что вы нашли? Чего добились? Говорите толком.

Харпер только усмехнулся. Это был час его триумфа, и он хотел насладиться им до конца.

— Шеф, помните, несколько недель назад я просил дополнительных ассигнований, не объяснив, зачем они мне нужны?

— Да, конечно. Но в чем, наконец, дело?

— Сначала вы заупрямились, но потом выдали деньги, помните? Так вот, за это мы вам принесли подарок — вот он, перевязанный розовой ленточкой. Это величайшее достижение в атомной физике с тех пор, как был расщеплен атом урана! Это — атомное горючее, шеф, атомное горючее, безопасное, компактное, управляемое! Подходящее для ракет, для электростанций, для всего, что душа пожелает!

Кинг наконец заинтересовался:

— Вы имеете в виду источник энергии, для которого не нужен реактор?

— О нет, этого я не говорил. Наш большой реактор нужен для производства горючего, но потом вы можете использовать это горючее где угодно и как угодно, извлекая из него до девяноста двух процентов энергии. Но, если хотите, можете и уменьшить отдачу.

Дикая надежда, что, может быть, это и есть выход из безвыходного тупика, рухнула. Кинг сник.

— Продолжайте, — сказал он. — Рассказывайте все.

— Так вот, все дело в радиоактивных изотопах. Как раз перед тем, как мы попросили дополнительные ассигнования на исследования, Эриксон и я... Доктор Ленц тоже приложил свою руку, — добавил он, благодарно кивнув психиатру, — обнаружили два взаимно антагонистичных изотопа. То есть, когда их соединяешь, они сразу выделяют всю заложенную в них энергию — взрываются ко всем чертям! Но самое главное в том, что мы брали ничтожные крохи — реакция протекает при самой незначительной массе.

— Не понимаю, как это может быть, — заметил Кинг.

— И мы не понимаем! Но так оно и есть. Мы молчали, пока сами в этом не убедились. Но потом мы начали пробовать и нашли еще дюжину различных атомных горючих. Возможно, если попотеть, мы сможем скомбинировать горючее для любых целей. Вот здесь все изложено. Это ваш экземпляр, взгляните!

И он протянул Кингу кипу машинописных листов. Кинг погрузился в них. Ленц, попросив взглядом разрешения у Эриксона, который радостно кивнул: «Ну конечно!» — тоже начал читать.

По мере того как Кинг просматривал страницу за страницей, чувство издерганного и обиженного служаки постепенно оставляло его. Он становился тем, кем был на самом деле, — ученым. Его охватывал чистый и сдержанный азарт беспристрастного искателя истины. Кровь молчала — сейчас ее задача сводилась к тому, чтобы насыщать мозг и поддерживать в нем холодное пламя обостренной мысли. Сейчас он был совершенно здоров, и разум его был яснее, чем у большинства людей в самые ясные моменты их жизни.

Долгое время он лишь изредка одобрительно хмыкал, шелестел страницами и молча покачивал головой. Но вот Кинг дочитал до конца.

— Вот это да! — сказал он. — Вы это сделали, мальчишки! Это здорово! Я вами горжусь!

Эриксон густо покраснел и сглотнул слюну; маленький взъерошенный Харпер встрепенулся, как жесткошерстый фокстерьер, которого похвалил хозяин.

— Спасибо, шеф! Для нас ваши слова дороже Нобелевской премии.

— Я думаю, вы и ее получите. Впрочем, — гордый блеск в глазах Кинга померк, — я для вас уже ничего не смогу сделать.

— Но почему, шеф? — недоуменно спросил Харпер.

— Потому что мне предложили уйти в отставку. Мой преемник вскоре прибудет, а это слишком большое дело, чтобы сейчас его начинать.

— Вы — и в отставку? Какого дьявола!

— Причина та же, по какой я отстранил тебя от дежурства. Во всяком случае, на ней настаивает совет директоров.

— Но это же чепуха! Со мной вы были правы: я действительно чуть не помешался. Но вы совсем другое — мы все вам верим!

— Спасибо, Кальвин, но дело обстоит именно так, и тут уже ничего не изменишь. Вам не кажется, Ленц, что этот завершающий иронический штрих окончательно превращает всю мою деятельность в фарс? Это великое открытие, оно гораздо значительнее, чем мы сейчас думаем, и мне приходится отдавать его в чужие руки.

В голосе Кинга звучала горечь.

— Ах так? — вспыхнул Харпер. — Ну ладно же, тогда я знаю, что делать! — Он перегнулся через стол и схватил рукопись. — Либо вы остаетесь генерал-директором, либо компания может идти ко всем чертям — нашего открытия ей не видать вовек!

Эриксон воинственно поддержал его.

— Минутку! — На сцену выступил Ленц. — Доктор Харпер, вы разработали способ производства ракетного горючего?

— Да, можно сказать так. Оно у нас в руках.

— И это космическое горючее?

Все поняли, что Ленц имел в виду — горючее, способное вырвать ракету из объятий земного тяготения.

— Разумеется! — ответил Харпер. — Можно взять любую рейсовую межконтинентальную ракету, переделать ее немного и отправлять экспедиции на Луну.

— Превосходно!

Ленц попросил у Кинга листок бумаги и принялся быстро писать. Заинтригованные, все смотрели на него с нетерпением. Он писал бегло, лишь изредка задумываясь, и наконец протянул листок Кингу:

— Решите-ка эту задачку!

Кинг долго смотрел на листок, и постепенно удивление на его лице сменялось восторгом.

— Эриксон! Харпер! — завопил он. — Мы возьмем ваше новое горючее, построим большую ракету, установим на ней наш реактор и запустим его на постоянную орбиту подальше от Земли! И пусть он там вырабатывает атомное топливо, безопасное топливо для людей. Тогда взрыв Большой Бомбы будет угрожать лишь дежурным операторам, да и то до поры до времени. Понимаете?

Оваций не последовало: такую сложную идею нужно было переварить. Наконец Харпер обрел дар речи.

— А как насчет вашей отставки? Шеф, мы все равно с этим не согласимся.

— Не беспокойся, — утешил его Кинг, указывая на листок с формулами. — Здесь все предусмотрено.

— Да, здесь предусмотрено все, — согласился Ленц. — Все, кроме времени.

— Что?

— Ну да, посмотрите, оно выражено как неопределенная неизвестная.

— В самом деле... Ну что ж... Все равно рискнем! И не будем терять времени!

Председательствующий на совете директоров Диксон попросил тишины.

— Поскольку это совещание экстраординарное, — объявил он, — сегодня не будет ни докладов, ни сообщений. Согласно повестке дня уходящему в отставку генерал-директору Кингу предоставляется два часа для прощального слова.

— Господин президент!

— Да, мистер Стронг?

— Я считал, что с этим вопросом покончили!

— Вы не ошиблись, мистер Стронг. Однако, учитывая долголетнюю безупречную службу мистера Кинга, мы решили удовлетворить его просьбу и сочтем за честь его выслушать. Мистер Кинг, слово предоставляется вам!

Кинг встал, коротко сказал: «За меня будет говорить доктор Ленц» — и снова сел.

Ленцу пришлось подождать, пока в зале утихнет гул.

Ленц начал с того, что Большая Бомба представляет собой грозную опасность, пока находится на Земле, и сжато повторил свои основные доказательства. После этого он сразу выдвинул предложение: поместить большой реактор в ракетоплан и вывести его на стационарную орбиту, достаточно удаленную от Земли — скажем, на пятнадцать тысяч миль. Пусть он работает там, на искусственном спутнике, производя безопасное горючее для атомных электростанций.

В связи с этим он сообщил об открытии Харпера — Эриксона, подчеркнув его коммерческое значение. Он постарался изложить все это как можно убедительнее, пустив в ход все свое обаяние, чтобы завоевать доверие господ бизнесменов. Потом сделал паузу, выжидая ответной реакции.

Она не заставила себя ждать. Послышались возгласы: «Чепуха! Бред! Бездоказательно! Это ничего не изменит!» Ясно было, что все были рады узнать о новом горячем, но должного впечатления оно не произвело. Лет через двадцать, когда этот проект будет досконально изучен и коммерческая выгода его будет доказана, они, может быть, и решат запустить на орбиту еще один большой реактор. А пока — время терпит. Только один из директоров поддержал Ленца, но явно было, что он не пользуется симпатией остальных.

Ленц терпеливо и вежливо опроверг все их возражения. Он рассказал об учащающихся случаях профессиональных психоневрозов среди инженеров и подчеркнул огромную опасность, которой они подвергаются, работая с Большой Бомбой, даже с точки зрения официальной теории Дестрея. Он напомнил им о немыслимо высоких затратах на страхование и миллионных суммах, идущих на «подмазку» политиканов.

Потом он резко изменил тон и обрушился открыто и яростно.

— Джентльмены! — сказал он. — Мы считаем, что это вопрос жизни и смерти, нашей жизни и жизни наших семей, и не только их. И если вы не пойдете на компромисс, мы будем драться, не считаясь ни с чем и не соблюдая никаких правил, как борется за свою жизнь загнанный в угол зверь.

После этого Ленц перешел в наступление. Первый его ход был предельно прост. Он изложил подготовленный им план пропагандистской кампании в общенациональном масштабе — так какая-нибудь фирма предупреждает своих конкурентов. План был разработан до последних мелочей. Тут было все: радио, телевидение, порочащие выступления, инспирированные статьи в газетах и журналах, «гражданские комитеты», а самое главное — активное распространение слухов и бомбардировка Конгресса «письмами избирателей». Любой

бизнесмен по собственному опыту знал, что это такое. Цель кампании была одна: сделать из аризонского реактора жупел, но вызвать не панику, а ярость обезумевших обывателей, направить ее против совета директоров и добиться от Комиссии по атомной энергии решения о немедленной переброске Большой Бомбы в космос.

— Это шантаж! Мы заткнем вам рот!

— Вряд ли, — вежливо возразил Ленц. — Вы можете только закрыть нам доступ в некоторые газеты. Вам не удастся нас изолировать.

Страсти разгорались, и Диксон вынужден был призвать совет к порядку.

— Доктор Лоренц, — сказал он, путая имя и с трудом сдерживая собственную ярость, — вы хотите выставить нас эдакими кровожадными злодеями, думающими только о собственной выгоде и готовыми ради этого пожертвовать тысячами жизней. Но вы знаете, это не так: нас с вами разделяет только разница во мнениях.

— Но вы сами понимаете, — настаивал доктор Ленц, — что в глазах широкой публики вы будете выглядеть злонамеренными преступниками. А что касается разницы во мнениях, то ни вы и никто из вас вообще не смыслит в атомной физике, а потому ваше мнение в счет не идет.

Единственное, что мне еще не ясно, — продолжал он, — так это кто кого опередит: Конгресс, лишив вас прав, или разъяренная публика, которая разнесет на куски ваш драгоценный реактор!

И прежде чем они успели сформулировать достаточно продуманный ответ, прежде чем их бессильная злоба перешла в холодное упрямство, Ленц предложил им свой гамбит. Он ознакомил их с другим планом пропагандистской кампании, прямо противоположным первому.

Теперь речь шла не о том, чтобы свергнуть совет директоров, а о том, чтобы его возвеличить. Техника осталась прежней: выступления и тонко построенные статьи, полные глубокого человеческого интереса к деятельности компании, которая на сей раз будет представлена как мощное предприятие, управляемое бескорыстными патриотами и мудрыми представителями де-

лового мира, пекущимися о благе страны. В нужный момент будет обнародовано открытие Харпера—Эриксона, но не как почти случайный результат личной инициативы двух молодых инженеров, а как плод многолетних систематических изысканий, проводившихся в соответствии с неизменной политикой совета директоров, человеколюбивой политикой, обусловленной твердой решимостью избавить навсегда от угрозы атомного взрыва даже безлюдную пустыню Аризоны. Об опасности нависшей катастрофы не будет упомянуто вовсе.

Ленц обрабатывал их со всех сторон. Он долго распространялся о бесконечной признательности благодарного человечества и, незаметно передергивая карты, внушал им, что они настоящие герои. Он беззастенчиво играл на самых сокровенных инстинктах представителей рода человеческого, для которых всегда приятно одобрение себе подобных, даже если оно незаслуженно.

И с каждой минутой он выигрывал драгоценное время. Он перебирал одно за другим самые веские возражения, убеждал одного за другим самых твердолобых. Он был мягок с одними и жесток с другими, играя на личных интересах каждого. Для чувствительных, религиозных отцов семейств он еще раз, не жалея красок, обрисовал страдания, смерть и разрушения, которые могли бы последовать из-за их слепой веры в бездоказательные и весьма рискованные допущения дестреевской теории. И сразу же вслед за этим он в самом радужном свете набросал картину счастливого мира, освобожденного от страха и полностью обеспеченного безопасной энергией, картину «золотого века», который они создадут своей ничтожной уступкой.

И великий психолог выиграл. Они сдались не все сразу, все-таки создали комитет для изучения возможности запуска большого реактора в космос. Ленц умело подсказывал имена, и Диксон утверждал их — вовсе не потому, что был с ним согласен. Но он был захвачен врасплох и, не находя достаточного повода для отвода того или иного кандидата, просто боялся испортить отношения с коллегами. А уж Ленц позаботился о том, чтобы в комитет вошли все его сторонники.

О предполагавшейся отставке Кинга никто даже не заговаривал. Ленц был уверен, что никто о ней и не вспомнит.

Ленц выиграл, но дел впереди было невпроворот. Первые дни после победы Кинг воспрянул, надеясь, что он будет избавлен от убийственного страха и ответственности. Надежды его рухнули, когда ему любезно предложили в дополнение к прежним взять на себя новые обязанности. Харпер и Эриксон были откомандированы в распоряжение Годдардского центра. Там они вместе с ракетчиками должны были проектировать корабль для вывода на орбиту Большой Бомбы.

Когда возбуждение первого периода после победы прошло, даже перспектива остановки реактора и его перемещения в космос не смогла спасти Кинга от вполне естественной реакции. Он мог только следить за своей Большой Бомбой и ждать, пока инженеры из Годдардского центра не справятся со всеми проблемами и не построят подходящий для реактора космический корабль.

А там, в Годдардском центре, были свои трудности, за которыми возникали другие, все новые и новые. Еще никто не сталкивался с такими высокими скоростями. Пришлось перепробовать несчетное количество вариантов, прежде чем была определена наиболее подходящая форма корабля. Когда с этим было покончено и успех, казалось, был уже достигнут, внезапно во время наземных испытаний сгорели двигатели.

И была еще одна проблема, совсем непохожая на проблемы, вставшие перед ракетчиками: что делать с энергией, которую будет вырабатывать большой реактор на спутнике? Ее разрешили только в общих чертах, решив установить реактор не внутри, а вне спутника, безо всяких ограждений, чтобы он сиял как маленькая звезда. Ученые надеялись, что со временем им удастся обуздать и эту лучистую энергию и направить ее к приемным станциям Земли.

А тем временем генерал-директор Кинг ждал и от нетерпения грыз ногти. Даже возможность следить за работой Годдардского центра не приносила облегчения. И чем скорее продвигалась работа, тем насущнее, тем навязчивее становилась потребность отдавать все силы,

все внимание большому реактору здесь, чтобы он — не дай бог! — не взорвался в последнюю минуту.

Кинг начал сам проверять дежурных инженеров, но от этого ему пришлось отказаться: его посещения еще больше нервировали их, и двое помешались в один день, причем один — во время дежурства.

Вначале Кинг старался держать в тайне принятое решение, но скоро эта тайна стала всеобщим достоянием — видимо, по вине тех, кто участвовал в работе комитета. В конце концов Кинг рассказал инженерам все, взяв с них слово не разглашать секрет. Это действовало неделю или чуть больше, пока длился подъем. Потом наступила реакция, и психиатры-наблюдатели начали снимать инженеров с дежурств одного за другим почти каждый день. Кроме того, они все чаще сообщали о психологической неустойчивости своих коллег. И Кинг с горьким юмором констатировал, что скоро ему не будет хватать психиатров. Теперь инженеры, выходявшие на четырехчасовые смены, менялись уже через каждые шестнадцать часов. Кинг знал — если снимут хотя бы еще одного, ему самому придется встать на его место. И это было бы для него облегчением — взглянуть наконец опасности в глаза.

Тем временем страшная тайна каким-то образом дошла до кое-кого из гражданских лиц, не имевших к реактору прямого отношения. Это было недопустимо — паника грозила захлестнуть всю страну. Но что он мог сделать? Ничего.

Кинг долго ворочался в постели, взбивая подушку, старался уснуть, но ничего не получалось. Голова трещала, глаза болели от напряжения, мозг работал бессмысленно и безостановочно, как испорченная патефонная пластинка, повторяющая одно и то же.

О Господи! Это было невыносимо. Кинг подумал, не сходит ли он с ума, если только уже не сошел. Теперь все было сложнее и страшнее, в тысячу раз страшнее, чем раньше, когда он считал опасность только возможной, но не неизбежной. Реактор остался таким же — страшно было сознание, что пятиминутное перемирие

окончилось, и вот-вот прогремит залп, и он перед ним беззащитен и безоружен.

Кинг сел на постели, включил ночник и посмотрел на часы. Три часа тридцать минут. Хорошенькая примета! Он встал, пошел в ванную, всыпал в стакан снотворное и, растворив его в виски пополам с водой, залпом проглотил.

Потом он вернулся в спальню и лег. И наконец уснул.

Он бежал, он молча бежал по длинному коридору. В конце его было спасение — он знал это, но был так измучен, что боялся не добежать.

Опасность была слишком близка, а он едва передвигал свинцовые, налитые болью ноги. Опасность настигла, он чувствовал, что не успевает, и сердце его то останавливалось, то снова начинало гнать кровь судорожными толчками. Но он должен был добежать до конца коридора, он знал, что от этого зависит не только его жизнь, а гораздо большее! Он должен был, должен был, должен!

Ослепительная вспышка — и он понял, что опоздал, и беспредельное, горькое отчаяние поражения охватило его. Он проиграл: большой реактор взорвался...

Кинга разбудила вспышка автоматически включившейся лампы — семь часов утра! Пижамы его были мокрой от пота, и сердце стучало как молот. Каждый его нерв дрожал от напряжения. Чтобы избавиться от этого, ему нужно было нечто большее, чем холодный душ.

Кинг явился в свое бюро, когда уборщик лишь только заканчивал свою работу. Он сел за стол и сидел, ни о чем не думая и ничего не делая, часа два. Ленц вошел в кабинет как раз тогда, когда генерал-директор вынул из коробочки на столе две маленькие таблетки.

— Минутку... не спешите, старина, — медленно проговорил Ленц. — Что это у вас?

Он обошел стол и взял коробочку.

— Всего лишь успокаивающее.

Ленц внимательно прочел надпись на коробке.

— Сколько вы уже приняли сегодня?

— Только две таблетки.

— Вам это ни к чему. Прогулка на свежем воздухе будет полезней. Пойдемте-ка со мной!

— Хм, послушать вас — одно удовольствие. А сам курит незажженную сигарету!

— Я? В самом деле. Значит, прогулка нам обоим не помешает. Пойдемте!

Харпер появился на пороге приемной комиссии минут через десять после ухода Кинга и Ленца. Штейнке был уже на своем месте. Харпер и его спутник, молодой крепкий парень с уверенными движениями, вошли в секретарскую. Штейнке кивком указал им на дверь кабинета генерал-директора.

— Приветствую, мистер Кинг! — начал было Харпер, но остановился, видя, что кабинет пуст.

— Где шеф? — спросил он.

— Вышел, — отозвался Штейнке. — Он сейчас вернется.

— Я подожду. Да, Штейнке, это Грин — познакомьтесь!

Покончив с рукопожатиями, Штейнке спросил Харпера:

— Ты чего вернулся, дружище?

— Я? Тебе, пожалуй, можно сказать...

Внезапно осветившийся экран внутреннего видефона прервал его. Чье-то смутное лицо заполнило все пространство — очевидно, человек стоял слишком близко и был явно не в фокусе.

— Мистер Кинг! — прокричал исполненный ужаса голос. — Реактор...

Какая-то тень пронеслась наискосок через весь экран, послышался хрустящий удар, и лицо исчезло. Сразу стал виден контрольный зал. На плитах пола неподвижно лежала бесформенная фигура. Другая фигура промчалась мимо приемного объектива и исчезла.

Харпер очнулся первым.

— Это Силард! — закричал он. — Силард в контрольном зале. Штейнке, скорей!

И он бросился к двери.

Штейнке смертельно побледнел, но уже через мгновение нагнал Харпера. Грин, хотя его никто не приглашал, бежал за ними по пятам ровным тренированным шагом.

На станции подземки им пришлось подождать, пока из туннеля не выскочила свободная капсула. Потом все трое втиснулись в кабину, рассчитанную на двоих пассажиров. Капсула не отходила, и они потеряли еще несколько секунд, пока Грин не вылез.

Четырехминутное путешествие с наивысшим ускорением показалось им вечностью. Харпер уже подумал, что они застряли, когда раздался знакомый щелчок и вспыхнул свет, — они были под зданием реактора. При выходе они действительно застряли в узкой дверце, пытаясь выскочить одновременно.

Лифта вниз не оказалось, и они не стали его ждать. Это было ошибкой. Во времени они ничего не выиграли и добрались до этажа, где находился контрольный зал, совершенно запыхавшись. Несмотря на это, они еще прибавили скорости, промчались бок о бок между щитами защиты и влетели в контрольный зал.

Безжизненная фигура по-прежнему лежала на полу, другая, такая же неподвижная, растянулась рядом.

Третий человек, в панцире, стоял, склонившись над триггером. Он поднял голову и бросился на них. Харпер и Штейнке вцепились в него, и все трое покатались по полу. Их было двое на одного, но они только мешали друг другу, а тяжелый панцирь защищал их противника от ударов. И он отбивался с нечеловеческой яростью одержимого.

Харпер вдруг ощутил слепящую, острую боль — его правая рука повисла, как тряпка. Бронированный безумец отшвырнул их обоих. В это мгновение чей-то голос рывкнул за их спиной:

— Ни с места!

Харпер увидел вспышку и услышал глухой треск, прозвучавший неестественно громко в замкнутом пространстве контрольного зала.

Человек в панцире упал на колени, качнулся назад, потом вперед и тяжело рухнул ниц. В дверях стоял Грин, поддерживая указательным пальцем еще раскачивающийся армейский пистолет.

Харпер встал и подошел к триггеру. Он попытался уменьшить мощность энергетического потока, но правая рука его совсем не слушалась, а левая была разбита в кровь.

— Штейнке! — крикнул он. — Иди сюда! Займись этим.

Штейнке подбежал к нему, взглянул на приборы и лихорадочно принялся за дело.

За этим и застал их Кинг, когда ворвался в контрольный зал минут десять спустя.

— Харпер! — закричал он, еще не успев с первого взгляда оценить ситуацию. — Что здесь случилось?

Харпер коротко объяснил. Кинг кивнул:

— Я видел самый конец вашей свалки из кабины...

Но тут, взглянув наконец на триггер, он задохнулся от ужаса и бросился к приборам.

— Штейнке! Ведь он же не может вычислять!!!

Штейнке со счастливой улыбкой повернулся к нему навстречу.

— Шеф! — ликовал он. — Шеф, я вспомнил все, всю мою математику!

Кинг остановился в изумлении. Он только кивнул и повернулся к Харперу:

— А как ты здесь оказался?

— Я? Чтобы сообщить вам, шеф: у нас все готово!

— Что все?

— Мы закончили работу. Эриксон завершает установку оборудования для реактора на большом корабле, а я прилетел на рейсовой ракете, которая будет доставлять атомное горючее с нашей Бомбы на Землю. Вот мой штурман. — И он указал на Грина, из-за широкой спины которого выглядывал подоспевший Ленц.

— Одну минуту! — сказал Кинг. — Ты говоришь, у нас все готово для установки реактора на корабле-спутнике? Ты в этом уверен?

— А как же! Большой корабль уже летал на нашем горючем, и летал куда дольше и быстрее, чем ему понадобится, чтобы выйти на свою орбиту. И я был там, в космосе! Шеф, у нас состояние готовности номер один.

Кинг посмотрел на аварийную кнопку за хрупким стеклом посреди приборного щита.

— Горючего у нас достаточно, — проговорил он негромко, как будто беседовал сам с собой, — горючего хватит не на одну неделю.

Он быстро шагнул вперед, разбил кулаком стекло и нажал кнопку.

Пол дрогнул, и стена завибрировала, когда тонны расплавленного металла, более тяжелого, чем золото, устремились по отводящим каналам, ударили в распределительные заслонки, разбились на сотни ручейков и потекли в свинцовые контейнеры, чтобы застыть там безобидными и безопасными брусками, пока их не соберут все вместе в космосе, далеко от Земли.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

1

— Да ты поверь!

В ответ на восклицание компаньона Джордж Стронг лишь фыркнул.

— Кончай, Делос. Сколько лет уже эта песня тянется... Может, когда-нибудь и доберутся люди до Луны. Только не верится что-то. Во всяком случае, мы-то с тобой не доживем. Потеря энергетического спутника лишила наше поколение возможности достичь Луны.

Д. Д. Харриман ухмыльнулся.

— Конечно, не доживем, если будем без толку штаны просиживать! Мы можем сделать это!

— Во-первых, как? А во-вторых, для чего?

— Он еще спрашивает! Джордж, да есть ли в твоей душе место для чего-либо, кроме прибылей и убытков? Неужели тебе никогда не приходилось лунной летней ночью сидеть с девчонкой, глазеть на Луну и думать: а что там, на Луне?

— Да, раз пришлось. И я на этом заработал приличный насморк.

Харриман спросил Всевышнего, за какие такие грехи тот предал его в руки филистимлян, а затем вновь обратился к компаньону.

«The Man Who Sold the Moon»

© Д. Старков, перевод, 1993.

— Я могу объяснить, для чего нам это нужно, да ты все равно не поймешь. Тебя ведь выгода интересует, верно? Выгода, которую «Харриман и Стронг» и «Харриман Энтерпрайзис» с этого будут иметь?

— Верно, — согласился Стронг. — И не рассказывай мне сказок об организации экскурсий и несметных сокровищах Луны, всего этого я уже достаточно наслушался.

— Ты просишь выложить тебе все цифры по предприятию совершенно нового типа, отлично зная, что я не смогу. Это все равно, что просить братьев Райт во времена «Китти Хоук» оценить будущие доходы «Куртисс-Райт Корпорейшн» от самолетостроения. Я сделаю по-другому. Помнишь, ты был против того, чтоб мы занялись пластиковыми домами, а? Если б все шло по-твоему, мы бы по сию пору торчали в Канзас-Сити и получали ренту за сдачу в поднаем коровьих пастбищ!

Стронг пожал плечами.

— А сколько на сегодняшний день принесла нам «Нью Уорлд Хоумс»?!

С безразличным видом Стронг в очередной раз продемонстрировал тот талант, который был его вкладом в Компанию:

— Э-э... сто семьдесят два миллиона девятьсот сорок шесть тысяч четыре доллара шестьдесят два цента, это после вычета налогов за прошедший финансовый год. На сегодняшний день...

— Ладно, ладно. Сколько пришлось на нашу долю?

— Так... Компания, не считая твоей личной доли, которую ты потом продал мне, за тот же период выручила от «Нью Уорлд Хоумс» около тринадцати миллионов десяти тысяч четырехсот тридцати семи долларов двадцати центов, не считая персональных налогов. Знаешь, Делос, с этим двойным налогообложением надо что-то делать. Наказывать бережливость — значит, загонять страну прямиком в...

— Потом, потом! Сколько принесли нам «Скайбласт Фрейт» и «Энтиподиз Трансуэйз»?

Стронг ответил и на это.

— А помнишь, мне пришлось пообещать задать тебе трепку, чтобы заставить выложить хотя бы десять центов в обеспечение нашего контроля над инжекторным

патентом?! Помнишь, как ты утверждал, что мода на ракеты скоро пройдет?!

— Ну, это нам просто повезло, — возразил Стронг. — Откуда тебе было знать, что в Австралии произойдет большая урановая забастовка. А не будь ее, группа «Скайуэйз» ничего, кроме долгов, не принесла бы. И с «Нью Уорлд Хоумс» мы тоже прогорели бы, если б не появление городов-дорог! Только потому, что они обеспечили нам рынок, не связанный местными законами о строительстве...

— Ерунда — целиком и полностью! Быстрая транспортировка всегда себя оправдывает, а насчет «Нью Уорлд» — если десяти миллионам семей необходимы новые дома — а мы можем продавать такие недорого — то они их с удовольствием купят и не позволят законникам путаться под ногами. Мы играли наверняка, будь уверен! Любая моя «авантюра» приносила прибыль — скажешь, нет? А тот единственный раз, когда мы понесли убытки, к моим «авантюрам» не относился!

— Ну, мы и без твоих авантур деньги делали, — возразил Стронг.

— Этих денег и на яхту твою не хватило бы. Будь честен хотя бы с самим собой, Джордж. Вспомни «Андс Дивелэпмент Компани», патент на интегрирующий пантограф, — любая из «авантур», в которую я тебя втянул, приносила прибыль.

— Ну, — проворчал Стронг, — мне до кровавого пота пахать пришлось, чтобы твои авантуры принесли этот доход.

— Потому-то мы и компаньоны. Я хватаю сумасшедшую идею за хвост, а ты ее объезжаешь и приспособливаешь к работе. Теперь мы отправимся на Луну, и ты выжмешь деньги из нее.

— Говори за себя. Лично я на Луну не собираюсь.

— А вот я — полечу!

— Уф-ф-ф! Делос, ну ладно. Мы на твоих догадках разбогатели, это так. Однако есть такая поговорка: «жадность фраера сгубила».

— К чертям все это, Джордж! Я полечу на Луну. Если не хочешь меня поддержать, давай ликвидируемся; я займусь этим сам.

Стронг забарабанил по столешнице.

— Погоди, Делос. Я вовсе не отказывался поддерживать тебя...

— Тогда — или тащи рыбу, или режь леску. Пришла пора, и я решился. Я хочу быть Первым человеком на Луне.

— Ну что же... Тогда давай полетим. Кстати, мы на собрание опаздываем.

Выходя из их общего кабинета, экономный во всем Стронг погасил свет. Харриман тысячу раз видел, как он это делает, но теперь заметил:

— Джордж, а что ты скажешь об автоматическом выключателе, который будет гасить свет, когда выйдешь из кабинета?

— Хммм... А если в кабинете кто-то остался?

— Настроить его на тепло человеческого тела — пускай горит, пока в помещении кто-то есть.

— Сложно. Да и дороговато.

— Не факт. Подкину идею Фергюссону, пусть побалуется. Чтобы прибор был размером не больше обычного выключателя и дешевле той суммы, которую он сэкономит за год на энергии.

— А как он будет работать? — осведомился Стронг.

— А я откуда знаю? Я же не инженер. Спроси Фергюссона, или еще кого из образованных.

— В коммерческом отношении это не слишком заманчиво, — заметил Стронг. — Гасить свет, уходя, это черта характера. У меня она есть, у тебя — нет, и человека, у которого ее нет, таким выключателем не заинтересуешь.

— Заинтересуем, если не снимут лимиты на электричество. Сейчас у нас энергетический кризис, а дальше будет еще хуже.

— Временно, временно. Сегодня на собрании все будет ясно.

— Джордж, в мире нет ничего постояннее временных кризисов. Выключатель будут покупать.

Стронг достал ручку и блокнот.

— Завтра введу Фергюссона в курс дела.

Харриман уже забыл о выключателе. Они вышли на крышу, он знаком подозвал такси, а затем вновь обратился к Стронгу.

— Сколько мы сможем собрать, если продадим наши доли в «Роудуэйз», «Белт Транспорт Корпорейшн» и «Нью Уорлд Хоумс»?

— Чего-о? Ты что, совсем рехнулся?!

— Возможно. Однако мне понадобятся все деньги, какие только ты сможешь найти. «Роудуэйз» и «Белт Транспорт» все равно нам не нужны: следовало еще раньше от них избавиться.

— Нет, ты точно с ума сошел! Это — единственные устойчивые предприятия из всех, что ты финансируешь!

— Когда я начал их финансировать, они не были устойчивыми. Пойми, Джордж, города-дороги — вчерашний день. Они родились мертвыми, как железные дороги в свое время. Пройдет какая-нибудь сотня лет, и на континенте их совсем не останется. А назови-ка мне формулу получения денег?

— Купи дешево, продай дорого.

— Это только половина... Та, что касается тебя. Мы должны догадаться, куда идет наш мир, начать дело, а затем урвать для себя местечко в бельэтаже. Так что ликвидируй всю эту ересь, Джордж; чтобы действовать, мне нужны деньги.

Такси приземлилось, они забрались в него и взлетели.

Приземлившись на крыше «Хемисфиар Пауэр Билдинг», они отправились в зал совещаний энергетического синдиката, расположенный под землей, на глубине, равной высоте небоскреба. В то время, несмотря на многолетний покой и мир, финансовые воротилы предпочитали относительно защищенные от ядерного удара помещения. Впрочем, зал не был похож на бомбоубежище — он скорее напоминал комнату в роскошном пентхаусе. «Окно» за председательским креслом показывало панораму города — очень натуральное стереоизображение, которое передавалось сюда с крыши.

Другие члены правления уже собрались. При появлении Харримана и Стронга Диксон кивнул и, глядя на часы, сказал:

— Что ж, джентльмены, вот и наши опоздавшие явились; пожалуй, можно начинать.

Заняв место председателя, он слегка постучал по столу, прося тишины.

— Протоколы последнего заседания, как обычно, в ваших блокнотах. Сигнализируйте готовность.

Харриман глянул в конспект, лежавший перед ним на столе, и нажал кнопку в столешнице. Рядом с ним загорелась небольшая зеленая лампочка. То же самое сделали большинство членов правления.

— Кто там все тормозит? — оглянулся Харриман. — Ты, Джордж? Давай, не задерживай.

— Цифры я предпочитаю проверять, — проворчал в ответ его компаньон и нажал кнопку. Перед председателем Диксоном вспыхнула большая зеленая лампочка, и тот в свою очередь тоже нажал кнопку. На табло, возвышавшемся перед ним в нескольких дюймах от столешницы, высветилась надпись: «Идет запись».

— Рабочий доклад.

Диксон нажал другую кнопку; в комнате зазвучал женский голос. Харриман принялся следить за докладом по своему собственному блокноту. Тринадцать энерго-реакторов Кюри были задействованы, после последнего собрания прибавилось еще пять. Реакторы Саскуэханнны и Чарльстона выдали мощности, равные тем, что раньше забирали у города-дороги Атлантик; теперь он смог выйти на нормальную скорость. Восстановление движения дороги Чикаго—Лос-Анджелес ожидалось в течение следующих двух недель. Лимиты на энергию снимать пока что рано, но в целом кризис уже миновал.

Все это было очень интересно, однако Харримана сейчас занимало другое. Энергетический кризис, вызванный взрывом энергоспутника, преодолели удовлетворительно; хорошо, конечно, но Харриман думал лишь о том, что теперь закладка фундамента в дело межпланетных перелетов задерживается. И, возможно, навсегда.

Как известно, с открытием искусственного изотопного топлива Харпера—Эриксона помимо решения проблемы безопасности энергоисточников было найдено эффективное средство для осуществления межпланетных перелетов.

В Аризоне на одну из самых больших транспортных ракет был установлен энергореактор; он вырабатывал топливо для самой ракеты, которая и вывела установку на околоземную орбиту. Между новым спутником и Землей курсировал «шаттл», доставлявший все необходимое для персонала реактора и увозивший синтезированное ядерное топливо для Земли.

Харриман, как член правления энергетического синдиката, поддерживал идею спутника, но при этом не забывал и о собственных интересах. Он предполагал заправить лунный корабль произведенным на спутнике топливом и таким образом почти сразу же совершить первый полет к Луне. Пробудить от извечной спячки Министерство обороны он даже не пытался, равно как и получить субсидии от правительства. Корабль ведь уже имелся, а вскоре и топливо должно было подоспеть.

Кораблем была его собственная транспортная ракета, ранее называвшаяся «Брисбейн» и вновь введенная в строй под именем «Санта-Мария». Ее химические двигатели заменили, крылья сняли, остановка была лишь за топливом.

Однако топливо задерживалось. В нем нуждался и «шаттл», и весь континент — а эти ежедневно растущие потребности один спутник удовлетворить не мог. Понятное дело, синдикат не спешил выделять топливо для неприбыльного полета на Луну, а чтобы быстрее утолить растущий энергетический голод, предпочел запуску новых спутников безопасные, но менее эффективные низкотемпературные урановые соли и тяжелую воду, а для их использования — энергореакторы Кюри.

К несчастью, реакторы Кюри не могли воспроизвести звездной среды, необходимой для производства изотопного топлива, так нужного ядерным ракетам. Харриман с досады уже подумывал получить топливо для «Санта-Марии» с помощью политического нажима — тут-то спутник и взорвался.

От глубоких размышлений Харримана пробудил голос Диксона.

— Рабочий доклад, джентльмены, кажется удовлетворительным. Если не будет возражений, мы его при-

мем. Заметьте, через девяносто дней мы выйдем на тот же уровень, какой был налицо до вынужденного закрытия реактора в Аризоне.

— Это — не считая будущего возрастания потребностей, — заметил Харриман. — Пока мы тут заседаем, одних детей сколько народится!

— Этим вы хотите возразить против принятия доклада, Ди-Ди?

— Нет.

— Отлично. Теперь — о связях с общественностью. Джентльмены, прошу обратить внимание на пункт первый. Ответственный зампреда представляет перечень ежегодных выплат, пособий, стипендий и тому подобного — для семей персонала спутника и пилота «Харона», смотрите приложение «С».

Сидящий напротив Харримана Финеас Морган, член правления и председатель продовольственного треста «Кьюзин, Инкорпорейтед», возразил:

— Эд, как же так? Конечно, это нехорошо, что они погибли, но ведь мы платили им громадные деньги — да еще страховку в придачу! На что нам еще эта благотворительность?!

Харриман нахмурился:

— А я предлагаю заплатить. Это же чепуха. В Писании сказано: «Не заграждай рта волам молотящим...»

— Ничего себе «чепуха» — больше девятисот тысяч!

— Минутку, джентльмены, — вклинился зампреда по связям с общественностью, тоже член правления. — Если вы, мистер Морган, посмотрите смету, то увидите, что восемьдесят пять процентов всех ассигнований пойдут на рекламу этой самой благотворительности.

Морган заглянул в смету.

— А, это ладно. Что ж вы сразу не сказали? Хорошо, отнесем это к неизбежным издержкам, но прецедент мне совсем не нравится.

— Но без него и рекламировать было бы нечего.

— И все-таки...

Диксон громко постучал по столу.

— Мистер Харриман предложил принять смету. Пожалуйста, голосуйте.

Табло засветилось зеленым; даже Морган после некоторых колебаний одобрил смету.

— Следующий пункт — того же рода, — сказал Диксон. — Миссис... э-э... Гарфилд через своего поверенного тянет нас к ответу за врожденную неполноценность своего четвертого ребенка, мотивируя это тем, что ребенок родился в момент взрыва спутника, а миссис Гарфилд находилась прямо под спутником, на меридиане. Она оценивает ущерб в полмиллиона.

Морган покосился на Харримана:

— Делос, ты, верно, предложишь уладить это без суда?

— Не говори глупостей. Будем судиться.

— Зачем, Ди-Ди? — удивился Диксон. — Я думаю, мы с ней сойдемся на десяти-пятнадцати тысячах; я предлагаю уладить дело миром. Я удивляюсь, как наши юристы могли предать это огласке.

— Да ведь ясно: история скверная, однако следует драться, несмотря на то что она сделает нам плохую рекламу. Миссис Гарфилд со своим щенком к нам никакого отношения не имеет. Любой дурак знает, что при облучении в момент рождения ребенка такого дефекта возникнуть не могло: тут дело в давних генетических нарушениях. Но если мы заплатим ей сейчас, на нас будут подавать в суд за каждое яйцо с двумя желтками! Все это — в пользу того, что на защиту не следует ограничивать ассигнований, но на компромисс — ни цента!

— Возможно, процесс влетит нам в копеечку, — заметил Диксон.

— Компромисс обойдется дороже. Надо будет — купим судьбу.

Зам по связям с общественностью шепнул что-то Диксону, а затем во всеуслышанье объявил:

— Я поддерживаю предложение мистера Харримана. Можете считать это официальной рекомендацией моего отдела.

Предложение было одобрено.

— Далее, — объявил Диксон, — груда исков; это из-за уменьшения скорости городов после того, как ввели лимиты на электричество. Иски по поводу убытков, потери времени, того-сего, но главная причина

езде одна и та же. По-моему, самый заковыристый из них — от акционера, который заявил, будто «Роудуэйз» и наша Компания так тесно переплетены, что решение отдать энергию ущемляло интересы акционеров «Роудуэйз». Делос, это по вашей части. Что скажете?

— Скажу, что этим не следует забивать себе голову.

— Как?

— Чушь собачья все эти иски. Корпорация ответственности не несет. Я проследил, чтобы «Роудуэйз» пошла на продажу энергии добровольно, поскольку предвидел такой финт. Правление ничем не связано — во всяком случае, на бумаге. Стало быть, на иски акционеров внимания обращать не стоит. Забудем. На каждый такой иск «Роудуэйз» может хоть дюжину подать! И мы их все разнесем в пух и прах.

— Отчего вы так уверены?

— Да вот... — Харриман, повернувшись в кресле, перекинул ногу через подлокотник. — Давным-давно, в незапамятные времена, работал я посыльным в «Вестерн Юнион». Пока сидел и ждал в конторе — читал все, что под руку попадется. Естественно, и текст контракта на обороте телеграфных бланков. Помните, большие такие блокноты, бумага желтая... Составляя текст телеграммы на лицевой стороне, заказчик тем самым подписывал контракт, напечатанный красивым шрифтом на обороте, только большинство людей этого не понимало. И знаете, к чему этот контракт обязывал компанию?

— Наверное, доставить послание...

— Черта с два! Компания лишь обещала *попытаться* его доставить: караваном верблюдов, у улитки на спине — любым подходящим способом. А в случае неудачи компания умывала руки! Этот мелкий шрифт я выучил наизусть — поверьте, это лучшая проза, какую я читал в своей жизни! И все свои договоры с тех пор я строил только по этому принципу. Те, кто собирается притянуть «Роудуэйз» к ответу, обнаружат, что ее нельзя привлечь по временному фактору — время не является существенным условием. В случае же полного невыполнения — правда, такого еще не бывало — «Роудуэйз» отвечает только за груз и стоимость личных проездных билетов. В общем, не берите в голову.

Морган так и вскинулся:

— Ди-Ди! А если я нынче вечером поеду по дороге в свой загородный дом, и тут случится авария, или еще что, и я до утра не доберусь... «Роудуэйз» не отвечает?!

— «Роудуэйз» не отвечает, — улыбнулся Харриман, — даже если вы в дороге помрете с голоду. Так что вам лучше воспользоваться вашим вертолетом.

Харриман обратился к Диксону:

— Предлагаю с этими исками потянуть, пусть за нас этим занимается «Роудуэйз».

Вскоре Диксон объявил:

— Повестка дня на сегодня исчерпана. Слово предоставляется нашему коллеге, мистеру Харриману. Он выносит на обсуждение вопрос, выбранный им лично. Ранее вопрос в повестку дня включен не был, но, надеюсь, мы выслушаем мистера Харримана.

Морган мрачно покосился на Харримана:

— Я предлагаю — разойтись.

— Будь моя воля, — ухмыльнулся Харриман, — я бы это поддержал, чтобы вы подошли от любопытства.

Собрание изъявило желание выслушать Харримана. Тот поднялся:

— Господин председатель! Друзья мои! — Кинув взгляд на Моргана, он добавил: — ...и компаньоны. Всем вам известен мой интерес к межпланетным путешествиям.

— Не начинай ты снова-здорово, Делос! — вызвился на Харримана Диксон. — Не будь я председателем, я тоже предложил бы всем разойтись!

— Именно «снова-здорово», — признался Харриман. — Опять и впредь. Вы послушайте. Три года назад, когда мы выводили на орбиту аризонский реактор, это выглядело чуть ли не развлечением. Когда формировалась «Спейсуэйз, Инк.», некоторые из вас поддерживали меня, вложив деньги в космические исследования и эксперименты и в эксплуатацию технических средств. Космос был покорен. Ракеты, снующие по орбитам вокруг нашего шарика, можно было переделывать для полета на Луну, а уж оттуда — куда угодно! Остановка была за малым — взяться за дело. Главную проблему представляли финансы. Финансы и — политика. Потому что все серьезные технические проблемы

были решены еще во времена Второй мировой, однако покорение космоса долгое время оставалось вопросом финансов и политики. Опыт Харпера—Эриксона, в результате которого у нас появились ракеты, способные облететь земной шар, и практичное, экономичное топливо для них, настолько приблизил космические полеты к реальности, что я не возражал против выделения первых партий топлива, изготовленного на спутнике, для нужд промышленности.

Харриман оглядел присутствующих.

— А следовало возражать! Орать, давить, и, наконец, так достать вас, чтоб вы выделили топливо для космического перелета — лишь бы от меня отделаться. А теперь наш лучший шанс — и тот улыбнулся нам на прощание! Ни спутника, ни иного источника топлива, ни даже «шаттла». Мы отброшены назад, в тысяча девятьсот пятидесятый. И потому...

Он вновь сделал паузу.

— И потому я предлагаю: построить космический корабль и достичь Луны!

Первым молчание нарушил Диксон:

— Делос, ты здоров? Ты сам только что сказал, что теперь уже поздно. И тут же предлагаешь строить корабль.

— Я не говорил, будто теперь уже поздно. Я сказал, что мы упустили лучшую нашу возможность. Время космических полетов пришло! На нашем шарике с каждым днем все тесней, и, несмотря на все технические достижения, ежедневное потребление продовольствия стало меньше, чем тридцать лет назад. Каждую минуту у нас рождаются сорок шесть малышей, в сутки — шестьдесят пять тысяч, в год — двадцать пять миллионов! Человечество готово заселять иные миры; если там будет что искать, мы пойдем туда! Да, наш лучший шанс упущен, однако технические проблемы решить можно. Вопрос в том, кто будет платить по счетам. И потому я обращаюсь к вам, джентльмены. Ведь здесь, в этом зале, виднейшие финансисты планеты.

Морган поднялся.

— Господин председатель! Если все дела *Компании* завершены, прошу меня извинить...

Диксон кивнул.

— Счастливо, Финеас, — сказал Харриман. — Извините, что задержал. Итак, как я уже говорил, все дело в деньгах, и именно у нас они есть. Предлагаю синдикату финансировать полет на Луну.

Предложение никого особенно не удивило: Харримана здесь знали. Диксон сказал:

— Кто поддержит предложение Ди-Ди?

— Минутку, господин председатель.

Это сказал Джек Энтенса, президент «Ту-Континентс Эмьюзмент Корпорейшн».

— Я бы хотел задать Делосу несколько вопросов.

Энтенса обратился к Харриману:

— Ди-Ди, ты помнишь, я поддержал тебя, когда ты начинал дело со «Спейсуэйз». Предприятие, казалось, немного стоило, ну, может быть, в плане образования и науки. Меня никому не удавалось надуть с помощью космолетов, летающих к другим планетам; это — фантастика чистейшей воды. И впредь я не собираюсь сверх разумного увлекаться твоими мечтаниями, однако... Как ты собираешься достичь Луны? Сам ведь говоришь, что мы теперь без топлива.

С лица Харримана не сходила улыбка.

— Ладно, Джек, я ведь не мальчик. Я знаю, отчего ты меня поддержал. На науку ты бы гроша ломаного не выложил. Ты хочешь забрать себе монопольное право на кино и телевидение. Поддержишь меня — будет тебе монопольное право, а нет — я с «Рекриэйшн, Анлимитед» столкуюсь. Они дадут денег, хотя бы просто тебе назло.

Энтенса с подозрением покосился на Харримана.

— И сколько ты с меня хочешь?

— Твою последнюю рубашку, глазной зуб, да плюс обручальное кольцо твоей благоверной. Если «Рекриэйшн, Анлимитед» не даст больше.

— Ну тебя к дьяволу, Делос! Крокодил бесстыжий!

— Чья бы корова мычала... Ладно, похоже, дело у нас пойдет. Что касается способа достичь Луны вопрос дурацкий. Среди нас нет никого, кто мог бы управиться с техникой сложнее ножа и вилки. Ты ведь гаечного ключа от ракеты не отличишь, а задаешь мне

вопросы о проекте корабля! Ладно, я скажу, как думаю добраться до Луны. Найму головастых ребят, дам им все, что попросят, позабочусь о том, чтоб денег им хватило, уговорю работать, рук не покладая, потом затихарюсь в уголке и буду ждать, пока они не закончат. Буду вести дело, как Манхэттенский проект — помните историю с атомной бомбой? Кое-кто из вас должен помнить «пузырь» на Миссисипи. Тот, кто эту лавочку возглавлял, не смог бы отличить нейтрона от собственного дядюшки Джорджа, однако результатов добился. Они решили проблему *четырьмя* способами! Вот почему я не беспокоюсь о топливе. Мы его получим, и в нескольких вариантах.

— Думаете, получится? — спросил Диксон. — Помоему, вы хотите, чтобы мы разорили Компанию ради изысканий, которые не принесут никакой прибыли. Разве что — для науки и одноразовых развлечений. Против вас я ничего не имею и даже готов вложить тысяч десять-пятнадцать в ваше, без сомнения, достойное предприятие, однако, извините, деловым предложением это считать не могу.

Харриман встал, опершись о столешницу кончиками пальцев и оглядел сидящих за столом.

— Десять-пятнадцать тысяч шоколадных медалек! Дэн, я рассчитываю получить от тебя самое меньшее два миллиона! И мы еще не успеем закончить, как ты уже начнешь выпрашивать побольше акций! Ведь это — величайшая операция с недвижимостью со времен раздела Папой Нового Света. Не спрашивай, как именно мы сделаем на этом деньги — я не смогу расписать тебе все по пунктам — однако вот что скажу. В активе у нас — *целая планета!* Планета, Дэн, притом — *нетронутая!* А дальше — тысячи таких планет! И если мы не срубим на этом деле пару-другую долларов, нам пора уходить от дел. Это ж все равно, что нам предлагают остров Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски!

— Тебя послушать, так это — наш единственный в жизни шанс, — буркнул Диксон.

— К дьяволу — единственный в жизни! Это величайшая возможность в истории! Это манна небесная — успевай только раскрывать рот!

Сидевший рядом с Эntenсой Гастон П. Джонс, директор «Транс-Америки» и еще полдюжины банков, один из самых богатых в зале людей, аккуратно стряхнул со своей сигары два дюйма пепла и сухо произнес:

— Мистер Харриман! Я готов продать вам все мои дивиденды от вашего лунного предприятия, как в настоящем, так и в будущем, за пятьдесят центов.

— Продано! — в восторге заорал Харриман.

Эntenса напряженно следил за происходящим, а затем потянув себя за нижнюю губу, сказал:

— Минутку, мистер Джонс. Я даю доллар.

— Полтора, — ответил Харриман.

— Два, — протянул Эntenса.

— Пять!

Так они некоторое время набавляли, но на десяти долларах Эntenса сдался и сел на место, все еще сохраняя задумчивый вид. Харриман радостно оглядел присутствующих:

— Эй, негодяи! В законах из вас кто-нибудь смыслит?

Вопрос был чисто риторическим: из семнадцати членов правления одиннадцать человек были юристами.

— Тони, — продолжал Харриман, — сделай-ка мне документик на эту покупку, да так, чтобы даже Страшный Суд не мог опротестовать. Все интересы — имущественные, природные, прямые и косвенные, настоящие и будущие, и так далее. Чтоб латынь там... Суть контракта в том, что любой доход на Луне, каковой мистер Джонс сейчас имеет, либо может занять в будущем — мой. За десять монет, деньги уплачены.

Харриман шлепнул кредиткой о стол.

— Верно, мистер Джонс?

Джонс слегка улыбнулся.

— Верно, друг мой.

Он спрятал бумажку.

— Вставляю ее в рамку. Пусть внуки видят, как легко иногда делать деньги.

Эntenса тем временем переводил взгляд с Джонса на Харримана и обратно.

— Отлично, — сказал Харриман. — Джентльмены! Мистер Джонс определил стоимость доли одного человека в стоимости спутника нашей планеты. Народу у

нас около трех миллиардов; стало быть, Луна оценивается в тридцать миллиардов долларов.

Он вынул пачку денег.

— Есть еще идиоты? Покупаю каждый предложенный пай по десятке!

— Даю двадцать! — воскликнул Энтенса.

Харриман грустно посмотрел на него:

— Не надо, Джек. Мы ведь заодно. Давай вместе скупать пай по десять.

Диксон постучал по столу, призывая к порядку.

— Джентльмены! Прошу вас заключать подобные сделки после собрания. Кто поддерживает предложение мистера Харримана?

Гастон Джонс сказал:

— По процедуре я обязан довести предложение мистера Харримана до голосования. Прошу поднять руки.

Возражений не последовало. Провели голосование. Одиннадцать против трех. Харриман, Энтенса и Стронг — за, остальные против. Но не успел кто-то предложить разойтись, как Харриман вскочил:

— Я так и думал. Но раз уж Компания более не заинтересована в космических полетах, не будете ли вы любезны продать мне кое-что из патентов, технологий, оборудования, словом, всего, что находится во владении Компании, связано с космосом и не имеет отношения к производству энергии на Земле? Короткий наш медовый месяц со спутником оставил кое-какие запасы, и я хочу задействовать их. Ничего формального: только решение, что политика Компании направлена на всяческое мне содействие, разумеется, не в ущерб своим интересам. Ну как, джентльмены? Это избавит вас от хлопот со мной.

Джонс снова принялся изучать свою сигару.

— Не вижу причин для отказа, джентльмены... Говорю это вам как лицо незаинтересованное.

— Да, Делос, это можно, — согласился Диксон. — Только продавать не будем, мы все дадим вам в долг. Значит, если вам удастся сорвать банк, Компания сохранит свой интерес. Есть возражения?

Возражений не было. Решение внесли в протокол как стратегию Компании, и собрание было закрыто.

Харриман чуть задержался, чтобы посекретничать с Эntenсой и назначить ему встречу. Гастон Джонс, разговаривавший в дверях с Диксоном, помахал компаньону Харримана Стронгу.

— Джордж, можно личный вопрос?

— Давайте. Только ответа не гарантирую.

— Я всегда считал вас человеком здравомыслящим.

Скажите, почему вы поддерживаете Харримана? Он же не в своем уме!

Ответил Стронг не совсем уверенно:

— Я бы должен вас одернуть, он ведь — мой друг... Однако не могу. И все же, черт побери, всякий раз, как у Делоса появлялась дикая идея, она вскоре становилась реальностью! Я терпеть не могу поддерживать его: это заставляет меня нервничать... Но его предчувствиям научился доверять — больше, чем чьим-либо точнейшим финансовым отчетам.

Джонс поднял бровь:

— У него что, дар Мидаса?

— Можно сказать, да.

— Что ж, не будем забывать, чем Мидас кончил. До свидания, джентльмены.

Харриман наконец отпустил Эntenсу, и Стронг присоединился к нему. Диксон проводил их задумчивым взглядом.

2

Дом Харримана построен был еще в те времена, когда всякий, кто мог, старался поселиться где-нибудь на периферии, да вдобавок — закопаться поглубже в землю. Поэтому над поверхностью виден был лишь коттедж-купол с мощным слоем брони под облицовкой, вокруг которого раскинулся искуснейше спланированный парк. Под землю же дом уходил на несколько этажей и защищен был вполне надежно — разве что бомба упадет прямо на крышу. В случае чего дом мог обеспечить жильцов и воздухом в течение целой тысячи часов. Когда настали «смутные времена», хозяева были вынуждены снести обычную ограду вокруг парка и выстроить взамен новую — с виду точно такую же, однако способную остановить даже танковую атаку.

Ворота тоже не давали поводов для тревоги: новое оборудование охраняло их куда надежнее хорошо вышколенных сторожевых псов.

Вдобавок «крепость» Харримана была снабжена почти всеми мыслимыми удобствами. Дорого, конечно, но тут Харриман не жался — Шарлотте дом очень нравился и являлся предметом постоянных ее забот и попечения. В самом начале их супружеской жизни она безропотно сносила все неудобства тесной квартирки над бакалейным магазином; если теперь ей нравится играть с домом «в замок», что на это можно возразить?

Но сейчас Харриман, считай, с нуля начинал новое дело. Несколько тысяч, ежемесячно уходящих на содержание и налоги, могли ощутимо повлиять на ход событий и направить их либо к госпоже Удаче, либо — к судебному исполнителю. Вечером, после ужина, Харриман решился поговорить с супругой. Как только подали кофе и портвейн, он обратился к Шарлотте:

— Дорогая! А почему б тебе не поехать во Флориду? Отдохнешь пару месяцев...

— Во Флориду?! — Жена изумленно уставилась на него. — Делос, ты с ума сошел! Флорида в это время года невыносима!

— Или в Швейцарию... Да выбирай сама местечко по вкусу и устрой себе настоящий отдых!

— Ох, Делос. Ты снова что-то затеял.

Хариман подавил вздох. «Что-то затеять» для любого мужа было непростительным, даже названия не имеющим грехом. «Что-то затеявший» муж немедля подвергался беспощадному осуждению и суровому наказанию. Он на минуту представил себе, что стряслось бы, если б мужчины всегда и во всем обязаны были подчиняться женщинам — их логике и принципам — точь-в-точь сопливые школяры под присмотром строгого учителя...

— Возможно. Слушай, а этот дом... Он не напоминает тебе известного белого слона? Работать не заставишь — все же священное животное; однако жрет не меньше обычного серого работяги.

— И что?

— Давай его продадим. И землю, она теперь в цене. А со временем построим вместо этого бомбоубежища что-нибудь современное. Как ты считаешь?

Это Шарлотту заинтересовало.

— Да, я уже думала... Делос, я представляю себе... Словом, совсем небольшое шале где-нибудь в горах. Ничего показного, не больше двух... нет, трех слуг. Но, пока мы не построимся, этот дом продавать не следует — иначе где же нам жить?

— Но я же не сию минуту собираюсь строить, — осторожно возразил Харриман.

— А почему нет? Мы с тобой, знаешь, не молодеем, и если хотим иметь что-либо в жизни, то лучше нам с этим не медлить. Ты ни о чем не беспокойся; я сама все организую.

Харриман мысленно прикинул все «за» и «против». Пожалуй, стоит дать ей денег на «небольшое шале». Тогда ей, во всяком случае, придется жить в отеле рядом с местом строительства, а значит, можно будет сбыть с рук эти чудовищные катакомбы. Участок менее чем в десятке миль от города-дороги принесет гораздо больше, чем надо на ее «шале». Кроме того, бумажник Харримана перестанет ежемесячно худеть на несколько тысяч.

— Похоже, ты права, — согласился он. — Но если начинать строительство сейчас, то за ним придется присматривать на месте, и ты все равно здесь жить не сможешь. Давай избавимся от этого дома. Налоги, содержание — все это стоит громадных денег!

Супруга покачала головой.

— Делос, хватит об этом. Здесь мой дом.

Харриман раздавил в пепельнице едва раскуренную сигарету.

— Ты уж извини, Шарлотта, но тут придется выбирать. Оставшись здесь, ты не сможешь заниматься строительством. Если тебе так уж хочется жить здесь, давай переберемся в коттедж наверху и выставим всех этих прихлебателей, которые все равно только без толку под ногами путаются. Сейчас нам, как никогда, следует экономить.

— Уволить слуг? Делос, если ты думаешь, что я могу взвалить на себя...

— Прекрати! — Он поднялся и отшвырнул салфетку. — Ведение хозяйства вовсе не требует легиона дармоедов. Когда мы поженились, ты и без них отлично справлялась. Да, сама стирала и гладила, зато хозяевами в доме были мы, а не слуги! Все! Оставим дворецкого и повара, а остальных я вышвырну вон!

Жена будто и не слышала:

— Будь любезен, сядь и успокойся, Делос. Почему нам сейчас необходимо экономить? Что у тебя стряслось?

Утомленный, Харриман сел и ответил:

— Со всяким может что-нибудь стрястись...

— Само собой. И все-таки? Почему ты уходишь от ответа?

— Шарлотта! Мы уже давно договорились, что свои дела я оставляю в конторе. Что касается дома... Ну зачем он нам — такой громадный? Другое дело — если б у нас была куча детишек...

— А-а! Ты снова меня этим попрекаешь!

— Видишь ли, Шарлотта, — устало отозвался Харриман, — я никогда тебя этим не попрекал и сейчас не собираюсь. Я всего-то однажды предложил тебе пойти к врачу и выяснить, в чем тут загвоздка. Однажды предложил, а после двадцать лет был перед тобой виноват. И хватит об этом. Я говорю только о том, что нам двоим нет нужды в двадцати двух комнатах. Хорошо, я дам тебе денег на новый дом, — он хотел сказать сколько, но раздумал. — Или так: закрываем низ и живем в коттедже. Это нам поможет временно сократить расходы.

— Временно? Что случилось, Делос? Что ты собрался делать с нашими деньгами? — Не дождавшись ответа, она двинулась к двери: — Хорошо. Раз ты молчишь, позвоню Джорджу; он мне скажет.

— Шарлотта, прекрати! Я...

Она внимательно вгляделась в его лицо.

— Что «ты»? Да мне и Джорджу звонить не надо; у тебя же на лбу все написано! У тебя выражение лица точно как в тот раз, когда ты, явившись домой, сказал, что вбухал все наши деньги в те идиотские ракеты!

— Шарлотта, ты об этом зря говоришь! Те «идиотские ракеты» себя оправдали и сделали нам немало денег!

— Неважно. Я знаю, что с тобой, тебе опять на Луну возжелалось! А я не позволю, слышишь?! Завтра, прямо с утра, поеду к Кэминсу и выясню, что может привести тебя в чувство.

Жилы на ее шее безобразно вздулись. Харриман призвал на помощь всю свою выдержку:

— Знаешь, Шарлотта, тебе, во всяком случае, жаловаться не на что. Что бы со мной ни случилось — твоему будущему это не повредит.

— Думаешь, мне так уж хочется стать вдовой?

Харриман внимательно посмотрел на жену.

— Не знаю, не знаю.

— Что... ты... скотина безжалостная! — Она так и взвилась над стулом. — Не хочу! Не желаю больше об этом говорить, ясно?!

Не дождавшись ответа, она вышла.

В спальне Харримана уже ждал лакей. Завидев хозяина, он поспешно принялся готовить ванну.

— Кончай, — буркнул Харриман. — Разденусь и сам.

— Распоряжения на вечер, сэр?

— Никаких. А впрочем... Сядь-ка, налей себе чего-нибудь. Слушай, Эд... Ты давно женат?

— Да не считал... — Слуга задумался. — А ведь двадцать три года будет в мае, сэр!

— И... и как оно тебе?

— Грех жаловаться, сэр. Конечно, всяко бывало...

— Понятно. А скажи, Эд, что б ты делал, если бы я тебя уволил?

— Знаете, сэр... Мы с женой частенько говорили, что хорошо бы завести небольшой ресторанчик. Попросто, без претензий, но... Понимаете, сэр: такое место, где джентльмен мог бы спокойно, вкусно и основательно пообедать.

— Стало быть, для холостяков?

— Да нет, сэр, не только. Но там обязательно был бы зал только для джентльменов. Даже без официанток, сэр; я бы сам обслуживал.

— Ну так ищи подходящий ресторан, Эд. Он, считай, уже твой.

3

Как обычно, ровно в девять Стронг вошел в их общий кабинет. Увидев Харримана, он пораился до глубины души. Харриман мог и вовсе не появляться на месте, для Стронга же делом чести было прийти раньше клерков.

Харриман изучал глобус и книгу — последний выпуск «Морского альманаха» — и едва кивнул Стронгу.

— Привет, Джордж. Кто у нас по Бразилии?

— Зачем тебе?

— Надо. Мне нужны несколько опытных руководителей, говорящих по-португальски. И еще несколько — по-испански. Это — не считая трех-четырех дюжин уже имеющих. Я тут кое-что интересное обнаружил. Гляди. Судя по этим таблицам, Луна отходит к северу или югу от экватора всего-то градусов на двадцать восемь—двадцать девять.

Он приставил к глобусу кончик карандаша и крутанул глобус.

— Примерно так. Что ты, стало быть, на это скажешь?

— Только то, что ты портишь глобус, а он стоит шестьдесят долларов.

— И это — старый торговец недвижимостью! Что покупает человек вместе с земельным участком?

— От купчей зависит... Обычно — права на минералы, всякие полезные ископаемые...

— Вздор, вздор! Допустим, он покупает все, без разделения прав. Как глубоко и высоко простираются его владения?

— Ну, он владеет конусом вниз до центра Земли, это определили в связи со спорными случаями при косом и смещенном бурении нефтеносных земель. Теоретически, он владеет всем, что над его участком — до бесконечности. Правда, в ряде дел после начала коммерческих полетов этот порядок поломали, и для нас это хорошо, иначе пришлось бы платить за каждую ракету тьму всяких пошлин.

— Нет, Джордж, вовсе нет! Ты, видно, плохо те дела смотрел! Было установлено право пролета, но собственность на надземное пространство остается незыблемой! И даже право пролета не абсолютно — можешь, к примеру, выстроить тысячефутовую башню там, где обычно пролетают самолеты и ракеты — и им придется брать выше, и даже жаловаться на тебя за это никто не станет! Помнишь, как нам пришлось арендовать воздушное пространство к югу от Хьюджес Филд, чтобы там ничего не строили и не помешали ракетам заходить на посадку?

Стронг задумался.

— Понятно. Древнейший принцип землевладения остается незыблемым: вниз до центра, вверх — до бесконечности. И что с этого? Это же чистейшей воды теория! Ты что, хочешь платить пошлины за пролет твоей лунной ракеты?

Стронг бледно улыбнулся своей шутке.

— Ни боже мой, Джордж. Дело в другом. *Кто владеет Луной?*

У Стронга отвалилась челюсть.

— Это ты... шутишь?

— Нет. Повторяю вопрос: если основной закон гласит, что землевладельцу принадлежит все пространство над его фермой до бесконечности, то *кто владеет Луной?* Посмотри-ка на глобус и скажи.

Стронг посмотрел на глобус.

— Да ерунда это, Делос. Земные законы на Луну не распространяются.

— Зато здесь действуют неплохо; именно это меня и беспокоит. Луна постоянно держится над узкой полоской земли, ограниченной двадцатью девятью градусами северной и двадцатью девятью градусами южной широты. Грубо говоря, если весь тропический пояс будет принадлежать одному человеку, то ему будет принадлежать и Луна. Так? Так. По любой из теорий землевладения, известной в наших судах. И, по логике вещей, которую так обожают законники, выходит, что все владельцы этого земного пояса имеют хорошее, стоящее денег право на Луну, неким образом между ними распределенное. Неясность распределения юристов волновать не будет — они с таких вот распреде-

ленных прав и кормятся. Например, всякий раз, когда оспаривается завещание.

— Фантастика!

— Джордж, когда ты наконец поймешь, что юристам до лампочки — фантастика там, не фантастика...

— Так ты что — хочешь скупить весь тропический пояс? Так?

— Не-ет, — протянул Харриман, — но идея неплохая: скупить все права, интересы и привилегии на Луну прежде, чем они появятся у каждого из суверенных держав тропического пояса. Если б я знал, как проделать это тайно, чтоб не взбудоражить рынок, я бы так и сделал. У человека, считающего вещь ни на что не годной, ее можно купить дешево. Он еще будет бояться, как бы ты не раздумал. Однако мой план заключается не в этом. Я хочу основать местные компании в каждой из этих стран. И чтобы законодательные власти каждой страны этим местным корпорациям предоставили особые права на исследования, эксплуатацию, право претендовать от имени правительства на лунные территории, а в качестве награды за идею — еще и право абсолютной собственности для корпорации-патриота. И все это нужно делать втихаря, чтобы не давать слишком уж больших взяток. Конечно, корпорациями будем владеть мы, вот на что нужна группа опытных управляющих. Кажется, битва за Луну будет вроде Армагеддона. И я хочу перетасовать колоду так, чтоб мы выиграли при любом раскладе.

— Но, Делос, это же будет стоить безумных денег. И ты даже не знаешь, попадешь ли когда-нибудь на Луну... не говоря уже о выгоде.

— Мы доберемся! А не определяться с правами — дороже обойдется. Во всяком случае, не обязательно это так уж дорого выйдет. Применение взяток — это из области гомеопатии; их используют, как катализатор. В середине прошлого века четверо парней приехали из Калифорнии в Вашингтон, имея на четверых всего сорок тысяч. Вскоре у них не осталось ни гроша, но конгресс пожаловал им право на постройку железной дороги, а цена такому праву — миллиард! Хитрость в том, чтобы не взбудоражить рынок.

— Эти права тебе все равно ничего не дадут, — покачал головой Стронг. — Луна же не стоит на месте! Конечно, проходит над частными владениями, однако перелетные птицы делают то же самое...

— ...и на них прав нет ни у кого. Ясно. Однако Луна *всегда* держится над этой полоской земли. Если ты передвинешь камень у себя в саду, он что, перестанет быть твоим? Ведь законы о правах все еще в силе. Это — как в тех делах о блуждающих островах на Миссисипи. Земля, друг мой Джордж, движется, поскольку река прокладывает новые русла, однако кто-то *всегда* владеет этой землей. В нашем случае я хочу позаботиться о том, чтобы этим «кто-то» стали мы.

Стронг сдвинул брови.

— Я, кажется, читал, будто некоторые из дел об островах и побережьях решались так, а другие — этак...

— Возьмем прецеденты, которые нам подходят. Как ты думаешь, отчего жены у юристов в норковых шубках щеголяют? Ладно, Джордж. Вперед!

— Куда?

— За деньгами.

— А-а, — облегченно вздохнул Стронг. — Я-то думал, ты наши деньги хочешь тратить.

— Верно думал. Но их даже на первое время не хватит. С помощью нашего капитала дадим начальный толчок делу, а тем временем разработаем способы получения денег.

Харриман нажал кнопку на своем столе; на экране перед ним тут же появилось лицо начальника юридического отдела, Сола Кэминса.

— Сол, есть время забежать к нам и потолковать?

— Что бы там ни было, на все отвечаю «нет», — ответил юрист. — Сейчас приду и сам займусь.

— Отлично. Дело в следующем: тут хотят передислоцировать пекло, и мне предлагают право на транспортировку первого десятка грузовых партий.

Кэминс прибыл не так уж скоро. За несколько минут Харриман рассказал ему о своем плане утверждения в правах на Луну, а затем и полете к ней.

— Кроме подставных корпораций, — сказал он, — понадобится организация, которая сможет собирать пожертвования и при том не признавать никаких финан-

совых интересов вкладчика — как это делает Национальное географическое общество.

— Вы, — покачал головой Кэминс, — не можете купить Национальное географическое общество.

— И пошло оно к черту — кто собирается его покупать? Свое откроем.

— Да, именно это я и хотел сказать.

— Хорошо. Я думаю, нам потребуется хотя бы одна некоммерческая корпорация, свободная от налогов и возглавляемая подходящими людьми. Зачем отдавать кому-то контроль над голосованием? Может, одной будет мало — тогда, по мере надобности, откроем еще. Вдобавок нам нужна еще одна корпорация обычного типа, облагаемая налогами, но не приносящая дохода, пока мы все не подготовим как следует. Суть в том, чтобы отдать некоммерческим корпорациям весь престиж и славу, а другим — весь доход, если таковой будет в наличии. Будем перебрасывать деньги — на совершенно законных основаниях — так, чтобы некоммерческие корпорации по мере продвижения дел оплачивали расходы. Подумайте над этим. Обычных корпораций лучше иметь хотя бы пару — в случае чего пусть одна обанкротится, а мы выйдем чистенькими. Таков, в общих чертах, мой план. А ты организуй дело так, чтобы все было по закону. Лады?

— Знаешь ли, Делос, — сказал Кэминс, — ты поступишь гораздо честнее, если возьмешь пистолет и пойдешь грабить на большой дороге.

— Что я слышу?! Юрист мне о честности толкует! Нет, Сол, я не собираюсь никого обманывать...

— Вот как?!

— ...а просто хочу слетать на Луну. За это все будут платить и именно это в конечном счете получают. А ты спроворишь все так, чтоб вышло по закону правильно; уж постарайся, будь добр. Помнится, один из юристов Вандербилда-старшего в похожей ситуации сказал старику: «Это же и так просто замечательно, зачем же все портить законностью?» Ладно, брат-медвежатник, я расставляю капканы. Еще что-нибудь нужно?

— Конечно. Думай дальше, голова у тебя светлая. Джордж, ты не будешь любезен попросить подойти Монтгомери?

Монтгомери — начальник рекламного отдела — имел в глазах Харримана два неоспоримых достоинства. Во-первых, он был предан, а во-вторых, сумел бы с помощью рекламы убедить общественность в том, что леди Годива во время своей знаменитой поездки была одета в трусики фирмы «Карес» или что Геракл обрел свою силу только потребляя на завтрак «Кренчиз».

Явился он с огромной папкой в руках.

— Хорошо, что вы послали за мной, хозяин! Принимайте работу.

Раскрыв папку на столе перед Харриманом, он принялся демонстрировать ему наброски и схемы.

— Это — Кински. Отличный парень!

Харриман захлопнул папку.

— Это для чего?

— Как «для чего»? Для «Нью Уорлд Хоумс»!

— Видеть не желаю. Мы продаем «Нью Уорлд Хоумс». Погоди, не ори. Пускай ребята доделают: нужно, чтоб перед продажей она поднялась в цене. И слушай сюда.

Он быстро ввел Монтгомери в курс дела. Теперь тот согласно кивал.

— Когда приступить и сколько на это тратить?

— Сию минуту, и тратьте, сколько понадобится. Не надо мелочиться, это — самое большое из всех наших дел. — Стронг при этих словах вздрогнул. — За ночь прикинешь, а утром встретимся и поговорим.

— Секунду, хозяин. Как вы собираетесь втихаря заполучить все эти привилегии от... хм... держателей Луны, развернув при этом большую рекламную кампанию о том, что полет важен для всех? Вы сами себя не запутываете?

— Я что, такой дурак с виду? Все права получим до того, как ты запустишь новые пробы. Вы с Кэминсом этим и займетесь. Вот вам задачка для начала.

— Хм-м-м... — Монтгомери принялся грызть ноготь большого пальца. — Хорошо. Кое-что я себе уже представляю. А когда все должно быть готово?

— У вас есть шесть недель. Не успеете, можете принести мне заявление об увольнении, написанное на коже с вашей спины.

— Да я хоть сейчас напишу, только зеркало подержите!

— Какого черта, Монти? Я знаю, тебе не справиться за шесть недель. Но спроворь это побыстрее: мы не можем ассигновать на полет ни цента, пока вы не добудете все эти привилегии. Станете медлить — все с голоду подохнем. Не говоря о том, что до Луны никогда не доберемся.

— Ди-Ди! А к чему тратить время на эти липовые права молью изъеденных тропических стран? Если ты твердо решил лететь на Луну, давай просто вызовем Фергюссона и займемся делом.

— Нравится мне твоя прямота, Джордж, — сказал Харриман. — Однажды, году так в тысяча восемьсот сорок пятом или сорок шестом, один шибко умный американский офицер завоевал Калифорнию. Помнишь, что сделал госдепартамент?

— Нет.

— Заставил отдать ее обратно. То ли он был в положении «вне игры», то ли еще что... А через несколько месяцев пришлось захватывать ее опять. Я не хочу, чтобы с нами случилось что-то подобное. Достичь Луны недостаточно, чтобы предъявлять на нее права; нужно подтвердить эти права в земных судах, иначе у нас будет уйма хлопот. Верно, Сол?

Кэминс кивнул:

— Да. Вспомни хотя бы Колумба.

— Вот именно. Мы же не хотим, чтоб нас, как его в свое время, надули.

Монтгомери выплюнул отгрызенный ноготь.

— Хозяин, вы же отлично знаете, что любые заявки от разных там банановых государств даже все вместе взятые не стоят и цента! Почему бы нам не выбить из ООН те самые права и не начать дело? Этим я займусь не менее охотно, чем двумя дюжинами косоглазых законодателей. Нет, правда! У меня есть идея: протащим это через Совет Безопасности...

— Продолжай думать над этим, потом воспользуемся. Ты, Монти, не понял, в чем дело. Естественно, все эти заявки ни хрена не стоят — кроме головной боли. Но это-то для нас и важно! Слушай. Допустим, мы достигли — или вот-вот достигнем — Луны. Все эти

страны поднимут хай, мы их сами к этому подтолкнем через те липовые корпорации, которые они наделили правами. Куда они побегут жаловаться? Конечно, в ООН! Далее. Все крупные, солидные и богатые государства нашей планеты находятся в северном либо умеренном поясе. Они услышат, на чем основаны наши права, и злобно посмотрят на глобус. Дурак, и тот поймет, что Луна ни над одним из них не проходит. Самая большая страна — Россия — не имеет ни горсти песка южнее двадцать девятого градуса северной широты. А значит, все притязания отклонят.

А отклонят ли? — продолжал он после некоторой паузы. — США будет тормозить — Луна ведь проходит над Флоридой и югом Техаса. Вашингтон станет колебаться: то ли встать на защиту тропических стран и традиционной теории землевладения, то ли считать, что Луна общая. А может, вообще США стоит попробовать загрести себе всю Луну, ведь первыми туда добрались американцы? Тут-то мы и выйдем на свет божий. Неожиданно оказывается, что лунный корабль принадлежит некоммерческой корпорации, учрежденной самой ООН, и эта корпорация оплатила все расходы.

— Погоди, — перебил его Стронг. — Разве ООН может учреждать корпорации?

— А вот увидишь. Правда, Сол?

Кэминс кивнул.

— Во всяком случае, корпорация у меня уже есть, я ее несколько лет назад основал. Она может заниматься почти всем, чем угодно, то есть, всем, что относится к научно-образовательной деятельности, а это — понятие весьма широкое. Теперь вернемся к нашему делу. Эта корпорация, учрежденная ООН, попросит своего учредителя объявить лунное поселение автономной территорией под протекторатом ООН. На членство поначалу претендовать не будем, чтоб попроще выглядело.

— Он говорит «попроще»! — сказал Монтгомери.

— Именно. Фактически это поселение будет суверенным государством, имеющим право владения всей Луной и — слушайте внимательно! — право покупать, продавать, принимать законы, давать разрешения на земельные участки, устройство монополий, сбор пошлин и так далее, до бесконечности. И всем этим будем

владеть *мы!* По той простой причине, что большие государства в ООН не смогут изобрести претензий, которые выглядели бы так же законно, как и у экваториальных стран. Если они попробуют применить силовое давление, то в жизни не договорятся о разделе добычи. Если США будут притязать на всю Луну, остальным крупным государствам это придется не по вкусу. Так что они решат сделать проще: сохранить права самой ООН. А фактически — право контроля над всеми юридическими и экономическими делами будет наше. Как тебе мой план, Монти?

Монтгомери просиял:

— Будь я проклят, если знаю, зачем вся эта каша, хозяин, однако мне нравится! Здорово.

— А по-моему, совсем наоборот, — проворчал Стронг. — Делос, я помню, ты всякие сделки проворачивал. Некоторые были такими путанными, что даже меня выворачивало, но эта... Похоже, тебя начинает заносить.

Харриман глубоко затянулся сигарным дымом.

— Ничего подобного, Джордж. Можешь говорить что угодно, а я собираюсь на Луну! И если для этого придется водить за нос миллионы людей — я это буду делать!

— Но зачем же так?

— А как?

— Ну... Я бы учредил обычную корпорацию, получил бы резолюцию Конгресса, по которой моя корпорация стала бы средством, избранным государством...

— Взятки?

— Не обязательно. Достаточно будет некоторого нажима. Затем нашел бы деньги и совершил полет.

— А затем США загребли бы под себя всю Луну?

— Ну да, — ответ Стронга прозвучал несколько холодно.

Харриман встал и прошелся по кабинету.

— Ты не понимаешь, Джордж. Луна — не для того, чтоб ею владела одна страна, пусть даже США.

— Наверное, она — для того, чтоб ею владел ты.

— Ну если я буду некоторое время владеть Луной, то не стану делать ей больно и присмотрю, чтоб другие тоже не делали. Черт побери! Национализм нужно

оставлять в стратосфере. Вы себе представляете, что произойдет, если США станут претендовать на владение Луной? Другие этого не признают, и вопрос будет постоянно торчать у Совета Безопасности, как кость в горле. И как раз тогда, когда все, вроде бы, наладилось; когда человек может спокойно заниматься своим делом, не боясь, что каждые несколько лет ему будут грозить войной. Другие страны до смерти испугаются Соединенных Штатов — и совершенно обоснованно. Они будут каждую ночь смотреть в небо, ожидая, что с лунных баз США им на головы посыплются ракеты. Что ж они, смогут в такой обстановке спокойно жить? Ну уж нет! Они постараются заполучить кусочек Луны и для собственных интересов! Луна слишком велика, чтобы принадлежать кому-то одному. Там возникнут другие базы, и тут уж начнется война — да такая, какой наша бедная Земля еще не видывала. А виноваты во всем окажемся мы. Нет уж. Дело должно обстоять так, чтобы все могли быть спокойны. И потому мы должны просчитать все варианты и хитрить до тех пор, пока план наш не начнет работать. И еще, Джордж. Если мы заявим о правах США на Луну, где будем мы с нашим бизнесом?

— Впереди всех.

— Сейчас! Да нас тут же выведут из игры! Министрство обороны скажет: «Спасибо вам огромное, мистер Харриман и мистер Стронг, в интересах безопасности государства мы берем дела в свои руки, а вы можете отправляться домой». И что нам останется, кроме как пойти домой и ждать атомной бомбы с неба? Но я не собираюсь так поступать, Джордж. Я не позволю военным встрять в это дело. Я собираюсь основать поселение на Луне и пестовать его, пока оно не подрастет настолько, чтобы ходить собственными ножками. Клянусь, это — самое большое дело в истории человечества со времен открытия огня! При правильном подходе оно приведет нас в прекрасный, новый мир. А при неправильном — столкнет прямиком в Армагеддон, и обратного билета не будет. Этот мир приближается и скоро наступит — с нашей помощью или без нее. Однако я сам собираюсь стать Первым человеком на Луне

и собственными глазами посмотреть, хорошо ли с ней обращаются.

Харриман умолк. Стронг осведомился:

— Делос, ты уже завершил свою проповедь?

— Черта с два! — огрызнулся Харриман. — Все-таки ты видишь вещи в другом свете. А знаешь, что мы можем там обнаружить? — Харриман устремил палец вверх. — Людей!

— На Луне?! — спросил Кэминс.

— А почему нет, — прошептал Монтгомери.

— Да не на Луне. Я был бы удивлен, если бы на этой безвоздушной скорлупке кто-нибудь жил. Луна кончилась. Я говорю о других планетах — Марс, Венера, спутники Юпитера... Может, и на звездах! Допустим, где-нибудь мы встретим-таки людей. Что это может для нас означать? Мы были совершенно одиноки во Вселенной — единственная разумная жизнь в единственном известном нам мире. Объясниться с собаками или обезьянами еще не удавалось. Все вопросы приходилось разрешать самим, будто всеми покинутым сиротам. А если мы встретим людей, разумных людей со своим образом мыслей?! Наше одиночество кончится! Мы сможем поднять взгляд к звездам, без всякого страха!

Харриман устало замолчал. Он будто даже смутился своего порыва, словно его застали за каким-нибудь очень уж интимным занятием. Стоя перед собеседниками, он внимательно вглядывался в их лица.

— Ну, хозяин, вы даете, — восхитился Монтгомери. — Это можно использовать. Как вы считаете?

— А ты что — все запомнил?

— Зачем же? Просто незаметно включил запись.

— А, лопни твои глаза!

— Пустим это дело на видео — может быть, в пьесе...

Харриман с мальчишеским задором улыбнулся:

— В жизни играть не пробовал, но если ты думаешь, что так надо — сыграю.

— Нет, хозяин, только не это, — ужаснулся Монтгомери. — Тип не тот. Тут, наверное, подойдет Бэзил Уилкс-Буз. Голос, будто орган, лицо ангельское — вместе с ним текст произведет впечатление.

Покосившись на свое брюхо, Харриман буркнул:

— Ладно, к делу. Теперь — о деньгах. Во-первых, одна из некоммерческих корпораций может собирать пожертвования — ну, как колледжи делают. Постараясь раскрутить на пожертвования самых богатых, которым действительно надо скостить налоги. Сколько, по-вашему, мы можем с них поиметь?

— Немного, — сказал Стронг. — У этой коровки молоко иссякло.

— Оно не иссякнет! Вокруг полно богачей, которые охотно подарят кому-нибудь деньги, лишь бы налогов не платить. А сколько может заплатить человек, желающий, чтобы один из лунных кратеров назывался его именем?

— А я-то думал, кратеры все уже названы, — заметил юрист.

— Большинство — нет. И у нас в запасе вся обратная сторона, еще не тронутая. Сегодня мы не будем делать точных оценок, просто будем иметь в виду этот источник. Монти, надо подумать, как выжать даймы из школьников. Сорок миллионов школьников — с каждого по дайму, будет четыре миллиона долларов — тоже на дороге не валяются.

— А зачем же останавливаться на десяти центах, — сказал Монти. — Если мы действительно сможем заинтересовать школьника, он и доллар наскребет.

— И что мы дадим ему за этот доллар? Кроме, конечно, чести участвовать в таком благородном начинании?

— Ну... — Монтгомери закусил ноготь указательного пальца. — Допустим, они будут слать нам — кто доллары, кто даймы. Приславший дайм получит членский билет клуба «Лунный свет»...

— Нет, лучше «Юный космонавт».

— Ладно, а в «Лунном свете» пусть будут девочки. И не будем забывать о скаутах. Каждый школьник получит такой билет. Если он даст нам еще дайм — поставим в билете штамп. Когда он наштампует на доллар — получит сертификат со своим именем и виньетки, а на обороте — фотоснимок Луны. Можно в рамку вставить...

— Луна — на лицевой стороне, — сказал Харриман. — Все нужно печатать с одного оттиска — и

дешевле, и красивее. Следует дать малышу и еще что-нибудь, к примеру, пообещать, что его имя появится в списке Юных первооткрывателей Луны, а список будет помещен в монумент, который воздвигнут на Луне в том месте, где приземлится первый корабль... Конечно, список надо микрофильмировать — никакого избыточного веса!

— Отлично, — согласился Монтгомери. — А когда он доберется до десяти долларов, дадим ему настоящий позолоченный значок с метеоритом и звание старшего первопроходца с правом голоса или чего-нибудь там еще. И пообещаем, что имя его будет вычеканено на платиновой пластине *снаружи* монумента.

Стронг скроил кислую мину, будто лимон разжевал.

— А что будет, если он пришлет сто долларов?

— Ну, тогда, — радостно ответил Монтгомери, — мы дадим ему новый билет, и он сможет начать все сначала. Вы об этом не беспокойтесь, мистер Стронг — если кто из ребятишек зайдет так далеко, то будет вознагражден соответственно. Может быть, устроим ему экскурсию — осмотр корабля перед отлетом — и совершенно бесплатно дадим его собственное фото на фоне корабля и с автографом пилота, автограф нам любая секретарша нацарапает.

— Детишек обирать... Как не стыдно!

— Почему же «обирать»? — оскорбился Монтгомери. — Неосвязаемые вещи — самый лучший товар! Они всегда стоят ровно столько, сколько вам не жаль на них потратить. К тому же они не портятся со временем, так что можете спокойно забрать их с собой в могилу.

— Н-да-а...

Харриман выслушал все это с улыбкой и не сказал ничего. Кэминс откашлялся:

— Если вы, упыри, уже насосались кровью юности планеты, у меня есть еще идея.

— Вперед!

— Джордж, ты ведь марки собираешь, так?

— Так.

— Сколько может стоить конверт со спецгашением, сделанным на Луне?

— Э-э... Но мы ведь не сможем этого проделать, ты сам знаешь.

— Думаю, не будет большой беды, если мы объявим лунный корабль официальным почтовым отделением. Сколько может стоить такой конверт?

— Зависит от того, сколько их будет выпущено.

— Должно быть некое оптимальное количество, чтоб доход вышел как можно больше. Можешь прикинуть?

Стронг уставился в потолок, затем вынул карандаш и начал считать. Харриман продолжал:

— Сол, я тут припоминаю, как удачно купил у Джонса его лунные дивиденды. Как там, по-твоему, насчет продажи участков под застройку?

— Делос, давай посерьезней. Этого делать нельзя, пока ты не достигнешь Луны.

— Я совершенно серьезен. Ты, наверное, думаешь о тех правилах, что действовали в сороковых годах: каждый участок надо застолбить и дать подробное описание. Я хочу продавать лунные участки, а ты придумай, как это сделать по закону. Если получится, продам всю Луну — права на землю, на полезные ископаемые — на все.

— Если кто-нибудь захочет купить.

— Отлично! Чем дальше, тем веселей. Обрати внимание также и на то, как именно мы будем облагать налогом то, что продадим. Если земля не будет использована и налогов платить не станут, она вернется к нам обратно. Ты пока что прикинь, как это сформулировать, чтобы не угодить сразу в тюрьму. Наверное, следует вначале разрекламировать это в Европе, а распродажу провести исключительно в нашей стране. Вроде билетов ирландского тотализатора.

Кэмминс призадумался.

— Можно зарегистрировать фирму по торговле недвижимостью в Панаме, а рекламировать по радио и телевидению из Мексики. Ты что, и вправду веришь, что на эту ерунду найдутся покупатели?

— Да продать можно хоть лед в Гренландии, — заявил Монттомери. — Все дело в рекламе.

— Ты, Сол, читал о земельном буме во Флориде? — спросил Харриман. — Там покупали участки не глядя, и не глядя продавали за тройную цену. Порой участок

успевал сменить дюжину хозяев, пока не обнаружилось, что он расположен под водой, на глубине десяти футов. А мы предлагаем кое-что получше: акр суши — гарантированной — и солнечного света хватает; по цене, скажем, десять долларов. Либо тысяча акров по доллару за каждый. Кто устоит перед такой сделкой? Особенно после слухов о том, что на Луне должны быть гигантские залежи урана?

— Должны быть?

— Да почему я знаю?! Когда ажиотаж начнет стихать, объявим о выборе места для Луна-Сити, и — совершенно случайно — окажется, что окрестные земли все еще ждут своих хозяев. Не волнуйся, Сол, мы с Джорджем продадим любую недвижимость. Помнится, на плато Озарк, где земля, как известно, набекрень, мы продавали обе стороны каждого акра! — Харриман на минуту задумался. — Хотя, наверное, стоит оставить за собой права на минералы. А вдруг там действительно окажется уран?

— Делос, — усмехнулся Кэминс, — ты все еще ребенок в душе. Такой переросший, толстый и симпатичный малолетний преступник.

Стронг поднял взгляд.

— Думаю, полмиллиона.

— Чего полмиллиона? — не понял Харриман.

— Доход от конвертов со спецгашением. Ну мы же говорили! Оптимальное количество, какое можно предложить серьезным коллекционерам и торговцам — пять тысяч экземпляров. Даже если нам придется отдать их со скидкой синдикату и придержать до окончания постройки корабля, когда полет станет выглядеть достаточно реально.

— Хорошо, — согласился Харриман, — займись. А мы запомним, что ближе к концу у тебя в заглашнике будут полмиллиона.

— А мне коммиссионные? — спросил Кэминс. — Идея-то моя!

— Получишь за нее громадное спасибо и десять акров Луны. Откуда еще можно извлечь доход?

— А продавать акции ты не хочешь? — спросил Кэминс.

— Да, я как раз подошел к акциям. Естественно, продавать будем, однако — никаких привилегированных акций — зачем нам возня с реорганизациями? Обычные акции без права голоса.

— Значит, еще одна корпорация в банановой республике?

— Конечно. Но часть продадим на Нью-Йоркской бирже. Тебе придется поработать над этим с биржевым комитетом. Совсем немного — только для вида. Нужно, чтобы они хорошо продавались и вырастали в цене.

— А можно, я лучше переплыву Геллеспонт?

— Ладно, Сол, не хнычь. Это совсем не больно.

— Ты уверен?

— Все, что от тебя требуется... Тьфу ты!

На столе перед Харриманом засветился экран. Секретарша сказала:

— Мистер Харриман, к вам — мистер Диксон. Ему не было назначено, но он уверяет, что вы хотели бы его видеть.

— А я думал, что выключил эту ерунду, — проворчал Харриман. Нажав кнопку, он ответил: — Ладно, пусть войдет.

— Слушаю, сэр... Ох, мистер Харриман, тут пришел еще мистер Энтенса...

— Пусть войдут оба.

Выключив аппарат, Харриман обратился к своим сотрудникам:

— Вы, стадо обезьян! Рты на замок — да бумажники берегите.

— Чья бы корова мычала, — отвечивал Кэминс.

Войдя следом за Энтенсой, Диксон сел, огляделся, хотел было что-то сказать, но раздумал и снова оглядел присутствующих, в особенности — Энтенсу.

— Выкладывай, Дэн, — подбодрил его Харриман. — Тут только мы — бе-е-едные, маленькие овечки.

Наконец Диксон решился.

— Я хочу поддержать тебя в этом деле, Ди-Ди, — объявил он. — И для демонстрации своей искренности я вот что добыл.

Он вынул из кармана бумагу официального вида. Это была купчая, по которой к Диксону переходили все лунные дивиденды Финеаса Моргана. Документ

был составлен так же, как и тот, что скреплял сделку между Джонсом и Харриманом.

Энтенса, заметно удивившись, полез во внутренний карман пиджака. На свет божий появились еще три таких купчих — каждая от одного из членов энергетического синдиката. Харриман насторожился.

— Джек принимает и удваивает. Дэн, ваше слово.

— Могу только принять, — невесело улыбнулся Диксон. Он вынул из кармана еще два таких же документа и прибавил к своему первому, а затем протянул Энтенсе руку. — Что ж, ничья.

О семи купчих, переданных по факсу и лежащих в ящике стола Харриман решил до времени умолчать. Недаром вчера, прежде чем уснуть, он до полуночи просидел на телефоне.

— Джек, почему брал?

— Стэндиш запросил тысячу, остальные — дешевле.

— А, черт тебя побери! Предупреждал же: не взвинчивайте цену... Теперь Стэндиш всем разболтает. А ты, Дэн?

— Мои цены были более чем умеренными.

— Ага, скрываешь! Ладно, не волнуйся. Джентльмены, а насколько серьезно вы к этому относитесь? Сколько денег вы нам принесли?

Энтенса покосился на Диксона. Тот сказал:

— А сколько надо?

— Сколько можешь достать?

Диксон пожал плечами.

— Так мы ни до чего не договоримся. Давай называть цифры. Допустим, сто тысяч.

— А, ясно, — фыркнул Харриман, — ты хочешь купить себе место на первом рейсовом корабле. Ладно, за сто штук продам.

— Делос, давай кончим эти хиханьки. Сколько?

Хотя лицо Харримана выражало абсолютное спокойствие, он лихорадочно соображал. Черт возьми, информации слишком мало — он даже не успел обсудить смету с главным инженером. Какого черта он не выключил видеофон?!

— Дэн, я уже говорил, с тебя следует, по меньшей мере, миллион. Это — за вход в игру.

— Так я и думал. А сколько ты возьмешь с меня за то, чтобы остаться в игре?

— Все, что у тебя есть.

— Не будь идиотом, Делос. У меня денег больше, чем у тебя.

Харриман закурил сигару — только это выдавало его волнение.

— Ладно, доллар за доллар — и ты нам подойдешь.

— И по две доли на каждый доллар.

— Ну ладно, ладно. Будешь вносить по доллару всякий раз, как все остальные внесут по доллару, пай на пай. Но главный здесь — я.

— Да, заправлять всем будешь ты, — согласился Диксон. — Хорошо. Я сей же момент вкладываю миллион и вместе с вами добавлю по мере надобности. Вы, конечно, не будете возражать, если мой бухгалтер будет проверять отчетность?

— Дэн, когда я тебя обманывал?

— Никогда. И впредь не стоит.

— Черт с тобой. Но вначале как следует убедись, что твой парень будет держать язык за зубами.

— Будет. Душа его — в кувшине, а кувшин — в моем сейфе.

Харриман тем временем пытался представить себе, насколько велик капитал Диксона.

— Но мы могли бы разрешить тебе выкупить второй пай позже, Дэн. Хотя он тебе дорого обойдется.

Диксон свел кончики пальцев.

— Это мы в свое время обсудим. Я никогда не позволяю делу свернуться только из-за нехватки средств.

— Хорошо, — Харриман обратился к Энтенсе. — Ты слышал, на каких условиях мы приняли Дэна? Тебя они устраивают?

Лоб Энтенсы покрылся мельчайшими капельками пота:

— Я не смогу так вот сразу выложить миллион.

— Все в порядке, Джек. Сегодня утром он нам еще не понадобится. У тебя есть репутация хорошего дельца, так что можешь распродавать свое имущество не торопясь.

— Но ты говоришь, миллион — только для начала. А если я не смогу слишком долго вкладывать деньги

вровень с вами? Срок надо как-то ограничить — у меня, в конце концов, семья...

— И никаких ежегодных рент? Никаких вкладов в тресты с неизменным уставом?

— Дело не в том. Вы можете выжать меня досуха — а затем вышвырнуть.

Харриман ждал, что на это скажет Диксон. Наконец тот заговорил:

— Мы не станем выжимать тебя, Джек, пока ты будешь в состоянии доказать, что конвертировал каждый свой актив. Мы позаботимся, чтобы ты мог держаться вровень с нами.

— Да, так и будет, — подтвердил Харриман.

В этот момент он думал, что любое уменьшение пая Энтенсы даст им со Стронгом подавляющее большинство при голосовании. Стронг думал о том же, и потому заявил:

— Мне это не нравится. Четверо равноправных компаньонов — слишком легко зайти в тупик.

— Я даже думать об этом не желаю, — пожал плечами Диксон. — Я пришел к вам потому, что, могу спорить, Делос в любом случае умудрится получить доход.

— Мы достигнем Луны, Дэн!

— Да я не о том. Могу спорить, прибыль будет в любом случае. Вчера я весь вечер читал весьма интересные отчеты о деятельности нескольких ваших компаний. Ужасно занимательно! Думаю, мы разрешим любые проблемы, если дадим директору — то есть тебе, Делос, — полномочия лично разрешать противоречия. Энтенса, вы согласны?

— Конечно!

Харриман насторожился, хотя старался никак не высказывать волнения. Бойся Диксона, «дары приносящего». Внезапно он поднялся:

— Мне пора, джентльмены. Поручаю вас мистеру Стронгу и мистеру Кэминсу. Монти, идем.

За Кэминса опасаться не приходилось: раньше времени он даже полноценным компаньонам ничего не скажет. Что касается Джорджа Стронга — тот даже своей левой руке не позволит узнать, сколько пальцев на правой.

За дверью он отпустил Монтгомери и пересек холл. Главный инженер «Харриман, Энтерпрайзис», Эндрю Фергюссон, встретил его словами:

— Здравствуйте, босс. Кстати, мистер Стронг сегодня утром подкинул мне интересную идею — автоматический выключатель. На первый взгляд — несколько экстравагантно, однако...

— Оставь. Отдай кому-нибудь из своих гавриков, а сам забудь. Ты знаешь сегодняшнюю политику Компании?

— Говорили тут кое-что, — осторожно ответил Фергюссон.

— Гони к черту того, кто говорил. Нет, лучше пошли со спецзаданием в Тибет и держи там, пока мы не закончим. Ладно, к делу. Я хочу, чтобы ты построил корабль для полета на Луну. И чем скорее — тем лучше.

Фергюссон вынул перочинный нож и, перекинув ногу через подлокотник, принялся чистить на руках ногти.

— Вас послушать — это не сложнее, чем сортир построить.

— А чего сложного? Теоретически — подходящее топливо существует еще с сорок девятого года. Подбери команду конструкторов и рабочих для постройки. Ты будешь строить, а я — платить. Чего же сложного?

Фергюссон уставился в потолок.

— Значит, подходящее топливо...

— Именно. Судя по цифрам, кислорода с водородом вполне хватит, чтобы доставить ступенчатую ракету на Луну и обратно. Все дело — в правильном проекте.

— Значит, в правильном проекте... — ласково протянул Фергюссон.

Внезапно он вскочил, вонзил нож в изрезанную столешницу и заревел:

— Да что вы понимаете в проектах?! Сталь где брать?! Из чего делать вкладыши для сопел?! Каким образом, дьявол меня побери, жечь достаточно тонн смеси в секунду, чтоб вся энергия не пошла псу под хвост?! Как получить нужный коэффициент массы для

ступенчатой ракеты?! Почему, черт вы старый, вы не позволили мне построить корабль, когда у нас было топливо?!

Харриман дал ему выкрикаться, а затем сказал:

— Что тебе понадобится, Энди?

— Уф-ф-ф! Я думал над этим с того момента, как лег вчера спать. И моя старуха на вас в обиде — остаток ночи я был вынужден провести на диване. Прежде всего, мистер Харриман, за это нужно взяться с правильной стороны: то есть, получить заказ на исследования от Министерства обороны, а потом...

— Нет уж. Ты, Энди, занимайся проектом, а всю политико-финансовую шелуху оставь мне. Тут мне твои советы не нужны.

— Делос, какого дьявола! Надо все делать с толком. Это ведь действительно серьезная проектная работа, а правительству принадлежит уйма данных по ракетной технике — все то, что от нас засекречено. И без соглашения с правительством в них даже краем глаза не заглянуть!

— Там не может быть ничего интересного. Чем правительственные ракеты лучше наших «Скайуэйз»? Ты сам говорил, что государственные технологии в ракетном деле больше не стоят и ломаного гроша.

— Наверное, непрофессионал этого не поймет, — несколько высокомерно заявил Фергюссон. — Вам следует принять за аксиому, что отчеты о правительственных исследованиях нам нужны. Какой смысл выбрасывать тысячи на ту работу, которая уже проделана?

— Если надо — трать.

— А если понадобятся миллионы?

— Трать, не бойся, Энди, я не хочу, чтобы военные наложили на это лапу.

Детально объяснять суть своего решения он не стал.

— Тебе действительно так уж нужна эта их засекреченная ерунда? Разве нельзя получить все эти сведения, просто наняв инженеров, работавших на правительство? Или даже нынешних переманим...

Фергюссон поджал губы.

— Если вы сами суете палки в колеса, зачем же торопиться с результатами?

— Я вовсе ничего подобного не делаю! Просто говорю, что проект не имеет никакого отношения к правительству. Если не хочешь работать над ним в таких условиях, скажи сразу, я найду кого-нибудь другого.

Фергюссон принялся играть в «ножички» сам с собой, вгоняя нож в столешницу. Дойдя до «носка» и срезавшись, он спокойно сказал:

— Есть тут один парень. Он работал на правительстве в «Уайт Сендз». Крутой парнишка — главный конструктор отдела.

— И он мог бы возглавить твою команду?

— Пожалуй.

— Фамилия? Адрес? Место работы?

— Э-э... Дело в следующем. Когда правительство свернуло исследования в «Уайт Сендз», я подумал: это же просто позор на весь мир, если такой парень останется без работы. И я пригласил его в «Скайуэйз». Он — наш главный инженер по обслуживанию тихоокеанского побережья.

— Техобслуживание?! Что же это за занятие для творческой личности?! Значит, он работает у нас? Ну-ка, соедини меня с ним! Или нет: звони сам, пусть его отправляют сюда спецракетой — поговорю с ним за обедом.

— И так уж сложилось, — спокойно продолжал Фергюссон, — что прошлой ночью я встал и позвонил ему. На это моя благоверная и разозлилась. Он ждет за дверью, а фамилия его — Костер. Боб Костер.

Лицо Харримана расплылось в улыбке.

— Энди! Бессовестный старый мерзавец! Ты зачем мне голову морочил?

— Я и не думал. Мне нравится у вас работать, мистер Харриман. И все, что надо, я сделаю, если мне не будут мешать. Я вот что думаю: назначим этого парнишку, Костера, главным инженером проекта и введем в курс дела. Я вмешиваться не стану, буду только читать его отчеты. И вы тоже его не троньте, ладно? Для технаря хуже нет, чем безграмотный дилетант с толстым кошельком, который всюду сует свой нос и жить учит.

— Идет. Я тоже не хочу, чтобы какой-нибудь старый, мерзкий скопидом его тормозил. Думаю, ты не станешь ему слишком долго докучать, иначе я из-под тебя коврик выдерну. Договорились?

— По-моему, да.

— Тогда зови!

Видимо, Фергюссон считал «парнями» всех, кто моложе тридцати пяти: именно столько и дал бы Харриман вошедшему. Костер был высок, худощав, спокоен и целеустремлен. Сразу же после рукопожатия Харриман взял быка за рога:

— Боб, сможешь построить ракету, которая долетит до Луны?

Костер и глазом не моргнул:

— А где вы возьмете Х-топливо? — в свою очередь осведомился он, употребив жаргонное название, каким всякий ракетчик обозначал изотопное горючее, производившееся на спутнике до недавнего времени.

— Его взять нигде.

Костер немножко поразмыслил, а потом ответил:

— Могу доставить беспилотную ракету на поверхность Луны.

— Этого мало. Я хочу, чтобы она достигла Луны, приземлилась, а затем вернулась обратно. Будет ли она на обратном пути садиться на двигателях, или атмосфера ее затормозит — уже неважно.

Видно было, что ответы свои Костер всякий раз обдумывает. Харриману даже почудился скрип шестеренок в его голове.

— В копеечку влетит.

— Тебя не спрашивают, во что это нам обойдется. Ты сможешь это осуществить?

— Могу попробовать.

— Кой черт пробовать?! Ты уверен, что справишься? Сможешь отдать за это последнюю рубашку? Хочешь ли, пробуя, рискнуть своей шеей? Если ты, парень, не уверен в себе, то всегда останешься в проигрыше!

— А чем рискуете вы, сэр? Как я уже сказал, проект дорогой. Сомневаюсь, что вы представляете себе, насколько он дорогой.

— Я же сказал, деньги — моя забота. Трать, сколько понадобится, счета я оплачу. Что, берешься?

— Берусь. Через некоторое время дам вам знать, сколько потребуется денег и времени.

— Вот и замечательно. Сегодня же начнешь подбирать себе людей. Энди, — обратился Харриман к Фергюссону, — где будем строить? В Австралии?

— Нет, — ответил за Фергюссона Костер. — Австралия не подойдет. Тут нужна гора для катапульты; это сэкономит нам одну ступень.

— Какой высоты гора? Пик Пайкс подойдет?

— Она должна быть в Андах, — возразил Фергюссон. — Там и горы повыше, и к экватору ближе. Кроме того, у нас там уже кое-что есть, а все остальное обеспечит «Андс Дивелэпмент Компани».

— Ладно, — сказал Харриман, — ты, Боб, делай, как знаешь. Я бы предпочел пик Пайкс, но ты выбирай сам.

Харриман думал о том, что размещение первого земного космопорта на территории США было бы очень выгодно. Он уже видел широкие возможности для рекламы: старт лунного корабля был бы виден с вершины пика за сотни миль...

— Я дам вам знать.

— Теперь — о зарплате. Забудь о том, сколько тебе платили раньше. Сколько ты хочешь?

Костер лишь махнул рукой:

— Мне хватит пирожных и кофе.

— Да ты с ума сошел, парень!

— Дайте договорить. Кофе с пирожными, и еще: я сам хочу лететь.

Харриман вздрогнул.

— Понимаю, — протянул он. — Тогда, если не поведешь корабль сам, рассчитывай его на три места.

— Я же не пилот...

— Значит — только три места. Я полечу тоже.

4

— Хорошо, что вы надумали войти в дело, Дэн, — говорил Харриман, — а то вскоре остались бы без

работы. Я собираюсь как следует прижать энергетическую компанию.

Диксон намазывал булочку маслом.

— Да неужели? Как же это?

— Мы установим за углом, то есть, на обратной стороне Луны, высокотемпературные реакторы, вроде того, аризонского, что взорвался. Управление будет дистанционным, так что, если один из них взорвется, вреда особого не будет. В неделю я стану производить столько X-топлива, сколько Компания — за три месяца. Не думай, тут никаких личных счетов. Просто хочу иметь источник топлива для межпланетных кораблей. Если нельзя делать его здесь, будем производить на Луне.

— Любопытно. А урана на шесть реакторов где возьмешь? По последним данным от комиссии по ядерной энергетике — все поступления распределены на двадцать лет вперед.

— Ха-ха, «где мы возьмем уран»! Не строй из себя незнайку. Там же, на Луне, и возьмем.

— На Луне? Там есть уран?

— А ты не знал? Я думал, ты именно поэтому и вошел в дело...

— Нет, не знал, — протянул Диксон. — Чем ты можешь это доказать?

— Ну я же не ученый... Но это же всякому ясно! Спектроскопия и тому подобное... Любого профессора спроси, только слишком много любопытства не выкапывай, раскрывать карты пока что рано. — Харриман поднялся. — Все, я должен бежать, иначе не успею на роттердамский «шаттл». Спасибо за обед.

Схватив шляпу, он стремительно вышел.

Харриман встал:

— Поступайте, как знаете, минхер ван дер Вельде. Но я даю вам и вашим коллегам верный шанс. Все ваши геологи знают, что алмазы — продукт вулканической деятельности. Как вы думаете, что мы найдем в этих местах?

С этими словами он бросил на столик голландца большую фотографию — лунный ландшафт.

Ювелир бесстрастно взирал на поверхность планеты, усеянную тысячами громадных кратеров.

— Вначале, мистер Харриман, вам нужно туда добраться.

Харриман сгреб фото со стола.

— Мы туда доберемся. И найдем алмазы, хотя я первый признаю, что до того, как мы отыщем достаточно большое месторождение, у вас еще есть в запасе лет двадцать или тридцать. Я пришел к вам вот почему: для нашего общества наибольшую опасность представляет тот человек, который вводит в экономику новый фактор и при этом вовсе не думает о мирном урегулировании. Я не хочу вас пугать, я только предупреждаю. До свидания.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Харриман. Меня всегда сбивает с толку забота посторонних о моих интересах. Давайте лучше так: скажите мне, какие интересы преследуете вы сами, а затем мы сможем обсудить, как защитить мировой рынок от внезапного наплыва лунных алмазов.

Харриман сел.

Он любил Нидерланды. Он приходил в восторг, видя двуколку молочника, влекомую запряженным в нее псом, маленький хозяин которого шел следом в настоящих деревянных башмаках. Счастливый, он делал снимки и щедро давал ребенку на чай, даже не задумываясь о том, что все это организовано исключительно для туристов.

Он посетил нескольких торговцев алмазами, но о Луне ни с кем из них не говорил. Среди всех прочих покупок была и брошь для Шарлотты — в знак примирения.

Затем Харриман взял такси до Лондона, распустил слухи между представителями тамошнего алмазного синдиката, дал своим лондонским представителям задание застраховаться у Ллойда через подставных лиц от успешного полета на Луну и позвонил в свою контору. Выслушав бесконечные отчеты Монтгомери и узнав, что тот посетил Нью-Дели, Харриман тут же позвонил ему туда, обстоятельно с ним поговорил и поспешил в порт, чтоб успеть на корабль, который к следующему утру доставил его в Колорадо.

В «Петерсон Филд», что к востоку от Колорадо-Спрингс, он с трудом прошел через проходную, хотя теперь являлся его арендатором. Конечно, стоило лишь позвонить Костеру, и вопрос тотчас же был бы улажен, однако Харриман хотел осмотреть все в одиночку перед встречей с ним. К счастью, начальник охраны знал Харримана в лицо; он прошел на территорию и блуждал около часа — трехцветный жетон на лацкане предоставил Харриману полную свободу передвижений.

Большая часть цехов пустовала, кое-как работали лишь литейный и механический. Осмотрев цеха, Харриман отправился в конструкторское бюро. Проектный отдел и плаз, а также вычислительный центр были заняты делом, однако в конструкторской группе столы пустовали. В отделе металлургии и его лаборатории было тише, чем в церкви. Харриман как раз собирался зайти к химикам и материаловедам, когда к нему неожиданно подошел Костер.

— Мистер Харриман! Мне только что сказали, что вы здесь.

— Крутом одни предатели, — проворчал Харриман. — Я просто не хотел тебя напрасно беспокоить.

— Да какое тут беспокойство... Пройдемте ко мне в кабинет.

Вскоре, устроившись поудобнее, Харриман спросил:

— Ну, как дела?

Костер сдвинул брови.

— Да, похоже, все в порядке.

Харриман отметил, что папки для бумаг на столе Костера загружены до отказа, бумаги даже расползались из них по столу. Прежде чем он успел что-либо сказать, заработал телефон, и женский голос мягко сказал:

— Мистер Костер! Мистер Моргенштерн хочет с вами говорить.

— Я занят.

Через несколько секунд девушка озабоченно возразила:

— Он говорит, что ему срочно, сэр.

— Извините, мистер Харриман, — Костер был раздосадован. — Ладно, давайте его сюда!

Девушку на экране сменил мужчина:

— Наконец-то! Шеф, мы с этими грузовиками — в полной заднице. Каждый из тех, что мы арендовали, нуждается в капитальном ремонте, да еще «Уайт Флит Компани» отказывается его проводить, ссылаясь на какие-то пункты в договоре. По-моему, этот договор лучше вообще расторгнуть и связаться с «Пик-Сити Транспорт», у них, кажется, условия подходящие. Они гарантируют...

— С этим вы бы и без меня справились! — заорал Костер. — Договор заключали вы, и вы имеете полное право его расторгнуть — ведь прекрасно знаете!

— Да, шеф, но я думал, вы захотите решить это лично. Все-таки дело касается тактики...

— Вот вы им и займитесь! Мне абсолютно все равно, что вы там будете делать — лишь бы транспорт, когда понадобится, был наготове!

Он отключил связь.

— Это что за тип? — поинтересовался Харриман.

— Этот? Моргенштерн. Клод Моргенштерн.

— Да мне плевать, как его фамилия — чем он у тебя занимается?

— Это один из моих замов — по строениям, земле и транспорту.

— Гони его ко всем чертям!

Костер хотел что-то возразить, но тут вошла секретарша и живым укором встала перед его столом, держа перед собой папку с бумагами. Костер с мрачной миной подписал их все и отослал секретаршу.

— Ты не думай, что я тебе указываю, — прибавил Харриман, — однако советую вполне серьезно. Я и за твоей спиной никаких приказов отдавать не стану, но может быть, ты выкroiшь несколько минут, чтобы выслушать добрый совет?

— Естественно, — с неохотой согласился Костер.

— Так вот... Ты ведь в первый раз руководишь проектом?

Поколебавшись, Костер подтвердил, что так оно и есть.

— Мне рекомендовал тебя Фергюссон как инженера, наиболее подходящего для постройки корабля, который сможет достичь Луны. У меня нет причин идти на попятный, однако общее руководство кое в чем отлича-

ется от инженерии, и, с твоего разрешения, я расскажу тебе, в чем тут загвоздка.

Харриман несколько секунд выждал, затем продолжал:

— Я вовсе не хочу тут критику наводить... Общее руководство — все равно что секс: пока не попробуешь, не будешь толком знать, что это из себя представляет.

Про себя Харриман решил, что если этот мальчишка не последует его совету, то в один прекрасный день останется без работы, понравится это Фергюссону или нет.

Костер забарабанил пальцами по крышке стола.

— Я и вправду никак не пойму, что делаю правильно, а что — нет. Это факт. Я не могу никому ничего поручить, не могу ни на кого положиться. Вязну, как в зыбучих песках!

— Тебе последнее время много приходилось заниматься конструированием?

— Пытался, но... — Костер указал на другой стол, в противоположном углу. — Я работаю там по ночам.

— Вот это нехорошо. Я брал тебя в инженеры, Боб; дела здесь, видно, поставлены из рук вон плохо. В этой лавочке жизнь должна ключом бить — а я этого не вижу. А вот в твоём кабинете должно быть тише, чем в могиле, и этого я тоже не вижу! Кабинет твой бурлит, а завод — что кладбище!

Костер уткнулся лицом в ладони, затем снова поднял глаза:

— Я понимаю. И знаю, что следует сделать. Однако — стоит мне заняться техническими вопросами, какой-нибудь чертов кретин требует от меня распоряжений — о грузовиках, телефонах, черте, дьяволе!.. Ох, извините, мистер Харриман. Думаю, все же справлюсь со всем этим.

— Ну-ну, не расстраивайся, — ласково сказал Харриман. — Ты последнее время недосыпал, верно? Так вот, давай-ка разыграем нашего Фергюссона. На несколько дней я сам сяду за твой стол и устрою все так, чтобы тебя не отрывали от работы подобными вещами. Я хочу, чтобы твоя голова была занята векторами реак-

ции, эффективностью топлива и напряжением конструкций, а не контрактами об аренде грузовиков.

Выглянув в приемную, Харриман увидел там странного типа: не то клерка, не то уборщика.

— Эй, ты! Поди-ка сюда!..

Тип здорово удивился, встал и вошел в кабинет.

— Слушаю вас.

— Вот этот стол, что в углу, и все хозяйство, которое на нем, немедленно перенести в свободный кабинет на этом же этаже.

Тот поднял брови:

— А кто вы, собственно, такой, хотел бы я знать?

— Какого...

— Выполняйте, Уэбер, — приказал Костер.

— И чтоб через двадцать минут было сделано! — добавил Харриман. — Шевелись!

Перейдя к другому столу, он взялся за телефон и позвонил в управление «Скайуэиз».

— Джим, там у тебя Джок Беркли твой далеко? Сделай ему отпуск и пришли ко мне, в «Петерсон Филд», спецрейсом, немедленно. Я хочу, чтобы корабль с ним на борту стартовал через десять минут после того, как ты повесишь трубку. Вещи пошлете вслед за ним.

Некоторое время Харриман слушал, затем сказал:

— Да не развалится без него твоя контора! А если развалится, значит, ты даром деньги получаешь. Ладно, ладно, когда поймаешь меня в следующий раз, можешь разок пнуть под зад, однако Джок высылай! Пока.

Он проверил, как выполнен приказ о переносе рабочего стола Костера в другой кабинет, проследил, чтобы там не было телефона, и задним числом сообразил приказать перетавить к Костеру и диван.

— Проектор, чертежную машину, стеллажи для книг и прочее установим вечером. Ты только составь список, что тебе нужно для работы.

Вернувшись в кабинет номинального главы проекта, он счастливо улыбнулся, засучил рукава и взялся за дело, стараясь понять, в каком состоянии эта лавочка и что в ней не так.

Часа через четыре он повел прибывшего Джок Беркли к Костеру. Главный инженер спал за столом, уронив голову на руки. Харриман на цыпочках двинулся к дверям, но Костер вскинулся:

— Фу-ты! Извините, мистер Харриман. Отключился...

— Для этого у тебя есть диван, — заметил Харриман, — на нем удобнее. Боб, познакомься, это — Джок Беркли, твой покорный слуга. Ты остаешься главным инженером и высшим, неоспоримым начальством, а Джок — властелин всего прочего. С этого момента можешь ни о чем не беспокоиться, исключая один пустяк — постройку лунного корабля.

— Только об одном вас попрошу, мистер Костер, — сказал Беркли, пожимая ему руку, — можете делать через мою голову все, что хотите... и все, что надо для вашей техники, только, ради Всевышнего, все записывайте, чтобы я был в курсе происходящего. Я установлю на вашем столе кнопку, которая будет включать магнитофон у меня в столе.

— Замечательно!

Харриман отметил, что Костер как будто помолодел.

— Понадобится что-нибудь, не относящееся к технике, не делайте ничего сами. Только нажмите кнопку да свистните — и все будет сделано! — Беркли покоился на Харримана. — Босс сказал, что хочет поговорить с вами о деле. А я пойду заниматься своим.

С этими словами он вышел.

Харриман сел. Костер последовал его примеру:

— Уф-ф-ф!

— Теперь лучше?

— Здорово выглядит этот ваш Беркли!

— Рад, что тебе он нравится. С этой минуты вы с ним — близнецы-братья. Можешь не беспокоиться, я сам с ним работал. Считай, что лежишь в приличной больнице. Ты, кстати, где остановился?

— В Спрингсе, в мебелирашках.

— Смех, да и только! Выходит, тебе даже и выспаться-то негде?

Харриман дотянулся до стола и связался с Беркли.

— Джок, сними люкс в «Бродмуре» — для мистера Костера, но под чужим именем.

— Хорошо.

— А комнаты по соседству с этим его кабинетом пусть оборудуют под жилые помещения.

— Есть. Сегодня же.

— Ну вот, Боб, теперь — о лунном корабле. Как обстоят дела?

Часа два провели они за обсуждением деталей проблемы, как ее себе представлял Костер. С тех пор как предприятие начало функционировать, работы было сделано явно немного, однако Костер успел продумать солидную часть теории и выполнить некоторые вычисления, прежде чем погряз в бумагах. Харриман, ни буквы не смыслящий в инженерии и математике, если не считать простейшей финансовой арифметики, все же очень долго поглощал всю доступную литературу о космических путешествиях, так что вполне смог проследить за ходом мыслей Костера.

— А что у нас с катапультной на горе? — вскоре спросил он.

Костер опечалился:

— Ах, это. Мистер Харриман, я, наверное, поторопился...

— Так что же? Я поручил ребятам Монтгомери сделать картинки с видами, которыми смогут любоваться пассажиры регулярных рейсов. Я хочу превратить Колорадо-Спрингс в мировой космический центр. Права на старый фуникулер у нас уже есть, так в чем же загвоздка?

— Время и деньги.

— Про деньги забудь, это — мое дело.

— Значит, остается время. Я все еще считаю электрическую пушку лучшим средством для задания начального ускорения кораблю, работающему на химическом топливе. Примерно так...

Он принялся чертить на скорую руку.

— Это позволит нам избавиться от первой ступени, а она больше всех остальных, вместе взятых, и эффекта от нее почти никакого — слишком мал коэффициент массы. Но как нам это осуществить? Мы не сможем построить башню двухмильной высоты, настолько прочную, чтобы она выдерживала стартовую нагрузку. По крайней мере, в этом году. Значит, придется использовать гору. Пик Пайкс не хуже любого другого — он, в конце концов, легко достигаем. Только вот что нужно сделать, чтобы его использовать? Во-первых, туннель от вершины до подножия, который вместил бы в себя такой снаряд как лунный корабль...

— Который мы опустим в туннель сверху, — предположил Харриман.

— Об этом я думал. Чтобы опустить космический корабль на две мили, никаких палок и веревок не хватит. Не годятся и другие доступные материалы. Конечно, можно приспособить для этого саму катапульту. Синхронизировать ее катушки несколько иначе... Но, вы уж мне поверьте, мистер Харриман, тут неизбежно возникнут другие технические трудности. Например, понадобится громадная железная дорога, чтобы поднять корабль к вершине. И сама шахта... Она должна быть куда шире корабля, это ведь не то, что пуля в ружейном стволе... Зазор должен быть значительным: сжать воздушный столб высотой в две мили — это не игрушка. Словом, такую катапульту можно построить, но это займет не меньше десяти лет.

— Тогда забудем о ней. Отложим ее на будущее, а этот полет осуществим по-другому. Стоп! А как насчет наземной катапульты? Сроем склон горы, а у вершины сделаем трамплин...

— Честно говоря, я думал, что нам придется использовать нечто подобное. Но не сейчас — иначе у нас появится слишком много новых проблем. Даже если мы сможем разработать электропушку с трамплином — а таких разработок пока еще не было — все равно корабль придется рассчитывать для громадных боковых напряжений, пока же мы строим ракету, вся дополнительная нагрузка является паразитической.

— Ну, Боб, что ж мы решим?

Костер сдвинул брови:

— Вернемся назад, к вещам нам знакомым — к ступенчатой ракете.

5

— Монти...

— Что, шеф?

— Помнишь эту песенку?

Харриман припомнил слова, а потом запел, сильно перевирая мелодию:

*Луна — для всех, и лучше всего
То, что за деньги не купишь...*

— Не помню такой.

— Ну, это было еще до тебя. Я хочу снова вытащить ее на свет божий. Ее следует оживить и сделать популярной, так, чтоб даже ад запел ее в тысячу глоток!

— Будет сделано. — Монтгомери достал свой блокнот. — Когда она должна стать популярной?

— Скажем, через три месяца, — прикинул Харриман. — И еще: первую фразу следует использовать в рекламных текстах.

— Есть!

— Как дела во Флориде?

— Я думал, всех этих клятых законодателей придется скупать оптом, но мы вовремя распустили слух, будто Лос-Анджелес заключил договор об установке на Луне указателя границы города. Мол, это понадобится для рекламных фотографий. Тогда только они пошли нам навстречу.

— Хорошо, — похвалил Харриман. — И вообще, идея неплохая. Как ты думаешь, сколько заплатит Торговая палата Лос-Анджелеса за такую картинку?

Монтгомери сделал еще одну пометку в блокноте.

— Выясним.

— Теперь, раз уж Флорида сдалась, ты, конечно, готов штурмовать Техас?

— В любое время. Для начала затравим их слухами.

Заголовок в газете «Знамя Даллас-Форт Уорта»:

ЛУНА ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕХАСУ!!!

«...и это, ребята, пока что все. Не забудьте: принимают только первые или вторые экземпляры машинописи. Главный приз — лунное ранчо в тысячу акров, бесплатное и необлагаемое налогами. Второй приз — точная копия лунного корабля высотой в шесть футов. Да плюс к тому пятьдесят — ну-ка, посчитайте внимательно — пятьдесят обьезженных под седло шотландских пони! Ваше сочинение из ста слов "Почему я хочу на Луну" будет оцениваться за оригинальность и искренность, а не по правилам грамматики и всяким там писательским штучкам! Шлите свои сочинения дядюшке Таффи — Олд Мехико, Хуарес, п/я 214!»

Харримана ввели в кабинет президента «Мока-Кока Компани» («Только Мока — истинная Кока», «Я пью

только Колу, и весел всегда»). В дверях он притормозил — до стола президента было футов двадцать — и быстро приколол на лацкан круглый значок в два дюйма диаметром.

Паттерсон Григгс поднял взгляд:

— Ну, Ди-Ди, вот уж уважил... Проходи, са...

Внезапно неутомимый популяризатор безалкогольных напитков осекся; на лице его появилось совсем другое выражение.

— Зачем ты нацепил эту штуку?! — зарычал он. — Мне назло?!

Харриман отцепил от лацкана двухдюймовый кругляш и сунул его в карман. Значок был рекламным: на желтом фоне черной краской во всю его двухдюймовую ширину красовалось: 6+ — торговая марка единственного серьезного конкурента «Мока-Кока».

— Нет, — ответил Харриман, — и за твоё раздражение я не в обиде. Я вижу, что такие значки таскает половина школьников, и пришел с дружеским советом, а вовсе не для того, чтоб злить тебя.

— И что же ты хочешь сказать?

— Когда я остановился в дверях, значок на моем лацкане с твоего места выглядел точно так же, как полная Луна, если смотреть из твоего сада. И ты с легкостью прочел, что на нем написано, так? Я знаю, что так: ты завопил, прежде чем я успел шевельнуться.

— И что с того?

— Как бы ты себя чувствовал — и как бы чувствовал себя твой отдел сбыта — если бы такая же надпись была и на Луне, а не только на свитерах школьников?

Поразмыслив, Григгс сказал:

— Ди-Ди, кончай эти дурацкие шутки. У меня сегодня был тяжелый день.

— А это не шутки. Ты, наверное, уже слышал на Уолл-Стрит, что за полетом на Луну стою я. Между нами говоря, Пат, это дело требует безумных денег. Даже для меня. На днях зашел ко мне один тип — имен я называть не буду, ладно? Ты и сам можешь догадаться. В общем, тип этот представляет клиента, желающего приобрести рекламную концессию для Лу-

ны. Он знает, что мы не уверены в успехе, но сказал, что его клиент склонен рискнуть. Вначале я не мог сообразить, о чем он; он разъяснил. Тогда я решил, что он валяет дурака. А потом у меня глаза на лоб полезли! Глян-ка.

Харриман извлек из кармана большой лист бумаги и развернул его на столе перед Григгсом.

— Видал? Оборудование можно установить в любом месте вблизи от центра видимого лунного диска. Восемнадцать пиротехнических ракет выстреливаются в восемнадцать направлениях, как спицы в колесе, но каждая из них летит на строго выверенное расстояние. Они долетают, бомбы, которые они несут, разрываются и рассыпают где надо мелкую сажу. Воздуха на Луне, как ты знаешь, нет, и мельчайший порошок бросить так же легко, как, скажем, копье. И вот результат.

Он перевернул лист; на обратной его стороне было желтое изображение Луны, а поверх него — жирное, черное 6+.

— Значит, эта шайка... эти отравители...

— Нет, я этого не говорил! Однако теперь суть тебе ясна: шесть плюс — всего два символа, их можно сделать такими большими, что их будет совсем легко прочесть с Земли.

Григгс не мог оторвать глаз от этого рекламного кошмара.

— Я не верю, что они смогут это сделать!

— Одна почтенная пиротехническая фирма гарантировала успех при условии, что их оборудование будет доставлено на место. Подумай сам, Пат, много ли надо пиротехнической ракете, чтобы прилуниться там, где это потребуется? Ты же знаешь, гравитация там низкая, даже ты смог бы забросить бейсбольный мяч мили на две.

— Люди никогда этого не допустят! Это... святотатство!

Харриман грустно посмотрел ему в глаза:

— Твои бы слова — да Богу в уши... Но ведь допускают люди видеорекламу, а также надписи в воздухе реактивными струями самолетов...

Григгс закусил губу.

— Тогда я не понимаю, чего ты вообще ко мне с этим пришел! Ты же, черт тебя подери, отлично знаешь, что название моей продукции нет смысла помещать на Луну! Буквы получатся слишком маленькими!

— Потому я к тебе и пришел, — кивнул Харриман. — Понимаешь, для меня это не просто новое предприятие. В этом предприятии — моя душа. И меня просто блевать тянет от мысли, что кто-то способен ради рекламы так испоганить Луну. Ты верно сказал — святотатство. Однако... Эти шакалы каким-то образом разнюхали, что у меня туговато с деньгами, и пришли, зная, что я вынужден буду их выслушать. Я их выпроводил, обещал дать ответ во вторник, а потом отправился домой и всю ночь мучился бессонницей. А потом вспомнил о тебе.

— Обо мне?

— Именно. О тебе и твоей компании. У тебя ведь отличная продукция, и ее действительно необходимо рекламировать. Я подумал, что есть множество других способов использовать Луну для рекламы — и при этом не нужно ее уродовать. Допустим, твоя компания купит эту самую концессию, но с проникнутым гражданским сознанием добровольным обязательством: никогда ею не пользоваться. Допустим, этот факт ты разрекламируешь на своих плакатах, допустим, ты выпустишь картинки: девочка и мальчик сидят на Луне с бутылочкой «Моки», допустим, «Мока» будет единственным безалкогольным напитком, побывавшим на Луне. В общем, не мне тебя учить. — Харриман бросил взгляд на часы. — Пора, однако я не хочу торопить тебя с ответом. Если мое предложение тебя заинтересовало, дай мне знать до завтрашнего полудня, и я сведу своего Монтгомери с твоим заведующим рекламой.

Глава большого газетного треста недолго заставил Харримана дожидаться в приемной — самый минимум, как промышленного магната либо члена кабинета. Вновь Харриман задержался в дверях и приколот на лацкан значок.

— Привет, Делос, — сказал издатель. — Как нынче зеленый сыр, раскупают?

Заметив значок, он нахмурился:

— Если это шутка, то — дурного тона.

Харриман спрятал крутяш в карман. На сей раз на нем красовалось изображение серпа и молота.

— Это вовсе не шутка, — сказал он. — Это — кошмар, полковник! Мы с вами одни из немногих в этой стране понимаем, что коммунизм, как и раньше, представляет собой большую опасность.

Через некоторое время они беседовали так дружелюбно, словно трест полковника не травил с первых же дней во всех своих газетах лунное предприятие Харримана. Издатель размахивал над столом сигарой:

— Как тебе удалось добыть эти планы? Украдены?

— Скопированы. — Доля истины в ответе была. — Но сами по себе они ничего не значат. Нам важно попасть туда первыми. Нельзя рисковать появлением на Луне вражеской ракетной базы. Годами меня мучил кошмар — будто я просыпаюсь и читаю в газетах, что русские высадились на Луне и провозгласили о создании там Лунного Совета; и, скажем, эти пятнадцать ученых — тринадцать мужчин и две женщины — подали прошение о включении их в состав СССР, а Верховный Совет, конечно же, с радостью пошел им навстречу. Я вскакивал с постели в холодном поту! Не знаю, вправду ли они собираются нарисовать на Луне серп и молот, однако это вполне в их духе. Вспомнить хоть эти идиотские плакаты, которые они развешивают там и сям...

Издатель крепко сжал зубами свою сигару.

— Мы посмотрим, что тут можно сделать. Что поможет тебе ускорить старт?

6

— Мистер Харриман!

— Да?

— Опять пришел мистер Лекруа.

— Скажите, что я занят.

— Хорошо, сэр. Но, мистер Харриман, раньше он этого не говорил, но теперь утверждает, будто он — пилот-ракетчик.

— Пусть идет в «Скайуэйз». Я не нанимаю пилотов.

Лицо секретарши на экране сменилось физиономией мужчины.

— Мистер Харриман! Я — Лесли Лекруа, дублирующий пилот «Харона»!

— Хотя сам архангел Гав... Как? Как вы сказали?! «Харон»?!

— Да, «Харон». Мне нужно с вами поговорить.

— Входите.

Харриман поздоровался с вошедшим, предложил ему закурить и с интересом принялся рассматривать. «Харон» — «шаттл» для недавно взорвавшегося энергоспутника — был ближе всего к настоящему космическому кораблю. Его пилот, погибший при взрыве, которым был уничтожен и спутник, и сам «Харон», по сути, был родоначальником племени космонавтов.

Харриман подумал, как же можно было забыть, что для «Харона» имелся еще один, запасной пилот. Конечно, он знал об этом, но — бывает такое — забыл. Забыл, вычеркнув из памяти и спутник, и «шаттл», и все, что к ним относилось. Теперь он с любопытством разглядывал Лекруа.

Перед ним сидел невысокий, аккуратного вида человек с тонким, интеллигентным лицом и крупными, умелыми руками жокея. С виду он был спокоен и абсолютно уверен в себе.

— Чем могу быть полезен вам, капитан?

— Вы строите корабль для полета на Луну.

— Откуда вы знаете?

— Лунный корабль строится. И все наши парни говорят, что за этим делом стоите вы.

— Вот как?

— Я хочу его пилотировать.

— Почему именно вы?

— Я самый подходящий для этого человек.

Харриман выпустил облако табачного дыма.

— Если вы сможете это доказать — место за вами.

— Договорились.

Лекруа поднялся.

— Я оставляю секретарше свой адрес.

— Минуту. Я сказал «если»... Давайте-ка побеседуем. Дело в том, что я сам отправляюсь в этот полет, и хотелось бы узнать вас поближе, прежде чем доверить вам свою голову.

Они обсудили полет на Луну и межпланетные путешествия вообще; поговорили о ракетах и о том, что, возможно, будет обнаружено на Луне, и постепенно Харриман потеплел: он почувствовал родственную душу, тоже одержимую Прекрасной Мечтой. Не понимая почему, он уже практически нанял Лекруа: разговор пошел так, будто их совместный полет был делом решенным.

К реальности Харриман вернулся не скоро.

— Здорово мы с тобой, Лес, побеседовали, однако на сегодня у меня есть еще кое-какие делишки. На одних разговорах до Луны не долететь. Отправляйся в «Петерсон Филд», там тебя встретит Боб Костер, я ему позвоню. Сумеешь с ним поладить — тогда и о контракте поговорим.

Написав на листе бумаги несколько слов, он отдал записку Лекруа.

— Это передай мисс Перкинс — сразу при выходе, она внесет тебя в ведомость.

— Ну, это — не к спеху.

— Ничего-ничего, чтобы вести здоровый образ жизни, прежде всего нужна еда.

С этим Лекруа согласился, но в дверях замешкался:

— Одного только не понимаю, мистер Харриман.

— Чего же?

— Зачем вам корабль на химическом топливе? Нет, я не против, я любой пилотировать согласен, но зачем же себе жизнь осложнять? Вы ведь переоборудовали «Город Брисбейн» под Х-топливо.

Харриман окрысился на него:

— Ты, Лес, никак, спятил?! Тебе ли не знать, что утюги не летают, а Х-топлива больше нет и не будет, пока мы сами его не сделаем, на Луне!

— Кто вам сказал, что Х-топлива больше нет?

— Может, оно есть у тебя?

— Насколько я знаю, комиссия по ядерной энергетике, согласно существующему договору, распределяет X-топливо между определенными странами. Некоторые страны, хоть и получают его, но применять пока не умеют. Куда же они его девают?

— А, это... Конечно. Каким-то закоулкам Центральной и Южной Америки из политических соображений отрезали по ломтику пирога, хотя они и укусить-то его не способны. Но во время энергетического кризиса мы выкупили топливо обратно и использовали. — Харриман сдвинул брови. — И все же ты прав. Мне надо было малость приберечь для себя.

— А вы совершенно уверены, что оно кончилось все, до последнего грамма?

— Конечно, я... Нет, не уверен. Надо подумать. Счастливо, Лес.

Связи Харримана позволили ему довольно скоро узнать судьбу каждого фунта X-топлива, кроме того что было выделено Коста-Рике. Эта страна отказалась продать свой запас — там якобы строительство электростанции, работающей на X-топливе, к моменту взрыва спутника было почти закончено. Однако из ответа на другой запрос стало ясно, что строительство станции законсервировано.

В это время Монтгомери как раз был в Манагуа. Правительство Никарагуа сменилось, и он проверял, надежно ли защищен особый статус местной лунной корпорации. Харриман отправил ему шифровку с указанием мчаться в Сан-Хосе, разыскать X-топливо, купить его за любые деньги и доставить в США. А сам отправился к председателю комиссии по ядерной энергетике.

Сей государственный муж, похоже, был рад его видеть и изо всех сил старался быть приветливым. Харриман начал было объяснять, что хотел бы получить лицензию на экспериментальные работы с изотопами, а конкретно — с X-топливом.

— Такие вопросы решаются в рабочем порядке, мистер Харриман.

— Ясное дело. Это — всего лишь предварительная беседа. Я хотел бы знать, что вы на этот счет думаете.

— Ну, я ведь в комиссии не один... И мы почти всегда следуем рекомендациям нашего технического отдела.

— Карл, будь добр, не уходи от ответа. Ты же отлично сознаешь, что большинство голосов — в твоих руках. Не для протокола — что ты скажешь?

— Ладно, Ди-Ди, не для протокола. Х-топлива тебе взять негде — на что тебе лицензия?

— Это уж — мое дело.

— Мм-м-м... По закону мы не обязаны следить за каждым милликури Х-топлива, поскольку оно не считается потенциально пригодным для изготовления оружия массового поражения, однако следим. В наличии нет ни грамма.

Харриман хранил молчание.

— Во-вторых, если хочешь получить лицензию на Х-топливо, можешь получить. Для любых целей, кроме исследования в качестве реактивного топлива для ракет.

— Это почему еще?!

— Ты ведь строишь корабль для полета на Луну, так?

— Какой корабль?

— Не уходи от ответа, Ди-Ди. Я все знаю, мне за это деньги платят. Ты все равно не достанешь Х-топлива, а если достанешь, то не сможешь использовать его для ракеты.

Председатель прошел к сейфу и вернулся с большим томом. Назывался он: «Теоретическое исследование устойчивости различных видов радиоизотопного топлива» — с примечаниями относительно гибели энергоспутника и «шаттла» «Харон». На обложке стоял номер и штамп: «Секретно».

Харриман отпихнул книгу в сторону:

— Этого я не имею права читать, а если б и стал, все равно ничего бы не понял.

— Отлично, — усмехнулся председатель, — я сам тебе все расскажу. Я нарочно связываю тебя государственной тайной, Ди-Ди.

— К черту тебя с твоей государственной тайной!

— Ди-Ди, не пытайся заправить космический корабль Х-топливом. Топливо замечательное, спору нет, однако где-нибудь в космосе оно может вспыхнуть, как шутиха! А в этом докладе сказано, отчего.

— Какого дьявола?! Мы гоняли «Харон» почти три года!

— Везунчики хреновы. Вот тебе официальное — несмотря на всю свою конфиденциальность — мнение правительства. «Харон» погубил энергоспутник, а не наоборот. Вначале мы считали, что это взрыв спутника уничтожил «шаттл». Конечно, могло быть и так. Однако записи показаний радаров заставляют призадуматься. Такое впечатление, что «шаттл» взорвался на долю секунды раньше спутника, и потому мы провели скрупулезное теоретическое исследование. Х-топливо слишком опасно для ракет.

— Ерунда! На каждый фунт, сожженный «Хароном», приходится минимум сто фунтов, питающих земные электростанции. Почему они не взрываются?!

— Все дело в защите. Ракеты защищены хуже стационарных реакторов, вдобавок, они находятся в открытом космосе. Предположительно, взрыв произошел из-за первичного космического излучения. Хочешь, могу позвать кого-нибудь из теоретиков, он тебе подробно разъяснит.

Харриман задумчиво помотал головой.

— Ты же знаешь я в ихних штуках не силен. Значит, все?

— Боюсь, что да. Мне действительно жаль.

Харриман поднялся, собираясь идти.

— Ди-Ди, еще одно. Ты не собираешься обратиться к кому-нибудь из моих подчиненных?

— Нет, конечно. Зачем?

— Рад слышать. Понимаете ли, мистер Харриман, некоторые из них, возможно, не самые лучшие в мире — на государственной службе трудно удержать классного специалиста... Но в одном я совершенно уверен: никого из них невозможно подкупить. И я сочту личным оскорблением всякую попытку повлиять на кого-либо из моих людей. Весьма тяжелым личным оскорблением.

— Вот как?

— Да. Кстати, в колледже я занимался боксом — в полутяже. И сейчас еще в форме.

— Хм-м-м... Что ж, мы в колледжах не обучались... Зато я отлично играю в покер. — Харриман улыбнулся. — Ладно, Карл, не буду трогать твоих парней. Не хорошо дразнить голодного куском мяса. Счастливого.

Вернувшись в свой кабинет, Харриман позвонил одному из своих поверенных.

— Пошлите еще шифрограмму мистеру Монтгомери: пусть он лучше переправит груз в Панама-Сити, в Штаты не нужно.

Потом он принялся диктовать послание для Костера, предписывавшее ему остановить строительство «Пионера», остов которого уже нацелился в небо над прерией Колорадо, и заняться «Санта-Марией», бывшим «Городом Брисбейн».

Но вскоре Харриман передумал. Тогда стартовать придется не из США. При жестком противодействии со стороны комиссии по ядерной энергетике не стоит даже пытаться перевезти «Санта-Марию». Такой переезд все раскроет. Кроме того, ее все равно не перевезти, не переоборудовав предварительно под химическое топливо. Стало быть, придется снять с линии еще один корабль типа «Брисбейна» и отправить его в Панаму, а с «Санта-Марии» снять энергоустановку и отправить туда же. Недель через шесть, а может, и быстрее, Костер подготовит новый корабль. И тогда они втроем — Харриман, Костер и Лекруа — отправятся на Луну! И — к дьяволу все космические излучения! «Харон» ведь продержался почти три года... Они совершат перелет, докажут, что такое возможно, а уже потом, если потребуется, это послужит стимулом для поиска безопасного топлива. Но для этого нужно совершить первый полет. Если бы Колумб стал дожидаться хороших кораблей, Америку бы до сих пор не открыли. Если хочешь чего-нибудь добиться, следует идти на риск.

Удовлетворенный, он начал составлять распоряжения по новому плану работ.

Прервала его секретарша:

— Мистер Харриман, с вами желает говорить мистер Монтгомери.

— А? Шифровку он уже получил?

— Не знаю, сэр.

— Ладно, дайте его сюда.

Второго сообщения Монтгомери еще не получал, однако новости у него имелись: Коста-Рика продала все свое X-топливо министерству энергетики Англии вскоре после взрыва спутника. Теперь ни в Англии, ни в Коста-Рике не было ни фунта.

Закончив разговор, Харриман несколько минут предавался печали, а после позвонил Костеру:

— Боб? Лекруа у тебя?

— Здесь. Мы хотели идти обедать. Сейчас позову.

— Здорово, Лес. Лес, ты выдал шикарную идею, но все напрасно. Кто-то украл нашу доченьку.

— Что? А, понятно. Жалко...

— Никогда не трать время на бесполезные сожаления! Будем работать согласно первоначальному плану — и достигнем Луны!

— А как же!

7

Июньский номер «Попьюлар Текникз»: ПОИСКИ УРАНА НА ЛУНЕ. Факты, говорящие о Большой индустрии, которая вскоре появится.

«Холидэй»: МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ НА ЛУНЕ. Дискуссионная статья о чудо-курорте, который непременно понравится вашим детям. По сообщениям заведующего отделом путешествий.

«Америкэн Санди Мэгэзин»: АЛМАЗЫ НА ЛУНЕ? Ученый с мировым именем объясняет, отчего алмазы должны встречаться в лунных кратерах чаще, чем щебень.

— Клем, я, конечно, в электронике ничего не смыслю, но мне объясняли: в наше время можно сжать передающий телевизионный луч до одного градуса или около того, так?

— Да. При достаточно большой антенне.

— Места для антенны там хватит. Значит, если смотреть с Луны, угловой размер Земли — около двух градусов. Правда, далековато, но зато нет энергетических потерь, а условия для передачи — почти идеальные и неизменные. Если оборудовать станцию, то вести передачу будет не дороже, чем на Земле с вершины какой-нибудь горы. Не говоря о том, во что вам сейчас обходятся все те вертолеты, которые вы держите в воздухе над всей страной.

— Это — фантастика, Делос.

— Да что же тут фантастического? Как попасть на Луну — дело мое. А как только мы туда попадем, у нас появится телевидение на Землю, можете спорить на свою последнюю рубашку. Это — самая простая схема передачи в пределах прямой видимости. Если вас она не интересует — что ж, поищу кого-нибудь другого.

— Я не говорил, что нас она не интересует.

— Тогда решайтесь на что-нибудь. И еще одно, Клем. Не хочу совать нос в твои дела, однако — у тебя ведь были хлопоты после взрыва энергоспутника? Вы ведь использовали его как ретрансляционную станцию.

— Ты сам прекрасно знаешь, нечего подкалывать. Издержки возросли непомерно, чего вовсе не скажешь о доходах.

— Я не совсем то имел в виду. Как насчет цензуры? Телевизионщик замахал руками.

— Чтоб я больше не слышал в своем кабинете этого слова! Как можно требовать с нас чего-либо дельного, если всякий мелкий ханжа может указывать нам, что можно говорить, а что нельзя, что можно показывать, а что — не следует. Прямо тошно! Сам принцип такой системы порочен: все равно, что требовать, чтобы взрослые люди питались снятым молоком, раз уж младенцы не могут есть бифштексы! Если б я мог добраться до этих чертовых, похотливых...

— Тише, тише, — вмешался Харриман. — Тебе когда-нибудь приходило в голову, что вклиниться в передачу с Луны в принципе невозможно, и все эти

земные цензоры не могут иметь над лунной станцией никакой власти?

— Как? Ну-ка, еще раз.

«ЛАЙФ» ЕДЕТ НА ЛУНУ. «Лайф-Тайм, Инкорпорейтед» с гордостью сообщает, что вскоре сможет предоставить подписчикам личные впечатления первых людей, достигших нашего спутника. На месте обычной еженедельной рубрики «"Лайф" идет в гости» немедленно после успешного возвращения первого...

В НОВУЮ ЭРУ — С УВЕРЕННОСТЬЮ В БУДУЩЕМ!

(Выдержка из рекламного проспекта Североатлантической компании Взаимного Страхования и Обязательств.)

...тот же взгляд в будущее, который защитил владельцев наших страховых полисов от пожара в Чикаго, пожара в Сан-Франциско, от любого бедствия со времен войны 1812 года, теперь сможет защищать вас от любых неожиданностей *даже на Луне...*

НАША ТЕХНОЛОГИЯ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ.

Когда лунный корабль «Пионер» устремится по огненным ступеням в небеса, двадцать семь неотъемлемых компонентов его внутренних будут питаться энергией специальных батарей «Дельта»...

— Мистер Харриман, вы можете приехать на космодром?

— Что стряслось, Боб?

— Неприятности, — кратко ответил Костер.

— Какие?

Костер помедлил.

— Я бы лучше не обсуждал это по видео. Если вы не можете приехать, может, мы с Лесом приедем к вам?

— Сегодня вечером буду.

Приехав на космодром, Харриман заметил, что за бесстрастностью Лекруа скрывается горечь, а Костер

выглядит агрессивно. Он подождал, пока они не остались втроем.

— В чем дело, ребята?

Лекруа покосился на Костера. Инженер закусил губу и сказал:

— Мистер Харриман. Вы знаете, через какие стадии прошло проектирование.

— Ну, более-менее.

— Нам пришлось отказаться от катапульты. Потом было это...

Пошарив в бумагах на столе, Костер извлек на свет божий чертеж: четырехступенчатая ракета в перспективе, массивная, но достаточно изящная.

— Теоретически это было возможно, практически же — слишком ненадежно. К тому времени, как группа нагрузок, группа вспомогательного оборудования и группа управления закончили все дополнительные разработки, мы были вынуждены перейти к такому варианту...

Перед Харриманом появился другой чертеж — ракета, в основном, была похожа, но выглядела более приземисто, почти как пирамида.

— Мы добавили пятую ступень — в виде кольца вокруг четвертой. Нам даже удалось сэкономить вес за счет того, что большая часть вспомогательного и контрольного оборудования четвертой ступени будет управлять пятой. Хотя ракета и неуклюжа, она все-таки имеет достаточное отношение массы к сечению, чтобы, пробиваясь сквозь атмосферу, не встретить серьезного сопротивления.

Харриман кивнул.

— Знаешь, Боб, перед пуском регулярных рейсов на Луну нам следует чем-то заменить ступенчатые ракеты.

— Не представляю себе, чем их можно заменить, имея лишь двигатели на химическом топливе.

— Если бы у тебя была приличная катапульта, то ты бы смог забросить одноступенчатую химическую ракету на земную орбиту, верно?

— Верно.

— Значит, так мы и сделаем. А на орбите будем дозаправлять.

— Старый фокус с космической станцией... Думаю, это имеет смысл. Даже уверен, что имеет. Только корабль не станет дозаправляться, продолжат полет к Луне специальные корабли, которые вообще никогда никуда садиться не будут, а только летать с заправочной станции на земной орбите к заправочной станции на орбите Луны — это гораздо дешевле. Потом...

— Сейчас об этом рано! — В голосе Лекруа звучало совсем не свойственное ему нетерпение. — Боб, давай о деле.

— Да, верно, — согласился Харриман.

— Так вот. Последняя модель должна была справиться со своей задачей, да, черт ее побери, она и сейчас может...

Харриман был озадачен.

— Боб, но ведь это улучшенная модель, верно? Это то самое, что уже на две трети построено?

— Верно, — подавленно ответил Костер. — Но она не выполнит задачи. Не работает.

— Почему?

— Слишком много мертвого груза, вот почему. Вы, мистер Харриман, не инженер и, наверное, не поймете, насколько быстро падают характеристики, когда приходится впихивать в корабль помимо топлива и двигателей все остальное. Например, оборудование для посадки кольцевой пятой ступени. Она должна использоваться всего полторы минуты, а затем будет отстрелена, однако при этом нельзя позволить ей упасть на Уичиту или Канзас-Сити. Значит, нужны парашюты. И плюс к тому ее требуется все равно отслеживать радарами и парашюты отстреливать по радиосигналу, который будет послан, когда ступень окажется над пустынной местностью и на подходящей высоте. Значит, опять прибавка в весе. И в конце концов ступень не дает нам даже добавочной мили в секунду! Ее недостаточно.

Харриман заерзал в кресле.

— Похоже, мы зря собираемся запускать корабль из Штатов. Что, если мы стартуем из какой-нибудь богом забытой дыры — хоть на побережье Бразилии — и пускай ступени падают прямо в Атлантику! Сколько удастся отыграть?

Костер уставился в потолок, а затем сказал:

— Может сработать.

— Что потребуется для перевозки корабля на этой стадии постройки?

— Так... Его придется полностью разобрать, иначе никак. Сколько это будет стоить, точно не скажу, однако — дорого.

— А сколько времени это займет?

— Хм-м-м... Черт возьми, мистер Харриман, я не могу сейчас точно сказать. Года два. Если повезет, полтора. Нужно ведь будет построить стартовый комплекс и мастерские...

Харриман принялся обдумывать информацию, хотя ответ уже знал. Его финансы приблизились к критической точке. Оплачивать все счета еще два года он не мог: требовался успешный полет, и чем скорее, тем лучше. Иначе все его финансовые уловки пойдут прахом.

— Плохо, Боб. Не протянем.

— Этого я и боялся. Ладно. На всякий случай я попробовал добавить шестую ступень.

Костер вытащил из груды бумаг еще один чертеж.

— Видите, какое чудовище получилось? И никакой отдачи. С этой ерундой скорость в конечном счете становится меньше, чем у пятиступенчатой ракеты.

— Что ж, Боб? Значит, все? Ты не можешь построить лунный корабль?

— Нет. Я...

— Вычистим Канзас, — неожиданно сказал Лекруа.

— Как? — спросил Харриман.

— Эвакуируем всех из Канзаса и Восточного Колорадо. Пусть четвертая и пятая ступени падают туда. Третья упадет в Атлантику, вторая останется на орбите, а корабль полетит к Луне. Можно сделать так, если сэкономить на весе парашютов для пятой и четвертой ступеней. Как, Боб?

— Боб, что ты на это скажешь?

— Да, я об этом и говорил. Нас доконал паразитный вес — в основном, с проектом все в порядке.

— Так... Дайте-ка атлас...

Отыскав карту Канзаса и Колорадо, Харриман прикинул на глаз. Наконец он сказал:

— Не пойдет.

— Почему?

— Деньги. Я говорил, что о деньгах на постройку корабля можно не беспокоиться. Однако эта эвакуация — даже на сутки — обойдется нам, самое меньшее, в шесть-семь миллионов. Придется оплачивать издержки сразу же, тут ждать нельзя. Да еще найдутся упрямцы, которые вовсе не захотят сдвинуться с места.

— Если найдутся такие кретины, — зарычал Лекруа, — то пусть спасаются сами, как хотят!

— Я тебя понимаю, Лес. Однако проект слишком грандиозен, чтобы скрыть его или переменить место. А если мы не обезопасим окружающих, нас закроют судебным порядком. Я не могу скупить всех судей в двух штатах — некоторые из них просто не продаются.

— Ничего, Лес, — сказал Костер, — идея была замечательная.

— Думаю, нам всем придется этим утешаться, — отвечал пилот.

— Ты, Боб, хочешь сказать, что у тебя имеется другое решение? — спросил Харриман.

Костер смешался.

— Ну, вы ведь понимаете, корабль был рассчитан на троих — и место, и припасы...

— Верно. К чему ты клонишь?

— Его не следует делать трехместным. Располовиним первую ступень, уждем все до минимума для одного, а остальное выбросим. Это — единственный возможный способ выполнить основную задачу.

Костер показал Харриману еще один чертеж.

— Вот. Одно место, и запас меньше, чем на неделю. Воздушный шлюз больше не нужен — пилот все время находится в скафандре. Ни спальных мест, ни камбуза... Лишь самое необходимое для поддержки жизни одного человека максимум двести часов. Это сработает.

— Сработает, — глядя на Костера, повторил Лекруа.

Харриман смотрел на чертеж со странным и неприятным ощущением пустоты в желудке. Да, это, несомненно, сработает. Для рекламы неважно, сколько человек отправятся на Луну. Это решало все. Он знал: один успешный полет — и деньги польются рекой. Значит, появится капитал для создания практичных пассажирских кораблей. Братья Райт начинали с меньшего.

— Если с этим я должен смириться, то валяйте.

— Отлично! — оживился Костер. — Но тут есть еще одна проблема. Вы помните, на каких условиях я взялся за это дело. Лететь должен я. А Лес трясет перед моим носом своим контрактом и заявляет, что пилотом должен быть он!

— И не только из-за контракта, — заметил Лекруа. — Ты, Боб, не пилот. Из-за своего ослиного упрямства сам утrobiшь и все предприятие погубишь.

— Я научусь пилотировать — в конце концов, я сам конструировал этот корабль. Мистер Харриман, мне вовсе не хочется с вами судиться. Лес говорит, что подаст в суд, но со мной контракт был заключен раньше. И я намерен его предъявить.

— Не слушайте его, мистер Харриман. Пусть себе бежит в суд. А я поведу корабль и верну его обратно. Он же его разобьет!

— Или я лечу, или достраивайте корабль сами, — категорически заявил Костер.

Харриман попытался успокоить обоих:

— Полегче вы, оба! Если хотите, можете оба подавать на меня в суд. Ты, Боб, глупости говоришь: на этой стадии с работой справится любой мало-мальски грамотный инженер. Вы говорите, лететь должен кто-то один.

— Да.

— И этот один — перед вами.

Спорщики изумленно уставились на него.

— Ну, что рты пооткрывали?! Что здесь смешного? Оба вы отлично знаете, что я собирался лететь. Или как по-вашему — я влез по уши в эту кашу, чтобы вас до Луны прокатить? Полечу я. Что я, в пилоты не гожусь? Здоров, как бык, зрение в порядке, и ума хватит, чтобы выучиться всему, что надо. Когда приходится, я сам вожу свою машину, и никому ничего не уступаю. Ясно?

Костер перевел дух:

— Босс, вы сами не понимаете, что говорите.

В бесполезных спорах прошли два часа. Все это время Харриман упрямо стоял на своем, отказываясь выслушать какие бы то ни было доводы. Наконец он под житейским предлогом вышел из кабинета, а, вернувшись, сказал:

- Боб, ты сколько вешишь?
- Я? Чуть больше двухсот фунтов.
- Я бы сказал, даже двести двадцать. А ты, Лес?
- Сто двадцать шесть.
- Боб, рассчитывай корабль на чистую нагрузку в сто двадцать шесть фунтов.
- Что-о?! Погодите, мистер Харриман...
- Заткнись! Если мне за шесть недель не выучиться на пилота, то и тебе тоже.
- Но я ведь знаю математику и основы...
- Я сказал, заткнись! Лес осваивал свою профессию не меньше, чем ты — свою! Сможет он за шесть недель стать инженером?! Тогда почему ты считаешь, что сможешь за то же время освоить его специальность? Думаешь, я позволю ради твоего раздувшегося самолюбия пустить корабль псу под хвост? Во всяком случае, ты в ходе обсуждения проекта дал верное решение задачи. На самом деле нас ограничивает только один фактор — вес, чистый вес пассажиров. Так? Все остальное определяется им. Так?
- Да, но...
- Так или не так?!
- А-да... Так. Я бы только хотел...
- Более легкому человеку требуется меньше воды, меньше воздуха и меньше места. Значит, полетит Лес.
- Встав, Харриман положил руку на плечо Костера:
- Не расстраивайся, сынок. Мне ничуть не легче. Но полет должен пройти успешно, а, стало быть, нам с тобой нужно отказаться от чести быть первыми людьми на Луне. Но я тебе обещаю: мы с тобой обязательно отправимся во второй полет, а Лес будет нашим личным пилотом. Это будет первый из регулярных пассажирских рейсов. Подумай, Боб. Ты можешь стать в этой игре большим человеком, если не выйдешь из нее сейчас. Хочешь быть главным инженером первой лунной колонии?
- Неплохо, наверное, — криво улыбнулся Костер.
- Тебе понравится. Выживание на Луне — техническая задача; помнишь, мы с тобой об этом говорили? Так хочешь ли ты воплотить в жизнь свои замыслы? Построить первый лунный город, первую большую обсерваторию, которую мы там заложим? А потом по-

смотреть со стороны и заорать: да ведь это же я сделал?!

Похоже, Костер примирился с тем, что не попадет в первый полет.

— Да, в ваших устах все это выглядит весьма заманчиво. А чем же вы сами там займетесь?

— Я-то? Что ж, возможно, стану первым мэром Луна-Сити.

Эта новая мысль всецело захватила Харримана; он принялся смаковать ее:

— Достопочтенный Делос Дэвид Харриман, мэр Луна-Сити. А что, неплохо. У меня никогда не было общественной должности — все, что я имел, было исключительно личным. — Харриман окинул взглядом собеседников. — Возражений больше нет?

— По-моему, нет, — протянул Костер. Вдруг он подал руку Лекруа: — Давай, Лес. Я его построю, а ты поведешь к Луне.

Лекруа пожал руку Костера:

— Идет. А вы с боссом начинайте следующий корабль, чтобы всем троим поместиться!

— Отлично.

Харриман накрыл их руки своей.

— Вот это — другое дело! Мы будем вместе и вместе зложим Луна-Сити!

— По-моему, его надо бы назвать «Харриман», — серьезно сказал Лекруа.

— Не-етушки! Я с детства думал о нем как о «Луна-Сити», и так оно и будет. Ну, может быть, сделаем в центре площадь Харримана.

— Я на плане так и отмечу, — согласился Костер.

После разговора Харриман сразу же уехал. Несмотря на благополучное разрешение проблемы, он был страшно разочарован и не хотел показывать этого своим сотрудникам. Победа оказалась пирровой: он спас предприятие, но чувствовал себя зверем, которому пришлось отпрыгнуть собственную лапу, чтобы выбраться из капкана.

8

Стронг сидел в кабинете один, когда ему позвонил Диксон:

— Джордж, мне нужен Ди-Ди. Он здесь?

— Нет. Он все еще в Вашингтоне, там какие-то проблемы. Скоро должен приехать.

— Хм-м-м... Нам с Эntenсой надо бы его повидать. Мы едем.

Вскоре они приехали. Эntenса был явно чем-то озабочен, а Диксон, как всегда, хранил полное спокойствие. Едва поздоровавшись, он сказал:

— Джек, ты ведь по делу приехал, верно?

Эntenса вздрогнул, полез в карман и извлек оттуда чек.

— Да, верно, Джордж, я больше не хочу вкладывать деньги пропорционально. Вот это взнос, чтоб довести мой пай до полного на сегодняшний день.

Стронг принял чек и спрятал его в ящик.

— Думаю, Делосу будет приятно.

— Как, — резко сказал Диксон, — а расписка?

— Если Джек желает — пожалуйста. Хватило бы и погашенного переводного векселя.

Стронг быстро написал расписку. Эntenса спрятал ее.

Некоторое время они молчали. Наконец Диксон сказал:

— Джордж, ты уже по уши в этом деле, верно?

— Может быть.

— Хочешь обезопасить свои вложения?

— Каким образом?

— Ну... честно говоря, я хочу обезопасить себя. Не продашь ли полпроцента от своего пая?

Стронг задумался. Он действительно беспокоился, здорово беспокоился. То, что при них был ревизор от Диксона, который следил за отчетностью, вынуждало его и Харримана вести дела только на наличном расчете — и только Стронг знал, как близко они из-за этого к критической черте.

— Зачем тебе это нужно?

— Да нет, ты не понял, я не хочу таким образом вступать в операции Делоса... Он — один из нас, мы все его поддерживаем. Однако я чувствовал бы себя куда спокойней, если б имел право вето — на случай, если он попробует втянуть нас во что-нибудь такое, чего мы не сможем оплатить. Ты же знаешь Делоса —

он неисправим в своем оптимизме. И нам нужно то, что поможет привести его в чувство. Если понадобится.

Стронг задумался. Он был полностью согласен с Диксоном, и ему было больно от этого. Он отлично видел, как Делос транжирил оба их состояния, создававшиеся годами тяжелого труда. Ди-Ди это вовсе не трогало. Чего там, только сегодня утром он отказался даже взглянуть на отчет об автоматическом бытовом выключателе «Н & S» — он забыл о нем, едва изложив Стронгу идею.

Диксон подался вперед:

— Так назови же цену, Джордж! Я сегодня щедр...

Стронг расправил узкие плечи:

— Что ж, я продам...

— И замечательно!

— ...если Делос согласится. Иначе — никак.

Диксон шепотом выругался. Энтенса захихикал. Неизвестно, куда бы повернул их разговор, если бы не вошел Харриман.

О предложенном Стронгу никто и не заикнулся. Стронг спросил, чем кончилась поездка. Харриман показал большой палец.

— Порядок. Однако делать дела в Вашингтоне с каждым днем все дороже!

Он обратился к остальным:

— Что там у вас? Просто поболтать заехали, или у нас деловое совещание?

Диксон повернулся к Энтенсе:

— Скажи ты, Джек.

— Зачем ты продал телевизионные права? — осведомился Энтенса.

Харриман поднял брови:

— А почему бы нет?

— Ты же мне обещал! Вот оригинал соглашения в письменной форме!

— Так почитай его повнимательнее, Джек, и не строй из себя дурачку. У тебя — эксплуатационные права на радио, телевидение и другие зрелищные и специальные мероприятия, связанные с первым полетом на Луну. Они — за тобой, включая и передачи с борта корабля, если таковые будут.

(Сообщать о том, что весовые ограничения уже сделали эти передачи невозможными, так как «Пионер» не возьмет на борт никакой электроники, кроме навигационного оборудования, пока не стоило.)

— А продал я особое право на установку на Луне телестанции, через некоторое время, конечно. Это, между прочим, даже не исключительное право, что бы там Клем Хоггерти о нем ни думал. Если хочешь купить такое и себе — бога ради.

— *Купить?! Да ты...*

— А-а, чтоб тебе... Ну получить бесплатно. Если сможешь уломать Диксона с Джорджем отдать его тебе. Я жмотничать не стану. Что еще?

В разговор вмешался Диксон:

— Ты, Делос, скажи: где мы сейчас?

— Джентльмены! Можете быть уверены — «Пионер» отправится точно по расписанию в следующую среду. А теперь, вы уж извините, мне пора в «Петерсон Филд».

После ухода Харримана трое его компаньонов некоторое время хранили молчание. Энтенса что-то ворчал себе под нос. Диксон, похоже, дремал, а Стронг просто ждал, что последует дальше. Наконец Диксон сказал:

— Так что насчет твоего пая, Джордж?

— А ты не счел нужным сказать об этом Делосу?

— Ясно. — Диксон аккуратно стряхнул пепел с сигары. — Чудак он у нас, верно?

Стронг неловко поерзал в кресле:

— Да.

— Ты его давно знаешь?

— Сейчас припомню. Я нанял его на работу в...

— Он работал на *тебя?!*

— Несколько месяцев. Потом мы основали нашу первую компанию, — вспоминал Стронг. — Наверное, у него уже тогда был комплекс силы.

— Нет, — осторожно сказал Диксон. — Я бы не назвал это комплексом силы. Куда больше похоже на комплекс Мессии.

Энтенса встрепенулся:

— Он — сукин сын без чести и совести, вот он кто!

— Брось, Джек, — приказал Диксон. — Иначе Джордж будет вынужден тебя треснуть как следует.

Так вот. Одна из его странностей заключается в том, что он способен внушать преданность не хуже любого феодального короля. Вот хоть ты. Я знаю, что ты разорен, хоть и не позволяешь мне себя спасти. Это уже недоступно логике, это — личное.

Стронг кивнул.

— Да, он странный человек. Иногда я думаю, что он — последний из баронов-грабителей.

Диксон покачал головой.

— Нет, не последний. Последний из них открыл Дальний Запад. Он — первый из новых баронов-грабителей, и мы с тобой никогда не увидим конца этого племени. Ты Карлейля читал?

Стронг снова кивнул:

— Я знаю, на что ты намекаешь. Теория «героя». Однако это не значит, что я с ней согласен.

— Однако в ней есть рациональное зерно, — возразил Диксон. — Честно говоря, я не уверен, что Делос ведает, что творит. Сейчас он закладывает фундамент для нового империализма. И придется выложить массу денег, прежде чем все придет в норму. — Он поднялся. — Может быть, нам стоило подождать с этим делом. Или помешать ему, если бы удалось. Однако дело сделано. Мы — на карусели, и слезть уже не получится. Надеюсь, катание доставит нам удовольствие. Идем, Джек.

9

Над колорадскими прериями сгущались сумерки. Солнце скрылось за пиком; на востоке поднималась из-за горизонта белая Луна, полная и круглая. В центре «Петерсон Филдс» целился в небо «Пионер». Со всех сторон, на расстоянии тысячи ярдов, его окружала проволочная изгородь, сдерживавшая напор толпы. Но даже она не могла убавить хлопот полицейским патрулям. В самой толпе полицейских тоже хватало. Внутри изгороди, вплотную к ней, стояли грузовики и фургоны для телекамер и звукозаписывающего оборудования. От них к дистанционным камерам, установленным вблизи корабля и по всему полю тянулись длинные кабели. Там же, неподалеку от корабля, стояли несколько грузовиков; возле них кипела работа.

Харриман сидел в кабинете Костера, сам Костер находился на поле. Диксону с Эntenсой тоже выделили комнату, а Лекруа, накачанный снотворным, все еще спал на кровати в жилых апартаментах Костера.

За дверью завозились, раздался крик. Харриман посмотрел в щелку:

— Если это очередной газетчик — не пускать! Отправьте его к Монтоммери, чтоб не путался тут. Капитан Лекруа не дает интервью без моего разрешения.

— Делос, это я!

— А, входи, Джордж. Газетчики одолели...

Войдя, Стронг подал Харриману большую, тяжелую сумку.

— Вот.

— Что это?

— Конверты со спецгашением для филателистов. Ты, наверно, забыл. А ведь это — полмиллиона. Если б я не нашел их в твоём платяном шкафу, у нас были бы неприятности.

Харриман изобразил улыбку:

— Да ты просто молодчина, Джордж!

— Может, мне самому отнести их на корабль? — озабоченно спросил Стронг.

— А? Нет-нет. Лес отнесет. — Харриман поглядел на часы. — Пора его будить. О конвертах я позабочусь. — Взяв сумку, он добавил: — Ты пока не входи. На поле сможешь попрощаться.

Харриман прошел в другую дверь, запер ее за собой, подождал, пока сестра сделает пилоту инъекцию нейтрализующего стимулятора, а потом отослал ее. Когда он повернулся, пилот уже сидел в постели, протирая глаза.

— Как чувствуешь себя, Лес?

— Отлично. Что ж, пора.

— Верно. Мы все от нетерпения землю носом роём. Слушай сюда. Сейчас тебе надо выйти и хоть минуты две побыть на глазах у публики. Все готово, однако мне еще нужно тебе кое-что сказать.

— Слушаю.

— Видишь эту сумку?

Харриман наскоро объяснил, что находится в сумке. Лекруа испугался:

— Делос, я не могу ее взять! Все до унции рассчитано!

— Никто тебя и не заставляет. Они же тянут шестьдесят фунтов как минимум! Я просто про них забыл. Мы вот что сделаем: пока что я их тут спрячу... — Харриман засунул сумку в платяной шкаф. — А когда ты приземлишься, я уже тут как тут! Дальше — маленький фокус — ловкость рук и никакого мошенничества — и ты выносишь их из корабля.

— Делос, ты меня огорчаешь, — печально покачал головой Лекруа. — Ладно, не время спорить.

— Это хорошо. Иначе меня определенно посадили бы — из-за каких-то дрянных полмиллиона... Мы уже истратили эти деньги. И вообще, это неважно. Никто, кроме нас с тобой, об этом не узнает, а филателисты за свои денежки получают приличный товар.

Харриман воззрился на молодого человека так, будто одобрение его всерьез заботило.

— Ладно, ладно, — ответил Лекруа, — сейчас не до филателистов. Идем.

— Еще одно. — С этими словами Харриман вынул из кармана небольшой мешочек. — Вот это возьмешь с собой — вес уже учтен, я проследил. Теперь — о том, что с этим делать.

Харриман дал пилоту серьезную и очень подробную инструкцию. Тот задумался.

— Я все правильно понял? Сначала надо дать это обнаружить, а потом рассказать правду, как все было?

— Точно.

— Хорошо. — Лекруа сунул мешочек в карман комбинезона. — Идем на поле. До старта двадцать одна минута.

Стронг присоединился к Харриману в бункере управления. Лекруа был уже на борту.

— Конверты на корабле? — озабоченно спросил он. — У Лекруа в руках ничего не было.

— На корабле, на корабле, — ответил Харриман. — Я их раньше отправил. Садись-ка лучше на место — уже сигнальная ракета была.

Диксон, Энтенса, губернатор Колорадо, вице-президент Соединенных Штатов и еще дюжина особо важных персон уже сидели за стереотрубами, установлен-

ными над постом управления в амбразурах галереи. Взорвавшись по трапу, Стронг и Харриман заняли два оставшихся места.

Харримана бросило в пот, он почувствовал, что дрожит. В стереотрубу был виден корабль; снизу слышался возбужденный голос Костера, принимавшего рапорты со стартовых постов. Рядом на малой громкости работал приемник: ведущий последних известий давал отчет о происходящем. А сам Харриман был... ну, вроде как адмиралом, что ли — и теперь ему оставалось только ждать, сморгнуть и молиться.

В небо взвилась вторая ракета, рассыпавшись на красные и зеленые огоньки. Пять минут.

Секунды тянулись, как часы. За две минуты до старта Харриман понял, что просто не в силах наблюдать сквозь узкую амбразуру. Ему нужно быть на поле, он должен участвовать в старте сам. Спустившись по трапу, он поспешил к выходу из бункера. Костер удивленно оглянулся, но не стал его останавливать; что бы ни случилось, он не мог оставить свой пост. Отстранив локтем охранника, Харриман вышел наружу.

На востоке, подобно башне, вздымался к небу корабль. Его стройный, пирамидальный силуэт чернел на фоне полной Луны. Корабль ждал.

Ждал...

Что же случилось? Когда Харриман выходил, оставалось меньше двух минут, это точно. Ракета все еще стояла — темная, тихая, неподвижная... Ни звука — только неподалеку воет сирена, предупреждающая зрителей за изгородью. Сердце у Харримана замерло, в горле пересохло. Что-то случилось! Провал...

С крыши бункера взвилась еще одна ракета. Тут же у основания корабля появился язык пламени.

Пламя превратилось в белую огненную подушку. Медленно, неуклюже «Пионер» пошел вверх. Секунду он словно стоял в воздухе, поддерживаемый огненным столбом, а потом вдруг устремился ввысь — с таким громадным ускорением, что скоро в небе осталось лишь ослепительно-белое пятнышко. Взлет был настолько стремителен, что Харриману почудилось, будто ракета нависла прямо над его головой и вот-вот упадет и раздавит. Инстинктивно он закрыл руками лицо.

И тут его настиг звук.

Нет, это был не звук: белый шум, рев на всех частотах, звуковых, инфразвуковых, ультразвуковых, рев, заряженный энергией невероятной силы, ударил Харримана в грудь. Харриман ощутил этот звук зубами, костями — так же явственно, как и слухом. Он пытался стоять, согнув ноги в коленях.

Черепашьим шагом следом за звуком подобралась взрывная волна... Она рванула его за одежду, сорвала дыхание с губ. Ничего не видя, Харриман попятился, пытаясь уйти под защиту бункера, но его сшибло с ног.

Очнувшись и кашляя от удушья, он снова посмотрел в небо. Прямо над его головой постепенно затухала звезда. Потом она исчезла совсем.

Харриман отправился в бункер.

Там царили напряжение и хаос. Сквозь непрерывный звон в ушах Харриман услышал голос, доносящийся из динамика:

— «Пост-один». «Пост-один» — бункеру. Пятая ступень отделилась по графику, дает отдельный отраженный сигнал.

Раздался высокий, сердитый голос Костера:

— «Следящий-один»! Дайте «Следящий-один»! Они взяли пятую ступень? Ведут?

На заднем плане все еще надрывался комментатор службы новостей:

— Великий день, люди, великий день! Наш могучий «Пионер» идет вверх, летит, будто ангел господень, с пылающим мечом в руке! Он встал на свой славный путь к нашей космической сестре! Большинство из вас видели старт на экранах ваших телевизоров. Жаль, что вы не видели этого, как я, собственными глазами! Взлетев в вечернее небо, неся свой драгоценный груз...

— Да вырубите эту дрянь! — рывкнул Костер, а затем обратился к гостям на наблюдательной платформе: — Там, наверху, закройте рты! Тихо!

Вице-президент США дернул головой, закрывая рот. Только потом он вспомнил об улыбке. Прочие особо важные персоны умолкли, а затем возобновили беседу, но уже шепотом. Тишину нарушил женский голос:

— «Следящий-один» — бункеру. Пятая ступень проходит на избыточной высоте — плюс два.

В углу поднялась суматоха. Там, под большим брезентовым навесом, прятался от прямых лучей света большой лист плексигласа. Он стоял вертикально и был подсвечен по краям; на нем была нанесена карта Колорадо и Канзаса: координатная сетка выделялась тонкими, четкими белыми линиями, а города и прочие населенные пункты светились красным. Невыведенные фермы были обозначены крошечными предупреждающими точками красного цвета.

Стоявший у карты тронул ее жировым карандашом; на поверхности листа остался светящийся след, отмечающий положение пятой ступени. Перед картой в кресле тихо сидел молодой парень. Он держал в руках грушевидный переключатель. Это был зенитчик, представленный ВВС. Когда он нажмет кнопку, радиоуправляемая система пятой ступени отстрелит парашют, и ступень упадет на Землю. Зенитчик работал по сообщениям радарных постов самостоятельно, без всяких премудростей вроде компьютерных прицелов. Работал он почти инстинктивно, или, вернее, концентрируя до предела свои профессиональные навыки; он обрабатывал в голове данные и решал с точностью до секунды, где должна приземлиться многотонная машина пятой ступени, если нажать кнопку. Выглядел он абсолютно спокойным.

— «Пост-один» — бункеру, — раздался мужской голос, — четвертая ступень отделилась согласно графику.

И почти сразу же отозвался более низкий голос:

— «Следящий-два», веду четвертую ступень, высота девятьсот пятьдесят одна миля, вектор предсказанный.

На Харримана никто не обращал внимания.

Под навесом демонстрировалась траектория пятой ступени, несколько отклоняющаяся от пунктира расчетной. От каждой точки отходили координатные линии, означавшие высоту для данной точки.

Тихий человек, сидевший у карты, вдруг нажал кнопку своего переключателя. Он поднялся и, потягиваясь, спросил:

— Нет ли у кого закурить?

— «Следящий два», — раздалось в ответ из динамика, — четвертая ступень — начальный тестовый про-

ки падения. Сорок миль западнее Чарльстона. Южная Каролина.

— Повторить! — заорал Костер.

Почти без паузы динамик сказал:

— Коррекция, коррекция — сорок миль восточнее. Повторяю: восточнее.

Костер перевел дух. Вздых его был прерван рапортом:

— «Пост-один» — бункеру. Третья ступень отошла на пять секунд раньше.

Оператор за контрольным пультом закричал:

— Мистер Костер! Мистер Костер!!! С вами хотят говорить из Паломарской обсерватории!

— Да пошли они... Хотя нет, пусть подождут.

И тут же раздался другой голос:

— «Следящий-один», вспомогательный полигон «Фокс», пятая ступень упадет вблизи Додж-Сити, Канзас.

— Насколько близко?!

Ответа не последовало. Вскоре «Следящий-один» сказал:

— Сообщаю: падение пятой ступени; пятнадцать миль юго-западнее Додж-Сити.

— Жертвы?

Не успел «Следящий-один» ответить, как вмешался «Пост-один»:

— Отошла вторая ступень, отошла вторая ступень. Теперь корабль — сам по себе.

— Мистер Костер, пожалуйста, мистер Костер...

И — совершенно новый голос:

— «Пост-два» — бункеру. Ведем корабль. Приготовьтесь фиксировать дистанции и пеленги. Приготовьтесь...

— «Следящий-два» — бункеру. Четвертая ступень определенно упадет в Атлантику. Прогнозируемая точка падения — ноль целых пятьдесят семь сотых миль восточнее Чарльстона. Пеленг — ноль девяносто три. Повторяю...

Костер раздраженно оглянулся:

— Даст мне кто-нибудь в этой неразберихе воды?

— Пожалуйста, мистер Костер, Паломар говорит, что они просто обязаны поговорить с вами...

Харриман пробрался к выходу и вышел на поле. Ему вдруг стало обидно, он почувствовал ужасную усталость и тоску.

Поле без корабля выглядело непривычно. Корабль рос на глазах у Харримана, а теперь его вдруг нет... Восходящая Луна равнодушно взидала на Землю, а космический полет казалось, был так же далек от Харримана, как и в детстве.

У отражателя факела шатались несколько фигур. Сувениры ищут, с презрением подумал Харриман. Кто-то подошел к нему из темноты:

— Мистер Харриман?

— Чего?

— Хопкинс, «Ассошиэйтед Пресс». Как насчет заявления?

— Никаких заявлений. Я устал.

— О, хоть словечко! Как чувствует себя человек, организовавший первый удачный полет на Луну — если, конечно, полет пройдет удачно?

— Пройдет, пройдет.

Немного подумав, Харриман расправил опущенные плечи и сказал:

— Напишите, что это — начало величайшей эпохи для человечества. Напишите, что каждый человек получит шанс последовать за капитаном Лекруа на разведку новых миров и сможет завоевать себе дом на новой планете. Напишите, что появились новые рубежи, новые стимулы для процветания. Это значит... — Внезапно Харриман умолк. — На сегодня все. Оставь меня в покое, сынок, я жутко устал.

Тут из бункера вышел Костер, а за ним скопом особо важные персоны. Харриман подошел к Костеру:

— Все в порядке?

— Конечно. А как иначе... «Следящий-три» вел корабль до пределов видимости — полный порядок. Кстати, пятая ступень, приземлившись, прихлопнула корову.

— И черт с ней — будет нам бифштекс на завтрак.

Харриману пришлось побеседовать с губернатором и вице-президентом и проводить их до самолета. Диксон с Энтенсой улетели без всяких церемоний, и наконец Костер и Харриман остались вдвоем, если не счи-

тать подчиненных, слишком усталых, чтобы лезть к ним с разговорами, и охраны, защищавшей их от толпы.

— Ты сейчас куда, Боб?

— В «Бродмур», и просплю не меньше недели. А вы?

— Если не возражаешь, я заночую здесь у тебя.

— Да бога ради. Снотворное в ванной.

— Оно мне не понадобится.

В апартаментах Костера они выпили, немного поболтали, потом Костер заказал воздушное такси и отбыл в отель. Харриман завалился спать; проснувшись, прочел вчерашний «Денвер Пост», до отказа забитый фотографиями «Пионера», а потом сдался и принял снотворное.

10

Кто-то тряс его за плечо:

— Мистер Харриман! Вставайте — мистер Костер звонит...

— А?! Что?! Сейчас.

Поднявшись, он побрел к видео. Костер выглядел всклокоченным и довольным:

— Эй, босс! Получилось!

— Что получилось?

— Только что звонили из Паломара. Они засекли отметку, а теперь и корабль видят! Он...

— погоди, Боб. Не гони. Он не мог так быстро долететь! Он ведь только вчера вылетел...

Костер смешался:

— Что с вами, мистер Харриман? Вы хорошо себя чувствуете? Он улетел в среду.

Понемногу Харриман пришел в себя. Верно, старт не мог быть вчера. Смутно припоминалась поездка в горы, день, проведенный под жарким солнцем, затем какая-то вечеринка, там он как следует выпил... Какой же сегодня день? Он не помнил. Но — какая разница, если Лекруа совершил посадку на Луне?!

— Все в порядке, Боб. Я еще толком не проснулся. Наверное, опять старт во сне видел. А теперь расскажи, что у нас новенького, только не спеши.

— Лекруа, — снова начал Костер, — совершил посадку к западу от кратера Архимеда. В Паломаре видят его корабль. Восхищаются вашей придумкой — поме-

тить место посадки угольной пылью. Лес, наверное, акра два углем засыпал — говорят, смотрится в «Большой глаз» не хуже доски объявлений.

— Может быть, нам стоит поехать и поглядеть. Хотя — нет, потом. Сейчас у нас много дел.

— Не представляю, что мы еще можем сделать, мистер Харриман. Мы заняли под вычисление возможных траекторий двенадцать наших лучших компьютеров.

Харриман хотел сказать этому человеку, что следует подключить к работе еще двенадцать, но передумал и оборвал связь.

Здесь, в «Петерсон Филдс», его дожидался один из лучших стратопланов «Скайуэйз», дожидался, чтобы доставить в любую точку планеты, куда приземлится Лекруа, вот уже целые сутки находившийся в верхнем слое стратосферы, медленно и осторожно сбрасывая скорость.

Его снова и снова отслеживали радарами, но пока что еще не удалось выяснить, где и как пилот рискнет пойти на посадку. Слушая текущие показания радаров, Харриман проклинал себя за то, что решил сэкономить вес за счет радиопередатчика.

Показания радара поступали все быстрее. Голос прервался, затем сказал:

— Идет на посадку!

— Передайте на поле, чтоб были готовы! — крикнул Харриман. Затаив дыхание, он ждал. После бесконечно тянувшихся секунд ожидания вклинился другой голос:

— Лунный корабль приземляется. Сядет немного западней Чихуахуа, в Олд Мехико.

Харриман метнулся к выходу.

Направляемый по радио, пилот Харримана вскоре заметил «Пионера», непривычно маленького на фоне желтой пустыни. Пилот удачно посадил стратоплан совсем рядом с «Пионером». Еще до приземления Харриман уже нащупывал дверную ручку.

Лекруа сидел на песке, прислонясь спиной к опоре корабля и наслаждаясь тенью его куцых треугольных

крыльев. Перед ним, разинув рот, стоял какой-то деревенский пастух. Как только Харриман подбежал к нему, Лекруа встал, отшвырнул окурок и сказал:

— Привет, босс!

— Лес!

Харриман обнял молодого человека.

— Рад видеть тебя, дружище!

— И я рад видеть вас. Этот Педро не умеет говорить по-нашему.

Лекруа огляделся: вокруг больше никого не было, кроме пилота, доставившего сюда Харримана.

— А остальные? Где Боб?

— Я не стал их ждать. Скорее всего, через несколько минут будут. Э, да вот и они!

На посадку заходил еще один стратоплан. Харриман повернулся к своему пилоту:

— Билл, поди-ка, встретить их!

— А? Да вы не беспокойтесь, они подойдут.

— Делай, что говорят.

— Вы начальство...

Пилот побрел по песку, всем своим видом выражая недовольство. Лекруа был озадачен.

— Быстрее, Лес! Помоги-ка мне с этим!

«Этим» были пять тысяч конвертов со спецгашением, которые должны были побывать на Луне. Вдвоем они перетаскивали сумку в лунный корабль и запихнули в пустой шкафчик для продуктов. От взглядов вновь прибывших их надежно прикрывал стратоплан.

— Фу-ты, — сказал Харриман. — Чуть-чуть не влипли. Нам позарез нужны эти полмиллиона, Лес.

— Конечно. Однако, мистер Харриман...

— Тс-с-с! Они идут. Что насчет другого дела? Все готово?

— Да, но я бы хотел ска...

— Тихо!

На втором стратоплане прилетели вовсе не их сотрудники, а целое стадо репортеров, операторов, звукорежиссеров, комментаторов и техников. Лекруа и Харримана взяли в кольцо.

Харриман самодовольно помахал всем:

— Давайте, ребята! Снимайте, сколько влезет, облажайте весь корабль — будьте, как дома! Смотрите все,

что хотите, только на капитана не шибко наседайте — он устал.

Приземлился еще один стратоплан — это были Костер с Диксоном и Стронгом. Энтенса прибыл на отдельно нанятом корабле и принялся командовать своими телевизионщиками, фотографами и репортерами. Все вместе они чуть не подрались с другой, несанкционированной командой журналистов. Прибыл большой транспортный вертолет, из него выбрался наружу взвод мексиканских солдат в хаки. Откуда-то, похоже, прямо из-под песка, появились несколько дюжин местных крестьян. Отбившись от репортеров, Харриман провел краткие, но довольно убыточные переговоры с капитаном местной армии, в результате чего был наведен относительный порядок, и «Пионер» спасен от любителей сувениров.

— Эй, положь, где лежало! — раздался из недр «Пионера» крик Лекруа.

Харриман замер, прислушиваясь. Голос пилота звучал выше:

— Не твое дело! Положь, говорят!

Харриман протолкался к люку:

— Что стряслось, Лес?

Внутри кабины, размерами едва ли больше телефонной будки, стояли трое: Лекруа и два репортера. Все трое были порядочно возбуждены.

— Что стряслось, Лес? — повторил свой вопрос Харриман. Лекруа держал в руках маленький мешочек — пустой. На антиперегрузочном кресле, отделявшем его от репортеров, были рассыпаны маленькие тускло поблескивающие камешки. Один из них репортер держал поближе к свету.

— Да вот, — зло сказал Лекруа, — суются, куда не просят.

Репортер, разглядывавший камень, сказал:

— Вы ведь нам позволили осмотреть все, что хотим? Так ведь, мистер Харриман?

— Именно.

— А ваш пилот, — он указал пальцем на Лекруа, — кажется, не предполагал, что мы это найдем. Они были спрятаны под обивкой кресла.

— И что с того?

- Это же алмазы!
- Отчего вы так уверены?
- Да точно вам говорю! Алмазы.

Харриман замер, разворачивая сигару, а потом сказал:

- Эти алмазы я сам туда положил.

Позади Харримана пыхнул блиц и раздался голос:

- Подыми-ка его повыше, Джефф.

Репортер по имени Джефф так и сделал, а затем обратился к Харриману:

- Довольно странно все это, а?

— Меня интересовало действие космического излучения на необработанные алмазы. По моему приказу капитан Лекруа поместил этот мешочек с алмазами в корабль.

Джефф задумчиво присвистнул.

— Знаете ли, мистер Харриман, если бы вы не дали такого объяснения, я бы решил, что Лекруа нашел эти камешки на Луне и попытался скрыть от вас сей факт.

— Только попробуй это напечатать — я тебя привлеку за клевету. Я уверен в капитане Лекруа на сто процентов. Дай-ка алмазы сюда!

Брови Джеффа взлетели вверх:

— А может, вы недостаточно в нем уверены, чтобы оставить камни ему?

— Дай сюда, говорят. Вот. А теперь — убирайтесь.

И Харриман как можно быстрее поволок Лекруа в свой корабль.

— Хватит на сегодня, — заявил он фотографам и репортерам. — Встретимся в «Петерсон Филдс».

Как только стратоплан поднялся в воздух, он обратился к Лекруа:

- Отличная работа, Лес.

— А этот репортер, по имени Джефф, похоже, был сильно сконфужен.

— Что? Ах, этот... Да нет, я о полете. Ты сделал! Ты — первый из всех!

— Боб выстроил хороший корабль, — пожал плечами Лекруа. — Остальное — мелочи. Так вот, об алмазах...

— Забудь ты это слово! Ты сделал свое дело. Мы поместили камни на корабль, а потом рассказали всю правду. Кто же виноват, если нам не поверят...

— Но, мистер Харриман...

— Что?

Лекруа расстегнул молнию на кармане комбинезона и извлек завязанный в узел грязный платок. Развязав его, он высыпал в ладони Харримана куда больше алмазов, чем нашли на корабле репортеры. Эти были крупнее и более чистые с виду.

Уставившись на них, Харриман от души расхохотался. Потом он вернул алмазы Лекруа:

— Держи.

— По-моему, они принадлежат нам всем.

— Ну вот и сбережешь их для нас всех. Только держи язык за зубами. Нет, погоди-ка. — Харриман отделил два крупных камня. — Закажу кольца — одно тебе, другое — себе. Смотри, не проболтайся, иначе они потеряют всякую цену и пригодны будут разве что на сувениры.

Да, думал Харриман, именно так. Алмазный синдикат уже давно сообразил, что алмазы, когда их много, стоят немногим дороже стекла — если не брать в расчет их промышленное применение. На Земле их больше чем достаточно — и для промышленности, и для ювелиров. Если на Луне алмазы лежат, как щебень, значит, они и есть щебень. Тогда они не оправдают и расходов по доставке на Землю. А вот уран... Если б на Луне его тоже было в избытке. Откинувшись в кресле, Харриман предался сладким грезам.

Вскоре Лекруа тихо сказал:

— Знаете, босс... Там просто здорово.

— А? Где?

— На Луне, где же еще. Я обязательно туда вернусь — и как можно скорее. Нам следует заняться новым кораблем.

— Конечно, конечно! На этот раз корабль будет достаточно большим, чтобы мы полетели все вместе! Уж теперь-то я обязательно полечу!

— А как же!

— Лес... — Старик говорил едва ли не с почтительностью. — А как выглядит с Луны Земля?

— Земля? Как... как... — Лекруа осекся. — Черт возьми, босс, словами этого не опишешь! Это просто замечательно. Черное небо... Знаете, вы лучше подождите мои снимки. Или нет, это лучше самому посмотреть.

— Да, — кивнул Харриман, — однако жутко тяжело ждать.

11

АЛМАЗНЫЕ РОССЫПИ НА ЛУНЕ!!!

МИЛЛИАРДЕР-ЗАКАЗЧИК ОТРИЦАЕТ НАХОДКУ АЛМАЗОВ, утверждая, что они взяты в космос с научной целью.

ЛУННЫЕ АЛМАЗЫ: МИСТИФИКАЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

«..но, подумайте сами, мои невидимые друзья, зачем человеку брать алмазы на Луну? Вес корабля был рассчитан до унции, а потому без веских причин алмазы не попали бы в космос! Многие авторитетные ученые утверждают, что объяснение мистера Харримана — абсурд! Легко можно заподозрить, что алмазы были взяты с целью «посолить» Луну, как говорится, земными драгоценностями, чтоб убедить нас в существовании лунных алмазов. Однако мистер Харриман, капитан Лекруа и все, кто связан с этим предприятием, с самого начала божились, будто алмазы родом с Земли. С уверенностью можно утверждать одно: алмазы были на корабле, когда он совершил посадку. Вы можете думать, что хотите, а ваш покорный слуга собирается прикупить несколько акций лунных алмазных копеей...»

Войдя в свой кабинет, Харриман, как обычно, застал Стронга на месте. Не успел он поздороваться, как раздался звонок. С засветившегося экрана сказали:

— Мистер Харриман, вас вызывают из Роттердама.
— Пускай идут... свои тюльпаны поливать!
— Вас ждет мистер ван дер Вельде, мистер Харриман.

— Ладно.

Позволив голландцу высказаться, Харриман ответил:

— Мистер ван дер Вельде, все приписываемые мне заявления абсолютно правдивы. Алмазы, которые нашли репортеры, я сам поместил в корабль перед стартом. Они были добыты здесь, на Земле. Честно говоря, я купил их, когда приезжал на встречу с вами и могу это доказать.

— Но, мистер Харриман...

— А вы — как хотите. На Луне может оказаться алмазов больше, чем вы сможете обойти либо перепрыгнуть. Тут я никаких гарантий дать не могу. Однако головой ручаюсь: те алмазы, о которых всюду трезвонят газетчики, вполне земного происхождения.

— Но, мистер Харриман, для чего же вы отправили алмазы на Луну? Может быть, вы пытались обмануть нас?

— Да можете думать, что хотите. Но я с самого начала говорил, что эти алмазы земные. Теперь послушайте меня. Вы уже сделали выбор — выбор из выборов, и говорите, что удобно. Если хотите сделать второй взнос, чтобы упрочить свой выбор, — последний срок во вторник, в девять часов по нью-йоркскому времени, как указано в договоре. Решайте сами.

Выключив видеофон, Харриман встретил кислый взгляд своего компаньона.

— Ну, что тебя донимает?

— Знаешь, Делос, я тоже думаю об этих алмазах. И потому заглянул в весовую спецификацию «Пионера».

— Вот не знал, что ты техникой интересуешься...

— Ну, цифры-то я всяко разберу.

— И как, разобрался? Пункт Ф-17, две унции, оставленные лично для меня.

— Я видел. Трудно было не заметить. Однако я не нашел там кое-чего еще.

Харриман почувствовал холодок в животе.

— Чего же это?

— Я не нашел никакого упоминания о конвертах.

Стронг посмотрел на Харримана в упор.

— Как это? Должно быть. Дай-ка я сам гляну!

— Да нет их там, Делос. Знаешь, мне показалось странным, что ты настоял на том, чтобы лично встретить капитана Лекруа. Так что же произошло? Ты их тайно протащил на борт? — Стронг продолжал неотрывно разглядывать ерзающего в кресле Харримана. — Мы проворачивали довольно рискованные сделки, однако в первый раз кто-то может сказать: фирма «Харриман и Стронг» жульничает.

— Джордж! Я стану жульничать, лгать, воровать, кланчить, давать взятки — все, что угодно, лишь бы закончить то, что мы должны закончить. — Харриман прошелся по кабинету. — Нам не обойтись без этих денег — без них корабль никогда не взлетел бы! Сейчас мы на нуле, и ты прекрасно это знаешь. Так?

Стронг кивнул.

— И все же эти конверты должны были побывать на Луне. Мы обещали.

— Я просто забыл. А потом было уже поздно — весь вес был расписан. Да неважно! Я подумал, что если с кораблем что случится, если Лекруа разобьется, никто ничего не узнает и не станет беспокоиться о пропавших конвертах. Также я знал, что если Лекруа справится, конверты будут уже не важны — у нас появится куча денег. И так и будет, Джордж, верно тебе говорю!

— Но мы должны вернуть деньги за конверты.

— Прямо сейчас? Подожди немного, Джордж. Те, кто поддержал наше дело, счастливы, что оно удалось... Подожди, вот соберемся с силами, и я лично заплачу за все конверты сам, из собственного кармана. Честное слово.

Стронг продолжал сидеть молча. Харриман подошел к нему:

— Скажи, Джордж, какая польза от того, что мы утробим такое грандиозное предприятие из-за каких-то абстрактных принципов?

— Будешь выкупать, — со вздохом сказал Стронг, — бери деньги фирмы.

— Ну что за сила духа! Нет, даю слово, я потрачу только свои.

— Нет, деньги фирмы. Раз уж мы вместе, то во всем.

— Ладно, раз ты настаиваешь...

Харриман вернулся к своему столу. Долгое время партнеры хранили молчание. Наконец оно было прервано сообщением о прибытии Диксона с Эntenсой.

— Ну как, Джек? — спросил Харриман. — Легче?

— Благодарю тебя — нет. Даже за то, что мне удалось выпустить в эфир, пришлось драться — а кое-что у меня было просто пиратски перехвачено. Делос, на корабле надо было установить телепередатчик.

— Да не переживай ты так! Я же говорил: в этот раз нельзя было брать с собой лишний вес. В конце концов, это не последний полет — и твоя концессия принесет тебе кучу денег.

Диксон откашлялся.

— За этим мы к тебе и пришли, Делос. Что ты собираешься делать дальше?

— Дальше? Мы движемся вперед! Следующий полет совершим я, Лес и Костер. Устроим постоянную базу. Может, Костер останется там. А в третий раз отправим целую колонию — атомщики, шахтеры, эксперты по гидропонике, связисты... Мы заложим Луна-Сити, первый инопланетный город!

Диксон задумался.

— А когда это начнет окупаться?

— Что значит «окупаться»? Ты хочешь получить обратно свой капитал или увидеть доходы со своих вложений? Можно и так, и так.

Эntenса хотел сказать, что хочет получить назад свой капитал, но Диксон опередил его:

— Конечно, доходы. Капитал уже вложен.

— Прекрасно!

— Только я не вижу, откуда они возьмутся. Да, Лекруа слетал на Луну и вернулся целым и невредимым. Этим мы можем гордиться. Но откуда возьмутся доходы?

— Погоди, Дэн, дай семенам взойти. Разве я тревожусь? Каковы наши активы? — Харриман принялся загибать пальцы. — Фото, радио, телевидение...

— Это все пойдет Джеку.

— Загляни в соглашение. У него концессия, да; однако он за нее платит фирме — то есть, всем нам.

Энтенса хотел было что-то сказать, но Диксон осадил его:

— Заткнись, Джек! Ну а еще? Одно это нам с долгами рассчитаться не поможет.

— Индоссаментов предостаточно! Над этим работает Монти с ребятами. Гонорар за самый знаменитый бестселлер — я нанял литератора и стенографистку, чтоб ежеминутно крутились возле Лекруа. Привилегии на первую и единственную пассажирскую линию в космосе...

— От кого ты их собираешься получить?

— Неважно, получим. Сейчас Кэминс и Монтгомери работают над этим в Париже. Сегодня вечером я к ним присоединюсь. И эту привилегию мы объединим с привилегией от другой стороны, как только там появится хоть какая-нибудь — но настоящая — колония. Это будет автономное Лунное государство под протекторатом ООН, без разрешения ООН ни один корабль не стартует с его территории. Кроме того, право давать привилегии на разные разности дюжинам других компаний, а также — облагать их налогом, как только мы организуем «Муниципальную корпорацию Луна-Сити» по законам Лунного государства. Будем продавать все, кроме вакуума, и даже сам вакуум — для экспериментов там разных... И кроме этого, мы — не забудьте — имеем порядочный кусок недвижимости. У нас, как у государства — суверенные права на все еще не проданное имущество. Луна — она большая.

— Как и твоя идея, Делос, — буркнул Диксон. — И все же: что мы будем делать, например, завтра?

— Сперва надо получить право на владение, подтвержденное ООН. Сегодня заседает Ассамблея, а Совет Безопасности проводит закрытую сессию. Будут обсуждаться эти вопросы — поэтому мне необходимо там быть. Когда ООН решит — решит, не сомневайтесь, — что единственные реальные права на Луну имеет ее собственная некоммерческая корпорация, тогда я смогу действовать. Маленькая, хилая, некоммерческая корпорация будет кое-что предоставлять настоящим, совершеннолетним корпорациям с волосатой грудью, в

обмен, разумеется, на помощь в оборудовании физической лаборатории, обсерватории, лунографического института и еще разных — взаправду — некоммерческих учреждений. Это — промежуточный этап, пока у нас нет постоянной колонии с собственными законами. А потом...

Диксон нетерпеливо заерзал:

— Ладно, Делос, оставь эти юридические хитрости. Я тебя знаю достаточно давно и верю, что ты способен рассчитывать подобные комбинации. Что нам в первую очередь необходимо сделать?

— Как что? Построить еще один корабль, больше и лучше прежнего. Костер начал рассчитывать поверхностную катапульту — длиной от Маниту-Спрингс до вершины пика Пайкс. С ее помощью мы выведем корабль на околоземную орбиту. Потом будем использовать такие корабли для заправки других — они будут орбитальной станцией типа энергоспутника. Таким образом, у нас появится возможность добираться до Луны на химическом топливе, не отстреливая девять десятых корабля.

— Дороговато обойдется...

— Именно. Однако не беспокойтесь, у нас еще есть десятка два всяких штучек для поддержания притока денег, пока не встанем на коммерческую основу. Потом будем еще акции продавать. Уже теперь мы продадим на тысячу там, где раньше продавали на десятку!

— И ты думаешь, нам удастся продержаться, пока все предприятие в целом не станет рентабельным?! Делос, оно не станет в целом рентабельным, пока у нас не будет кораблей, летающих от Земли к Луне без убытка, то есть, пока не будет покупателей с наличными. А что можно вывозить с Луны? И — кто согласится платить за это?

— Дэн, неужели ты думаешь, что с Луны нечего вывозить? Если так, что ты вообще здесь делаешь?

— Я верю тебе, Делос, стало быть, верю и в Луну. Но каковы наши ближайшие планы? Каков наш бюджет? Чем ты собираешься торговать — только, бога ради, не надо об алмазах: эту хохму я, кажется, раскусил.

Некоторое время Харриман жевал свою сигару.

— Есть один ценный товар, который мы начнем вывозить сразу же.

— Какой?

— Знания.

Энтенса фыркнул. Стронг задумался. Диксон согласно кивнул:

— Вот это я понимаю. Знание для человека, знающего, как им распорядиться, всегда чего-нибудь стоит. И, я согласен, Луна имеет неисчерпаемый запас новых знаний. Похоже, мы сможем окупить следующий полет. Каков твой бюджет и смета?

Харриман не отвечал. Стронг внимательно вглядывался в его лицо. Ему-то каменное выражение лица Харримана говорило больше, чем строки, напечатанные крупным шрифтом. Кажется, его компаньон загнан в угол. Стронг нервничал в ожидании, однако в любую минуту готов был подыграть Харриману. Диксон продолжал:

— Судя по тому, как ты, Делос, все это расписываешь, денег на следующий шаг у тебя нет, и где их взять, ты не знаешь. Я верю в тебя, и еще на старте говорил, что не люблю, когда новые предприятия погибают от анемии. Я готов купить пятый пай.

Харриман пристально посмотрел ему в глаза.

— Слушай, — резко сказал он, — тебе ведь сейчас принадлежит пай Джека, так?

— Я бы не сказал...

— Ты им голосуешь, это и ежу понятно!

— Неправда, — встрял Энтенса. — Я независим. Я...

— Джек, ты проклятый лгун, — спокойно сказал Харриман. — Дэн, сейчас за тобой пятьдесят процентов. При настоящих правилах я имею право на разрешение безвыходных положений, что дает мне контроль, пока Джордж за меня. Если мы продадим тебе еще один пай, ты будешь голосовать тремя пятими, и тогда ты — босс. Ты этого хочешь?

— Делос, я уже сказал, что верю тебе...

— Но будешь чувствовать себя куда лучше с плеткой в руке. Так вот: на это я не пойду. Скорее соглашусь, чтобы космические полеты — настоящие полеты, по установленным маршрутам — задержались еще

на двадцать лет, чем выпущу из рук контроль. Я скорее соглашусь, чтобы все мы обанкротились и жили лишь былой славой, чем выпущу из рук этот контроль. Придумай что-нибудь другое.

Диксон ничего не ответил. Харриман встал, прошелся по кабинету и остановился перед Диксоном.

— Дэн, если б ты действительно понимал, для чего все это делается, я бы дал тебе контроль. Но ты же не понимаешь. Тебе кажется, что это еще один путь к деньгам и власти. Я ничего не имею против, если вы, стервятники, на этом разбогатеете. Но контроль — мой! Я хочу развивать предприятие, а не выдаивать его досуха. Человечество устремляется к звездам, и эта авантюра поставит перед ним такие задачи, в сравнении с которыми ядерная энергия — детские шалости. Если предприятие не поддерживать с надлежащей бережностью, оно рухнет. Ты разрушишь его, Дэн! Если только я позволю тебе иметь решающий голос. Ты же не понимаешь...

Харриман перевел дух и продолжил:

— Взять хоть безопасность. Ты знаешь, почему я уступил этот полет Лекруа? Думаешь, я трусил? Черта с два! Я хотел, чтобы корабль благополучно возвратился на Землю! Чтобы космические путешествия не получили вдобавок еще одно препятствие! Ты понимаешь, для чего нам монополия — по крайней мере, на ближайшие несколько лет? Потому что теперь всякий там «Черт-знает-кто и Сыновья» захочет построить лунный корабль, ведь уже известно, что это вполне возможно! Вспомни первые перелеты через океан! Стоило Линдбергу его перелететь, всякий, кто мог достать самую захудалую этажерку, пожелал отправиться в подобный беспосадочный полет. Некоторые даже детей с собой брали! И большей частью садились в лужу, в буквальном смысле! Вот, пожалуйста, самолеты стали считаться опасными. А вскоре авиалинии при высокой конкуренции принялись гоняться за быстрыми заработками. И в результате не было ни одного газетного номера без статьи об авиакатастрофе! С космическими путешествиями такого быть не должно! Я не допущу этого! Космолеты слишком велики и дороги; если и они зарабатывают дурную репутацию, мы можем отправляться в богадельню. Так что — командовать буду я.

Он замолчал. Подождав немного, Диксон сказал:

— Я сказал, что верю в тебя, Делос. Сколько тебе нужно?

— А на каких условиях?

— Твой вексель.

— Мой... Ты сказал «мой вексель»?

— Конечно, я бы хотел гарантий.

Харриман выругался.

— Я знал, что тут какой-то подвох. Дэн, ты отлично понимаешь: все, что у меня было, вложено в это дело.

— Ну у тебя есть страховки. У тебя много страховок, я знаю.

— Верно. Но все они оформлены на жену.

— Кажется, ты говорил что-то подобное Джеку Энтенсе, — задумчиво протянул Диксон. — Стало быть, насколько я знаю твои манеры в отношении налогов, у тебя имеется хотя бы один трест с неизменным уставом, или выплаченная ежегодная рента, или еще что-нибудь, чтобы миссис Харриман в любом случае не попала в дом престарелых.

Харриман крепко задумался.

— А когда будет востребован вексель?

— В далеком светлом будущем. Конечно, хотелось бы пунктик о банкротстве.

— Зачем? Юридически он незаконен.

— Зато законен для тебя, верно?

— Хм-м-м... Ладно, черт с тобой.

— Тогда волокиты свои полисы на свет божий — посмотрим, на сколько можно выписать вексель.

Бросив взгляд на Диксона, Харриман резко повернулся и прошел к своему сейфу. Вернулся он с целой грудой толстых папок. Они сложили стоимости полисов — сумма по тем временам вышла просто поразительная. Диксон заглянул в вынутую из кармана шпаргалку:

— Кажется, пропустили один, и довольно крупный. Вероятно, «Североатлантического взаимного».

Харриман бросил на него злобный взгляд:

— Кажется, пора гнать с работы всех моих служащих.

— Не стоит, — мягко сказал Диксон, — информация у меня не из вашего лагеря.

Харриман опять полез в сейф, вынул полис и добавил его к куче других.

— А мои не желаешь? — спросил у Диксона Стронг.

— Нет, — ответил Диксон, — в этом необходимости нет. — Он принялся записывать полисы в карман. — Я их сохраню и позабочусь о выплатах. И, конечно же, это дело фактурирую. Можешь послать вексель и формы изменения бенефициария в мою контору. Вот твоя тратта.

Он извлек из кармана лист бумаги. Это была тратта, уже выписанная на общую сумму полисов. Харриман пристально посмотрел на Диксона.

— Порой я и понять не могу, — медленно сказал он, — кто же кого надувает? — Он перебрал бумагу Стронгу: — Ладно. Джордж, займись. Я — в Париж, ребята. Пожелайте мне удачи.

Вышел он с видом веселым, как у щенка-фокстерьера.

С захлопнувшейся двери Стронг перевел взгляд на Диксона, потом на вексель:

— Мне бы следовало его порвать...

— Не надо, — попросил Диксон. — Видишь ли, я действительно верю Ди-Ди. — Помолчав, он добавил: — Ты, Джордж, Карла Сэндберга когда-нибудь читал?

— Да какой из меня читатель...

— Будет время — прочти. У него была история о человеке, пустившем слух, что в аду найдена нефть. Очень скоро все перебрались в преисподнюю, поддавшись на провокацию. А парень, пустивший слух, посмотрел на все это, почесал репу и сказал сам себе: в конце концов, там просто не может не быть чего-нибудь такого! И сам отправился туда же.

Выслушав историю, Стронг сказал:

— И в чем же здесь суть?

— Суть в том, что я всего лишь хочу быть готовым защитить себя в случае надобности. И тебе, Джордж, советую. А ну как Делос сам поверит в свои слухи? Алмазы... Идем, Джек.

12

Следующие месяцы оказались такими же суматошными, как и все время до отлета «Пионера», ныне с помпой переданного Смитсоновскому университету. Группа инженеров и большой штат рабочих занимались

катапульты, еще две группы — новыми кораблями «Мэйфлауэром» и «Колонистом». Третий корабль был пока что только на бумаге. Главным инженером всего проекта был Фергюссон; Костер же, как и прежде, поддерживаемый Джоком Беркли — техническим консультантом, работающим над тем, над чем хочет. Колорадо-Спрингс быстро развивался; поселения городов-дорог Денвер-Тринидад вышли далеко за его пределы, вплотную подступив к «Петерсон Филдс».

Харриман крутился, точно белка в колесе. Постоянно расширяющиеся торговля и реклама отнимали у него восемь дней в неделю, но, доведя до язвы Монтгомери с Кэминсом, сам почти без сна, он все же успевал частенько наезжать в Колорадо и подолгу беседовать с Костером.

Было решено, что Луна-Сити будет основан уже при следующем полете. «Мэйфлауэр» должен был нести полезную нагрузку не только в количестве семи пассажиров, но и запасы воздуха, воды и пищи, достаточные, чтобы четверым из пассажиров можно было продержаться до следующего корабля. Жить им предстояло в гофрированном алюминиевом домике — прочном, герметичном и вдобавок захороненном под рыхлой лунной почвой до прилета следующего корабля.

Выбор остальных четырех пассажиров превратился в очередное состязание, очередную рекламную кампанию и большую продажу акций. Харриман настоял на отборе двух семейных пар, на что ему тщетно пытались возражать все поголовно научные организации. Уступил Харриман только в одном — пусть все четверо будут учеными, но при этом они все равно должны составлять две семейные пары. Это привело к увеличению скоропалительных браков и разводов — после того как объявили итоги конкурса.

«Мэйфлауэр» был загружен по максимуму — только-только, чтобы с помощью катапульты и собственных двигателей выйти на околоземную орбиту. Старту «Мэйфлауэра» должны были предшествовать старты четырех других кораблей (правда, космическими кораблями в прямом смысле слова они не являлись), таких же больших, как и он, безымянных танкеров. Самые скрупулезные баллистические расчеты и предельная точ-

ность при запусках помогут им собраться в одной и той же точке одной и той же орбиты. Там их встретит «Мэйфлауэр» и заберет оставшееся топливо.

Это была самая тонкая часть всего проекта. Если четыре танкера сойдутся на орбите, Лекруа, используя крошечный запас топлива для маневров, сможет подойти к ним на своем новом корабле. Если же нет — что ж, в космосе ему будет жутко одиноко.

Над пилотированием танкеров размышляли всерьез. Предполагалось поместить туда пилотов и счесть неизбежными издержками расход топлива на отделение спасательного бота с крыльями, уменьшение скорости при входе в атмосферу и посадочное торможение. Однако Костер нашел более рациональный способ.

Радар-автопилот, чьим предком был дистанционный взрыватель, а родителями — системы наведения самонаводящихся ракет, получит команду: свести танкеры вместе. На первом танкере его не будет, однако второй автоматически «увидит» первый и на минимальной тяге направится на сближение. Третий подойдет к двум первым, как и четвертый. Если это сработает, у Лекруа будет существенно меньше проблем.

13

Стронг хотел было продемонстрировать Харриману отчеты о реализации автоматических бытовых выключателей «H & S», но Харриман лишь отмахнулся.

Стронг опять придвинул их к Харриману, прямо под нос:

— Делос, тебе пора бы хоть немного заинтересоваться такими делами. *Кое-кто* в этом кабинете должен бы наконец заметить, что к нам поступают некие деньги, принадлежащие лично нам. Иначе этому кому-то скоро придется идти торговать яблоками на углу.

Харриман откинулся в кресле, заложив руки за голову.

— Джордж, как ты можешь? В такой день!.. Никакой в тебе поэзии! Или ты не слышал, что я сказал, когда пришел? *Рандеву осуществлено!* Первый и второй танкеры соединились, как сямские близнецы! На этой неделе — в полет!

— Очень может быть. А бизнес своим чередом!

— Стало быть, ты им и управляй, а у меня назначена встреча. Когда Диксон обещал быть?

— Должен с минуты на минуту.

— Хорошо.

Откусив кончик сигары, Харриман продолжал:

— Знаешь, Джордж, я уже не жалею, что не полетел с первым кораблем. Зато сейчас полечу! Я нетерпелив, как жених, и так же счастлив.

Он замурлыкал себе под нос какую-то песенку.

Диксон на сей раз явился без Энтенсы — так повелось с того дня, когда ему больше не нужно было скрывать, что он контролирует два пая. Они пожали друг другу руки.

— Слыхал новость, Дэн?

— Да, Джордж говорил.

— У нас все готово! То есть, почти готово. Через неделю — ну там чуть больше или меньше — я буду на Луне! С трудом верится...

Диксон молча уселся в кресло. Харриман продолжал:

— Ты что, не хочешь меня поздравить? Да это же великий день!

— Ди-Ди, — спросил Диксон, — а зачем?

— Чего-о?! Не задавай дурацких вопросов! Для чего я, по-твоему, все это затеял?

— Я не просто так тебя об этом спрашиваю. Я спрашиваю, для чего тебе нужно на Луну? У четверых колонистов причина достаточно веская. Кроме того, каждый из них — отобранный специалист-исследователь. Лекруа — пилот. Костер — инженер, проектирующий лунный город. Но ты-то там зачем? Что ты там будешь делать?

— Как это — что? Я — тот самый тип, который всем заправляет. Черт побери, когда я доберусь туда, стану мэром! Сигару, приятель? Моя фамилия Харриман, не забудь проголосовать.

Он ухмыльнулся. Диксон был мрачен.

— Вот не знал, что ты собираешься там остаться.

Харриман смущенно отвел взгляд.

— Ну, это все еще не наверняка... Если удастся быстро установить домик, возможно, мы сэкономим достаточно припасов, чтобы и я мог продержаться до

следующего корабля. Ты ведь не станешь мне завидовать, так?

Диксон смотрел в глаза Харримана:

— Делос, я вообще не могу позволить тебе лететь.

Харриман онемел от изумления. Немного придя в себя, он сказал:

— Дэн, не шути такими вещами. Я лечу, и ты меня не остановишь. Никто на Земле меня не остановит!

— Делос, я не могу тебе этого позволить, — покачал головой Диксон. — Я слишком глубоко в этом деле. Если ты улетишь, и, не дай бог, с тобой что-то случится — я потеряю все.

— Это глупость какая-то! Вы с Джорджем продолжите дело.

— А вот ты спроси у Джорджа.

Стронг ничего не сказал. Казалось, он старательно избегал взгляда Харримана. Диксон продолжал:

— И не пытайся схитрить, Делос. Предприятие — это ты. А ты — это предприятие. Если ты погибнешь, всему конец. Я не говорю, что прекратятся космические полеты — ты уже дал им такой толчок, что дело будет продолжаться, даже если на твое место встанут людишки помельче. Но наше предприятие — вот эта самая Компания — пойдет прахом. Нам с Джорджем придется ликвидировать его по полцента за доллар. И это еще с учетом продажи патентных прав! Недвижимость же не стоит ничего.

— Черт с ним! Мы торгуем тем, что нельзя положить в рот! Ты с самого начала это знал.

— Самый важный актив — ты, Делос. Ты — курица, несущая золотые яйца. И я хочу, чтобы ты никуда не улетал, пока еще способен их нести. Ты просто права не имеешь рисковать в космическом полете, пока дело не поставлено на рентабельную основу, так, чтобы любой знающий менеджер, вроде нас с Джорджем, мог вести его дальше и поддерживать платежеспособность. Это я серьезно, Делос. Я слишком много вложил в это дело, чтобы позволить тебе рисковать им ради увеселительной прогулки.

Харриман встал, тяжело дыша и упершись кончиками пальцев в край столешницы.

— Тебе меня не остановить, — медленно и непреклонно сказал он. — Ты отлично знаешь, что я собираюсь лететь. И никакие чистые и нечистые силы меня не остановят!

— Прости меня, Делос, — спокойно возразил Диксон. — Но я могу и хочу остановить тебя. Я могу, например, задержать этот самый корабль...

— Попробуй! Адвокатов у меня не меньше, к тому же мои — лучше!

— Ты увидишь, что уже не так популярен в американских судах — особенно с тех пор, как США сообщила, что Луна им вовсе не принадлежит.

— А я говорю, попробуй! Я разобью тебя, да вдобавок отберу твои же паи!

— Спокойнее, Делос. Не сомневаюсь, у тебя есть наготове план, с помощью которого ты хоть сейчас можешь отнять Компанию у нас с Джорджем. Если захочешь. Однако — ты вовсе не обязательно станешь это делать. И я не обязательно стану задерживать корабль. Я не меньше твоего хочу, чтоб этот полет состоялся. Но вот тебя в корабле не будет — ты передумаешь лететь.

— Я передумаю?! Я что, по-твоему, на чокнутого похож?!

— Нет, напротив.

— Тогда — с чего это я передумаю?

— Из-за твоего векселя, который у меня. Я хочу его инкассировать.

— Как это? Срок еще не вышел!

— Верно. Однако я хочу быть уверенным в инкассации.

— Зачем, дубина ты безмозглая? Если я погибну, ты его инкассируешь гораздо скорей!

— Вот как? Ошибаешься, Делос! Если ты погибнешь во время полета, я ничего не получу! Я справлялся во всех страховавших тебя компаниях — большинство из них вносит оговорки насчет экспериментальных аппаратов; так повелось еще со времен ранней авиации. К тому же все они аннулируют полисы и будут стоять насмерть в суде, если ты ступишь на трап корабля.

— Это ты их надуумил!

— Остынь, Делос. Иначе жилы полопаются. Конечно, я справлялся у них, но ведь я вполне законно

соблюдал собственные интересы. Я не хочу инкассировать вексель — ни сейчас, ни в случае твоей смерти. Я хочу, чтобы ты погасил его своими собственными трудами, оставшись дома и пестуя нашу Компанию, пока она не стабилизируется.

Харриман швырнул так и невыкуренную, но сильно изжеванную сигару в мусорную корзину — и промазал.

— Мне плевать, что ты на этом прогоришь. Если б ты их не потревожил, они бы заплатили, не пикнув.

— Однако в твоих планах, Делос, обнаружилось слабое место. Если космические полеты будут регулярными и успешными, страховым компаниям придется их страховать.

— Черт побери, одна уже сейчас так делает — «Североатлантическая взаимная».

— Я смотрел их рекламу и полюбопытствовал, что они предлагают. Все это — просто рекламные фокусы с обычными оговорками. Нет, все виды страховки придется пересматривать.

Харриман задумался.

— Надо проверить. Джордж, позвони Кэминсу. Возможно, нам придется учредить свою страховую компанию.

— Не стоит звонить Кэминсу, — возразил Диксон. — Дело в том, что ты не можешь отправиться в этот полет. Слишком много такого вот сорта мелочей, которые постоянно требуют хозяйского присмотра и заботы.

Харриман заглянул в глаза Диксона:

— Дэн, ты никак не можешь понять? Я лечу! Если сможешь — задержи корабль. Если ты расставишь вокруг шерифов — я найму громил, чтобы вышвырнуть их вон.

Диксон заметно опечалился.

— Я не хотел говорить об этом, Делос, однако тебя остановят и без меня.

— Это кто же?

— Твоя супруга.

— А она-то здесь причем?

— Она хоть сейчас готова подать на тебя в суд на алименты: она узнала о полисах. А когда услышит о твоих последних выдумках, уж точно притащит тебя в

суд и получит возможность проверить бумаги с учетом твоих активов.

— Это ты ей подсказал!!!

Диксон колебался. Он знал, что миссис Харриман ввел в курс дела Энтенса — со злости. Но что толку подливать масла в огонь?

— У нее и своя голова имеется, — сказал Диксон, — чтобы кое-что выяснить о положении своих собственных дел. Я, честно говоря, беседовал с ней, но она сама меня пригласила.

— Да я вас обоих засужу!

Харриман прошел к окну и выглянул наружу. Окно было настоящим, приятно иногда было вот так подойти к нему и смотреть в небо.

Подошедший Диксон положил руку ему на плечо.

— Не расстраивайся так, Делос. Никто не собирается отнимать у тебя твою мечту. Однако сейчас тебе не следует лететь. Ты не имеешь права подводить нас. Мы вместе с тобой зашли слишком далеко, и ты обязан быть с нами до последнего.

Харриман молчал. Диксон продолжил:

— Ну ладно, я тебе не очень-то нравлюсь. А Джордж? Он ведь с тобой, и вы оба против меня. Однако ему больно от одной только мысли о том, на что ты его обрекаешь. Именно обрекаешь — если не доведешь дело до конца. Как же быть с Джорджем, Делос? Ты и его готов подвести?

Не обращая на Диксона внимания, Харриман резко обернулся к Стронгу:

— Джордж, что скажешь? Ты тоже считаешь, что я должен остаться?

Стронг потер руки, пожевал губу, и наконец поднял глаза.

— Со мной полный порядок, Делос. Делай, что считаешь нужным.

Харриман долго глядел на него. Похоже было, что он сейчас заплачет. Потом он хрипло выговорил:

— Ладно, крысы. Ладно. Я остаюсь.

14

То был один из великолепных вечеров, что, впрочем, обычно для пика Пайкс после того, как гроза

очищает небо. Трек катапульты прямой линией устремился к вершине горы, для этого пришлось скрыть весь склон. Во временном здании космопорта Харриман в компании других почетных гостей прощался с пассажирами и экипажем «Мэйфлауэра».

Толпа почти вплотную подошла к рельсам катапульты. Не было надобности держать людей на расстоянии: двигатели не включатся, пока корабль не окажется на вершине пика. Охранялся лишь сам корабль, да сияющие рельсы.

Диксон и Стронг вместе — ради Компании и для взаимной поддержки — держались у края площадки, отведенной экипажу и гостям. Они смотрели, как Харриман подшучивает над улетающими:

— До свиданья, доктор. А вы, Жанет, с ним построже: нечего там лунных дев искать!

Потом они принялись наблюдать, как он, о чем-то заговорив с Костером, хлопнул его по спине.

— Не вешает нос, верно? — шепнул Диксон.

— Может, надо было его отпустить? — спросил Стронг.

— Что? Ерунда! Он нужен здесь. Во всяком случае, место в истории ему обеспечено.

— Да что ему история, — серьезно ответил Стронг. — Он ведь просто хотел слетать на Луну...

— Да, черт его побери... Пусть летит — только сначала с нашим делом пусть закончит. В конце концов, он же все это затеял! Все это сделал он!

— Я понимаю.

Обернувшись, Харриман увидел своих компаньонов и направился в их сторону. Они тут же замолчали.

— Ладно, нечего там, — весело сказал он. — Все в порядке. Полечу в следующий раз. К тому времени дело должно уже само собой двигаться. Посмотрите, — он повернулся к «Мэйфлауэру», — каков красавец, а?

Внешний люк был задраен, вдоль трека и с контрольной вышки мигали огни готовности. Завыла сирена.

Харриман подошел поближе.

— Пошел!

Кричала вся толпа. Громадный корабль мягко тронулся вверх по треку, набирая скорость. Через некоторое время он, уже совсем крохотный, достиг вершины

и устремился в небо. На долю секунды он завис над землей, затем из его сопел вырвался сноп пламени — включились двигатели.

Потом он превратился в светлое пятнышко — огненный мячик — и вскоре совсем исчез. Улетел — вперед и вверх, на randevу с танкерами.

Едва корабль достиг вершины, толпа переместилась к западному краю платформы. Харриман остался на месте. Диксон и Стронг тоже не пошли со всеми. Они остались втроем. Харриман был самым одиноким из них — он, казалось, не замечал никого вокруг. Он смотрел в небо.

А Стронг смотрел на него. Наконец он шепнул Диксону:

— Ты Библию читал?

— Кое-что.

— Он совсем как Моисей, тот, наверное, выглядел точно так же, когда созерцал землю Обетованную.

Харриман опустил глаза и увидел компаньонов.

— А, вы еще здесь? Пошли, работа не ждет.

ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК

Чего там греха таить — хлебнули мы горя, пока монтировали Первую станцию. А все работнички, им за это спасибо.

Спору нет, отгрохать такое сооружение, да еще за двадцать две тысячи триста миль от Земли, — дело непростое. Это и называется инженерный подвиг: куда до него какому-нибудь Панамскому каналу, египетским пирамидам или даже ядерному реактору на Саскуэханне. Впрочем, это неудивительно, строил ее Тини Ларсен — Крошка Ларсен, а раз уж он берется за дело, то делает его до конца.

В первый раз я увидел Тини, когда он играл защитником в команде полупрофессионалов Оппенгеймеровского технологического — в нем он и начинал свою строительную карьеру. С той поры, пока Тини учился, всякий раз на летних каникулах он подрабатывал у меня. Так он и пошел по строительной части, только теперь уже он, а не я, ходил у другого в начальниках.

Тини такой — ни в жизнь не возьмет работу, пока не дознается наверняка, что проект хорош на все сто. А Первая станция изначально имела в своем составе узлы, которые если монтировать, то уж никак не лю-

---

«Delilah and the Space-Rigger».

© А. Етоев, перевод, 1993.

ням в скафандрах — будь они хоть трижды здоровяки, — а по крайней мере обезьянам о шести лапах.

Тини вынюхал все ляпы и минусы — ни тонны не отправилось в космос, пока он лично до последнего болтика не перелопатил всю документацию и чертежи.

И только люди... Вот единственный материал, доставлявший нам головную боль. Женатых на станции почти не было, все больше — отпетые холостяки: одни попали сюда, гонясь за длинной деньгой, других попутал бес приключений. Кто-то был разжалованным космонавтом, иные имели специальность, вроде электриков с прибористами. Где-то половину составляли водолазы-глубинники, а для них, как известно, скафандр, что для другого пижама. Были еще кессонщики, монтажники, сварщики, разметчики и даже два цирковых акробата.

Четверых мы погнали за пьянку на рабочем месте, Тини даже пришлось сломать одному руку, уж слишком тот не хотел увольняться. И вот ведь что интересно — где эта пьянь брала выпивку? Источник мы не сразу, но отыскали: один умелец-разметчик соорудил низкотемпературный самогонный аппарат, использующий космический вакуум. Так и гнал потихоньку сивуху из ворованной на складе картошки. Если честно, расставаться с ним было жалко, да уж чересчур большой оказался нахал.

А игра в кости! Вы думаете, раз невесомость и станция находится на геостационарной орбите, так и играть нельзя? Вот и нет! Радист Петерс вам быстро доказал бы, кто прав. Это он придумал одно хитроумное приспособление. Представляете, стальных костей нет, магнитной доски нет, а главное — отсутствует элемент случайности. За последнее-то его и пришлось уволить.

Мы собирались отправить радиста на Землю ближайшим транспортным кораблем — как раз на подходе был «Полумесяц». Я сидел у Тини в каюте, когда «Полумесяц» начал делать корректировку курса.

— Пошли кого-нибудь за Петерсом, Папа, — попросил Тини, подплывая к иллюминатору, — скажи ему что-нибудь веселенькое на прощанье. Кто там ему на замену?

— Тип по имени Г. Брукс Макнай, — ответил я.

Из корабля, извиваясь змеей, начал выползать трос. Тини сказал:

— Похоже, у них нелады с привязкой к нашей орбите.

Он запросил радиорубку о положении корабля относительно станции. Ответ ему не понравился, и он приказал соединить его с «Полумесяцем». Тини ждал, пока на экране не появился командир корабля:

— Доброе утро, капитан. И кого же ты собрался ловить на свою удочку?

— Твой груз, естественно. Давай, сгружай сюда своих алкашей. Я хочу отвалить до того, как до нас доберется тень.

Надо сказать, что каждый день примерно на час с четвертью станция попадала в тень Земли, и поэтому, чтобы не жечь зазря монтажных прожекторов и не изнашивать скафандры с обогревом, мы работали в две смены по одиннадцать часов каждая.

Тини покачал головой:

— И не подумаю, пока вы не скорректируете с нами курс и скорость.

— А я что сделал!

— По моим приборам, а не по инструкции.

— Тини, поймей совесть! У меня не так много топлива, чтобы маневрировать всякий раз. Мы же не минеры, к чему нам такая точность. И так я из-за тебя опаздываю, а если еще начну жонглировать кораблем ради паршивых нескольких тонн, то мне придется садиться на вспомогательную площадку. Или вообще планировать, не дай бог!

В то время все корабли имели крылья на случай вынужденной посадки.

— Слушай, капитан, — грубо оборвал его Тини, — ты для чего сюда прилетел? По-моему, как раз для того, чтобы ради этих паршивых нескольких тонн скорректировать наши орбиты. А куда и как ты там приземлишься — меня не волнует. Да хоть в Литл-Америку на задницу! Вспомни, когда привозил сюда первые грузы, ты же с ними как с детьми нянчился. Так вот — и это приказ — давай и с другими так же. Не порти первого впечатления!

— Ну хорошо, начальник, — утрюмо ответил капитан Шилдс.

— Не кипятись, Дон, — Тини сменил гнев на милость. — Говорят, у тебя есть для меня пассажир?

— Уж это точно! — на лице Шилдса появилась мстительная улыбочка.

— Ты поддержи его чуток у себя, пока мы не покончим с разгрузкой. Может быть, до тени и справимся.

— Отлично! Просто здорово! В конце концов, от неприятностей никуда не денешься, так зачем прибавлять новые? — Капитан ушел со связи, оставив моего босса в недоумении.

Но раздумывать над его словами времени у нас не было. Шилдс быстро развернул корабль по гироскопу, пару раз стрельнул дюзами и встал ровнехонько с нами, при этом топлива, несмотря на свое нытье, израсходовал всего ничего. Я выволок за борт всех, кого еще не успел уволить, и мы быстро принялись за разгрузку, стараясь успеть до того, как нас накроет земная тень. Невесомость при грузовых работах всегда только на руку: мы выпотрошили «Полумесяц» ровно за сорок четыре минуты.

Груз был обычный: заправленные кислородные баки в комплекте с защитными алюминиевыми отражателями, плиты внешней обшивки — этикие многослойные бутерброды из листового титана и наполнителя из пеностекла, а также ящики с РУВ — реактивными устройствами взлета — для раскрутки жилых отсеков. После того как все это было выгружено и прицеплено к грузовому тросу, по нему же я отослал наших ребят обратно: это вопрос жизни, без страховки любые работы за бортом я запрещаю категорически, тут уж никакие байки о любимчиках госпожи Вселенной не проходят. Затем я сказал Шилдсу, чтобы выпускал пассажира и отчаливал.

Этот малый вылез через воздушный шлюз и прицепился к соединительному тросу. Как матерый космический волк, он ловко оттолкнулся ногами и поплыл параллельно тросу — его страховочный карабин едва за ним поспевал. Увидев такое дело, я быстро рванул к нему и знаками велел следовать за собой. Вскоре вся

наша компания — я, Тини и новичок, — одновременно достигла шлюзовой камеры.

Кроме обычного грузового шлюза у нас имелось еще три экстренных, компании «Дженерал Электрик». Экстренный шлюз — это та же самая «железная дева», только без шипов; он вмещает в себя скафандр, космонавта в скафандре и немного воздуха для продувки. Работает экстренный шлюз автоматически — тем самым экономя время при пересменке. Я выбрал средний, Тини, как и положено, главный. Новенький, ничуть не смутившись, занял то, что ему оставалось.

Мы втроем ввалились в кабинет Тини. Тини щелкнул зажимами и откинул шлем.

— Что ж, Макнай, — сказал он, — рады тебя видеть.

Новый радиотехник тоже освободился от шлема. Я услышал тихий, приятный голос:

— Спасибо.

Когда я на него взглянул, то разом позабыл все на свете. Даже я со своего места увидел, что наш новый радиотехник носит в волосах бант.

Я думал, Тини взорвется. Одного взгляда хватило, чтобы сообразить — новенький был такой же мужчина, как я — Венера Милосская! Тини плюнул и, придерживая свой шлем, бросился к иллюминатору.

— Папа, — завопил он на ходу, — радиорубку! Срочно! Остановить ракету!

Но «Полумесяц» уже превратился в чуть заметную огненную горошину. Тини стоял как ошпаренный.

— Папа, — тихо спросил он, — кроме нас об этом кто-нибудь еще знает?

— Вроде нет.

Он задумался на секунду:

— Тогда надо спрятать ее от греха подальше. Вот что — запрем ее где-нибудь и подождем до следующего корабля. — Ее он словно не замечал.

— О ком это вы говорите? — громко спросила его Макнай. Приятности в ее голосе поубавилось.

Тини волком посмотрел на нее:

— О вас, о ком же еще. Значит, путешествуем без билета?

— Не говорите глупостей! Я — Г. Б. Макнай, инженер-электронщик. Разве вы не получали на меня документы?

Тини повернулся ко мне:

— Папа, да ты... Да какого... Прошу прощения, мисс. Чем ты смотрел, если тебе умудрились всучить бабу? Ты хоть рапорт на нее догадался прочитать?

Тут уж настала моя очередь возмутиться:

— Еще вопрос, кто из нас болван. Где ты видел, чтобы в документах указывали пол. Комиссия по равноправному труду позволяет делать это только в особых случаях, когда это существенно для работы.

— То есть ты хочешь сказать, что здесь это несущественно?

— Так это же не физический труд. Ты ведь знаешь, сколько на Земле женщин — радисток и диспетчеров.

— Мы не на Земле. — Лицо Тини стало мрачнее тучи. Он, наверно, подумал, каково ему теперь будет осаживать оголодавших двуногих козлов, которыми набита станция. Тем более что Г. Б. Макнай выглядела очень даже недурно. Не знаю, может быть, виноваты те восемь месяцев, что я провел на орбите без женщин, но про себя я решил твердо — новенькая должна остаться.

— Я слышал даже о женщинах-космопилотах, — злорадно продолжил я.

— А про женщин-архангелов ты ничего не слышал? Так вот, здесь на станции женщин не было и не будет!

— Погодите, — она в отличие от меня была не рассержена, а обижена, — вы здешний начальник?

— Ну, — согласился Тини.

— Очень хорошо. Тогда спрашивается, откуда вам знать, женщина я или нет?

— Вы что, пытаетесь отрицать, что вы женщина?!

— Зачем же, я горжусь этим. Но если подойти к делу формально, вы же, когда читаете «Г. Брукс Макнай», не знаете, какого этот человек пола? Вот поэтому я всегда пишу «Г» вместо Глории. Терпеть не могу, когда меня начинают жалеть!

Тини фыркнул:

— На это можете не рассчитывать. Я не знаю, как вы сюда пролезли, но имейте в виду, Макнай, Глория

или как вас там, — вы уволены и следующим кораблем вернетесь на Землю. А до отправки мы постараемся, чтобы никто из наших не догадался, что на борту женщина.

Я прочел по ее губам, как она сосчитала до десяти.

— Дадут мне здесь хоть слово сказать, — проговорила она наконец, — или вы и дальше будете строить из себя капитана Блая?

— Говорите.

— Никуда я не пролезала. Я — штатный сотрудник станции, старший инженер по связи. Я сама выбрала эту должность, специально, чтобы разобраться с оборудованием, пока его еще устанавливают, и не собираюсь из-за вас отказываться от работы. Я остаюсь здесь, вот и все.

Тини не обратил на это внимания:

— Построим станцию, тогда живите. Всем будет можно — мужчинам, женщинам, даже детям. А сейчас — никаких женщин, говорю вам как начальник.

— Ну это мы еще поглядим. Во всяком случае, уволить меня вам не удастся: радиоперсонал на вас не работает.

В этом она была права: заказчик, компания «Харриман Энтерпрайзис», обязывалась при ведении работ обеспечить подрядчика, корпорацию «Файв Компаниз Инкорпорейтед», некоторыми своими специалистами, связистами в том числе.

Тини усмехнулся:

— Уволить вас я, может, и не имею права, но отправить домой — могу: «поставляемый заказчиком персонал должен полностью удовлетворять подрядчика», то есть — меня. Параграф семь, пункт «м», я же его и писал.

— Тогда вы обязаны знать, что если поставляемый персонал получает немотивированный отказ — расходы, связанные с его заменой, несет непосредственно подрядчик.

— Да, есть риск понести убытки, но я иду на него — вы возвращаетесь, и больше вас здесь никогда не будет!

— Вы... Вы просто глупец!

— Может быть, но здесь решаю я. И я скорее возьму какого-нибудь кретина, чем бабу, которая будет вертеть хвостом перед мужиками!

Она рот раскрыла от изумления. Тини понял, что перегнул палку.

— Извините, мисс, — подавив смущение, добавил он, — я серьезно вам говорю. Вы будете спрятаны до тех пор, пока мы не расстанемся.

Только она собралась ему возразить, как я крикнул, показывая на иллюминатор:

— Посмотри назад, Тини!

К иллюминатору, вытаращив от изумления глаза, уже приклеился один из монтажников. Трое или четверо других плавали за его спиной, дожидаясь своей очереди.

Тини щукой метнулся к иллюминатору, и они брызнули в разные стороны, как перепуганные пескاري. Так напугались, бедные, что чуть скафандры не потеряли в спешке. Мне показалось, что наш начальник собрался пробить иллюминатор кулаком, — а стекло в нем как-никак кварцевое.

Когда он вернулся на место, вид у него был побитый.

— Мисс, — он указывал на дверь в глубине каюты, — подождите пока в моей спальне.

Когда она скрылась за дверью, Тини меня спросил:

— Что теперь будем делать, Папа?

— Ты, Тини, начальник, ты и решай.

— Я решил, — смущенно пробормотал он. — Вызови сюда главного инспектора, хорошо?

Было ясно — отступать он не собирается. Группа инспекторов принадлежала не нам, а компании «Харриман Энтерпрайзис», и, по мнению Тини, они больше мешали, чем помогали делу. Кроме того, Тини был выпускником Оппенгеймера, а Далримпл — главный инспектор, — тот кончал МТИ.

Явился главный инспектор, бодрый и самоуверенный, как всегда:

— Доброе утро, начальник. Здравствуйте, мистер Визерспун. Чем могу быть полезен?

Тини мрачно изложил — чем. Лицо Далримпла так и светилось самодовольством:

— Она права, старина. Ты можешь, конечно, отправить ее назад и даже указать в рекламации, чтобы прислали мужчину. Но вряд ли я смогу сейчас подтвердить твою «уважительную причину».

— Черт возьми! Далримпл, но мы не можем держать здесь бабу!

— В контракте это не оговаривается, ты же знаешь.

— Если бы твоя компания не прислала нам того шулера, который был до нее, — я не вляпался бы во всю эту историю!

— Ну-ну, давай-ка без нервов. Давай откажемся от нее без указания причины и вместе понесем убытки. Такое тебя устроит?

— Еще бы! То есть спасибо!

— Не за что. Но подумай, что получается, — ты вытурил Петерса, заранее не переговорив с новичком, и этим сократил свой штат до одного радиооператора. А Хэммонд не может дежурить двадцать четыре часа в сутки.

— Он может спать прямо в рубке. Сигнал его разбудит.

— Ну уж нет. И базу и эфир надо прослушивать постоянно. «Харриман Энтерпрайзис» направила сюда квалифицированного оператора, и хочешь ты этого или не хочешь, но боюсь, что тебе придется терпеть ее пока у себя.

Тини понял, что от судьбы не уйдешь. Он тихо сказал:

— Папа, поставь ей первую смену. И будет лучше, если в эту же смену ты поставишь женатых.

Затем он позвал Глорию:

— Ступайте сейчас в радиорубку и потихоньку присматривайтесь к работе, чтобы Хэммонд мог поскорее сдать вам дежурство. Прислушивайтесь к его советам. Человек он порядочный.

— Знаю, — кратко сказала она, — я его обучала.

Тини моментально заткнулся. Зато тут же встрял в разговор инспектор:

— Начальнику, конечно, можно не обращать внимания на такие мелочи, как знакомство, но все-таки позвольте представиться: я — Роберт Далримпл, главный

инспектор. А заодно разрешите представить вам его помощника, мистера Визерспуна.

— Можете называть меня Папой, — сказал я.

— Привет, Папа, — она улыбнулась, и я почувствовал, как по всему моему телу разливается приятная теплота.

Потом она ответила Далримплу:

— Странно, что мы не встречались раньше.

Тини ее перебил:

— Макнай, спать вы будете у меня, — на это она удивленно подняла брови, а он с суровым видом продолжил: — Все свое я уберу оттуда сегодня же. Да, и главное — как придете после дежурства, сразу же запирайте дверь.

— Спасибо за совет. Именно так я и сделаю.

Тини при этом покраснел.

Работы навалилось так много, что мисс Глорию я почти не видел. Предстояло распределить поступивший груз, установить новые кислородные баки и поставить на них отражатели. Но самой хлопотной задачей была раскрутка жилых отсеков. Сегодня даже убежденные оптимисты не рассчитывают, что в ближайшие годы в развитии межпланетных транспортных средств возможны особые перемены. Тем не менее «Харриман Энтерпрайзис» планировала сдавать в аренду помещения станции для проведения разнообразных исследовательских работ, покрывая этим свои огромные вложения в строительство.

ИТТ, к примеру, арендовало здесь площадь для своей микроволновой релейной станции, обещая — только за одно телевидение — несколько миллионов в год; у Бюро погоды чесались руки оборудовать свою полусферическую комплексную станцию; у Паломарской обсерватории — у той просто была концессия («Харриман Энтерпрайзис» пожертвовала им площадь); Совет безопасности разрабатывал некий сверхсекретный проект; Физическая лаборатория Ферми и Кеттерингский институт тоже имели здесь свои помещения. В общем, дюжина арендаторов готова была въехать немедленно или в самое ближайшее время, а закончим

мы когда-нибудь отсеки для туристов и путешественников или нет, на это им было наплевать. Корпорацией для нас были предусмотрены премии за досрочное выполнение работ, а также вознаграждение от заказчика.

Тем, кто никогда не бывал в открытом космосе, вряд ли придутся по сердцу кувырки через голову, — по крайней мере, я от них радости не испытывал, — ведь здесь, на свободной орбите, вы не ощущаете своего веса, здесь нет ни «верха», ни «низа». Есть Земля, круглая и прекрасная, и всего в каких-то двадцати с лишним тысячах миль — вот она, почти рядом, того и гляди, заденешь за нее рукавом. Только здесь начинаешь по-настоящему понимать, как она тянет к себе. Но своего веса вы просто не чувствуете, ну ни капли, вы парите...

Парение просто незаменимо для некоторых видов работ, но что касается приема пищи или, скажем, игры в карты, не говоря уже про купание, — в этих вещах ощущать свой вес и стоять на ногах более чем желательно. Вы чувствуете себя непринужденнее, и ваш обед тогда от вас не улетает.

Вы, наверное, видели фотографии станции — огромный цилиндр, похожий на большой барабан, по бокам у него «кармашки», в них-то и швартуются корабли. А теперь представьте, внутри большого вращается барабан поменьше, так вот, этот маленький барабан и есть жилые отсеки, в которых центробежная сила создает искусственную гравитацию. Конечно, можно раскрутить целиком всю станцию, но тогда попробуйте — пришвартуйтесь к этакому «кружащемуся дереву».

Поэтому мы и делали внутреннюю часть вращающейся, чтобы в ней можно было нормально жить, а на внешней — стационарной — размещали стыковочные узлы, топливные и кислородные баки, кладовые и все прочее. Переход из одной части в другую осуществлялся через «ступицу» — специальный переходный отсек. Когда мисс Глория оказалась на станции, внутренняя часть ее была уже вставлена и загерметизирована, а внешняя представляла собой голый скелет из балок.

Нет, это просто здорово — видеть, как на фоне черного звездного неба переплетаются отсвечивающие

металлом стойки, рамы и фермы из титанового сплава 1403, легкого, прочного, не подверженного коррозии. Но с космическим кораблем станцию все-таки не сравнишь — на взрывные напряжения ее конструкция не рассчитана. Потому мы и не отваживались сразу раскручивать отсеки, а дожидались, когда нам пришлют РУВ.

РУВ — реактивное устройство взлета — что-то вроде ракеты, только предназначенное для запуска самолетов. Сейчас их используют где угодно, если требуется направленный рывок, например, когда вытягивают грузовик из трясины. Мы разместили четыре тысячи РУВ по окружности внешней рамы жилых отсеков, каждое — в строго определенном месте. К ним уже был подсоединен шнур и оставалось дать команду «старт», когда Тини вдруг обратился ко мне, явно чем-то озабоченный:

— Папа, все срочно отставить, заканчиваем отсек Д-113.

— О'кей, — сказал я. Д-113 входил во внешнюю часть станции.

— Подготовь шлюзовую камеру и закинь в отсек двухнедельный запас жизнеобеспечения.

— Это изменит распределение нагрузки при вращении, — возразил я.

— Ближайшей «ночью» я сделаю пересчет, а после скорректируем расположение РУВ.

Далримпл, узнав про это, тут же явился за разъяснениями, подобное нарушение графика означало задержку сдаваемых в аренду отсеков.

— В чем дело? — спросил он Тини.

Тот пристально посмотрел на него. В последнее время их отношения стали холоднее обычного: Далримпл постоянно выискивал поводы посетить мисс Глорию. А чтобы попасть в ее временное жилище, бывшую спальню Тини, ему приходилось пробираться через его кабинет. Тини это в конце концов надоело, и однажды он попросил Далримпла убраться и к нему больше не заходить.

— В чем? — спокойно ответил Тини. — Чтобы иметь хотя бы собачью конуру, если дом сгорит от пожара. Вот в чем.

— Ты что имеешь в виду?

— То и имею, что вдруг мы запустим РУВ, а конструкция возьмет и развалится. Хочешь болтаться в космосе, пока тебя не подберет какой-нибудь корабль?

— Это глупо. Напряжения были рассчитаны.

— Так всегда говорят после того, как мост рухнул. Будем делать по-моему.

Лицо Далримпла потемнело от злости.

Усилия Тини, направленные на изоляцию Глории, вызывали у меня по меньшей мере сочувствие. Вот вам пример. Известно, что в обязанности радиотехника входит ремонт переговорных устройств, вмонтированных в часы скафандра. Так почему-то больше всего поломок приходилось на ее смену. И мне снова пришлось делать перестановки в рабочих сменах, а заодно и уменьшить кое-кому оклады. Техобслуживание не предусмотрено при умышленной порче имущества. Были и другие примеры. Вдруг стало модным бриться. Парни перестали по пояс голыми болтаться по станции, а времени на мытье стало уходить столько, что я уже было думал устанавливать дополнительный опреснитель.

И вот наступил момент, когда отсек Д-113 был подготовлен, а РУВ переустановлены. Не думаю, чтобы я особенно волновался перед предстоящим событием. Рабочим было приказано покинуть отсеки и всем одеться в скафандры. Оседлав балки, люди сидели и ждали.

В скафандрах все кажутся близнецами, поэтому, чтобы не путаться, мы пользовались номерами и цветными повязками. Бригадирсы имели по две антенны, одну для связи с рабочими, другую — связываться между собой, так называемый бригадирский канал. У Тини и у меня вторая антенна предназначалась для общей радиосвязи.

Бригадирсы доложили, что их люди к взрывным работам готовы, и Тини уже собрался скомандовать, когда вдруг в самом центре опасной зоны показалась продирающаяся сквозь балки фигура. Без страховочного фала. Без повязки на рукаве. С одной антенной.

Конечно, это была мисс Глория! Тини вытащил ее из опасной зоны и обвязал своим страховочным фалом. Я слышал, как он грубо ей выговаривает:

— Вы кого тут из себя строите? Начальника на прогулке?!

Ее голос отвечал:

— А что бы вы мне посоветовали сделать? Причалить к какой-нибудь звезде?

— Я говорил тебе — нельзя сюда лезть! Если ты не будешь подчиняться моим приказам — я просто посажу тебя под замок!

Я добрался до них, отключил свой передатчик и, приблизившись к Тини вплотную, так что шлем упирался в шлем, сказал:

— Босс, ты же — в режиме передачи!

— О! — воскликнул он и тут же выключил передатчик. Она свой отключать не стала:

— Послушайте, вы, бабуин несчастный, вы же сами послали поисковую партию, чтобы убрать всех отсюда, я не стала их дожидаться, потому и вышла наружу. А про страховочный фал я и знать не знала. Вы же держите меня взаперти!

Я оттащил Тини в сторону, и он приказал главному электрику начинать. А когда мы увидели великолепное, невиданное доселе зрелище взрывных работ, мы сразу забыли обо всем. Это было похоже на огромное колесо Святой Екатерины, расцвеченное ракетными вспышками. И все в абсолютной тишине, вокруг был открытый космос — ну просто сказочная картина!

Взрывные работы закончились, и показались жилые отсеки, раскручивающиеся подобно маховику; мы с Тини выдохнули с облегчением. Затем пробрались внутрь, чтобы «глотнуть» тяжести.

Ощущение было забавным. Пройдя через «ступицу», я спустился по трапу, чувствуя, как вновь обретаю вес по мере приближения к краю. И так же, как и в тот раз, когда я впервые испытал его отсутствие, накатил приступ морской болезни. Икры свело судорогой, и я едва смог идти.

Мы все проверили, потом прошли в кабинет и только тут наконец присели. В кабинете было уютно — ровно одна треть от величины силы тяжести на краю,

как раз столько, чтобы не испытывать неудобств. Тини погладил подлокотники кресла и усмехнулся:

— А всех бездельников — в изоляцию, в Д-113.

— Кстати, об изоляции, — на пороге стояла мисс Глория. — Могу я с вами поговорить, мистер Ларсен?

— А? Ну конечно! Я сам хотел с вами встретиться. Должен принести вам свои извинения, мисс Макнай. Я был...

— Не стоит вспоминать, — перебила она, — вы были тогда на пределе. Но мне интересно знать, долго ли вы еще собираетесь навязываться ко мне в дуэньи.

— Недолго, — он посмотрел на нее внимательно. — До тех пор, пока не придет вам замена.

— Вот как? Кто здесь у вас главный профсоюзный деятель?

— Макэндриус, разметчик. Но вряд ли он сможет вам помочь: вы же штатный сотрудник станции.

— К той проблеме, которая меня сейчас волнует, это не имеет отношения. Мне необходимо с ним поговорить. По вашей милости я не могу распоряжаться даже своим свободным временем. Это дискриминация, вот что это такое.

— Может быть, но скоро вы сможете убедиться, что я здесь пользуюсь некоторым авторитетом. Юридически я сейчас капитан корабля. А капитан в космосе обладает неограниченной властью.

— Тогда вы должны применять ее разборчиво!

— Вот-вот. Именно этим я и занимаюсь, здесь я с вами согласен, — ухмыльнулся Тини.

Мы не знаем, что сказал ей Макэндриус, но только мисс Глория стала вести себя совершенно по-другому. После очередного дежурства она заявила в кино вместе с Далримплом. Тини встал и на середине картины демонстративно покинул зал — из Нью-Йорка как раз транслировали «Лисистрата идет в город».

Тини подстерег ее, когда она возвращалась одна, но подгадал так, чтобы рядом в этот момент оказался я, как свидетель.

— Гм, мисс Макнай...

— Да?

— Думаю, вам следовало бы знать... Это, как его... ну, в общем, главный инспектор Далримпл — человек женатый.

— Вы считаете мое поведение непристойным?

— Нет, но...

— Тогда не лезьте не в свое дело! — Он еще рта не успел открыть, как она добавила: — И да будет вам известно — я знаю, что у вас четверо детей, Далримпл мне все рассказал.

У Тини отвисла челюсть:

— Как... Но позвольте, я ведь даже не женат!

— Как? Вот именно — как, хотела бы я знать, — и она удалилась.

Тини уже не пытался прятать ее в каюте; единственное, о чем он просил, — если она куда-нибудь соберется, предупреждать его об этом в любое время. С той поры он тем только и занимался, что пас ее. Меня так и подмывало предложить ему поменяться местами с Далримплом.

И как же я удивился, когда однажды он поручил мне провести приказ об ее увольнении. Я был совершенно уверен, что он и думать про это забыл.

— И в чем она виновата? — поинтересовался я.

— В нарушении субординации!

Я на это ничего не ответил, а он продолжал:

— Она же приказы не выполняет.

— Зато она работу свою выполняет, и притом хорошо. А эти твои приказы... Да прикажи ты что-нибудь подобное кому из парней, любой выполнять откажется.

— Ты не согласен с моими приказами?

— Не в этом дело. Ты не докажешь ее вину, Тини.

— Тогда уволим ее за то, что она... женщина! Уж это-то я смогу доказать.

Я опять промолчал.

— Папа, — он как будто меня уговаривал, — ты же мастер стряпать такие штуки: ну там «никаких персональных претензий, но полагая, что в интересах дела...» и прочая дребедень.

Я составил нечто подобное и по секрету показал Хэммонду. Известно, как радиотехники умеют держать язык за зубами, и я не очень-то удивился, когда меня

вдруг останавливает О'Коннор, один из лучших на станции кузнецов, и спрашивает:

— Папа, скажи, это правда, что Старик избавляется от Брукси?

— Брукси?

— Брукси Макнай. Она сама просила так ее называть. Так правда?

Я подтвердил и пошел дальше, раздумывая на ходу, а не лучше ли было ему соврать?

С Земли к нам ракета идет примерно четыре часа. За смену до прилета «Полярной звезды», на которой должна была улететь мисс Глория, табельщик принес мне два заявления об уходе. Два человека — не страшно: с каждым кораблем мы теряли больше. Но не прошло и часа, как он вызвал меня по бригадирскому каналу и попросил срочно зайти к нему в кабинет. Я как раз был снаружи — проверял качество сварки — и поэтому отказался.

— Пожалуйста, мистер Визерспун, — чуть ли не умолял он, — вы должны прийти.

Когда кто-то из ребят перестает называть меня «Папой» — это дурной знак. Я пошел.

Около его двери выстроилась целая очередь, обычно такая бывает, когда на станцию доставляют почту. Я вошел и хлопнул у них перед носом дверь. Он протянул мне целую кипу заявлений.

— Что же это происходит в великих глубинах ночи? — спросил я.

— И есть еще десятка два или три, которые я не успел оформить.

Ни в одном из заявлений не стояло конкретной причины — только «по собственному желанию».

— Слушай, Джимми. Что же такое делается?

— А вы все не догадываетесь? Серьезно? В таком случае я тоже теряюсь в догадках.

Тогда я ему высказал все, что об этом думаю, и он со мной согласился. Потом я собрал заявления, вызвал по радио Тини и попросил его, ради всего святого, прийти в свой кабинет.

Тини в задумчивости жевал губу.

— Но послушай, Папа, они не имеют права бастовать. В контракте это оговаривается особо и согласовано со всеми заинтересованными инстанциями.

— Это не забастовка, Тини. Ты не можешь препятствовать их уходу.

— Тогда пусть они платят за обратный билет из собственного кармана! Поможешь мне это сделать?

— Не знаю, не знаю. Многие проработали достаточно долго, чтобы получить его бесплатно.

— Тогда нам придется быстро набрать других, иначе мы не уложимся в сроки.

— Если бы так, Тини. Мы просто не сможем закончить. К следующей «ночи» у тебя не останется даже команды обеспечения.

— У меня еще никогда не уходило столько народу. Ладно, я с ними поговорю.

— Бесполезно, Тини. Ты идешь против того, что сильнее тебя.

— И ты, Папа, против меня?

— Я всегда за тебя, Тини.

Тогда он сказал:

— Папа, я знаю, ты думаешь, что я упрямый баран, но я прав. Мы не можем держать одну женщину на несколько сотен парней. Они же все как чокнутые.

Я не стал ему объяснять, чем он от них отличается, лишь спросил:

— По-твоему, это плохо?

— Конечно. Я не могу позволить, чтобы смех одной бабы развалил мне всю работу.

— Тини, ты видел последние графики хода работ?

— У меня не было времени, а что?

Я-то знал, почему у него не было времени:

— Ты окажешься в дураках, если начнешь доказывать, что мисс Глория тормозит работу. Мы же опережаем план.

— Мы?!

Пока он изучал графики, я, положив руку ему на плечо, сказал:

— Поверь, сынок. Секс на нашей планете хозяйничает не первый год. Там, на Земле, им от этого просто никуда не деться, и, заметь, несмотря на это даже самые крупные стройки кое-как, но все-таки доводи-

лись до конца. Может, и нам здесь стоит попробовать — вдруг ничего? Между прочим, ты сам только что дал готовый ответ.

— Я?

— Ты сказал: «мы не можем держать здесь одну женщину на несколько сотен парней». Так?

— Да... То есть нет! Постой, погоди минутку. Ну предположим, да.

— Ты джиу-джитсу когда-нибудь занимался? Иногда побеждаешь за счет того, что расслабишься.

— Да, верно!

— А когда чувствуешь, что противник сильнее, ты просто уворачиваешься от него.

Он вызвал радиорубку:

— Макнай, передайте Хэммонду, чтобы он вас сменил, и зайдите ко мне.

Он сделал это красиво. Поднялся и произнес речь: да, он был не прав; да, слишком много было потрачено времени, чтобы понять такую простую вещь. Но он надеется, что на него не станут держать обиду, ну и так далее. Он связался с Землей и выдал базе задание рассмотреть, на каких работах можно задействовать женщин уже сейчас.

— Не забудь семейные пары, — ненавязчиво вставил я, — и еще пусть пришлют нескольких женщин постарше.

— Будет сделано, — согласился Тини. — Больше я ничего не забыл, Папа?

— Вроде бы ничего. Осталось только подготовить жилплощадь, а для этого нужно время.

— О'кей. Глория, я приказал задержать старт «Полярной звезды», так что уже этим рейсом они смогут кого-нибудь к нам прислать.

— Чудесно! — похоже, она действительно была счастлива.

Тини закусил губу:

— Мне все время кажется, будто я что-то забыл. Ну-ка, ну-ка, конечно! Папа, попроси их прислать для станции капеллана, и поскорее. При нашей новой политике он может понадобиться в любую минуту.

Я тоже так думал.

КОСМИЧЕСКИЙ ИЗВОЗЧИК

Они уже подходили к дверям, когда раздался телефонный звонок.

— Не отвечай! — взмолилась жена. — Мы опаздываем на спектакль.

Но он все же снял трубку. На экране появилась Ольга Пирс — секретарь местной конторы «Транслунных перевозок».

— Попросите к аппарату мистера Пембертона... а, это ты, Джейк! Быстренько собирайся. Рейс двадцать семь, Нью-Йорк-Верх—Лунный терминал. Вертолет через двадцать минут.

— Что за дела? — запротестовал он. — По графику я четвертый.

— Был четвертым. Но ты дублер Хикса, а он только что срезался на психотесте.

— Хикс срезался? Чушь собачья!

— Увы, такое случается и с лучшими пилотами. Так что готовься, дружище. Пока.

Жена нервно комкала платочек, не замечая, что пальцы рвут тонкое шестнадцатидолларовое кружево.

— Джейк, это несправедливо. Тебя не было три месяца. Еще немного, и я тебя совсем забуду.

— Прости, малыш. Придется тебе сходить в театр с Элен.

«Space Jockey».

© С. Логинов, перевод, 1993.

— Джейк, пойми, спектакль меня совершенно не интересует. Я просто хочу пойти вместе с тобой... куда-нибудь, где они тебя не достанут.

— Меня нашли бы и в театре.

— Нет. Я стерла запись, которую ты оставил.

— Филлис! Ты хочешь, чтобы меня уволили?

Она не ответила, ожидая его раскаяния. Но он молчал, а она не знала, как объяснить ему свое раздражение. Неужели Джейк сам не видит, что это вызвано не досадой из-за пропавшего вечера, а томительным страхом, который она испытывает каждый раз, когда муж улетает в космос.

— Не смотри на меня так, — попросила она и, не дождавшись ответа, принялась доказывать: — Тебе не следовало соглашаться, милый. Они не имеют права посылать тебя, ты пробыл на Земле меньше положенного срока. Джейк, ну пожалуйста!..

Он снимал смокинг.

— Я тысячу раз говорил: пилот никогда не получит регулярных рейсов, если вздумает корчить из себя законника со сводом правил под мышкой. Подумать только — стереть мое контрольное сообщение! Зачем ты это сделала, Филлис? Стараешься приземлить меня?

— Нет, дорогой. Просто я думала, что хотя бы в этот раз...

— Когда мне предлагают рейс, я беру его, — холодно произнес он и вышел из комнаты.

Вернулся он через десять минут уже переодетый для полета. Этого времени ему хватило, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Как обычно перед рейсом, Джейк был в приподнятом настроении и насвистывал:

Сказал диспетчер Кейси, что рейс в пять часов.

Жену целует Кейси, он к рейсу готов.

Заметив выражение ее лица, он оборвал мотив.

— Где мой комбинезон?

— Я сейчас принесу. И приготовлю тебе поесть.

— Чтобы во время старта набитый желудок размазал меня по стенам? К тому же за превышение веса меня оштрафуют. У тебя много лишних денег?

Подтянутому, стройному, одетому лишь в шорты и футболку, в легких сандалиях на ногах, ему была уже гарантирована пятидесятидолларовая весовая премия, и

поэтому Филлис хотела сказать, что сэндвич и чашка кофе не грозят штрафом, который бы их разорил. Но, глянув на Джейка, она промолчала, чтобы не увеличивать еще на одну фразу стену непонимания между ними.

Больше они не произнесли ни слова, пока на крышу дома не опустилось аэротакси. Перед уходом Джейк поцеловал жену и попросил не провожать. Филлис покорно кивнула, но, услышав, как вертолет взлетел, выбралась наверх и долго смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду.

Путешествующая публика, что без дела мотается на Луну и обратно, любит жаловаться на неудобства транзитных перевозок, но все-таки охотно пользуется теми маршрутами, которые требуют пересадок на орбитальных станциях. Причина этому — деньги.

Для трехпересадочного полета на Луну был установлен тариф в тридцать долларов за каждый фунт веса. Прямой перелет обошелся бы куда дороже. Корабль, с равным успехом взлетающий и садившийся и в земной атмосфере, и в безвоздушном пространстве, был бы настолько технологически сложен и громоздок, что не окупал бы себя и при цене в тысячу долларов за фунт принятого на борт веса. При старте с Земли оборудование для прилунения просто бы превратилось в балласт, а на Луне ненужными оказались бы все приспособления для полета в атмосфере. Корабль напоминал бы кошмарное сочетание парова, локомотива и скоростного лифта. Двигаться такому агрегату было бы тяжело.

Поэтому для выхода на орбиту «Транслунные перевозки» использовали крылатые ракеты «Небесный призрак» и «Светлячок», снабженные противоперегрузочными устройствами, позволяющими сносно перетерпеть катапультирование с поверхности Земли. Летит эта машина только до орбитальной станции Нью-Йорк-Верх. Затем начинается самая долгая часть путешествия. На этом перегоне использовались корабли типа «Филип Нолан» и «Летучий голландец», которые никогда не опускались на планеты и даже собраны были в космосе. Длительный полет требует комфорта и жиз-

ненного пространства, поэтому такие корабли слишком велики, чтобы совершать посадки. К тому же у них попросту нет ни амортизаторов, ни обтекателей, стабилизирующих полет в атмосфере. И вообще они похожи на стартовые корабли не больше, чем пульмановский вагон на парашют.

Добравшись до селеноорбитальной станции Лунный терминал, пассажир пересаживался на посадочный модуль «Лунный нетопырь» или «Гремлин». Они годились только для прыжка на Луну. Противоперегрузочное оборудование у них было сведено до минимума, отсутствовали крылья, а двигатели были хоть и не слишком мощные, но зато маневренные, чтобы можно было совершать посадку на дюзах.

Станции пересадки, строго говоря, были попросту огромными запаянными со всех сторон консервными банками, болтающимися в космосе. Лунный терминал считался вполне приличным местом, с него отправлялись рейсы на Марс и Венеру, а Нью-Йорк-Верх и сейчас оставался примитивной заправочной станцией, где размещался лишь небольшой ресторан и несколько комнат отдыха, в которых центробежное устройство создавало искусственную гравитацию. Устройство это было построено лет пять назад специально для пассажиров со слабыми желудками.

Пембертон прошел контрольное взвешивание и поспешил к «Небесному призраку», который покоился в катапульте, словно дитя в колыбельке. При входе сбросил комбинезон, поевшись от холода, отдал его дежурному и нырнул в люк, потом устроился на противоперегрузочной койке и спокойно уснул. С Земли корабль будут поднимать другие, его работа начнется в глубоком космосе.

Разбудил его рывок катапульты. Казалось, дрожь гигантской тетивы пронизала окрестности пика Пайк. Катапульта швырнула «Небесный призрак» с вершины, и несколько секунд корабль летел по инерции. Как ни старался Пембертон выглядеть безучастным, в эти секунды у него всегда замирало дыхание, и он тревожно ожидал рева проснувшихся дюз. Если дюзы вдруг не сработают, пилот должен будет перевести корабль на режим парения и посадить с помощью крыльев.

В положенное время дюзы дружно взревели, а Джейк немедленно погрузился в сон.

Когда «Призрак» отшвартовался на станции Нью-Йорк-Верх, Пембертон направился в диспетчерскую и немало обрадовался, увидав, что вахту несет Шорти Вайнштейн. На самих кораблях не было штурманов-программистов, все расчеты передавались отсюда, а вычислениям Шорти можно было доверять. Это не так мало, если учесть, что от точности программы зависит сохранность корабля, жизнь пассажиров и твоя драгоценная шкура в придачу. Чтобы справиться с простеньким корабельным компьютером, Пембертону хватало своих довольно средних способностей, и потому он особо ценил гениев тех, кто рассчитывал орбиты.

— Приветствую грозу космических трасс, великого пилота Пембертона! — Вайнштейн протянул лист с результатами штурманских расчетов.

Джейк, изумленно приподняв бровь, изучал ряд цифр.

— Слушай, Шорти, по-моему, ты не прав.

— Что? Не может быть. «Мэйбл» не ошибается, — Вайнштейн дернул головой в сторону гигантского навигационного компьютера у дальней стены.

— Ошибку сделал ты, а не машина. Погляди, ты опять предлагаешь в качестве реперных точек Вега, Антарес и Регул. Чтобы лететь по твоим данным, вовсе не надо быть пилотом. Если ты и впредь будешь работать так хорошо, гильдия космонавтов взбунтуется и тебя вышвырнут вон.

Вайнштейн с самодовольным видом выслушал такой панегирик в свой адрес.

— Я вижу, — говорил Пембертон, изучая колонки цифр, — что должен вылететь только через семнадцать часов. Я точно так же мог прилететь сюда утренним рейсом. Не понимаю, зачем было пороть горячку? — он вспомнил обиженную Филлис, и в его голосе прозвучало огорчение.

— Утренний рейс отменен Советом безопасности.

— А что... — начал было Джейк, но замолк, понимая, что Вайнштейн знает так же мало, как и он сам. Скорее всего, траектория полета должна была пройти в опасной близости от одной из военных баз, что кружили вокруг Земли, словно бдительные полисмены.

А может быть, причина в чем-то другом — Совет безопасности ООН не любит афишировать, каким способом он ухитряется сохранять мир на планете.

Пембертон пожал плечами.

— Раз так, я пошел спать. Разбуди меня часа за три до старта.

— Хорошо. Твоя программа будет готова.

Пока он спал, «Летучий голландец», мягко уткнувшись носом в стыковочный узел, припечатанный к станции гармошками воздушных шлюзов, принимал багаж и пассажиров из Луна-Сити. Когда Джейк проснулся, корабль уже загрузили под завязку, полностью заправили топливом и объявили посадку.

Он остановился перед конторкой радиопочты узнать, нет ли весточки от Филлис. Ничего не обнаружив, Джейк сказал себе, что она, вероятно, послала письмо сразу на Лунный терминал. Пембертон прошел в ресторан, купил факсимильный номер «Геральд трибюн» и мрачно уселся за столик, собираясь в одиночестве насладиться комиксами и завтраком.

Но тут к нему подсел какой-то турист и принялся забрасывать глупейшими вопросами о предстоящем полете. При этом любознательный джентльмен упорно величал его «капитаном», наверное, неправильно истолковав знаки различия, вышитые на футболке.

Желая поскорее избавиться от надоедливого собеседника, Джейк поспешно проглотил завтрак, заглянул к Вайнштейну забрать бобину с программой для автопилота и поднялся на борт «Летучего голландца».

После рапорта капитану он направился на пост управления. Здесь не было искусственной тяжести, и по коридору приходилось плыть, подтаскивая себя за скобы, приделанные к стенам. В рубке он уселся в кресло пилота, пристегнулся и начал предстартовую проверку. Через минуту в рубку вплыл капитан Келли и занял соседнее кресло. Пембертон заканчивал холостые прогоны курсопрокладчика.

— Хочешь сигарету, Джейк? У меня — «Кэмел».

— Я хочу сначала проверить противометеоритную защиту, — проговорил Пембертон, не отрываясь от экрана.

Келли, слегка нахмурившись, смотрел на него. Взаимоотношения капитана и пилота в космосе напоминали отношения капитана и лоцмана, так сочно описанные Марком Твенем в «Жизни на Миссисипи». Сходство было неслучайным. Капитан отвечает за судно, груз, пассажиров, но по реке корабль ведет лоцман, а в космосе — пилот. Значит, он фактический и безусловный хозяин корабля с момента старта и до последней минуты пути. Перед полетом капитан мог отвергнуть назначенного ему пилота, но тем его полномочия и ограничивались; вмешиваться в действия пилота он уже не имел права.

Келли нащупал лежащую в кармане бумагу и вновь вспомнил слова, с которыми дежурный психолог вручил ему этот лист:

— Я даю вашему пилоту допуск, но вы можете забраковать его.

— Что случилось? Пембертон славный парень.

— Психолог только что закончил обследование. Он притворился идиотом-туристом из тех, что изводят соседей по столу бесконечными вопросами. Так вот, Пембертон проявляет сегодня повышенную неуравновешенность. По сравнению с результатами прошлого осмотра он более асоциален. Я не утверждаю, что это скажется на поведении, но все может быть. Неплохо бы проследить за ним.

— А вы сами полетели бы с таким пилотом? — спросил Келли.

— А почему бы и нет?

— Тогда я беру его. Я верю своему пилоту и не вижу необходимости возить его пассажиром.

Пембертон заправил ленту в автопилот и повернулся к капитану:

— Проверка закончена, сэр.

— Запускай, раз готово, — после принятого решения Келли почувствовал облегчение.

Пембертон просигналил приказ начать расстыковку. Пневматическая система стала медленно отталкивать корабль, пока он не поплыл рядом со станцией, удерживаемый одним лишь тросом.

Затем Джейк развернул «Голландца», быстро раскрутив гироскоп, установленный в центре тяжести ко-

рабля на вращающемся подвесе. Гироскоп вращался в одну сторону, а корабль, в полном соответствии с третьим законом Ньютона, — в другую.

Послушный программе автопилот сориентировал призмы перископа так, чтобы Вега, Антарес и Регул слились в окуляре в одну точку, когда судно ляжет на правильный курс. Пембертон плавно выводил корабль на нужный курс, торопливость в таком деле неуместна, а ошибка в одну дуговую минуту дала бы двухсотмильное отклонение от цели.

Когда три изображения совпали в заданной точке, он остановил маховики и застопорил гироскоп. Затем провел контрольную проверку прямым наблюдением каждой звезды. Морские шкиперы так работают с секстантом, разницы нет никакой, если не считать, что астронавигационные приборы на много порядков точнее. Правда, измерения ничего не сообщили ему о правильности предписанного Вайнштейном курса. Пилот должен верить в расчеты штурмана, как истовый лютеранин верует в Евангелие. И все-таки наблюдения подсказывали, что автопилот ведет себя как положено. Удовлетворенный таким результатом, он отдал последний швартов.

До старта оставалось семь минут.

Пембертон щелкнул переключателем, позволив автопилоту стартовать по сигналу таймера. Сам он ждал, держа руки на панели управления, готовый немедленно вмешаться, если автопилот вдруг выкинет какой-нибудь фортель. Как всегда перед стартом, внутри у него все сжималось от болезненного ощущения тревоги. Адреналин пульсировал в крови, превращая минуты в долгие часы. Чтобы убить эту бездну времени, Джейк стал думать о Филлис.

Неудивительно, что девочка им недовольна, — космонавту вообще не следует жениться. Конечно, если однажды он не вернется из рейса, она не останется нищей, но ей нужна не страховка, ей нужен муж.

Шесть минут...

Если бы его поставили на регулярные рейсы, они могли бы жить на Лунном терминале! Хотя и это не выход. Даже самая идеальная женщина не выдержит на станции долго. Это не значит, что Филлис стала бы

шлюхой или, скажем, спилась; скорее всего, она свихнулась бы от тоски.

Оставалось пять минут, когда он понял, что ненавидит Лунный терминал и вообще космос. Романтика межпланетных путешествий великолепно выглядит в детских книжках, но он-то знает — это прежде всего работа, монотонная и чреватая смертельными сюрпризами. Всплески адского труда и бездна утомительного ожидания. И никакой личной жизни.

Почему он не взялся за какую-нибудь нормальную работу, чтобы ночи проводить дома? Ответ прост. Потому что он космический извозчик, и стал им слишком давно, чтобы менять жизнь. И вообще, может ли начать сначала тридцатилетний женатый мужчина, привыкший к хорошему заработку?

Четыре минуты...

Он мог бы устроиться агентом по продаже вертолетов. Чем не профессия? Говорят, там платят хорошие комиссионные. Жаль, что его тошнит при одной мысли о такой карьере.

Вот если бы удалось купить участок орошаемой земли... Но что он понимает в выращивании моркови? Ровно столько же, сколько корова в извлечении кубических корней. Нет уж, ты сделал свой выбор, когда молоденьким новобранцем на учебных сборах возился с ракетами. А ведь мог стать инженером-электронщиком или поступить в военную академию. Теперь поздно жалеть, что по окончании службы он принялся возить с Луны руду для «Харриман Лунар Эксплуатейшнз».

— Все в порядке? — в голосе Келли звучала тревога.

Какого черта! До старта две минуты с секундами, а Келли лезет со своими вопросами! Он же знает, что нельзя отвлекать пилота перед стартом!

Джейк бросил взгляд в перископ, ему показалось, Антарес чуть-чуть сместился. Он освободил гироскоп, наклонил и раскрутил один из маховиков, резко остановив его через мгновение. Изображения вновь слились в одну точку. Джейк не мог бы объяснить, как он это сделал, его работа напоминала ловкие движения жонглера, которым невозможно выучиться по книгам.

Двадцать секунд... По шкале хронометра, отсчитывая секунды, ползла яркая искра. Пембертон напрягся, готовый продублировать старт или — если потребует ситуация или подтолкнет внутренний голос — отключить автопилот и отказаться от полета. Если он окажется перестраховщиком, это будет стоить ему летного звания, а безрассудная храбрость может обернуться гибелью его самого и других.

Но в эти секунды он не думал ни о званиях, ни даже о жизнях. Честно говоря, сейчас он вообще ни о чем не думал, а лишь ощущал корабль, словно его нервные окончания проросли в каждую пядь машины.

Пять секунд... — щелкнули реле предохранителей. Четыре секунды... три... две... одна...

Палец вдавил кнопку ручного старта одновременно с рывком проснувшихся двигателей.

Келли лежал, вдавленный в кресло стартовой перегрузкой, и наблюдал за действиями пилота. Пембертон спокойно проверял показания приборов, отмечая время и следя за движением корабля по экрану радара. Расчеты Вайнштейна, автопилот и сам корабль — все работало слаженно.

Еще через несколько минут автопилот должен вырубить тягу. Пембертон поставил палец на ручное отключение, следя сразу за радаром, дальномером, перископом и хронометром. Рев двигателей оборвался, и корабль перешел в режим свободного полета, направляясь в сторону Луны. Действия человека и автопилота были столь согласованы, что Пембертон сам не знал, кто выключил тягу.

Бросив последний взгляд на панель управления, он освободился от ремней.

— Капитан, помнишь, ты предлагал мне сигарету? И, кстати, можешь разрешить пассажирам отстегнуть ремни.

Никакого дублера в космосе не требуется, и большинство пилотов скорее поделились бы своей зубной щеткой, чем постом управления. Пилот работает около часа на старте и примерно столько же при посадке. В полете он просто бездельничает, убивая время рутинными проверками и корректировкой курса.

Пембертон собирался в течение ста **четырёх** часов заниматься едой, чтением, сочинением писем и сном, уделяя последнему занятию особое внимание.

Проснувшись в очередной раз, он проверил положение корабля и принялся писать жене:

«Филлис, дорогая. Я не виню тебя за вчерашнюю ссору. Я и сам был расстроен, что наш вечер прошел зря. Потерпи немножко, милая. Я должен вскоре получить регулярные рейсы, а через десять лет меня отправят в отставку, и у нас будет сколько угодно времени для бриджа, гольфа и всего остального. Я знаю, это трудно...»

Его прервал щелчок селектора.

— Ну-ка, Джейк, быстренько скорчи самую компанейскую рожу. Веду посетителя в пост управления.

— Никаких посетителей, капитан!

— Нет, Джейк. У этого болвана письмо от самого старика Харримана. «Окажите все возможное содействие...» и прочее в том же духе.

Мгновение Пембертон колебался, понимая, что обижать такую важную птицу не стоит.

— О'кей, капитан. Пусть зайдет ненадолго.

Визитером оказался мужчина — общительный и огромный: Джейк прикинул, что в нем примерно фунтов восемьдесят облагаемого штрафом веса. За ним следовала его тринадцатилетняя копия мужского пола. Ворвавшись в дверь, чадо немедленно бросилось к пульту управления.

Пембертон перехватил мальчишку и заставил себя вежливо произнести:

— Держись за эту скобу, иначе ты можешь разбить себе голову.

— Пусти меня! Пап, заставь его отпустить меня!

Капитан Келли поспешил вмешаться.

— Я думаю, судья, ему лучше держаться за скобу.

— М-мм, да, хорошо. Сынок, делай, как говорит капитан.

— Ого, смотри, пап, вот здорово!

— Судья Шахт, позвольте представить вам старшего пилота Пембертона, — быстро произнес Келли. — Он покажет все, что вас интересует.

— Рад познакомиться, пилот. Любезно с вашей стороны.

— Что бы вы хотели посмотреть, судья? — осторожно спросил Джейк.

— Как бы сказать... и то и се. Все, что может заинтересовать мальчугана. Это его первый рейс. Сам-то я старый космический волк, налетал, должно быть, больше часов, чем половина вашей команды, — он засмеялся.

Пембертон оставался серьезен.

— В свободном полете и смотреть-то нечего.

— Пусть. Мы просто посидим здесь. Хорошо, капитан?

— Я хочу в кресло пилота! — заявил юнец.

Пембертон протестующе замотал головой, но Келли произнес голосом, не терпящим возражений:

— Джейк, расскажи мальчику в общих чертах о системе управления, и мы сразу уйдем.

— Мне не надо ничего рассказывать. Я и так все знаю. Я — юный американский космонавт. Вы что, не видите значка?

Мальчишка, оттолкнувшись, поплыл к пульта. Пембертон подхватил его, усадил в кресло пилота и пристегнул ремни. Затем щелкнул тумблером.

— Что вы делаете?

— Обесточил пульт и объясню тебе его работу.

— Вы что же, не будете запускать двигатели?

— Их сейчас нельзя запускать, — и Джейк принялся быстро указывать на кнопки, циферблаты, переключатели, счетчики и прочие хитроумные приспособления, стараясь по возможности говорить попроще.

Малый скорчил недовольную гримасу.

— А вдруг в корабль попадет метеорит? — спросил он.

— Этого бояться не надо. У нас один шанс из миллиона встретиться в космосе с метеоритом. Метеориты — большая редкость.

— Да? А вдруг все-таки нарветесь? Вот вы и влипли.

— Я бы так не сказал. Специальный радар стережет нас в радиусе пятисот миль. Если что-то держится на постоянном пеленге в течение трех секунд, автоматиче-

ски запускаются двигатели. Сначала будет дан сигнал тревоги, чтобы люди могли ухватиться за что-нибудь прочное, а через секунду — бац! — мы пулей вылетаем из-под носа у любого метеорита.

— Что-то не верится. Вот я сейчас покажу, как это делает коммодор Картрайт из «Дикой кометы».

— Не трогай управление!

— А ты не командуй! Корабль не твой. Мой папа говорит...

— Послушай, Джейк... — услышав свое имя, Пембертон развернулся к Келли. — Судья Шахт хотел бы узнать...

Краем глаза Джейк засек, как мальчишка потянулся к контрольной панели. Джейк с криком развернулся, но двигатели уже гроыхнули, и на него обрушился удар, вызванный резким ускорением.

Опытный космонавт сродни кошке и при самом резком переходе от невесомости к ускорению успевает во что-нибудь вцепиться. Но Джейк вместо того, чтобы держаться самому, хватал мальчишку и мотался из конца в конец рубки, чудом изворачиваясь, чтобы не сбить Шахта. Потом ударился головой о раму кессонной двери и в полуобморочном состоянии был выброшен на нижнюю палубу.

Келли тряс его.

— Что с тобой?

Джейк сел.

— Все в порядке...

Он приходил в себя, ощущая дрожь палубы.

— Двигатели вырубил! — оттолкнув Келли, Джейк метнулся в рубку и ткнул в кнопку отключения. Упавшая тишина показалась не менее оглушительной, чем рев двигателей. Мгновенно вернулась невесомость.

Джейк повернулся, отстегнул ремни с Шахта-младшего и толкнул его к Келли.

— Капитан, убери это бедствие из моей рубки.

— Пусти! Пап, он хочет сделать мне больно!

Старший Шахт мгновенно ошетинился.

— Что это значит? Отпустите моего сына!

— Ваш драгоценный сынок включил двигатели!

— Детка, это правда?

Парень смутился.

— Нет, па, — ответил он. — Это... это был метеор!

Шахт был явно озадачен. Пембертон презрительно фыркнул.

— Он врет. Повторяет то, что я рассказывал минуту назад о противометеоритном радаре.

Шахт обдумал положение и вынес вердикт:

— Малыш никогда не врет. Стыдитесь, вы взрослый человек, а сваливаете свою вину на беспомощного мальчика. Я буду жаловаться на вас, сэр. Пошли, сынок.

Джейк схватил его за руку.

— Капитан, я требую, чтобы прежде, чем эти двое покинут пост, с панели управления сняли отпечатки пальцев. Не было никакого метеора, а управление было отключено, пока ваш парень не врубил его. К тому же противометеоритная система предварительно подает сигнал.

Шахт забеспокоился.

— Это нелепо. Я протестую против обвинения. Мой сын не причинил никакого вреда.

— Вы так уверены? А как насчет сломанных рук и шей? И топлива, что уже истрачено и которое еще предстоит истратить, чтобы вернуться на прежний курс? Известно ли вам, мистер «космический волк», сколько топлива нам потребуется для согласования орбит с Лунным терминалом? Скорее всего, ради спасения корабля нам придется сбрасывать груз, а одна только его перевозка обходится в шестьдесят тысяч долларов за тонну. Отпечатки пальцев подскажут арбитражной комиссии, с кого взыскивать убытки!

Когда они наконец остались одни, Келли озабоченно спросил:

— Ты что, действительно собираешься сбрасывать груз? У тебя же есть маневренный запас.

— Я не уверен, сможем ли мы вообще добраться до Терминала. Как долго работали двигатели?

— Не знаю, я сам потерял голову.

— Надо вскрыть акселерограф и уточнить.

Келли просветлел.

— Да, конечно! Если этот выродок не извел слишком много топлива, нам придется только развернуть корабль и включить двигатели на такой же срок.

Джейк покачал головой.

— Ты забыл, что у нас совсем другая масса.

— Ах, да...

Келли выглядел смущенным. Ведь в самом деле, изменились все характеристики корабля: масса, уменьшившаяся на вес сгоревшего топлива, курс, скорость. Прежней осталась только тяга. Возврат на старую баллистическую кривую казался почти невыполнимой задачей.

— Но ты попробуешь это сделать?

— Я должен. Хотя мне чертовски хочется, чтобы рядом был Вайнштейн.

Келли покинул пост управления и отправился к пассажирам, а Джейк принялся за работу. Необходимо было узнать курс, скорость и положение корабля. С помощью радара он определил все три показателя, хотя и с недостаточной точностью. Астрономические наблюдения Солнца, Луны и Земли дали ему координаты корабля, а курс и скорость, как и прежде, были известны лишь приблизительно. Проводить вторую серию наблюдений, чтобы определить все как следует, он уже не мог.

По имеющимся данным он оценил ситуацию, прибавив к расчетам Вайнштейна результаты вмешательства Шахта-младшего. Полученные величины неплохо согласовывались с наблюдениями, но ничего не сообщили о том, сможет ли он вернуться на прежнюю траекторию. Требовалось вычислить, хватит ли оставшегося топлива, чтобы сбросить скорость и согласовать орбиты.

В космосе нельзя считать, что ты добрался до цели путешествия, если примчался к финишу со скоростью несколько миль в секунду или пусть даже сотню миль в час. Состыковаться на такой скорости так же трудно, как подхватить тарелкой падающее яйцо, ничего при этом не разбив.

Джейк занялся расчетами, но маленький бортовой калькулятор не мог тягаться с многотонным компьютером перевалочной станции, а кроме того, Джейк не был Вайнштейном. Спустя три часа он получил ответ, который заставил его усомниться в правильности своих расчетов.

Джейк вызвал Келли.

— Капитан? Сброс груза можешь начинать с Шахта и сына.

— Я так и сделаю. Но сначала посмотри, нет ли другого выхода.

— Не думаю, что смогу доставить корабль на место без сброса. Лучше скинуть лишнюю массу сейчас, перед разгоном. Это обойдется дешевле.

Келли и сам понимал, что это лучший выход, хотя с куда большим удовольствием он дал бы руку на отсечение.

— Дай мне подумать, что выбросить.

— О'кей!

Пембертон вернулся к своим выкладкам, надеясь отыскать в них спасительную ошибку. Некоторое время он размышлял, потом вызвал радиорубку.

— Соедините меня с Вайнштейном, Нью-Йорк-Верх.

— Он вне прямой слышимости.

— Знаю. Говорит пилот Пембертон. Мне это нужно в интересах безопасности корабля. Обеспечьте связь направленным лучом и держите ее.

— Хорошо, сэр. Я попытаюсь.

Узнав, в чем дело, Вайнштейн растерялся.

— Что ты говоришь, Джейк? Я не смогу вести тебя.

— Не дрейфь, черт подери. Тебе не придется меня вести, ты будешь всего лишь решать задачки!

— А какой смысл в точности до седьмого знака, если исходные данные взяты с потолка?

— Сам знаю. Но ты ведь помнишь, какие у меня приборы и как я управляюсь с ними. А ты дай мне самый лучший ответ.

— Я попробую.

Через четыре часа Вайнштейн вышел на связь.

— Джейк! Принимай информацию. Ты хотел погасить скорость до расчетной, а затем сделать боковую коррекцию. Решение правильное, но неэкономное. Я заставил «Мэйбл» рассчитать все снова.

— Отлично!

— Не торопись. Так мы сэкономим мало топлива. Скорее всего, ты не сможешь вернуться на траекторию, не сбрасывая груза.

Пембертон молча проглотил новость, затем ответил:

— Я сообщу Келли.

— Подожди. Лучше попробуй решать с самого начала.

— Что-о-о?

— Выкинь за борт программу автопилота и забудь о том, что было раньше. Рассматривай маневр как совершенно самостоятельную задачу. У тебя есть скорость и координаты, вот исходя из них и ищи способ добраться до Терминала. Наплюй на старую траекторию и иди новым маршрутом.

Пембертон почувствовал себя дураком.

— Я как-то не подумал об этом.

— Разумеется. С твоей тарактелкой понадобилось бы недели три, чтобы рассчитать новую траекторию. Ты готов записывать?

— Конечно!

— Вот твои данные, — и Вайнштейн начал диктовать.

Когда они кончили сверку, Джейк спросил:

— Ты уверен, что выведешь меня куда надо?

— Я надеюсь на это. Если координаты, которые ты мне дал, абсолютно точны, если ты сможешь действовать верней, чем автомат, если ты стартуешь и совершишь стыковку безо всякой коррекции, то тогда ты, *может быть*, сумеешь просочиться домой. Повторяю: *может быть*. Но в любом случае желаю удачи... — помехи заглушили последние слова.

Джейк вызвал Келли.

— Отставить сброс, капитан. Пассажирам пристегнуться. Старт через четырнадцать минут.

— Хорошо, пилот.

После того как корабль вышел на новую орбиту, у Джейка опять появилось свободное время. Он вытащил неоконченное письмо, перечитал и порвал его.

«Дорогая моя Филлис, — снова начал он. — В этом полете я многое передумал и понял, что был упрямым дураком. Я думаю, с этим пора кончать. Я люблю свой дом, люблю видеть свою жену. Так зачем ради перевозки какого-то хлама рисковать собственной шеей и твоим спокойствием? Я не хочу больше сидеть у телефона и ждать вызова, чтобы везти на Луну всяких

твердолобых болванов. Из-за денег я мучил тебя и мучился сам. Я боялся рискнуть попробовать изменить свою жизнь. Вряд ли я найду другую работу, где мне станут платить хотя бы половину того, что здесь, но если ты согласна, я приземлюсь, и мы начнем все сначала. Я люблю тебя. Джейк.»

Он отложил письмо и отправился спать. Ему приснилось, будто банда юных ракетчиков взяла штурмом рубку управления.

Вид Луны с близкого расстояния чрезвычайно привлекателен для туристов, но Пембертон настоял, чтобы во время маневра пассажиры пристегнулись. Практически не имея запаса топлива, Джейк не хотел растягивать маневр ради удобства зевак.

Вскоре Терминал показался из-за края Луны и попал в поле зрения радара. Оптической видимости не было, поскольку «Летучий голландец» приближался к цели задом наперед. После каждого небольшого торможения Пембертон считывал показания радара, сравнивая реальное движение с кривой, вычерченной Вайнштейном. Одновременно с этим он следил за часами, за окуляром перископа, за схемой полета и индикатором топлива — и все это разом.

— Ну как, Джейк? — беспокоился Келли. — Получается?

— Откуда я могу знать? Будь готов к сбросу.

Еще прежде они договорились освободиться от жидкого кислорода, поскольку вылить его через внешние клапаны можно было автоматически.

— Не говори этого, Джейк.

— Да сгинь ты! Я ничего не буду сбрасывать ради собственного удовольствия...

Он нажал клавиши, рев двигателей обрубил конец фразы. Когда грохот смолк, раздался вызов из радиорубки.

— Говорит пилот «Летучего голландца»! — закричал Джейк.

— Управление Терминала. Нам сообщили, что у вас на исходе топливо.

— Абсолютно верно.

— Не приближайтесь. Мы согласуем скорости на орбите и вышлем заправщика и катер, чтобы забрать пассажиров.

— Не надо. Я смогу сесть и так.

— Не пытайтесь. Ждите заправщика.

— Не учите меня управлять кораблем! — Пембертон вырубил связь и склонился над пультом, насвистывая веселый мотивчик. Келли вспомнил слова песенки:

Закричал Кейси Джонс кочегару: Сигай!

Эти два паровоза отправляются в рай.

— Ты хочешь все-таки состыковаться?

— Э, нет. Только приблизиться. Я не могу рисковать, у меня на борту пассажиры. Но согласовать скорости на расстоянии пятьдесят миль, а потом ждать заправщика я не собираюсь.

Стараясь подойти к станции как можно ближе, он направлял корабль с небольшим упреждением, действуя чисто интуитивно, поскольку теперь цифры Вайнштейна ничего не значили. Прицелился он точно, тратить горючее на боковую коррекцию ему не пришлось. Теперь главное — не врезаться ненароком в Терминал. Когда Джейк уверился, что пройдет мимо станции, если двигатели вдруг не включатся, он последний раз тормознул. И как раз в тот самый момент, когда они кашлянули, зашипели и стихли.

«Летучий голландец» парил в космосе в пятидесяти ярдах от Терминала, скорости были согласованы.

Джейк вышел на связь.

— Терминал, примите швартовы. Я начинаю стыковку.

Джейк сдал рапорт, принял душ и направился к почтовому отделению, чтобы радировать на Землю письмо, когда по селекторной связи его вызвали в контору.

«О-хо-хо, — сказал он себе, — чует мое сердце, что Шах наябедничал. Интересно было бы узнать, сколько акций у этого враля? А на мне еще висит история с самовольной швартовкой.»

Явившись, он сухо доложил:

— Старший пилот Пембертон, сэр.

Коммодор Сомс взглянул на него.

— Пембертон? Прекрасно. Насколько мне известно, у вас права двух категорий: «космос—космос» и «безвоздушная посадка».

Что-то не так, подумал Пембертон и произнес:

— Я не собираюсь оправдываться за то, что случилось в последнем рейсе. Если коммодор не одобряет мои действия, я готов немедленно подать в отставку.

— О чем вы говорите?

— Разве у вас нет на меня жалобы?

— Ах, это! — Сомс отмахнулся. — Да, он был здесь. Но у меня есть рапорты Келли и вашего старшего механика, а также экстренное сообщение со станции Нью-Йорк-Верх. Вы показали высший пилотаж.

— Вы хотите сказать, что у Компании нет ко мне претензий?

— Неужели я когда-нибудь не мог отстоять своих пилотов? Вы были абсолютно правы. Я на вашем месте выкинул бы его к чертовой матери через воздушный шлюз. Однако к делу. Вы приписаны к маршруту «космос—космос», но мне надо отправить спецрейс в Луна-Сити. Не возьметесь ли вы за это... ради меня?

Пембертон молчал, не зная, что и сказать.

— Тот кислород, что вы спасли, предназначен для «Космических изысканий». У них нарушилась герметичность северного туннеля, потеряны тонны запасов. Каждый день простоя обходится им в сто тридцать тысяч долларов. «Гремлин» здесь, но пока не прибудет «Лунный нетопырь», у нас нет другого пилота. Так что вся надежда на вас. По рукам?

— Но, коммодор, вы не можете рисковать людьми, доверив мне посадку на дюзах. Я отвык. Мне надо пройти переподготовку.

— Никаких пассажиров, экипажа, капитана. Вы рискуете только своей шеей.

— Тогда я берусь.

Двадцать восемь минут спустя уродливый, но мощный «Гремлин» стартовал в направлении Луны. Полет начался с мощного рывка двигателей, достаточного, чтобы сойти с орбиты и начать падение на Луну. Затем вновь наступила полоса вынужденного безделья. Падать корабль мог и без его помощи, а до поверхности

Луны, когда понадобится точное торможение, еще далеко.

Настроение у него было прекрасным, но потом Джейк достал письма: свое, которое не успел отправить, и письмо от Филлис, пришедшее на Терминал.

Письмо от Филлис было поверхностно-нежным и бессодержательным. Она не вспоминала ни о размолвке, ни о его неожиданном отъезде. Она совершенно игнорировала его профессию. Письмо было образцом вежливости, и это ему не понравилось.

Он порвал оба письма и начал новое.

«...ты никогда этого не говорила, но я знаю, что ты ненавидишь мою работу. Чтобы обеспечить семью, я должен работать. У тебя тоже есть работа. Это очень старая профессия, ею женщины занимались от сотворения мира: вслед за мужьями пересекать в фургонах равнины, ждать возвращения кораблей из Китая, молча стоять возле шахты, где случился взрыв, на прощание целовать с улыбкой и с улыбкой заботиться о муже, когда он дома. Ты вышла замуж за космонавта, поэтому часть твоей работы состоит в том, чтобы бодро признавать важность моей службы и принимать меня таким, каков я есть. Думаю, ты справишься с этим занятием, когда поймешь все как следует. Я надеюсь на это, ведь то, что происходит сейчас, никому из нас не приносит радости. Поверь, я люблю тебя. Джейк».

Он вымучивал письмо, пока не наступило время посадки. На высоте двадцати миль он включил автопилот, а когда до Луны оставалась одна миля, перешел на ручное управление.

Скорость падения уменьшилась, но оставалась еще достаточно большой. Правильная безвоздушная посадка похожа на запущенный в обратную сторону старт ракеты: сначала свободное падение, а затем продолжительная работа реактивных двигателей и полная остановка корабля в момент касания поверхности. При этом пилоту нужно чувствовать свое падение. Если чересчур замедлить его, можно сжечь все топливо, а

опоздавший с включением двигателей рискует быть убитым перегрузками или разбиться...

Через сорок секунд, сохраняя скорость сто сорок миль в час, он поймал в перископ трехсотметровые башни Луна-Сити. Он резко затормозил, так что в течение секунды перегрузки составляли пять g , затем убавил тягу, остановившись на одной шестой — нормальное для Луны ускорение свободного падения. Чувствуя себя счастливым, он по каплям ослаблял тягу.

Пламя расплескивало камни, «Гремлин» парил, стоя на столбе огня, затем с достоинством, мягко, словно пушинка, опустился на грунт.

Наземная команда занялась кораблем. Герметичный мобиль подвез Пембертона ко входу в туннель. Здесь его ждали. Он еще не кончил заполнять рапорт, когда услышал, что его вызывают к аппарату. Сомс улыбнулся ему с экрана.

— Я наблюдал за посадкой, Пембертон. Переподготовка вам ни к чему.

Джейк смущенно покраснел.

— Спасибо, сэр.

— Если вы не слишком привязаны к маршруту «космос—космос», я мог бы предложить вам регулярные рейсы в Луна-Сити. Жилье в Луна-Сити или здесь. Ну как?

Он услышал собственный голос:

— Луна-Сити. Я согласен.

По дороге на почту Джейк порвал свое третье письмо. Подойдя к телефонной стойке, он попросил у блондинки в голубой лунной униформе:

— Пожалуйста, соедините меня с миссис Пембертон, Суброб, 64-03, Додж-Сити, Канзас.

Она окинула его взглядом.

— Вы, пилоты, любите тратить деньги.

— Иногда телефонный звонок оказывается дешевле письма. Будьте добры, поскорее, пожалуйста.

Филис подбирала слова для письма, которое, как она теперь понимала, надо было написать раньше. На

бумаге легче выразить, что она не жалуется ни на одиночество, ни на отсутствие простых человеческих радостей, но больше не может вынести ежеминутного напряженного ожидания, полного тревоги за его жизнь.

Но потом она поняла, что не способна правильно выразить то, что ее мучает. Она сама не знала, готова ли отказаться от Джейка, если он не бросит свой космос. Тут не найти логики! Телефонный звонок прозвучал как нельзя кстати.

Видеозэкран оставался пустым.

— Дальний, — раздался женский голосок. — Вызывает Луна-Сити.

У нее оборвалось сердце.

— Филлис Пембертон слушает.

Последовала бесконечная пауза. Она знала: радиоволнам требуется больше трех секунд, чтобы преодолеть расстояние от Земли до Луны и обратно, но сейчас она забыла об этом, да это и не успокоило бы ее. В воображении маячили жуткие картины: ее дом разрушен, она сама — вдова, а Джейк, ее любимый Джейк, — где-то в космосе мертвый.

— Миссис Пембертон?

— Да, да! Говорите же!

Вновь долгое ожидание.

Зачем она это сделала? Нельзя было отпускать его в рейс с плохим настроением. А теперь он умер там, думая, что она — ничтожная пустышка, заботящаяся только о своих удобствах. Она предала его в ту самую минуту, когда была особенно нужна ему. Она пыталась привязать его к своей юбке, словно маменькиного сынка, а взрослые мужчины не выносят такого обращения. Они должны уходить по своим мужским делам, и если пытаться их удерживать, они оборвут любые, самые прочные узы. Ведь она знала об этом с самого начала, еще мама предупреждала ее, чтобы она не смела этого делать.

Она молилась, слушая могильную тишину телефонной трубки.

И вот там раздался голос, разом смявший все страхи:

— Это ты, родная?

— Да, дорогой, да! Что ты делаешь на Луне?

— Длинная история. При тарифе доллар в секунду она может и подождать. Ответь только, хочешь ли ты приехать ко мне в Луна-Сити?

Теперь настала очередь Джейка страдать от запаздывания радиоволн. Вдруг Филлис настолько привыкла к размеренной жизни, что не решится бросить все и отправиться за ним в небеса? Наконец он услышал:

— Конечно, дорогой! Когда мне собираться?

— А разве ты не хочешь узнать — зачем?

Она принялась уверять, что это не важно, а потом все-таки попросила:

— Расскажи.

Радиоволны по-прежнему приходили с задержкой, но это уже было не важно. Он рассказал подробности и добавил:

— Съезди в Спрингс, попроси Ольгу Пирс оформить нужные бумаги. Тебе понадобится моя помощь, чтобы собраться?

Она не раздумывала.

— Нет, я справлюсь сама.

— Ты у меня умница. Я радирую тебе длинное письмо, что взять с собой. Я люблю тебя. А пока — до свидания.

— Я тоже тебя люблю! До свидания, дорогой!

Пембертон вышел из кабинки, насвистывая. Все-таки славная девочка его Филлис. Верная. Удивительно, как он мог сомневаться в ней?

РЕКВИЕМ

На одном из высоких холмов Самоа есть могила, и там, на надгробном камне, начертано:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —
Написать на мой плите гробовой:
*«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно».*

Эти же строки можно увидеть и в другом месте — они выцарапаны на регистрационной пластине от баллона со сжатым воздухом, которая приколата к грунту ножом.

Ничего особенного ярмарка из себя не представляла — бывают и лучше. Скачки тоже не обещали никаких сюрпризов, хотя, по уверениям организаторов, в нескольких заездах участвовали потомки знаменитых некогда скакунов. Палаток и лотков на площади было немного, да и сами торговцы выглядели довольно уныло.

Шоферу Д. Д. Харримана казалось, что останавливаться тут незачем, поскольку их ждали в Канзас-Сити на

«Requiem»

© А. Корженевский, перевод, 1993.

совещании совета директоров. Вернее, там ждали только Харримана, однако и у шофера были свои причины торопиться — веселая компания на Восемнадцатой улице. Тем не менее Харриман не только велел остановиться, но и решил задержаться.

За ипподромом располагался большой огороженный участок. Перед входом высилась полотняная арка, украшенная флагами. Красные с золотым буквы гласили:

Только у нас:
ЛУННАЯ РАКЕТА!!!

Хотите отправиться в полет?

Демонстрационные полеты дважды в день.

У нас **НАСТОЯЩАЯ РАКЕТА**, на такой же человек впервые достиг **ЛУНЫ!!!**

Не упускайте свой шанс — всего 50 долларов!!!

У входа, разглядывая рекламный щит, околачивался мальчишка лет девяти-десяти.

— Хочешь взглянуть на корабль, сынок?

Глаза у мальчишки заблестели.

— Еще бы, сэр. Конечно.

— Я тоже. Пошли.

Харриман заплатил за два розовых билетика доллар. С детской непосредственностью мальчишка выхватил у него из рук свой билет и, не оглядываясь, умчался вперед. Харриман подошел к ракете поближе и, окинув ее тупоносый обтекаемый корпус профессиональным взглядом, отметил, что это однодюзовая модель с маневровыми двигателями в центральной части. Затем, прищулив глаза за стеклами очков, прочел название корабля, выписанное золотыми буквами на празднично-красном корпусе: «Беззаботный». Заплатив еще двадцать пять центов, Харриман прошел в кабину управления.

Иллюминаторы были закрыты темными противорадиационными фильтрами, и, когда глаза привыкли к царившему в кабине полумраку, Харриман медленно, любовно прошелся взглядом по клавиатуре приборной консоли и расположенным полукругом над ней индика-

торам и экранам. Каждый прибор — на своем месте, и все до единого он знал по памяти, словно они были выгравированы у него в душе.

Охваченный теплым ностальгическим чувством, Харриман задумчиво разглядывал пульт управления, но тут в кабину вошел пилот и тронул его за руку.

— Прошу прощения, сэр, но нам пора отправляться в демонстрационный полет.

— А? — Харриман вздрогнул и посмотрел на вошедшего: симпатичный, черт — крупная голова, сильные плечи, глаза бесшабашные, чувственный рот, но волевой подбородок... — Да, извините, капитан.

— Ничего страшного.

— М-м-м... Я хотел спросить, капитан...

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, вы не возьмете в этот полет еще одного пассажира? — Старик с надеждой взглянул на капитана и даже чуть подался вперед.

— Разумеется, если вы желаете. Прошу за мной. — Он провел Харримана в павильончик у ограды, на дверях которого значилось: «Контора». — Пассажир на осмотр, док.

Харриман хотел было возразить, но все же позволил доктору прослушать его худощавую грудь стетоскопом, а затем застегнуть на руке резиновый бандаж. Спустя несколько секунд тот убрал прибор, взглянул на Макинтайра и покачал головой.

— Не судьба, док?

— Верно, капитан.

Харриман перевел взгляд с одного на другого и сказал:

— Но сердце у меня в порядке. Почти не болит.

Врач удивленно вскинул брови.

— Ой ли? Впрочем, дело не только в сердце. В вашем возрасте кости становятся хрупкими — слишком хрупкими, чтобы рисковать на перегрузках при взлете.

— Извините, сэр, — добавил капитан, — но Контрольная комиссия округа Бейтс платит доктору именно за то, чтобы он не допускал к полетам людей, которые могут пострадать при перегрузках.

Плечи старика поникли.

- Я в общем-то был готов к этому.
- Извините, сэр. — Макинтайр повернулся и вышел, но Харриман последовал за ним.
- Минутку, капитан...
- Да?
- Не согласитесь ли вы и ваш... э-э-э... бортинженер пообедать со мной после полета?
- Пилот взглянул на него с интересом.
- Почему бы и нет... Спасибо.

— Я никак не могу понять, капитан Макинтайр, что может побудить человека оставить маршрут Земля—Луна.

Жареные цыплята и горячие бисквиты в отдельном кабинете лучшего из отелей, которым мог похвастаться маленький городок Батлер, плюс выдержанное бренди и дорогие сигары создали идеальную атмосферу для откровенного разговора.

— Мы просто там не понравились.

— Да брось ты, Мак. Тебя же вышибли из-за правила «Джи», — сказал механик и налил себе еще бренди.

Макинтайр насупился.

— Ну подумаешь, выпил пару раз лишнего. В конце концов, для меня бросить — раз плюнуть. Но мне просто осточертели эти дурацкие правила... И вообще, кто бы говорил? Контрабандист!

— Ну и что? А кто бы не польстился, когда там эти камешки на каждом шагу валяются? Красотища! Они просто сами просятся на Землю. Один раз у меня был алмаз величиной... Да если бы меня не поймали, я бы сейчас сидел не здесь, а где-нибудь в Луна-Сити. И ты тоже, пьянь ты этакая... Представляешь: все нас угощают, девочки стреляют глазками и сами вешаются на шею... — Он уронил голову на стол и тихо всхлипнул.

Макинтайр потряс его за плечо.

— Набрался.

— Неважно. — Харриман махнул рукой. — Но скажите, вас в самом деле устраивает, что вы больше не работаете на лунных перевозках?

Макинтайр закусил губу.

— Он прав, конечно... Разумеется, нет. Этот балаган меня совсем не устраивает. Одно время мы перебрасывали всякий хлам вверх и вниз по Миссисипи — спали в туристских лагерях и постоянно ели какую-то дрянь. А теперь... В половине случаев местный шериф налагает на корабль арест, в остальных же обязательно находится Общество-Против-Того-Сего, которое, едва мы появимся, подает в суд, чтобы запретить наши полеты. Что ж это за жизнь для космического пилота?

— Если вы попадете на Луну, это поможет?

— Да... Пожалуй. Обрато на трассу Земля—Луна меня не возьмут. Но если бы я оказался в Луна-Сити, я бы устроился возить руду для Компании: у них вечно не хватает пилотов, и там мое прошлое никого не волнует. А со временем, если все будет чисто, меня бы даже взяли обратно на трассу.

Харриман задумчиво повертел в пальцах ложечку и поднял глаза.

— Джентльмены, вы готовы выслушать деловое предложение?

— Возможно. А в чем оно заключается?

— «Беззаботный» принадлежит вам?

— Да. В смысле, Чарли и мне. Правда, есть парочка долговых расписок, где он у нас стоит в обеспечение... А что?

— Я хотел бы арендовать корабль... чтобы вы с Чарли доставили меня на Луну.

Чарли рывком выпрямился.

— Ты слышал его, Мак? Он хочет, чтобы мы летели на этой старой калоше на Луну!

Макинтайр покачал головой.

— Ничего не выйдет, мистер Харриман. Развалюха не выдержит. Чтобы достичь скорости отрыва, нужно специальное горючее, а мы даже стандартную смесь не используем — только бензин и жидкий кислород. И то Чарли постоянно что-то там латает. Когда-нибудь эта рухлядь просто взорвется.

— Послушайте, мистер Харриман, — вставил Чарли, — а что мешает вам получить экскурсионное разрешение и отправиться туда кораблем Компании?

— Это не для меня, сынок, — ответил старик. — Пустой номер. Ты же знаешь условия, по которым

ООН передала Компании монопольное право на использование Луны. Ни один человек, чье физическое состояние вызывает сомнения, не может быть допущен в космос. Компания принимает на себя всю полноту ответственности за безопасность и здоровье любого гражданина Земли, находящегося за пределами стратосферы. Официально — чтобы избежать лишних жертв в первые годы освоения космического пространства.

— И у вас никаких шансов пройти медкомиссию?

Харриман покачал головой.

— Ну тогда... Если уж вы, черт побери, в состоянии позволить себе нанять нас, почему бы просто не подкупить кого-нибудь из медиков Компании? Это уже делалось, и не раз.

Губы Харримана изогнулись в печальной улыбке.

— Я знаю, Чарли, но тут тоже ничего не выйдет. Видишь ли, я для этого слишком известен. Меня зовут Делос Д. Харриман.

— Что? Тот самый Харриман?! Вот дьявольщина! Один из владельцев Компании! Да нет, что я говорю, вы же и есть Компания! За чем тогда дело? Для вас правила не писаны.

— Это весьма распространенное мнение, но оно, к сожалению, неверное. У богатых людей свободы отнюдь не больше, чем у других — скорее, меньше, намного меньше. Я уже пытался провернуть такой фокус, но остальные члены совета директоров мне просто не позволили. Они боятся нарушить условия ООН и потерять монопольное право. Ситуация и без того обходится недешево... Политические контакты и прочее...

— Чтоб я сдох! Ты что-нибудь понимаешь, Мак? У человека полно «капусты», а он не может ее потратить, как ему вздумается!

Макинтайр промолчал, ожидая, что скажет Харриман.

— Капитан Макинтайр, если бы у вас был корабль, вы бы взялись доставить меня на Луну?

Тот задумчиво потер подбородок.

— Это противозаконно.

— Но я могу очень хорошо заплатить.

— Конечно же, он возьмется, мистер Харриман! О чем речь, Мак? Вспомни: Луна-Сити и все такое... О Боже!..

— А почему вам так хочется на Луну, мистер Харриман?

— Дело в том, капитан, что это моя единственная настоящая мечта. С самого детства. Я даже не знаю, смогу ли это объяснить. Вы, молодые, росли вместе с освоением космоса, как я рос с развитием авиации. Я ведь намного старше вас, по крайней мере, лет на пятьдесят... Когда я был мальчишкой, почти никто не верил, что когда-нибудь люди достигнут Луны. Вам-то ракеты знакомы всю жизнь, и первый человек высадился на Луне, когда вы еще под стол пешком ходили. А когда я был в таком возрасте, люди просто смеялись над этой идеей. Но я верил. Все равно верил. Читал Уэллса, Жюль Верна, Смита и верил, что мы можем... нет, что мы обязательно будем на Луне. Еще тогда я решил, что непременно стану одним из тех, кто оставит на Луне свои следы, что увижу ее обратную сторону, увижу висящую над головой Землю... Помню, я ходил голодный, потому что деньги, которые мне давали на ленч, тратил, чтобы заплатить взносы Американскому ракетному обществу. Мне верилось, что я помогаю приблизить день, когда мы доберемся до Луны... Правда, когда этот день настал, я был уже стариком. Я прожил явно дольше, чем следовало, но я не могу умереть — не умру! — пока не побываю на Луне.

Макинтайр встал и протянул ему руку.

— Ищите корабль, мистер Харриман. Я готов.

— Молодец, Мак!.. Я же говорил, что он согласится, мистер Харриман.

По дороге до Канзас-Сити, которая заняла около получаса, Харриман, убаюканный легким покачиванием машины и собственными мыслями, то и дело погружался в тревожную стариковскую полудрему. словно неуловимые тени, всплывали и растворялись в памяти эпизоды его долгой жизни. Вот тот случай... Когда же это было?.. В 1910-м, пожалуй... Маленький мальчишка на улице теплой весенней ночью... «Что это, папа?» — «Комета Галлея, сынок». — «А откуда она взялась?» —

«Не знаю, сынок. Прилетела откуда-то издалека, должно быть». — «Как краси-и-во! Папа, я хочу ее потрогать». — «Боюсь, ничего не выйдет, сынок...»

Или... «Делос, ты хочешь сказать, что вложил все деньги, которые мы скопили на дом, в эту бредовую ракетную компанию?» — «Ну не горячись, Шарлотта. Никакая она не «бредовая» — это трезвый деловой расчет. Когда-нибудь — уже скоро — реактивные ракеты заполнят все небо. Корабли и поезда останутся в прошлом. Вспомни, наконец, что уготовила судьба людям, у которых хватило ума вложить деньги в дело Генри Форда!» — «Я эту песню уже слышала». — «Шарлотта, поверь мне, настанет день, когда люди вознесутся над Землей, достигнут Луны и даже других планет. Мы еще в самом начале пути». — «А кричать-то зачем?» — «Извини, но...» — «У меня опять начинается головная боль. Не шуми, пожалуйста, когда будешь ложиться спать».

Он тогда так и не лег. Всю ночь напролет просидел на веранде, глядя, как ползет по небу полная Луна. Утром придется расплачиваться за бессонную ночь, утром будут сердито поджатые губы жены, обиженное молчание, но он не уступит. В чем уютно, но только не в этом. И ночь будет его. Сегодня он один на один со своим старым другом...

Впрочем, ему даже не нужно видеть Луну перед собой, он и так знает все ее черты наизусть — море Кризисов, море Плодородия, море Спокойствия — как хорошо это звучит! — Апеннины, Карпаты, старый кратер Тихо с раскинувшимися в стороны таинственными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли по экватору. Неужели людям не под силу будет перекинуть мост на столь мизерное расстояние? Ведь вот она, Луна, почти рядом, за ветвями старого вяза — кажется, протяни руку, и дотронешься...

Однако он ничем не может помочь, не хватает образования.

«Делос, мне нужно серьезно с тобой поговорить». — «Да, мама». — «Я знаю, что ты надеялся поступить в следующем году в колледж...» (Надеялся! Он ради

этого только и жил! Сначала Чикагский университет, обучение под руководством Молтона, а затем Йеркс-ская обсерватория, работы у самого доктора Форста...) «...и я тоже надеялась. Но теперь, когда мы остались без папы, а девочки уже подрастают, нам очень трудно будет свести концы с концами. Ты — хороший сын и работал изо всех сил, чтобы помочь семье... Я знаю, что ты поймешь...» — «Да, мама».

«Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! СТРАТОСФЕРНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ПАРИЖА! Читайте экстренный выпуск!»

Худощавый невысокий мужчина в бифокальных очках выхватил у разносчика газету и заторопился обратно в контору. «Ты только посмотри, Джордж!» — «А? Да, любопытно, а что?» — «Да как же ты не понимаешь? Следующий шаг — Луна!» — «Ну и лопух же ты, Делос. Похоже, тебе вредно читать эти дрянные журнальчики. Я тут на прошлой неделе нашел у своего парня один такой — «Удивительные истории» или еще что-то подобное — и устроил ему хорошую взбучку. Твоим родителям следовало поступить так же». Харриман расправил узкие, уже поникшие к середине жизни плечи. «Но они будут на Луне!» Его партнер рассмеялся: «Как скажешь. Чем бы дитя ни тешилось... Однако ты лучше займись скидками и комиссионными — вот где нас ждут деньги!»

Длинная машина прошелестела по Пасео и свернула на бульвар Армор. Старик Харриман судорожно дернулся в полудреме и что-то невнятно пробормотал.

— Но мистер Харриман... — В глазах молодого человека с блокнотом промелькнуло беспокойство.

— Ты слышал, что я сказал, — проворчал старик. — Продавай. Я хочу обратить в наличные все мои акции, и как можно скорей: «Космические Пути», «Снабжение Космических путей», «Шахты Артемиды», «Развлечения в Луна-Сити» — все до единой.

— Но они сразу понизятся в цене. Вы не получите их полной стоимости.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Но я могу себе это позволить.

— А как насчет акций, которые вы собирались завещать обсерватории Ричардсона и стипендиальному фонду Харримана?

— Да, верно. Эти не продавай. Организуй передачу акций в попечительство соответствующих фондов. Давно это следовало сделать... Скажи молодому Каменсу, пусть подготовит необходимые документы. Он знает, что мне нужно.

Вспыхнул экран интеркома на столе.

— Джентльмены уже прибыли, мистер Харриман.

— Пригласите их. Это все, Эшли. За дело.

Выходя из кабинета, секретарь столкнулся в дверях с Макинтайром и Чарли. Харриман поднялся из-за стола и засеменил им навстречу.

— Входите, ребята, входите. Очень рад вас видеть. Усаживайтесь поудобней. Сигары. Угощайтесь.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Харриман, — признался Чарли. — Сказать по правде, нам просто необходимо было вас увидеть.

— Какие-то осложнения, джентльмены? — Харриман перевел взгляд с одного на другого.

— Ваше предложение по-прежнему в силе, мистер Харриман? — спросил Макинтайр.

— В силе? Разумеется. А вы часом не собрались на попятную?

— Ни в коем случае. Эта работа нам теперь просто необходима. Дело в том, что «Беззаботный» сейчас на дне реки Осейдж, и дюза маршевого двигателя у него лопнула до самого инжектора.

— Боже правый! Но вы не пострадали?

— Нет, разве что несколько царапин и синяков. Пришлось катапультироваться.

— Я даже поймал зубами какую-то рыбину, — добавил Чарли и фыркнул.

Однако спустя несколько минут они перешли к делу.

— Вам двоим придется купить для меня корабль. Сам я не могу сделать это в открытую: мои коллеги сразу же поймут, что я задумал, и попытаются мне помешать. Необходимые средства я предоставляю. Ваша задача — найти корабль, который можно будет переоснастить для полета на Луну. Придумайте убедитель-

ную легенду: мол, получили заказ на стратосферную яхту от какого-нибудь богатого бездельника, или собираетесь открыть туристский маршрут Арктика—Антарктика, словом, что-нибудь в этом духе. Главное, никто не должен заподозрить, что вы готовите корабль к перелету на Луну. Затем, когда Транспортный департамент выдаст вам лицензию на стратосферные полеты, вы посадите корабль в пустыне, где-нибудь на западе — я выберу подходящий участок земли и куплю его, — и дождетесь меня. После чего мы установим дополнительные баки для горючего, поменяем инжекторы, таймеры и все такое — короче, подготовим корабль к перелету. Ну как план?

Макинтайр с сомнением покачал головой.

— Та еще работенка... Как, по-твоему, Чарли, ты справишься с этим делом в полевых условиях?

— Я-то? Конечно, справлюсь, если ты не будешь отлынивать от работы. Дайте мне необходимые материалы и оборудование, и я все сделаю сам. Только не очень гоните. Разумеется, получится не бог весть как красиво, зато...

— Красота меня не интересует. Мне нужен корабль, который не разнесет на куски, когда я начну щелкать переключателями. Изотопное горючее — с ним шутки плохи.

— Не волнуйся, Мак, не разнесет.

— То же самое ты говорил и про «Беззаботного».

— Ну, это просто нечестно, Мак. Ей-богу, мистер Харриман... По «Беззаботному» давно уже свалка плакала, и Мак прекрасно это знает. Но сейчас все будет по-другому. Мы ведь не будем жалеть денег и сделаем все честь по чести. Верно, мистер Харриман?

Тот потрепал его по плечу.

— Верно, Чарли. Денег можешь тратить сколько угодно. Это наименьшая из наших проблем. И кстати, устраивает ли вас предложенное вознаграждение? Мне бы не хотелось, чтобы вы остались потом на мели...

— ...как вам известно, мои клиенты являются ближайшими родственниками мистера Харримана, и они озабочены исключительно его благосостоянием. Мы утверждаем, что поведение мистера Харримана за по-

следние несколько недель — и приведенные здесь доказательства подтверждают это — свидетельствует о старческом слабоумии, постигшем человека, известного некогда своими блестящими финансовыми операциями. Следовательно, мы с глубочайшим прискорбием просим уважаемый суд, надеемся он согласится с нами, объявить мистера Харримана недееспособным и назначить опекуна для соблюдения его финансовых интересов и финансовых интересов его будущих наследников и правопреемников. — Довольный собой адвокат сел на место.

Поднялся мистер Каменс.

— Если мой глубокоуважаемый коллега полностью закончил свое выступление, я, с позволения суда, замечу, что последними словами он практически подытожил суть выступления и обнажил его смысл. Финансовые интересы будущих наследников и правопреемников! Совершенно очевидно, что заявители убеждены, будто мой клиент должен вести свои дела таким образом, чтобы гарантировать его племянницам, племянникам и их потомкам ничем не заслуженное беззаботное существование до конца их жизни. Жена моего клиента умерла, и своих детей у них не было. Известно, что мистер Харриман всегда был щедр к своим сестрам и их детям в прошлом, и кроме того, он позаботился о ежегодных выплатах для ближайших родственников, не имеющих достаточных средств к существованию. Теперь же ближайшие родственники моего клиента, как стервятники — хуже, чем стервятники, потому что они даже не позволяют ему умереть спокойно, — решили воспрепятствовать его праву наслаждаться своим состоянием так, как ему заблагорассудится. Верно, он распродал все свои владения, но что же тут странного, когда пожилой человек решает отойти от дел? Верно, в результате этой финансовой операции он потерял какую-то часть своих средств, однако, как говорится, вещь стоит ровно столько, сколько за нее дают. Мой клиент решил уйти на покой и потребовал наличные — что же тут необычного? Я согласен, он отказался обсуждать свои действия с нежно любящими его родственниками. Но с каких это пор человек должен обсуждать со своими племянниками вообще что бы то ни было? Следовательно, мы просим глубокоуважаемый

суд подтвердить право моего клиента поступать со своей собственностью таким образом, как ему заблагорассудится, отклонить исковое заявление родственников клиента и указать им на то, чтобы они не лезли в дела, которые их не касаются.

Судья снял очки и в задумчивости протер стекла.

— Мистер Каменс, суд относится к свободе личности с не меньшим уважением, чем вы. Можете быть уверены, любое принятое решение будет полностью в интересах вашего клиента. Тем не менее люди действительно стареют, действительно порой впадают в старческие заблуждения, и в таких случаях они нуждаются в защите от самих себя. Я откладываю вынесение решения до завтра. Заседание суда закрывается.

«Канзас-Сити-Стар»:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА

«...не появился на последнем заседании суда. Судебные исполнители, направленные по адресам, где обычно бывает Харриман, вернулись с сообщением о том, что его никто не видел с предыдущего вечера. Вынесено постановление о неуважении к суду и...»

Закат в пустыне возбуждает аппетит не хуже, чем варьете в ресторане. Чарли убедительно доказал это, старательно подобрав куском хлеба последние остатки мясной подливки в тарелке, после чего Харриман протянул молодым людям по сигаре и взял одну сам.

— Мой врач утверждает, что это вредно для сердца, — заметил он, раскуривая сигару, — но, с тех пор, как я прибыл к вам сюда на ранчо, его рекомендации вызывают у меня серьезные сомнения. — Харриман выпустил облако серо-голубого дыма и продолжил: — Похоже, здоровье человека больше зависит не от того, что он делает, а от того, хочется ли ему это делать. Я вот сейчас делаю как раз то, что мне хочется.

— Чего же еще желать от жизни? — согласился Макинтайр.

— Как, ребятки, продвигается наша работа?

— У меня почти полный порядок, — ответил Чарли, — сегодня мы закончили повторные испытания новых баков и топливопровода. Все наземные проверки проведены, осталось только откалибровать датчики. Это быстро — всего часа на четыре, если ничего не случится. А как ты, Мак?

Макинтайр принялся загибать пальцы:

— Продукты и вода уже на борту. Три скафандра плюс один запасной и аварийные наборы. Медицинские припасы. Все, что необходимо для стратосферного полета, входило в комплектацию с самого начала. Пока не прибыло только навигационное оборудование для сближения с Луной.

— Будет тебе хвастаться, Колумб! — сказал Чарли. — Мы и так верим, что шляпой в стену ты не промахнешься. Надо понимать, ты готов отправиться прямо сейчас, а?

— Точно.

— Ну раз так, то я вполне могу провести калибровку и сегодня. Что-то я немного нервничаю — уж слишком гладко все шло до сих пор. Если ты мне поможешь, мы управимся еще до полуночи.

— Ладно, только сигару докурю.

Некоторое время они курили в молчании. Каждый думал о приближающемся полете и о том, что с ним связано. Харриман старался унять возбуждение, охватившее его при мысли о том, что мечта всей его жизни вот-вот осуществится.

— Мистер Харриман?

— А? Что, Чарли?

— Как люди становятся богатыми — вот, как вы, хотя бы?

— Богатыми? Трудно сказать. Я никогда не старался разбогатеть. Никогда не хотел ни богатства, ни известности, ни чего-либо еще в таком духе.

— Как это?

— Просто я хотел жить долго и все увидеть своими глазами. Впрочем, парней вроде меня было тогда много: мы сами мастерили радиоприемники, делали телескопы и строили аэропланы. У нас были научные клубы, подвальные лаборатории, научно-фантастические лиги — для таких, как мы, в одном номере «Электрического

экспериментатора» больше романтики, чем во всех книгах Дюма. Нам не хотелось разбогатеть, нет — мы просто мечтали строить космические корабли. И некоторым из нас мечта покорила.

— Да, судя по вашим словам, вы нескучно жили.

— Так оно и было, Чарли. Двадцатый век — век романтики и надежд, несмотря на все его трагедии. И с каждым годом жить становилось интереснее. Нет, я не хотел быть богатым, мне просто хотелось прожить до тех пор, когда человек отправится к звездам, и, бог даст, полететь на Луну самому. — Харриман осторожно стряхнул пепел в блюдо. — Я прожил хорошую жизнь. Мне не на что жаловаться.

Макинтайр оттолкнул кресло назад.

— Ладно, Чарли, если ты готов, то пошли займемся делом.

— О'кей.

Харриман тоже поднялся. Он хотел что-то сказать, но вдруг схватился за грудь, и лицо его стало смертельно бледным.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В нагрудном кармане.

Они уложили его на диван. Макинтайр отломил головку ампулы, обмотав ее платком, и сунул ампулу под нос Харриману. Аэрозольное лекарство, похоже, помогло, и щеки старика немного порозовели. Они сделали, что было в их силах, и теперь просто ждали, когда Харриман придет в себя.

Первым нарушил молчание Чарли.

— Мак, а может, бросить нам все это дело, а?

— Почему?

— Это же чистое убийство. Старик не выдержит стартовой перегрузки.

— Может, и не выдержит, но он сам этого хочет. Ты же его слышал.

— Но мы обязаны помешать ему.

— С какой стати? Это его жизнь, и ни ты, ни это вонючее правительство, которое всюду сует свой нос, не в праве запрещать человеку рисковать своей жизнью, если он действительно этого хочет.

— Все равно, мне как-то не по себе. Такой отличный старикан.

— Так чего ж ты хочешь? Отправить его обратно в Канзас-Сити, к этим старым гарпиям, которые засунут его в дурдом? Чтобы он умер там от тоски по своей мечте?

— Боже, нет!

— Ну тогда давай, дуй к ракете и готовь приборы к испытаниям. Я сейчас подойду.

На следующее утро в ворота ранчо въехал джип с широкими колесами и остановился перед домом. Из машины выбрался плечистый, крепкий мужчина с твердым, но добродушным лицом и обратился к Макинтайру, который вышел из дома навстречу.

— Джеймс Макинтайр?

— А в чем дело?

— Я — заместитель начальника полиции в здешних местах. У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— Действия, имеющие целью нарушить «Акт о безопасности космических полетов».

Тут из дома появился Чарли.

— Что за шум, Мак?

— А вы, надо полагать, Чарлз Каммингс? На вас тоже есть ордер. Плюс на человека по фамилии Харриман и судебное постановление опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет никакого космического корабля.

— А вон в том ангаре что?

— Стратосферная яхта.

— Да? Ну тогда за неимением корабля я опечатаю яхту. Где Харриман?

— А вон он. — Чарли указал рукой, не обращая внимания на мрачную гримасу Макинтайра.

Полисмен повернул голову. Чарли врезал ему, должно быть, точно в солнечное сплетение, потому что тот свалился как подкошенный.

— Черт бы его побрал, — обиженно пробормотал Чарли, потирая руку. — Тот же самый палец, что я уже сломал один раз, когда играл в баскетбол. Вечно ему достается...

— Быстро давай старика в кабину,— перебил его Макинтайр, — и пристегни его к противоперегрузочному гамаку.

— Слушаюсь, капитан.

Они прицепили ракету к тягачу, вывезли ее из ангара, развернули и двинулись подальше от дома. Затем забрались в кабину. В правый иллюминатор Макинтайр заметил очухавшегося полицейского — тот беспомощно смотрел им вслед.

— Все в порядке, Чарли?

— Да, капитан. Но мы не можем взлететь, Мак. У корабля нет названия!

— У нас нет времени на твои суеверия!

Тут раздался слабый голос Харримана:

— Назовите его «Лунатик». Лучше и не придумаешь.

Макинтайр откинул голову на противоперегрузочную подушку, нажал две клавиши, затем сразу же еще три, и «Лунатик» взлетел.

— Ну как ты тут, папаша?

Чарли встревоженно глядел в лицо Харримана. Тот облизал губы и с трудом произнес:

— Все в порядке, сынок. В лучшем виде.

— Ускорение закончено. Теперь будет полегче. Я тебя развяжу, чтобы ты мог шевелиться, но пока тебе лучше оставаться в гамаке.

Он потянул за пряжку ремня, и Харриман коротко простонал.

— Что такое, папаша?

— Ничего. Все нормально. Но полегче с этим боком.

Чарли пробежался по его боку пальцами, легкими, уверенными прикосновениями опытного механика, отыскивая повреждения.

— Тебе меня не перехитрить, папаша. Но тут уж до самой посадки я ничем не смогу помочь.

— Чарли...

— Да?

— Ты можешь передвинуть меня к иллюминатору? Я хочу увидеть Землю.

— Пока еще смотреть не на что. Она под кораблем. Но как только мы развернемся, я тебя передвину. А

сейчас, пожалуй, дам тебе снотворного и разбужу, когда мы развернемся.

— Я не буду спать!

— Как скажешь, папаша.

Чарли, словно обезьяна, пробрался в нос корабля и ухватился за крепление пилотского кресла. Макинтайр посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Жив, — ответил Чарли, — но не в лучшей форме.

— Что с ним?

— Два ребра сломаны точно, а уж что там еще, я не знаю. И неизвестно, протянет ли он до конца полета, Мак. Сердце у него совсем ни к черту.

— Он выдержит, Чарли, не беспокойся. Крепкий старикан.

— Крепкий? Да он, как канарейка — еле-еле душа в теле.

— Я о другом. Он духом крепкий, а это важнее.

— Ладно. Но если ты хочешь, чтобы после посадки команда была в полном составе, тебе нужно будет садиться о-о-очень мягко.

— Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и пойду по сужающейся спирали. Горючего у нас, думаю, хватит.

Теперь они двигались без ускорения. Когда Макинтайр развернул корабль, Чарли вернулся к Харриману, отцепил гамак и перенес его к боковому иллюминатору. Макинтайр зафиксировал «Лунатика» в положении дюзами к Солнцу, затем дал короткий тангенциальный импульс двумя расположенными в середине корабля маневровыми двигателями — корабль начал вращаться вокруг своей оси, создавая слабое подобие гравитации. Период невесомости, наступивший по окончании первого этапа полета, вызвал у старика, как это обычно бывает, тошноту и головокружение, и Макинтайру хотелось избавить своего пассажира по крайней мере от этих неудобств.

Но сам Харриман почти не замечал собственного состояния.

Ведь вот он, космос, — все, как ему представлялось раньше. Луна, величественно проплывающая в

иллюминаторе, только гораздо больше, чем он когда-либо видел с Земли, и все ее знакомые черты различимы теперь так ясно, словно они вырезаны на камее. Затем корабль поворачивался, и в поле зрения появлялась сама Земля — да, именно так он видел ее в своих мечтах: огромный диск благородного небесного тела, будто спутник неведомой планеты; во много раз больше Луны, видимой землянам, во много раз ярче и несравненно красивее. Чарующая, манящая красота... К Атлантическому побережью Америки приближался закат, граница тени прорезала северную часть континента, пересекала Кубу и почти целиком, кроме западного побережья, скрывала Южную Америку. Харриман наслаждался ясной голубизной Тихого океана, ощупывал размытую зелень и мягкие коричневые тона материков, восторженно взирал на холодные бело-голубые полярные шапки. Канаду и северные штаты закрывали облака, зона низкого давления расплзлась почти на весь континент, но чистая белизна отраженного от облаков света радовала глаз даже больше, чем полярные снега.

Корабль продолжал вращаться, Земля уплывала из поля зрения, и в иллюминаторе появились звезды — те же, знакомые с Земли звезды, только яркие, немигающие, на фоне абсолютной, почти живой черноты. Затем снова появилась Луна и вновь овладела мыслями...

Харриман был безмятежно счастлив; такое счастье редко дается даже людям, прожившим долгую жизнь. Он чувствовал себя так, словно в нем соединились сразу все люди, жившие когда-то на Земле, заглядывавшиеся на звезды и мечтавшие.

Тянулись долгие часы полета, а он все смотрел и смотрел, иногда впадая в полудрему и видя сны. Один раз он, должно быть, и в самом деле уснул либо провалился в болезненное забытие, потому что проснулся, услышав голос Шарлотты, своей жены: «Делос! Ну-ка немедленно иди домой! Ты что, хочешь простудиться и умереть?!».

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, действительно хорошей. Харриман не сомневался, что, умирая, она жалела только об одном — о том, что некому будет о нем позаботиться. И не ее вина, что ей не дано было разделить его мечту, его тягу к звездам.

Когда они пошли над обратной стороной Луны, Чарли приладил гамак к правому иллюминатору. Харриман разглядывал знакомые по тысячам фотоснимков черты лунной поверхности с каким-то ностальгическим восторгом, как будто его ждало возвращение на родину. Вскоре они вновь очутились над обращенной к Земле стороной, и Макинтайр медленно снизился, готовясь к посадке на востоке от моря Плодородия, в десяти милях от Луна-Сити.

Учитывая обстоятельства, посадка прошла не так уж плохо. Макинтайр садился без наводок с поверхности и без второго пилота, который следил бы за радаром. Стараясь опустить корабль помягче, он увлекся маневром и промахнулся миль на тридцать в сторону от намеченной точки, но тем не менее сделал все, что было в его силах. Их все-таки потряхнуло, хотя и несильно.

Когда осела взметенная дюзами пыль, в рубке появился Чарли.

— Как там наш пассажир? — встревоженно спросил Макинтайр.

— Сейчас погляжу, но ручаться ни за что не стану: это не самая лучшая твоя посадка, Мак.

— Черт поberi, я и так сделал все, что мог!

— Я знаю, капитан. Не обращай на меня внимания.

Пассажир был жив и в сознании, хотя из носа у него текла кровь, а на губах пузырилась розовая пена. Он безуспешно пытался выбраться из гамака, и Чарли с Макинтайром вдвоем освободили его наконец от ремней безопасности.

— Где скафандры? — спросил Харриман первым делом.

— Спокойно, мистер Харриман. Вам нельзя выходить в таком состоянии. Сначала мы должны оказать вам первую помощь.

— К черту первую помощь! Скафандры!

Они молча подчинились. Левая нога у Харримана почти не двигалась, и им пришлось сопровождать его через шлюз и по трапу. Но на Луне он весил всего фунтов двадцать, так что это было нетрудно. Они отыскали место в пятидесяти ярдах от корабля и усадили Харримана спиной к камню, чтобы он видел окрестности.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему старика и сказал:

— Мы оставим вас пока здесь наслаждаться пейзажем, а сами подготовимся к переходу до города. Это не так далеко, миль сорок, но надо взять запасные баллоны с воздухом, питание и все такое. Мы скоро вернемся.

Харриман молча кивнул.

Он сидел, почти не шевелясь, и только гладил руками лунный грунт рядом с собой, с удивлением ощущая, как слабо его тело давит на поверхность. В сердце его наконец-то воцарился покой. Боль куда-то ушла. Он исполнил свою мечту и попал туда, куда стремился всю жизнь. Над горизонтом, словно гигантский зелено-голубой спутник, висела Земля в последней четверти. Еще выше сияло с черного, усыпанного звездами неба Солнце. А под ним была Луна, сама Луна. Он на Луне, черт побери!

Харриман откинулся назад, каждой своей клеточкой ощущая накативший, словно прилив, покой.

На мгновение он задумался, и ему снова показалось, что кто-то зовет его по имени. Глупо, подумал Харриман, я стар, и мне мерещится всякая всячина...

В кабине корабля Чарли и Мак прилаживали к носилкам заплечные ремни.

— Отлично, — сказал Макинтайр, — сойдет. Надо привести старика. Пора двигаться.

— Я его принесу, — ответил Чарли. — Он почти ничего не весит.

Чарли отсутствовал дольше, чем ожидал Макинтайр, и вернулся один. Макинтайр подождал, пока он закроет шлюзовую камеру и снимет шлем.

— Что случилось?

— Носилки можно оставить, капитан. Они нам уже не понадобятся. — Он помолчал, потом добавил: — Старик умер. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча наклонился и поднял с пола широкие лыжи для передвижения по лунной пыли. Чарли сделал то же самое. Затем они закинули на плечи запасные баллоны с воздухом и вышли из корабля.

Наружный люк шлюзовой камеры так и остался открытым.

ДОЛГАЯ ВАХТА

«Девять кораблей взметнулись с Лунной Базы. Вскоре восемь из них образовали сферу, в центре которой был девятый — самый маленький. Этот строй они сохраняли на всем пути до Земли.

На маленьком корабле виднелась эмблема адмирала, однако на нем не было ни одного живого существа. Это был даже не пассажирский корабль, а радиоуправляемая ракета, предназначенная для радиоактивного груза. В этом рейсе у нее на борту был один лишь свинцовый гроб и гейгеровский счетчик, который ни на минуту не утихал».

(Из передовой статьи «Десять лет спустя», пленка 38. 17 июня 2009 г. Архивы «Нью-Йорк таймс».)

I

Джонни Далквист выпустил на гейгеровский счетчик струю дыма. Горько усмехнулся и снова выпустил дым. Все его тело было теперь радиоактивно. Даже его дыхание, дым его сигареты могут заставить взвыть гейгеровский счетчик.

Как долго он здесь находится? На Луне время течет незаметно. Два дня? Три? Неделю? Он мысленно огля-

---

«The Long-Watch»

© М. Ермашева, перевод, 1993.

нулся назад: вспомнил момент, когда его вызвал заместитель начальника, сразу же после утреннего завтрака...

— Разрешите доложить. Лейтенант Далквист.

Полковник Тауэрс поднял глаза:

— А, Джон Эзра! Садитесь, Джонни. Сигарету?

Джонни сел, заинтригованный и польщенный. Он восхищался полковником Тауэрсом — его выправкой, умением командовать, боевыми заслугами. Сам Джонни не имел боевых заслуг, он был произведен в офицеры после того, как получил степень доктора ядерной физики. Теперь он состоял младшим бомбардиром Лунной Базы.

Полковник заговорил о политике; Джонни это озадачило. Наконец Тауэрс дошел до существа вопроса: небезопасно, сказал он, оставлять в руках политиков власть над миром. Она должна принадлежать избранной группе. Короче говоря, Лунному Дозору.

Далквиста удивили не столько эти слова, сколько сам факт такого разговора между ним и полковником. Сама по себе мысль Тауэрса казалась разумной. Лига Наций распалась — разве не может случиться то же с Организацией Объединенных Наций? А что тогда? Новая мировая война.

— Но вы ведь знаете, Джонни, как ужасна была бы такая война?

Далквист с этим согласился. Тауэрс был доволен. Он так и сказал, что Джонни понял суть дела. Старший бомбардир и сам мог справиться, но лучше, если в таком деле будут участвовать оба специалиста.

Резким движением Джонни выпрямился.

— Вы действительно собираетесь что-то сделать в этом отношении? — Он полагал, что начальник хотел только побеседовать.

Тауэрс улыбнулся:

— Мы не политики, мы не занимаемся разговорами, мы действуем!

Джонни свистнул.

— Когда это начнется? — спросил он.

Тауэрс щелкнул выключателем. Джонни был ошеломлен, услышав свой собственный голос: это была

запись беседы, происходившей в столовой для младших офицеров — тот самый политический спор. Ему пришлось тогда быстро уйти, и слава богу... Но то, что за ним шпионили, его возмутило.

Тауэрс выключил аппарат.

— Мы уже действуем, — сказал он. — Мы знаем, кто надежен, а кто нет. Возьмите Келли... — Он указал рукой на громкоговоритель. — Келли политически неблагонадежен. Вы заметили, что его не было за завтраком?

— О! Я думал, что он на вахте.

— Для Келли вахты кончились. Успокойтесь, с ним все в порядке.

Джонни немного подумал.

— А в каком списке значусь я? — спросил он. — Я надежен или ненадежен?

— Рядом с вашим именем стоит знак вопроса. Но я все время говорил, что на вас можно положиться. — На его устах играла покоряющая улыбка. — Вы ведь не подведете меня, Джонни?

Далквист не отвечал; тогда Тауэрс сказал резко:

— Ну так как же — что вы думаете об этом? Говорите!

— Что ж, по-моему, вы переоценили свои силы. Если это и верно, что Лунная База может держать Землю в своей власти, то сама Лунная База тоже очень удобная мишень. Одна бомба и — бац!

Тауэрс взял со стола радиограмму и протянул ее Джонни; там было: «У МЕНЯ ВАШЕ ЧИСТОЕ БЕЛЬЕ. ЗАК».

— Это означает, — сказал Тауэрс, — что все бомбы на «Трюгве Ли» выведены из строя. Мною получены рапорты со всех кораблей, которые могли бы нам угрожать. — Он поднялся. — Подумайте над этим и зайдите ко мне после завтрака. Майору Моргану понадобится ваша помощь, чтобы изменить управляющие частоты бомб.

— Управляющие частоты?

— Разумеется. Чтобы не допустить их блокировки радиопомехами до того, как они достигнут своих объектов.

— Что? Но ведь вы сказали, что ваша цель — *пре-
отвратить войну!*

Тауэрс сделал отрицательный жест.

— Не будет никакой войны — всего лишь психоло-
гическая демонстрация: один-два незначительных горо-
да. Маленькое кровопускание, для того чтобы избе-
жать всеобщей войны. Простая арифметика. — Он по-
ложил руку на плечо Джонни. — Вы ведь не щепе-
тильны, иначе вы не были бы бомбардиром. Смотрите
на это, как на хирургическую операцию. И подумайте о
вашей семье.

— Сэр, я хотел бы видеть командующего.

Тауэрс нахмурился.

— Коммодора видеть нельзя. Вы знаете, что я гово-
рю от его имени. Зайдите ко мне после завтрака.

Коммодора действительно видеть было нельзя; ком-
модор был мертв. Но Джонни этого не знал.

Далквист вернулся в столовую, сел и закурил сига-
рету. Впрочем, он тут же встал, смял окурочек и направи-
лся к западному шлюзу Базы. Там он надел свой
скафандр и подошел к часовому.

— Откройте, Смитти!

На лице часового отразилось удивление.

— Я никого не могу выпустить на поверхность без
разрешения полковника Тауэrsa, сэр. Разве вы этого
не знаете?

— О да! Дайте мне вашу приказную книгу. — Дал-
квист взял книгу, сам выписал себе пропуск и подписал
его: *По приказу полковника Тауэrsa.* — Позвоните на-
чальнику и проверьте, — добавил он.

Часовой прочитал приказ и сунул книгу в карман.

— О нет, лейтенант. Вашего слова достаточно.

— Вам не хочется беспокоить начальника? Я вас
понимаю.

Джонни вошел в камеру, запер внутренний люк и
подождал, пока оттуда вытянет воздух.

Выйдя на поверхность Луны, он прищурился от яр-
кого света и поспешил на станцию космических ракет:
там его ждала машина. Он протиснулся в нее, спустил
колпак и нажал пусковую кнопку. Ракетная машина
взвилась к холмам, юркнула между ними и выбралась
на равнину, усеянную управляемыми ракетами, как

именинный пирог свечками. Затем она стремительно нырнула в туннель и помчалась сквозь холмы. Джонни вдруг ощутил щемящую боль в желудке от падения скорости — и машина остановилась у подземного склада атомных бомб.

Он вылез из машины и включил свой приемник-передатчик. Часовой, стоявший в скафандре у входа, взял оружие наизготовку.

— Доброе утро, Лопес, — сказал Далквист, прошел мимо часового к воздушной камере и отворил дверь.

— Эй, — окликнул его часовой, — никто не должен входить туда без приказа начальника. — Он опустил ствол, порывлся в походной сумке и вытащил какую-то бумагу. — Читайте, лейтенант!

Далквист отстранил бумагу.

— Я сам составил этот приказ. Это *вы* читайте его, вы его неправильно поняли.

— Как же так, лейтенант?

Далквист взял у него из рук бумагу, взглянул на нее, затем указал на одну строчку:

— Видите? «За исключением лиц, особо назначенных начальником» — а это бомбардиры, майор Морган и я.

Часовой казался встревоженным.

— Посмотрите в вашем уставе, черт возьми, — продолжал Далквист. — Найдите «особо назначенные» — это в пункте «Помещение для бомб. Безопасность. Процедура...» Не говорите мне, что вы забыли устав в казарме!

— О нет, сэр! Устав при мне.

Часовой сунул руку в сумку. Далквист протянул ему приказ; часовой, после минутного колебания, прислонив оружие к бедру, взял в левую руку бумагу, а правой стал искать в сумке устав.

Далквист схватил оружие и, ударив часового, сбил его с ног. Затем он отшвырнул оружие в сторону и проскользнул в воздушную камеру. Захлопывая дверь, он увидел, как часовой с трудом поднялся и потянулся за пистолетом. Наглухо запирая внешнюю дверь, Джонни почувствовал дрожь в пальцах: в дверь ударила пуля.

Он бросился к внутренней двери, рывком повернул рычаг, впускающий в шлюз воздух, вернулся к внешней и всем своим телом налег на ее ручку. Он сразу почувствовал, что часовой поднимает ее кверху; лейтенант тянул ее вниз, но ручка медленно поднималась.

Воздух из бомбового погреба через клапан втягивался в камеру. Далквист ощутил, как скафандр на его теле стал оседать, когда давление в камере начало уравниваться с давлением в скафандре. Он перестал напрягаться и позволил часовому поднять ручку двери. Теперь это уже не имело никакого значения: тринадцать тонн воздушного давления держали дверь на прочном запоре.

Внутреннюю дверь, ведущую в бомбовый погреб, Джонни закрепил так, чтобы она не могла захлопнуться. До тех пор, пока дверь открыта, камера не будет функционировать — никто не сможет войти.

Перед ним в бомбовом погребе рядами лежали атомные бомбы, по одной для каждой управляемой ракеты, на достаточно большом расстоянии одна от другой, чтобы предупредить малейшую возможность внезапной цепной реакции. Это были самые смертоносные штуки во всей Вселенной, и все они были поручены его заботам. Джонни встал между ними и каждым, кто вздумал бы ими злоупотребить.

И все же теперь, когда он уже здесь, у него еще нет никакого плана, никакого понятия о том, как он сможет использовать свое временное преимущество.

Вдруг из громкоговорителя раздался голос:

— Эй! Лейтенант! Что происходит? Вы сошли с ума?..

Далквист не отвечал. Пусть Лопес стоит там в полной растерянности — тем больше у него останется времени, чтобы принять какое-нибудь решение. У него, Джонни Далквиста, будет столько минут, сколько он сможет выиграть. Лопес продолжал шуметь. Наконец он замолчал.

Джонни преследовал одну цель: любыми средствами не допустить, чтобы бомбы — его бомбы! — были использованы для «маленького кровопускания». Но что делать дальше?

Что ж, во всяком случае, Тауэрс не сможет проникнуть через камеру. Джонни будет сидеть здесь хоть до второго пришествия!

Но не обольщайся, Джон Эзра! Тауэрс сможет попасть сюда. Немного взрывчатки под внешнюю дверь — воздух сразу вытянет, и наш мальчик Джонни потонет в крови своих разорвавшихся легких, а бомбы по-прежнему будут лежать невредимыми. Они изготовлены так, чтобы выдержать полет с Луны на Землю; вакуум не нанесет им никакого вреда.

Джонни решил оставаться в скафандре, взрывное снижение давления ему вовсе не улыбалось. Пожалуй, лучше все-таки умереть от старости.

Или же они могут просверлить дыру, выпустить воздух и открыть дверь. Что еще? Тауэрс может также построить новую камеру, за стенами старой. Хотя вряд ли — ведь успех *coup d'état* всегда зависит от быстроты действий. Тауэрс почти наверняка изберет самый быстрый путь — взрыв. И Лопес, вероятно, сейчас уже вызывает Базу. Тауэрсу понадобится пятнадцать минут, чтобы переодеться и прибыть сюда. Здесь он, возможно, еще немного поторгует, а затем — вжжж! И партия окончена.

Пятнадцать минут...

Через пятнадцать минут бомбы могут попасть в руки заговорщиков; за пятнадцать минут он должен их обезвредить.

Атомная бомба — это всего лишь две или больше частей разъединенного вещества, например, плутония; отдельно они не более взрывчаты, чем фунт масла; быстро соединенные, они взрываются. Все сложности в механизмах, электронных цепях и в заряде взрывчатки, используемых, чтобы соединить их в одно целое — точно в нужное время и в нужном месте.

Электрические цепи — «мозг бомбы» — легко разрушить, но саму бомбу разрушить трудно как раз ввиду ее простоты. Джонни решил расколоть «мозг» и сделать это быстро!

У него под рукой были лишь простые инструменты, применяемые при обращении с бомбами. Кроме бомб, в помещении были еще гейгеровский счетчик, громкоговоритель, приемник-передатчик, телевизионная уста-

новка для связи с Базой — и больше ничего. Бомбу, с которой работали, обычно брали в другое место не из-за опасности взрыва, а чтобы поменьше подвергать персонал радиации. Радиоактивный материал бомб скрыт в «набивке», в этих бомбах «набивкой» было золото. Оно задерживает альфа- и бета-лучи и в значительной мере смертельную гамма-радиацию, но не нейтроны.

Увертливые, отравляющие нейтроны, выделяемые плутонием, должны вырываться на свободу, в противном случае произойдет цепная реакция и — взрыв. Все помещение было затоплено незримым, почти неуловимым дождем нейтронов. Помещение было нездоровое; в нем полагалось оставаться как можно меньше времени.

Гейгеровский счетчик небольшим потрескиванием отмечал фоновую радиацию, космические лучи, следы радиоактивности в коре Луны и вторичную радиоактивность, вызванную нейтронами. Свободные нейтроны имеют опасное свойство заражать все, на что они попадают, возбуждая всюду радиоактивность, будь то бетонная стена или человеческое тело. Со временем это помещение пришлось бы оставить.

Далквист повернул ручку гейгеровского счетчика — аппарат перестал потрескивать. При помощи ограничительного контура он оставил влияние фоновой радиации на том уровне, который был сейчас в помещении. Это еще раз напомнило ему, как опасно здесь оставаться. Он вынул чувствительную пленку; когда он сюда вошел, она была чистой. Теперь конец пленки уже слегка потемнел. Посредине пленку пересекала красная линия. Теоретически, если носитель пленки в течение недели подвергается достаточно большой дозе радиации, способной затемнить пленку вплоть до этой линии, то он, как напомнил себе Джонни, «конченный человек».

Неуклюжий скафандр полетел в сторону. Сейчас главное — как можно скорее кончить дело и сдаться: лучше попасть в тюрьму, чем оставаться в столь «горячем» месте.

Джонни, задержавшись лишь на секунду, чтобы выключить телекамеру, схватил с полки для инструментов молоток и принялся за работу. С первой бомбой ему

было трудно: когда он начал разбивать обшивочный лист «мозга», пришлось остановиться, чтобы превозмочь тягостное чувство: он всю жизнь чтит тонкую аппаратуру.

Собравшись с духом, он размахнулся — звякнуло стекло, металл издал скрежещущий звук. Настроение Джонни изменилось; он начал ощущать постыдное удовольствие от разрушения. Теперь он с энтузиазмом размахивал молотком, раскалывал, разрушал!

Джонни был так поглощен своим делом, что сначала даже не услышал, как его окликнули:

— Далквист! Отвечайте! Вы там?

Джонни вытер с лица пот и посмотрел на телевизионный экран. С него таращил глаза встревоженный Тауэрс.

Тут только Джонни увидел, что он успел уничтожить всего лишь шесть бомб. Неужели они схватят его до того, как он кончит? О нет! Он должен довести дело до конца. Выкручивайся, малыш, выкручивайся!

— Да, полковник! Вы меня звали?

— Разумеется, звал! Что все это значит?

— Мне очень жаль, полковник.

Выражение лица Тауэрса стало немного спокойнее.

— Включите вашу камеру, Джонни, я вас не вижу. Что это был за шум?

— Камера включена, — соврал Джонни. — Она, вероятно, испортилась. Шум? О, сказать правду, полковник, я тут принимаю меры, чтобы никто не мог сюда войти.

После минутного колебания Тауэрс твердо сказал:

— Я могу лишь допустить, что вы больны, и послать вас к врачу. Но я требую, чтобы вы вышли оттуда сейчас же. Это приказ, Джонни.

Джонни медленно проговорил:

— Сейчас я не могу, полковник. Я пришел сюда, чтобы принять решение, и я еще не успел этого сделать. Вы велели зайти к вам после завтрака.

— Я полагал, что вы будете у себя.

— Да, сэр, но я подумал, что должен стоять на страже у бомб, на тот случай, если я решу, что вы не правы.

— Это не вы должны решать, Джонни. Я ваш начальник. Вы дали присягу повиноваться мне.

— Да, сэр.

Все это лишь потеря времени: полковник, эта старая лиса, может быть, уже послал сюда отряд.

— Но я дал также присягу охранять мир. Не могли бы вы приехать сюда и обсудить это со мной? Я не хотел бы поступить неправильно.

Тауэрс улыбнулся.

— Прекрасная идея, Джонни. Ждите меня там. Я уверен, что вы поймете, в чем тут дело. — Он выключил телепередатчик.

«Ну вот, — сказал про себя Джонни, — надеюсь, ты уверен, что я помешался, коварное ты ничтожество!» Он схватил молоток, стремясь использовать выигранные минуты.

Но он почти сразу же остановился: его вдруг осенило, что разрушить «мозг» недостаточно. Запасных «мозгов», правда, не было, но на складе хранился большой запас нужных материалов, и Морган мог бы изготовить временные цепи управления для бомб. Да и Тауэрс сам мог бы это сделать — правда, не очень искусно, но они все же действовали бы.

Ему придется разрушить сами бомбы, и не более чем за десять минут!

Но бомба — это массивный кусок металла, прочно стянутый большим стальным обручем. Он не может разрушить бомбы. Во всяком случае, за десять минут.

Проклятье!

Разумеется, тут есть один выход. Он хорошо знал цепи управления и знал также, как вывести их из строя. Взять хоть вот эту бомбу: если он вынет предохранительный стержень, отключит дистанционный взрыватель, закоротит задержки, руками включит цепь, ставящую бомбу на боевой взвод, затем отвинтит *здесь* и соединит *там* — тогда он сможет при помощи одной только длинной проволоки взорвать бомбу.

А там он взорвет и другие, и саму долину, — и все полетит прямо в царство небесное!

А с ними и Джонни Далквист, вот так!

Джонни одновременно и думал, и делал. Все, кроме самого последнего шага — взрыва. Готовая к взрыву

бомба, казалось, угрожала: она будто присела перед прыжком. Он поднялся весь в поту.

Он спрашивал, хватит ли у него мужества, чтобы взорвать себя; не струсит ли он в последнюю минуту, и надеялся, что воля его не покинет. Он сунул руку в карман куртки и вынул фотографии Эдит и дочери. «Милая, — сказал Джонни, — если я выберусь отсюда, я даже на красный свет никогда не поеду». Он поцеловал фотографию и положил ее обратно в карман. Теперь не оставалось ничего другого, как ждать.

Почему задерживается Тауэрс? Джонни хотел удостовериться, что полковник находится в зоне взрыва. «Забавная ситуация — я сижу здесь, готовый поднять его на воздух!» Эта мысль развеселила его — она вызвала другую, более приятную: «Зачем взрывать себя живым?»

Был другой способ все уладить — управление «мертвой руки»: приспособить все таким образом, чтобы бомба не взорвалась до тех пор, пока он держит руку на выключателе, или рычаге, или на чем-либо подобном!

Тогда, если они взорвут дверь или застрелят его, все полетит к черту!

Еще лучше было бы удержать их этой угрозой — раньше или позже должна прийти помощь: Джонни был уверен, что большая часть Дозора не участвует в этом отвратительном заговоре. И вот тогда — Джонни торжественно прибывает домой! Какая встреча! Он уйдет в отставку и устроится преподавателем: он выстоял свою вахту.

Джонни опять напряженно думал. Собрать электрический замыкатель?.. Нет, слишком мало времени. Он сделает простое механическое сцепление. Но едва только он взялся за это, как громкоговоритель снова окликнул его:

— Джонни!

— Это вы, полковник? — Пальцы Джонни продолжали быстро работать.

— Впустите меня.

— Ну нет, полковник, такого уговора не было! — Что бы такое найти, черт возьми, что могло бы послужить длинным рычагом?

— Я войду один, Джонни, даю вам слово. Мы поговорим без свидетелей.

Его слово!

— Мы можем говорить через громкоговоритель, полковник. — Эврика! Вот оно — металлическая линейка, свисающая с полки для инструментов.

— Джонни, я предупреждаю вас! Впустите меня, или я взорву дверь!

Проволоку! Ему нужна проволока, достаточно длинная и крепкая. Он сорвал со своего скафандра антенну.

— Вы этого не сделаете, полковник. Это разрушит бомбы.

— Вакуум не повредит бомбам. Не морочьте голову.

— Лучше посоветуйтесь с майором Морганом. Вакуум не повредит им, но мгновенное снижение давления в результате взрыва разрушит все цепи.

Полковник не был специалистом по бомбам, он за-
тих на несколько минут. Джонни продолжал работать.

Наконец Тауэрс заговорил:

— Далквист, это была наглая ложь. Я проверил у майора Моргана. Даю вам шестьдесят секунд, чтобы вы надели скафандр, если он снят. Я намерен взорвать дверь.

— Нет, вы этого не сделаете! — крикнул Джонни. — Вы когда-нибудь слышали об управлении «мертвой рукой»? — Теперь надо быстро найти противовес и ремень!

— Что вы имеете в виду?

— Я приспособил номер семнадцать, чтобы взорвать вручную. Но я устроил так, что бомба не взорвется, пока я держусь за ремень. Если же со мной что-нибудь случится, все взлетит в воздух! Вы находитесь примерно в пятидесяти футах от центра взрыва. Подумайте об этом!

На миг наступила тишина.

— Я вам не верю!

— Нет? Спросите Моргана. Он поверит. Он может проверить это на телевизионном экране. — Джонни привязал пояс от своего комбинезона к концу линейки.

— Вы сказали, что ваша телекамера испорчена.

— Я соврал. Теперь я докажу вам это. Пусть меня вызовет Морган.

Вскоре на экране появилось лицо майора Моргана.

— Лейтенант Далквист?

— Эй, Вонючка! Подожди секунду! — С большой осторожностью Далквист сделал последнее соединение, продолжая держать в руке линейку. Все так же осторожно он скользнул рукой по ремню и, зажав в руке его конец, сел на пол, вытянул руку и включил телевизионный экран. — Ты меня видишь, Вонючка?

— Вижу, — ответил Морган сухо. — Что это за вздор?

— Маленький сюрприз, который я вам приготовил.

Джонни начал объяснять все: какие цепи он выключил, какие закоротил, как он временно приспособил механическое сцепление, — все в точности, как было на самом деле.

Морган кивнул.

— Это блеф, Далквист. Я уверен, что ты не разъединил цепь «К». У тебя не хватит духу взорвать себя.

Джонни коротко рассмеялся.

— Разумеется, нет. Но в этом вся прелесть. Я не могу взлететь, пока я жив. Если ваш грязный босс, экс-полковник Тауэрс, взорвет дверь, я буду мертв, и бомба взорвется. Мне будет уже все равно, но ему — нет. Скажи это Тауэрсу. — Он выключил передатчик.

Вскоре Тауэрс снова заговорил через громкоговоритель:

— Далквист?

— Я вас слушаю.

— Вам нет никакой надобности губить свою жизнь. Выходите, и вы получите отставку с сохранением полного жалованья. Вы сможете вернуться к вашей семье. Обещаю вам.

Джонни был взбешен.

— Оставьте мою семью в покое!

— Подумайте о них, Далквист.

— Замолчите. Идите назад в вашу дыру. Мне хочется почесаться! И может случиться так, что вся эта лавочка обрушится вам на голову!

II

Джонни вздрогнул и выпрямился. Хотя он и задремал, его рука не отпустила ремень: у него мурашки

пробежали по спине, когда он подумал о том, что могло произойти.

Может быть, ему следует обезвредить бомбу и положить на то, что они не посмеют его вытащить? Но шея изменника Тауэрса уже в петле, он способен рискнуть. Если бы он это сделал, а семнадцатая была обезврежена, Джонни был бы мертв и Тауэрс завладел бы всеми бомбами. Нет, он уже зашел слишком далеко и ради нескольких минут сна не допустит, чтобы его девочка выросла при военной диктатуре.

Он услышал потрескивание гейгеровского счетчика и вспомнил, что использовал ограничительный контур. Радиоактивность в помещении, наверное, все увеличивается, может быть, еще от того, что разбиты «мозговые» цепи — ведь приборы, несомненно, радиоактивны: они достаточно долго были близко к плутонию. Он вынул из кармана контрольную пленку.

Темная зона распространилась в сторону красной черты.

Джонни сунул пленку обратно. «Лучше найди выход из тупика, приятель, — сказал он себе, — или будешь светиться, как циферблат часов на ночном столике!» Это была чистая риторика — зараженная живая ткань не светится, она просто медленно умирает.

Телевизионный экран снова зажегся, появилось лицо Тауэрса.

— Далквист? Я хочу поговорить с вами.

— Проваливайте!

— Надо признать, вы поставили нас в неприятное положение.

— Неприятное? Черт, я заставил вас остановиться.

— На время. Я принимаю меры, чтобы достать другие бомбы.

— Вы лжец!

— Но вы нас задерживаете. Я хочу сделать вам предложение.

— Оно меня не интересует.

— Погодите. Когда все это кончится, я буду главой Всемирного правительства. Если вы станете сотрудничать со мной, даже теперь, после всего, что вы натворили, я сделаю вас главой администрации.

Джонни грубо посоветовал Тауэрсу, что ему следует сделать со своим предложением.

— Не будьте идиотом, — прошипел Тауэрс, — что вы выиграете, если умрете?

— Какой же вы негодяй, Тауэрс! Вы говорили о моей семье. Уж пусть лучше они умрут, чем будут жить под властью такого копеечного Наполеона, как вы. Ну, а теперь убирайтесь — мне надо кое о чем подумать.

Тауэрс выключил телепередатчик.

Джонни снова достал свою пленку. Затемненная часть как будто не увеличилась, но настойчиво напоминала, что пора уходить. Он испытывал голод и жажду — и не мог же он вечно оставаться без сна! Четыре дня потребуется, чтобы прислать корабль с Земли, раньше этого ему нечего ожидать спасения. А он не проживет четырех дней: как только затемнение распространится за красную черту, наступит смерть.

Его единственный шанс — разрушить бомбы настолько, что их нельзя будет восстановить, и выбраться отсюда до того, как пленка затемнится еще сильнее.

Он прикинул, как это сделать, затем взялся за работу. Повесил груз на ремень, привязал к нему шнур. Если Тауэрс взорвет дверь, он дернет ремень, прежде чем умереть.

Существовал простой, хотя и опасный способ уничтожить бомбы настолько, что Лунная База не сможет их восстановить. Сердцевину бомбы составляли два полушария из плутония, их плоская поверхность была гладко отполирована, чтобы сделать возможным полное соприкосновение: только в таком случае может быть вызвана цепная реакция, от которой зависит атомный взрыв.

Джонни начал разбивать первую бомбу на части.

Ему пришлось отбить четыре массивных выступа, затем расколоть стеклянную оболочку вокруг внутренней аппаратуры. После этого бомба легко распалась. Наконец перед ним лежали два блестящих, гладких как зеркало полушария.

Удар молотком — и одно из них перестало быть столь совершенным... Еще удар, и второе полушарие треснуло, как стекло.

Несколько часов спустя Джонни, смертельно усталый, вернулся к подготовленной к взрыву бомбе. Заставляя себя оставаться спокойным, он с чрезвычайной осторожностью обезвредил ее. Вскоре два ее серебри-

стых полушария тоже были приведены в негодность. Теперь в погребе больше не оставалось ни одной исправной бомбы. А вокруг на полу были разбросаны огромные богатства в виде самого ценного, самого ядовитого и самого смертоносного металла из ныне известных.

Джонни посмотрел на эти разрушения. «Скорей в скафандр и прочь отсюда, малыш! — проговорил он вслух. — Интересно, что теперь скажет Тауэрс?»

Он направился к полке, чтобы повесить молоток. Когда он проходил мимо гейгеровского счетчика, тот бешено затрещал. Гейгеровский счетчик вряд ли реагирует на плутоний, но вызванная плутонием радиоактивность на него действует. Джонни посмотрел на молоток, затем поднес его к гейгеровскому счетчику. Счетчик взревел.

Джонни отбросил молоток и поспешил обратно к своему скафандру.

Когда он поравнялся со счетчиком, тот снова бешено затрещал.

Джонни остановился.

Вытянув руку, он приблизил ее к счетчику. Щелканье превратилось в рев. Не двигаясь с места, Джонни сунул руку в карман и вытянул свою пленку.

Она была вся черная, из конца в конец.

III

Губительные частицы, проникая в тело человека, быстро достигают костного мозга. Тут уж ничто не поможет — жертва обречена. Нейтроны, излучаемые плутонием, устремляются сквозь тело, ионизируя ткань, превращая атомы в радиоактивные изотопы, разрушают и умертвляют его. Роковая доза ничтожно мала — массы в десятую часть крупинки столовой соли более чем достаточно, она может проникнуть через ничтожную царапину. Во времена исторического «Манхэттенского проекта» немедленная ампутация рассматривалась как единственно возможный способ оказания первой помощи.

Джонни все это знал, но это уже не тревожило его. Он сидел на полу, курил сигарету и думал. В голове Джонни проносились события его долгой вахты.

Он выпустил струю дыма на счетчик и невесело усмехнулся, услышав, как счетчик ответил усиленным треском. Теперь даже дыхание его было «горячим» — углерод, наверное, превратился в радиоактивный изотоп, углерод 14, и выделяется из его крови как двуокись углерода. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Сдаваться уже не было никакого смысла, да ему и не хотелось доставлять Тауэрсу такое удовольствие — он закончит свою вахту именно здесь. Кроме того, пусть они думают, будто одна бомба готова к взрыву, это помешает им захватить сырье, из которого изготавливаются бомбы. Это может в конце концов сыграть решающую роль.

Без удивления он принял тот факт, что не чувствует себя несчастным. Ему было приятно, что он не испытывает более никакой тревоги. Он не ощущал боли и даже не испытывал голода. Физически он чувствовал себя все еще хорошо. В душе его был покой. Но он был мертв — он знал, что уже мертв, хотя еще некоторое время был в состоянии ходить и дышать, видеть и чувствовать.

Джонни не испытывал тоски. Он был не один, его окружали друзья: мальчик, затыкающий пальцем отверстие в дамбе; полковник Боуи, слишком больной, чтобы двигаться самому, но требующий везти его через границу; умирающий капитан «Чесапика» все с тем же бесмертным вызовом на устах; Роджер Янг, всматривающийся во мрак. Они собрались вокруг него в темном бомбовом погребе.

И, разумеется, тут была Эдит. Она была единственная, чье присутствие он ощущал всегда. Джонни хотелось бы более ясно видеть ее лицо. Она сердится? Или она гордится им и довольна?

Она гордится, хоть и несчастна, — теперь он видит ее лучше и даже чувствует прикосновение ее руки.

Он сидел очень тихо. Сигарета догорала, обжигая кончики его пальцев. Он сделал последнюю затяжку, снова выпустив дым прямо на счетчик, и смял окуроч. Это была его последняя сигарета. Он собрал несколько окурков, скрутил еще одну из бумажки, найденной в кармане, осторожно закурил ее и уселся поудобнее, ожидая, когда снова покажется Эдит. Он был счастлив.

Он все еще сидел, прижимаясь к корпусу бомбы; последняя его сигарета лежала погасшая возле него, когда вновь ожил громкоговоритель.

— Джонни? Эй, Джонни! Ты меня слышишь? Это Келли. Все кончено. Прибыл «Лафайет», и Тауэрс пустил себе пулю в лоб. Джонни! *Ответь мне!*

...Когда они отворили наружную дверь, первый из вошедших держал впереди себя на длинном шесте гейгеровский счетчик. Он остановился на пороге и быстро попятился назад.

— Эй, начальник, — позвал он. — Лучше достаньте носилки, а заодно уж — и свинцовый гроб...

«...Четыре дня понадобилось маленькому кораблю и его эскриту, чтобы достигнуть Земли. Четыре дня, в продолжение которых все люди на Земле ожидали его прибытия. В течение девяноста шести часов были отменены все обычные телевизионные программы — вместо них передавалась бесконечная панихида: похоронный марш из "Саула", тема "Валгаллы", "Возвращаемся на родину" и песня Лунного Дозора "Покидаем орбиту".

...Девять кораблей приземлились в ракетном порту Чикаго. Радиоуправляемый трактор-манипулятор вытаскивал гроб из маленького корабля; после этого корабль снова заполнили горючим и, выбросив его за пределы Солнечной системы, взорвали, чтобы он никогда не мог послужить менее возвышенной цели.

...Панихида продолжалась, пока гроб везли в городок в штате Илинойс, где родился лейтенант Далквист. Там гроб был поставлен на пьедестал, окруженный барьером, переступать который было небезопасно. В карауле была космическая гвардия — винтовки к ноге, с опущенными головами. Толпа людей стояла вокруг. А панихида все продолжалась.

...Бесчисленные цветы увяли, и прошло много-много времени до того, когда свинцовый гроб заделали в белый мрамор. Такой вы и видите эту могилу сегодня.»

ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!

В колонизации Луны участвовали как люди, подверженные клаустрофобии, так и люди, подверженные агорафобии. Хотя лучше было бы назвать их любителями открытого пространства и любителями закрытого пространства, потому что отправляющимся в космос людям лучше не иметь никаких фобий, то есть страхов. Если человека может напугать что-либо, находящееся на планете, внутри нее, либо в пустых пространствах вокруг планет, ему лучше оставаться на матушке-земле. Тот, кто хочет зарабатывать на жизнь вдали от Земли, должен сознательно идти на то, чтобы его заперли в тесном космическом корабле, должен знать, что корабль может стать его гробом, и тем не менее не страшиться открытых пространств космоса. Космонавты — люди, которые *работают* в космосе; пилоты, механики, астронавигаторы и другие — это те, кому нравится иметь вокруг себя несколько миллионов миль пустоты.

С другой стороны, колонисты должны уютно чувствовать себя и внутри планеты, где они, словно кроты, роют свои норы.

«Gentlemen, Be Seated».

© И. Оранский, перевод, 1993.

Во второй раз оказавшись в Луна-Сити, я направился в обсерваторию Ричардсона, чтобы посмотреть на телескоп и раскопать какую-нибудь историю, публикация которой покрыла бы мои расходы на отпуск. Я гордо продемонстрировал удостоверение гильдии журналистов, наговорил кучу комплиментов, и в результате местный казначей согласился побыть моим гидом. Мы пошли по северному туннелю, который прокладывали к предполагаемому месту установки короноскопа.

Путешествие оказалось скучным — мы ехали на скутере по ничем не примечательному туннелю, останавливались у герметических дверей, проходили сквозь шлюзы, садились на другой скутер, и все начиналось заново. Мистер Ноулз разбавлял тишину хвалебными отзывами по поводу строительства.

— Все это временно, — объяснял он. — Когда мы пророем второй туннель, мы соединим все напрямик, уберем шлюзы, в этом туннеле установим движущуюся дорожку, идущую на север, в другом — дорожку, идущую на юг, и все путешествие будет занимать менее трех минут. Все будет как в Луна-Сити — или на Манхэттене.

— Почему бы не убрать шлюзы сейчас? — поинтересовался я, когда мы проходили через очередной из них — кажется, уже седьмой по счету. — Ведь давление по обе стороны одинаковое.

Ноулз как-то странно взглянул на меня.

— У этой планеты есть одна особенность — надеюсь, вы не станете использовать этот факт для того, чтобы сочинить сенсационную статью?

— Слушайте, — с раздражением ответил я. — Я надежен настолько же, насколько надежен любой писака, но если в этом проекте что-то не так, лучше прямо повернуть назад и забыть о нем раз и навсегда. Цензуру я не люблю.

— Полегче, Джек, — мягко сказал он, в первый раз назвав меня по имени, что я сразу отметил, но тем не менее проигнорировал. — Никто не собирается подвергать цензуре то, что ты напишешь. Мы рады сотрудничать с журналистами, но Луна и так уже пользуется весьма дурной славой — которой она не заслуживает.

Я молчал.

— В любой инженерной работе заложен определенный риск, — настойчиво продолжал он, — и есть свои преимущества. Наши люди не болеют малярией, и им не надо пристально смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на гремучую змею. Я покажу тебе цифры, доказывающие, что с учетом всех факторов гораздо безопаснее быть кессонщиком на Луне, чем перебирающим бумажки клерком где-нибудь в Де-Мойне. Например, на Луне люди крайне редко ломают себе кости, поскольку здесь очень низкая гравитация — в то время как в Де-Мойне клерк рискует всякий раз, когда залезает в ванну и вылезает из нее.

— Ну хорошо, — прервал его я, — место здесь безопасное. Так в чем же секрет?

— Место действительно безопасное. Что доказывают статистические выкладки, причем сделанные не нашей компанией и не торговой палатой Луна-Сити, а лондонской страховой компанией «Ллойдс».

— И тем не менее здесь есть никому не нужные шлюзы. Зачем?

Он помялся и затем произнес:

— Колебания почвы.

Колебания почвы. Землетрясения — в смысле, лунотрясения. Я посмотрел на проносящиеся мимо стены, и мне очень захотелось в Де-Мойн. Кому охота оказаться похороненным заживо, но если это произойдет на Луне, у вас не будет ни единого шанса выжить. Неважно даже, насколько быстро доберутся до вас спасатели — ваши легкие к тому моменту просто-напросто разорвутся. Воздуха-то здесь нет.

— Это случается не так уж часто, — продолжал Ноулз, — но мы должны быть готовы ко всему. Ты ведь знаешь, что масса Земли в восемьдесят раз превышает массу Луны и приливной эффект здесь в восемьдесят раз превышает возникающий под воздействием Луны приливной эффект на Земле.

— Подождите-ка, — остановил я его. — На Луне нет воды. Так при чем здесь приливы?

— Для возникновения приливного напряжения вода совсем не обязательна. Не думай об этом — просто прими все как есть. В результате мы получаем неурав-

повешенное напряжение. Которое может вызвать колебания почвы.

— Понятно, — кивнул я. — Раз на Луне все должно быть загерметизировано, вам приходится опасаться колебаний почвы. А шлюзы ограничат число человеческих жертв.

И я начал представлять себя в качестве такой жертвы.

— И да и нет. Шлюзы сыграют большую роль в том случае, если что-нибудь произойдет — но пока ничего не происходило, и это место вполне безопасно. Поначалу они давали нам возможность вести работы при нулевом давлении в какой-нибудь из секций туннеля, не трогая остальные. Но вдобавок ко всему каждый шлюз — это временное гибкое соединение. Конструкции небольших размеров можно соединять жестко, и они выдержат колебания почвы, но для туннеля это не подходит, начнутся утечки. На Луне сложно создать эластичную перемычку.

— А почему нельзя использовать резину? — настойчиво спросил я. Я несколько нервничал и потому был склонен поспорить. — Дома у меня есть обычный автомобиль, на счетчике которого двести тысяч миль, но я ни разу не менял шин с тех пор, как их загерметизировали в Детройте.

Ноулз вздохнул.

— Мне следовало прихватить с собой одного из наших инженеров, Джек. Летучие вещества, благодаря которым резина сохраняет мягкость, в вакууме выкипают, и резина становится жесткой. То же самое происходит и с эластичными пластмассами. При низкой температуре они становятся хрупкими, как яичная скорлупа.

Пока Ноулз говорил, скутер остановился, и как только мы из него вышли, то столкнулись с шестью мужчинами, появившимися из соседнего шлюза. Одеты они были в скафандры — точнее, специальные герметические костюмы, потому что вместо кислородных баллонов у них были дыхательные шланги, а солнечные фильтры отсутствовали. Шлемы были откинuty назад, головы просунуты сквозь расстегнутую спереди молнию, и возникало странное впечатление, словно у них по две головы.

— Эй, Конски, — окликнул одного из них Ноулз.

Тот повернулся. Росту в нем было сантиметров сто девяносто, но даже для своих габаритов весил он слишком много. Я прикинул, если брать по земным меркам, получалось что-то под сто пятьдесят килограммов.

— А, мистер Ноулз, — обрадовался он. — Неужели вы хотите сообщить мне о повышении зарплаты?

— Ты и так зарабатываешь слишком много, Конски. Познакомься, это Джек Арнольд. Джек, это Толстяк Конски — лучший кессонщик на четырех планетах.

— Только на четырех? — поинтересовался Конски. Он высунул из костюма правую руку и обхватил ею мою. Я сказал, что рад с ним познакомиться, и попробовал вернуть свою руку обратно, пока он не успел ее изуродовать.

— Джек Арнольд хочет посмотреть, как вы герметизируете туннели, — продолжал Ноулз. — Пойдешь с нами.

Конски начал разглядывать потолок.

— Вообще-то, мистер Ноулз, я только что закончил смену.

— Толстяк, ты настоящий стяжатель и вообще негостеприимный человек, — ответил Ноулз. — Ну ладно — полуторная ставка.

Конски повернулся и начал разгерметизировать дверь.

Открывшийся за дверью туннель очень напоминал предыдущий, только в нем не было рельсов для скутера и постоянного освещения — с потолка свисали закрепленные на проводах лампы. А метров через триста-четыреста мы увидели перегородку и в ней круглую дверь.

— Это передвижная перемычка, — объяснил Толстяк, перехватив мой взгляд. — За ней воздуха нет, все работы ведутся здесь.

— Могу я посмотреть, что вы там делаете?

— Сначала надо будет вернуться назад и взять для вас костюм.

Я покачал головой. По туннелю плавали штук десять похожих на пузыри объектов, по размерам и внешнему виду напоминающих надувные шары. Казалось, пузыри вытесняют из атмосферы ровно свой собственный вес — они спокойно плавали, не опускаясь и не поднимаясь. Конски ударил по шару, оказавшемуся у него на пути,

и ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать.

— Сегодня в эту часть туннеля нагнетали давление, — объяснил он. — А эти шарики предназначены для обнаружения отдельных утечек. Внутри у них липкая масса. Они присасываются к месту утечки, лопаются, липкая масса засасывается внутрь, замерзает и запечатывает дыру.

— И больше никакой работы не требуется? — поинтересовался я.

— Вы что, шутите? Они просто показывают место, где надо поработать сварочным аппаратом.

— Покажи ему гибкое соединение, — приказал Ноулз.

— Идем.

Мы остановились посреди туннеля, и он показал на кольцо, шедшее по всему диаметру.

— Мы ставим такие через каждые триста пятьдесят метров. Это стеклоткань, покрывающая и соединяющая две стальные секции туннеля. Благодаря этому туннель приобретает некоторую эластичность.

— Стеклоткань? Для герметизации? — не поверил я.

— Стеклоткань не герметизирует, она укрепляет. Здесь десять слоев ткани, между слоями — силиконовая смазка. Со временем она портится снаружи, но лет на пять, а то и больше, покрытия хватает.

Я поинтересовался у Конски, нравится ли ему работа, рассчитывая раздобыть какую-нибудь историю для статьи. Он пожал плечами.

— Все в порядке. Ничего особенного. Давление всего в одну атмосферу. Вот когда я работал под Гудзоном...

— Где тебе платили десятую часть того, что ты получаешь здесь, — вставил Ноулз.

— Мистер Ноулз, вы меня обижаете, — запротестовал Конски. — Дело не в деньгах, дело в творческом подходе. Возьмем для примера Венеру. На Венере платят не меньше, и пошевеливаться там надо будь здоров. Под ногами такая жидкая грязь, что приходится ее замораживать. Там могут работать только настоящие кессонщики. А половина работающих здесь молокососов — обыкновенные шахтеры, и если кто-то из них

заболеет кессонной болезнью, остальные просто перепугаются до смерти.

— Лучше расскажи ему, почему ты сбежал с Венеры, Толстяк.

Конски принял гордый вид.

— Осмотрим гибкое соединение, джентльмены? — спросил он.

Мы еще немного побродили вокруг, и я уже готов был возвращаться обратно. Смотреть было особенно не на что, к тому же чем больше я здесь находился, тем меньше это место мне нравилось. Конски возился с дверью шлюза, ведущего в обратном направлении, когда что-то произошло.

Я оказался на четвереньках, вокруг была крошечная тьма. Возможно, я закричал — точно не помню. В ушах стоял звон. Я попытался встать и, когда у меня это получилось, замер на месте. В такой тьме мне еще не приходилось бывать, вокруг была абсолютная чернота. Я подумал было, уж не ослеп ли.

Темноту прорезал луч электрического фонарика, нащупал меня и пошел дальше.

— Что это было? — заорал я. — Что случилось? Это толчок?

— Перестань вопить, — спокойно ответил мне Конски. — Это не толчок, это какой-то взрыв. Мистер Ноулз, с вами все в порядке?

— Надеюсь, — Ноулз с шумом выдохнул воздух. — Что случилось?

— Не знаю. Надо немного осмотреться.

Конски встал на ноги и, тихо посвистывая, начал водить лучом фонарика по туннелю. Фонарь у него был инерционный, который светит, только если все время давишь на рычаг, — поэтому он светил неровно, постоянно помигивая.

— Похоже, все в порядке. О Господи!

Луч фонарика остановился на участке гибкого соединения где-то возле пола.

Там уже начали скапливаться шары — три были у цели, к ним подплывали остальные. На наших глазах один из шаров лопнул и превратился в клейкую массу, отмечая место утечки.

Щель всосала лопнувший шар и начала шипеть. Тут же подплыл второй, немного покачался на месте и тоже лопнул. На этот раз щели понадобилось больше времени на то, чтобы всосать и проглотить клейкую массу.

Конски передал мне фонарь.

— Поработай немного, парень.

Он высунул из гермокапюшма правую руку и поднес ее к щели, где как раз лопнул третий шар.

— Ну как, Толстяк? — громко спросил Ноулз.

— А кто его знает. Похоже, что образовалась дыра размером с мой большой палец. И воздух она засасывает со страшной силой.

— Как это могло произойти?

— Понятия не имею. Наверное, что-то пробило туннель снаружи.

— Ты закрыл дыру?

— Да, вроде. Сходите-ка проверьте манометр. Джек, посвети ему.

Ноулз потопал к гермодвери.

— Давление стабильное, — крикнул он оттуда.

— Показания верньера видите?

— Конечно. Плотность воздуха стабильная.

— Каковы размеры утечки?

— Не больше фунта или двух. Какое здесь было давление?

— Как на Земле.

— Значит, мы потеряли один и четыре десятых фунта.

— Что ж, все не так уж плохо. Мистер Ноулз, сразу за дверью в следующей секции есть набор инструментов. Принесите мне заплату третьего размера, можно даже побольше.

— Хорошо.

Мы услышали, как открылась и закрылась со стуком дверь, и снова оказались в полной темноте. По-видимому, я издал какой-то звук, потому что Конски сказал, чтобы я держал нос повыше.

Наконец мы снова услышали, как открывается дверь, и появился благословенный луч света.

— Принесли? — спросил Конски.

— Нет, Толстяк. Нет... — голос Ноулза дрожал. — На той стороне нет воздуха. Та дверь не открывается.

— Может, ее заклизило?

— Нет, я проверил манометр. В следующей секции нет давления.

Конски опять присвистнул.

— Покоже, нам придется подождать, пока за нами придут. В таком случае... Посветите мне, мистер Ноулз. Джек, помоги снять костюм.

— Что ты задумал?

— Если у меня нет заплаты, мне придется сделать ее самому. Единственная подходящая для этого вещь — костюм.

Я начал ему помогать — это было нелегко, потому что одной рукой он закрывал дыру.

— Можно засунуть туда мою рубашку, — предложил Ноулз.

— С тем же успехом можно есть суп вилок. Нет, без костюма тут не обойтись — только он может держать давление.

Сняв костюм, он заставил меня разгладить его на спине, точнее, малость пониже, а затем, как только он убрал руку, я быстро закрыл дыру костюмом, а Конски тут же уселся сверху.

— Ну, — сказал он счастливым голосом, — дыру мы закрыли. А теперь будем сидеть и ждать, ничего другого не остается.

Я хотел спросить его, почему он не уселся на щель прямо в костюме, — но затем понял, что та часть костюма, которая находится ниже спины, сморщилась, а для того чтобы закрыть дыру, надо наклеить на оставшуюся от шаров клейкую массу абсолютно гладкую заплату.

— Дай-ка посмотреть твою руку, — потребовал Ноулз.

— Пустяки, — отмахнулся Конски.

Но Ноулз все равно осмотрел ее. Я тоже взглянул и почувствовал себя дурно. На ладони остался след, будто только что наложили клеймо, — сплошная кровотокающая рана. Ноулз из носового платка быстро изготовил повязку, а поверх обмотал моим, накрепко его затянув.

— Спасибо, джентльмены, — поблагодарил Конски и добавил: — Чего зря время терять. Может, сыграем в пинокль?

— Твоими картами? — спросил Ноулз.

— Уж вы скажете, мистер Ноулз! Впрочем, ладно. В любом случае казначею нельзя играть в азартные игры. Кстати, о казначеях — мистер Ноулз, надеюсь, вы понимаете, что сейчас я работаю в условиях пониженного давления?

— При разнице всего в фунт с четвертью?

— Я уверен, что в данном случае профсоюз примет это во внимание.

— А если я сяду на дыру?

— Повышенная ставка касается и тех, кто находится рядом.

— Ну ты и жлоб! Ладно — тройная ставка.

— Это больше похоже на такого доброго человека, как вы, мистер Ноулз. Надеюсь, что наше долгое ожидание будет приятным.

— Толстяк, как ты думаешь, сколько нам ждать?

— Это не должно занять у них больше часа, даже если им придется идти от обсерватории Ричардсона.

— Хм... А почему ты думаешь, что они нас станут искать?

— Не понял! Разве в вашей конторе не знают, где вы?

— Боюсь, нет. Я сказал им, что сегодня уже не появлюсь.

Конски задумался.

— Я не сдал свою карточку. Так что они узнают, что я внутри.

— Если они об этом и узнают, то только завтра, когда твоей карточки не окажется в моей конторе.

— Есть еще этот болван на входе. Он знает, что у него внутри еще трое.

— Если только он не забудет сказать об этом своему сменщику. И если только он сам не попался в ту же ловушку, что и мы.

— Верно, — задумчиво произнес Конски. — Джек, да оставь ты в покое фонарик. Расход воздуха будет меньше.

Мы долго сидели в темноте, вслух обдумывая случившееся. Конски нас убеждал, что это был взрыв,

Ноулз сказал, что происшедшее напомнило ему взрыв на взлете грузовой ракеты, который он видел собственными глазами. Когда разговор начал стихать, Конски рассказал несколько анекдотов. Я тоже попытался кое-что рассказать, но так нервничал — а попросту говоря, боялся, — что не мог вспомнить концовку. Было так страшно, что хотелось заорать во все горло.

— Джек, займись-ка фонариком, — произнес после долгой паузы Конски. — Я кое-что придумал.

— Что еще? — спросил Ноулз.

— Была бы у нас заплатка, вы могли бы надеть мой костюм и пойти за помощью.

— Но у нас нет кислорода.

— Потому-то я вас и выбрал. Вы здесь самый маленький — и вам вполне хватит воздуха, имеющегося в самом костюме, для того, чтобы пройти через следующую секцию.

— Ну хорошо. А что ты возьмешь вместо заплаты?

— То, на чем я сижу.

— Что?

— Я имею в виду эту большую круглую штуку, на которой я сижу. Я сниму штаны, прижму одну ягодицу к дыре и гарантирую, что заплатка будет герметичной.

— Но... Нет, Толстяк, так дело не пойдет. Посмотри, во что превратилась твоя рука. Ты же кровью весь истечешь прежде, чем я вернусь.

— Ставлю два к одному, что нет, — пятьдесят ставите?

— А если я выиграю, то с кого мне получать деньги?

— Вас не проведешь, мистер Ноулз. Глядите, моя жировая прослойка — толщиной пять-шесть сантиметров. Так что особой крови не будет — просто синяк останется.

Ноулз покачал головой.

— Никакой необходимости в этом нет. Если мы будем сидеть спокойно, нам хватит воздуха на несколько дней.

— Да дело не в воздухе, мистер Ноулз. Вы заметили, как здесь похолодало?

Я давно это заметил, просто не придавал значения. В моем состоянии — а мной владели страх и отчаяние — холод казался чем-то вполне естественным. Теперь я

начал об этом задумываться. Когда отключился свет, отключилось и отопление. И теперь будет становиться все холоднее, и холоднее... и холоднее...

Мистер Ноулз тоже это заметил.

— Ну ладно, Толстяк. Давай делать по-твоему.

Я сел на костюм, пока Конски готовился к операции. Он снял с себя штаны, поймал один шар, раздавил его и обмазал клейкой массой правую ягодицу. А затем повернулся ко мне.

— Ну, птенчик, — давай, снимайся с гнезда.

Мы быстро поменялись местами, потеряв, несмотря на злобное шипение в дыре, лишь небольшое количество воздуха.

Конски ухмыльнулся:

— Ребята, а здесь удобно как в мягком кресле.

Ноулз поспешно надел костюм и ушел, унеся с собой фонарь. Мы снова остались в темноте.

Через какое-то время Конски нарушил тишину.

— Джек, есть одна игра, в которую можно играть в темноте. Ты в шахматы играешь?

— Ну да, немного.

— Хорошая игра. Я играл в шахматы в декомпрессионных камерах, когда работал под Гудзоном. Может, поставим по двадцатке для интереса?

— Что? А, давай.

Он мог предложить поставить по тысяче — мне было все равно.

— Прекрасно. Королевская пешка на е3.

— Ага — королевская пешка на е4.

— А ты консерватор, да? Ты напоминаешь мне одну девицу, с которой я был знаком в Хобокене...

То, что он о ней рассказал, не имело никакого отношения к шахматам, хотя и доказывало, что в определенном смысле она тоже была консерватор.

— Слон f4. Напомни, чтобы я рассказал тебе о ее сестре. Похоже, она не всегда была рыжей, но ей хотелось, чтобы люди считали, что она такой родилась. И она... Извини, твой ход.

Я начал думать, но голова у меня шла кругом.

— D2—d3.

— Ферзь f-3. Так вот, она...

Он начал подробный рассказ. Я уже слышал однажды эту историю и сомневался, чтобы подобное когда-

нибудь с ним происходило, но своим рассказом он меня несколько приободрил. Я даже улыбнулся в темноте.

— Твой ход, — добавил под конец Конски.

— Ох, — я уже не мог вспомнить положение фигур на доске. И решил подготовиться к рокировке, что в начале игры всегда достаточно безопасно. — Конь с-6.

— Ферзь бьет пешку f-7. Шах и мат. С тебя двадцатка, Джек.

— Что? Этого не может быть!

— Давай, повторим ходы, — и он перечислил их один за другим.

Я мысленно провел всю игру заново и только тогда сообразил:

— Ах, черт меня побери! Ты же сделал мне детский мат!

Он захихикал:

— Тебе надо было следить за моим ферзем, а не за этой рыжей из рассказа.

Я громко расхохотался.

— У тебя есть в запасе еще какие-нибудь истории?

— Найдутся. — И Конски рассказал мне еще одну. А когда я попросил его продолжать, сказал: — Думаю, мне надо малость передохнуть, Джек.

Я вскочил с места.

— Все в порядке, Толстяк?

Он не отзывался, и мне пришлось искать его на ощупь. Когда я коснулся его лица, оно было холодным, а сам он молчал. Прижав ухо к груди, я слышал слабое сердцебиение, но руки и ноги его были словно из льда.

Конски примерз к дыре, и я изрядно намучился, прежде чем оттащил его в сторону. Я нащупал корку из льда, хотя понимал, что скорее всего это замерзшая кровь. Я попытался привести его в чувство и тут же принялся растирать, но остановился, услышав доносившееся из дыры шипение. Я сорвал с себя брюки, потом мне пришлось понервничать, прежде чем я отыскал в темноте дыру, а когда я ее нашел — сел, плотно закрыв ее правой ягодицей.

Было ощущение, будто я сел на мощный ледяной насос. Затем тело словно обожгло. А через некоторое время я уже не чувствовал вообще ничего — кроме холода и тупой боли.

Где-то вспыхнул свет. Помигал и снова погас. До меня донесся лязг двери. И я что было сил закричал.

— Ноулз! — орал я. — Мистер Ноулз!

Фонарик снова замигал.

— Иду, Джек...

— Вам удалось... — громко зарыдал я. — Вам удалось...

— Нет, Джек. Я не смог пройти следующую секцию. А когда я добрался назад к гермодвери, то потерял сознание. — Он остановился, чтобы перевести дыхание. — Там воронка...

Фонарик перестал мигать и ударился о пол.

— Помоги мне, Джек, — странным голосом произнес он. — Разве ты не видишь, что мне нужна помощь? Я пытался...

Я услышал, как он споткнулся и упал. Я позвал его, но он не ответил.

Я попытался встать, но мне это не удалось — я застрял как пробка в бутылке...

Я пришел в себя, лежа лицом вниз, — подо мной была чистая простыня.

— Ну как, получше? — спросил кто-то.

Это был Ноулз, одетый в пижаму и стоящий возле моей постели.

— Вы мертвы, — ответил я.

— Ничуть, — усмехнулся он. — Они вовремя добрались до нас.

— Что произошло? — Я смотрел на него, не веря своим глазам.

— Как мы и думали — взрыв ракеты. Беспилотная почтовая ракета потеряла управление и врезалась в туннель.

— А где Толстяк?

— Здесь!

Я повернулся и увидел Толстяка, лежавшего на животе, как и я.

— С тебя двадцатка, — весело сказал он.

— С меня... — Я обнаружил, что у меня без всякой причины текут слезы. — Ладно, с меня двадцатка. Но чтобы получить ее, тебе придется приехать за ней в Де-Мойн.

ТЕМНЫЕ ЯМЫ ЛУНЫ

В Резерфорд мы двинулись на другое утро после прибытия на Луну. То есть папе и мистеру Лэтему (мистер Лэтем — служащий треста Харримана, папа на Луну прилетел, чтобы с ним встретиться) — папе и мистеру Лэтему нужно было туда по делу. Я приставал к папе, пока он не пообещал взять меня с собой, — ведь смахивало на то, что это мой единственный шанс выбраться на поверхность Луны. В Луна-Сити, по-моему, подходяще, но ведь его коридоры не отличишь от обыкновенных улиц Нью-Йорка. Разве что в Луна-Сити не идешь, а почти летишь.

Когда папа пришел к нам в номер гостиницы сказать, что скоро ехать, мы с братишкой играли на полу в ножички. Мама прилегла и попросила меня занять шкета, чтобы не мешал. Ее одолевала космическая болезнь с той самой минуты, как мы оторвались от Земли, и она чувствовала себя неважнецки. Шкет баловался с осветительными плафонами: переводил регулятор с «сумерек» до «палящего солнца» и наоборот. Я взял его за шиворот и посадил на пол.

Я-то, конечно, в ножички уже не играю, но на Луне это очень здорово получается. Нож сам парит в воздухе, и с ним можно проделывать все, что угодно. Мы выдумали массу новых правил.

«The Black Pits of Luna».

© Г. Усова, перевод, 1993.

Папа сказал:

— Планы меняются, мои дорогие. Мы **сию** минуту едем в Резерфорд. Давайте-ка собираться.

Мама сказала:

— Ах, боже мой, кажется, я не могу. **Поезжайте вы с Дикки, а мы с Бэбинькой побудем здесь денек и отдохнем.**

Бэбинька — это шкет.

Я всегда говорил ей, что это неверный подход. Он мне чуть глаз не выколол ножом и начал канючить:

— Куда? Что? И я поеду. Давайте поедем!

Мама сказала:

— Ну, Бэбинька, не огорчай свою дорогую мамочку. Мы с тобой лучше сходим в кино.

Шкет на семь лет младше меня, но уж если нужно от него чего-нибудь добиться, нечего его называть Бэбинькой. Он принялся реветь:

— Ты же говорила, что мне можно поехать!

— Нет, Бэбинька. Я тебе так не говорила. Я...

— Папа говорил, что можно!

— Ричард, разве ты говорил Бэбику, что ему можно ехать?

— Да нет же, дорогая, я этого не помню. Возможно, я...

Шкет завелся еще сильнее:

— Вы говорили, что мне можно туда же, куда и Дикки. Вы мне обещали, вы мне обещали, вы мне обещали...

Приходится иногда отдавать шкету должное: он таки заставил их нудно и без толку выяснять, кто ему что обещал. Короче говоря, минут через двадцать мы все вчетвером вместе с мистером Лэтемом были уже на ракетодроме и садились в резерфордский «шаттл».

Дорога отнимает всего-то минут двадцать, ничего толком и не увидишь, разве краешек Земли, когда «шаттл» еще неподалеку от Луна-Сити, а потом и этого не видать, пока на обратной стороне Луны не покажутся атомные заводы. В «шаттле» было человек десять туристов, и почти все они начали страдать космической болезнью, как только мы вышли в свободный полет. И мама тоже. Некоторые никогда так и не могут привыкнуть к «шаттлам».

Но стоило нам прилуниться и оказаться внутри, «под землей», как маме сразу же полегчало. В Резерфорде все не так, как в Луна-Сити: там нет туннеля, который подходит к самому кораблю. Вместо этого на поверхность посылают специальную герметично закрытую машину, которая стыкуется прямо со шлюзом ракеты, потом в этой машине проезжаешь около мили назад, ко входу в подземелье. Мне это понравилось, и шкету тоже. Папе нужно было ехать по делу с мистером Лэтемом, а маму, шкета и меня он решил оставить с группой туристов, которая отправлялась осматривать лаборатории.

Там было довольно интересно, но ничего такого, чтобы поднимать из-за этого шум. Я убедился, что все атомные заводы на один лад. Резерфорд вполне мог бы сойти за какой-нибудь крупный завод в окрестностях Чикаго. То есть я хочу сказать, что все хоть сколько-нибудь стоящее бывает прикрыто футлярами и щитками и не подлежит осмотру. Разрешают смотреть только на всякие циферблаты и доски с приборами, да на персонал, который за ними наблюдает. Устройство дистанционного управления такое же, как на заводе в Окридже. Гид кое-что рассказывает об идущих экспериментах, да несколько роликов после показывают — вот и все.

Наш гид мне понравился. Похож на Тома Джерема из фильма «Армия космоса». Я спросил, не космонавт ли он, а он поглядел на меня насмешливо и сказал, что нет, он просто рядовой Колониальной Службы. Потом он спросил, где я учусь и состою ли скаутом. Он сам когда-то был командиром скаутов Первого отряда, Резерфорд-Сити, Лунный патруль.

Похоже, там только один патруль и есть — не так уж много на Луне скаутов, я полагаю.

Папа и мистер Лэтем подошли как раз тогда, когда мы заканчивали экскурсию и мистер Перрин — это наш гид — объявлял о прогулке на поверхность.

— В экскурсионный маршрут по Резерфорду, — вещал он голосом диктора, — входит прогулка в космическом скафандре на поверхность Луны — без дополнительной оплаты. Вы осмотрите Дьявольское Кладбище и место Великой Катастрофы 1984 года. Прогулка

не включена в обязательную программу маршрута. Опасности практически нет, у нас еще ни с кем ничего не случилось, но Компания требует от всех желающих пойти расписаться в том, что всю ответственность за свою безопасность они берут на себя. Прогулка продолжается около часа. Кто хочет остаться, может пока посмотреть кино или перекусить в кафе.

Папа потер руки:

— Вот это для меня, — сказал он. — Мистер Лэтем, как мы вовремя! Ни за что на свете не хотел бы ее пропустить.

— Вам понравится, — согласился мистер Лэтем. — И вам тоже, миссис Логан. Мне самому очень хотелось бы пойти.

— Так за чем же дело стало? — спросил папа.

— Нет, я хочу к вашему возвращению подготовить документы, чтобы вы и директор подписали их до вашего отлета из Луна-Сити.

— Ну зачем же так загонять себя? — убеждал папа. — Уж если нельзя положиться на слово человека, что толку от подписанного контракта? Вы можете выслать мне эти бумаги в Нью-Йорк почтой.

Мистер Лэтем покачал головой:

— Дело не только в этом. Я ведь был на поверхности десятки раз. Но я вас провожу и помогу надеть скафандры.

Мама сказала:

— О Боже!

Ей, кажется, лучше бы не ходить, для нее совершенно невыносимо сознавать, что она заточена в скафандре, кроме того, палящее солнце всегда вызывает у нее головную боль.

Папа сказал:

— Не говори глупости, милочка, такой случай бывает один-единственный раз в жизни.

Мистер Лэтем объяснил ей, что в шлеме имеются фильтры, которые защищают от палящего солнца. Мама всегда сначала возражает, потом уступает. Я считаю, что у женщин нет никакой силы характера. Еще позавчера вечером — то есть я хочу сказать, что по-земному был вечер, а не в Луна-Сити, — она купила себе классный лунный костюм, чтобы выходить в нем к

обеду в зал со смотровой площадкой, откуда можно наблюдать Землю прямо не выходя из отеля. Но после она застеснялась и пожаловалась папе, что слишком толстая для такой одежды. Еще бы, когда со всех сторон одно только неприкрытое тело. Папа сказал:

— Чепуха, милочка, ты выглядишь восхитительно.

И она надела костюм и прекрасно провела время, особенно когда какой-то пилот пытался за ней приударить.

Вот и на этот раз было так же. Она пошла. Нас провели в комнату, где надевали скафандры, и я все разглядел, пока мистер Перрин по очереди пропускал туда всю компанию и давал расписываться. В дальнем конце этой комнаты был ведущий в шлюз люк, а в нем довольно большой глазок. В глазок был виден еще один люк, а в нем — такой же глазок. Можно было посмотреть через два этих глазка и увидеть поверхность Луны, которая казалась горячей, яркой и какой-то неправдоподобной, несмотря на мутно-желтые стекла. А наверху висел двойной ряд скафандров, похожих на пустые оболочки от людей. Я шнырял везде, пока мистер Перрин не подошел к нам.

— Можно договориться с хозяйкой кафе, чтобы она присмотрела за малышом, — сказал он маме, наклонился и взъерошил шкету волосы. Шкет попытался укусь его, и он поспешил убрать руку.

— Спасибо, мистер Перкинс, — сказала мама, — думаю, что так будет лучше всего — хотя мне, наверно, лучше остаться с ним.

— Моя фамилия Перрин, — спокойно поправил тот. — Такой необходимости нет. Хозяйка как следует за ним присмотрит.

Почему это взрослые говорят при детях так, будто те ни слова не понимают по-английски? Будто его не могли просто спихнуть в это кафе. А теперь шкет понял, что его хотят провести. Он воинственно огляделся.

— Я тоже пойду, — громогласно заявил он. — Вы мне обещали.

— Нет, Бэбинька, — мама попробовала его унять. — Твоя дорогая мамочка вовсе не говорила тебе...

Еще бы, говорила она только себе: шкет пустил в ход звуковые эффекты.

— Вы мне говорили, что я могу ходить туда же, куда и Дикки, вы мне обещали, когда я болел. Вы мне обещали, вы мне обещали... — затянул он, при этом голос его с каждой секундой делался все выше и громче.

Мистер Перрин вроде бы растерялся. Мама сказала:

— Ричард, попробуй-ка успокоить своего ребенка. В конце концов, это же ты ему обещал...

— Я, милочка? — удивился папа. — Да я вообще тут никакой проблемы не вижу. Положим, мы ему даже и обещали, что позволим делать все, что делает Дикки, — так возьмем его с собой, да и все.

Мистер Перрин прочистил горло:

— Боюсь, что нет. Вашего старшего я могу отправить в женском скафандре, он для своих лет довольно высокий. Но у нас нет костюмов для маленьких детей.

Ну, тут уж у нас все окончательно запуталось. Шкет всегда может заставить маму бегать вокруг него кругами, а мама то же самое проделывает с папой. Папа сразу багровеет и начинает сваливать все на меня. Получается вроде цепной реакции, которая заканчивается на мне — дальше ее некому передать. Они приняли очень простое решение: я должен остаться и присматривать за этим шкетом!

— Папа, но ведь ты же говорил... — начал я.

— Мало ли что я говорил. Я не хочу семейных скандалов при людях. Ты уже слышал, что тебе сказала мама.

Я был в отчаянии.

— Слушай, папа, — я старательно произносил слова потише, — если я вернусь на Землю, так ни разу и не надев скафандра и не высунув нос на поверхность, придется тебе искать для меня другую школу. Не вернусь я больше в Лоренсвилл — меня же все засмеют!

— Мы об этом поговорим, когда вернемся домой.

— Нет, папа, ты же дал честное благородное слово...

— Хватит, молодой человек. Вопрос закрыт.

Мистер Лэтем стоял рядом, внимательно слушая, но рта не раскрывал. При этих словах он приподнял бровь и очень спокойно сказал папе:

— Как, Р. Дж., а я-то думал, что ваше слово — ваш вексель!

Предполагалось, что я ничего не слышу, да и все остальные тоже, и прекрасно, потому что не стоит, чтобы папа знал, что кто-то знает, что он не прав. От этого с ним еще тяжелее иметь дело. Я поспешно переменял тему:

— Слушай, папа, может, мы все сможем пойти? Вон, что это там за скафандр? — и показал на вешалку внутри какой-то загородки. На загородке висел замок. На вешалке болталось десятка два скафандров, а на дальнем ее конце я заметил совсем маленький скафандр — его ботинки едва доставали до пояса соседнего.

— Ага, — просиял папа, — это как раз то, что нужно! Мистер Перрин! А, мистер Перрин? На минутку! Я-то понял так, что у вас вообще нет маленьких скафандров, а тут висит как раз такой, который будет в пору!

Папа уже возился с замком на перегородке. Мистер Перрин его остановил:

— Этот скафандр брать нельзя.

— Да? Это почему?

— Все скафандры за этой перегородкой — частная собственность, они напрокат не выдаются.

— Что? Чувь какая — Резерфорд же общественное предприятие. А мне нужен скафандр для моего ребенка...

— Но он не выдается.

— Я поговорю с директором.

— Думаю, что придется. Этот скафандр изготовлен по специальному заказу для его дочери.

Они так и сделали. Мистер Лэтем поймал директора на линии. Папа поговорил с ним, потом директор поговорил с мистером Перрином; потом опять с папой. Директор не возражал одолжить скафандр, тем более папе, но не хотел приказывать мистеру Перрину брать на поверхность ребенка.

Мистер Перрин не поддавался, и я его не осуждал, но папа потихоньку успокоил его и уговорил, и в конце концов мы все влезли в скафандры, проверили давление и кислородное снабжение, настроили портативные передатчики. Мистер Перрин устроил переключку по радио и напомнил, что мы все на одной волне, поэтому

лучше предоставлять ему большую часть переговоров и не отпускать вслух посторонние замечания, потому что это будет мешать всем слушать. Потом мы остановились у шлюзовой камеры, и он предупредил, чтобы мы держались все вместе и не пробовали, как быстро можно бегать и как высоко прыгать. У меня прямо сердце из груди выскакивало.

Наружная дверь открылась, и мы гуськом вышли прямо на поверхность Луны. Это было так же здорово, как я представлял в мечтах, но я так сильно волновался, что плохо соображал в ту минуту. Солнце сверкало так ослепительно ярко — ничего ярче я в жизни не видел, а тени были такие чернильно-черные, что в них с трудом можно было что-нибудь разобрать. Слышно ничего не было, кроме голосов по радио, но их можно было выключить.

Мягкая пыль, как дым, обволакивала ноги и медленно оседала вниз. Больше не двигалось ничего. Это было самое безжизненное пространство, какое только можно себе представить.

Держась тесной группой, мы не сходили с тропинки, только мне пришлось дважды бегать за шкетом, когда он обнаружил, что может прыгнуть на двадцать футов. Я хотел было его отшлепать, но вы пробовали когда-нибудь отшлепать человека в скафандре? Это бесполезно.

Мистер Перрин велел всем остановиться и начал:

— Мы находимся на Дьявольском Кладбище. Каменные пики-близнецы позади нас поднимаются на пять тысяч футов над поверхностью. На них никто еще не поднимался. Эти пики, или монументы, названы в честь апокрифических или мифологических персонажей, потому что фантастический пейзаж напоминает гигантское кладбище. Вельзевул, Тор, Шива, Каин, Сет... — он водил указкой вокруг. — Селенологи расходятся в объяснении этих странных образований. Некоторые утверждают, что на них заметно воздействие воздуха или воды, а не только вулканической деятельности. Если так, эти пики простояли здесь немыслимо долгий период, потому что в настоящее время, как видите, Луна...

Об этом можно было и в «Космическом журнале» почитать, только большая разница, скажу я вам, когда своими глазами видишь.

Эти пики напомнили мне скалы в Саду Богов в Колорадо-Спрингс, куда мы ездили прошлым летом, только здешние были гораздо выше и вместо синего неба над головой была сплошная чернота и холодные резкие звезды. Довольно жутко!

С нами был еще один рядовой Колониальной Службы с фотоаппаратом. Мистер Перрин еще что-то пытался сказать, но тут шкет завопил, и мне пришлось отключить его радиосвязь, пока никто не услышал. Так я и держал ее выключенной, пока мистер Перрин не закончил.

Он велел нам выстроиться для снимка на фоне пиков и черного неба.

— Наклоните голову к стеклу шлемов, чтобы было видно лицо. Так — великолепно. Давай, — скомандовал он, и солдат щелкнул фотоаппаратом. — Карточки будут готовы, когда вернемся, десять долларов штука.

Я задумался. Одна карточка мне нужна, чтобы повесить у себя в комнате в школе, еще одна, чтобы подарить — не важно, кому. Словом, нужна еще одна. У меня оставалось еще восемнадцать долларов из денег, подаренных на день рождения, остальные можно выпросить у мамы. Так что я заказал две.

Подъем был долгим, и вот мы таращились на кратер, на роковой кратер — все, что осталось от первой лаборатории. Он простирался далеко, миль за двадцать, поверхность его была покрыта блестящим пузырчатым стеклом, а не пылью. На постаменте я прочитал:

ЗДЕСЬ, РЯДОМ С ВАМИ, ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ

Курта Шаффера,
Мориса Файнштейна,
Томаса Дули,
Хейзл Хайакава,
Дж. Вашингтона Слэппи,
Сэма Хьюстона Адамса.

ОНИ ПОГИБЛИ В БОРЬБЕ ЗА ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ.

В одиннадцатый день августа 1984.

Это было потрясающе. Я отступил назад и начал слушать мистера Перрина. Папа и некоторые другие задавали ему вопросы.

— Точно не известно, — говорил он. — Ничего не осталось. Теперь-то все показания приборов немедленно передаются в Луна-Сити, но ведь это случилось еще до установки линии дальней связи.

— А что было бы, — спросил кто-то, — если бы этот взрыв произошел на Земле?

— Не хочу даже пытаться вам отвечать, но поэтому лабораторию и устроили здесь, на обратной стороне Луны. — Он поглядел на часы. — Пора возвращаться.

Все заторопились назад, пробираясь вниз к тропинке, когда мама воскликнула:

— Бэбинька! Где же Бэбинька?

Я вздрогнул, но пока еще не перепутался. Шкет всегда где-нибудь болтается, то тут, то там, но далеко не уходит, ему ведь всегда нужно, чтобы кто-нибудь выслушивал его болтовню.

Папа обнял маму одной рукой, другой он делал мне знаки.

— Дик, — рявкнул он, и голос его резко щелкнул в моих наушниках, — ты куда девал своего брата?

— Я? — откликнулся я. — Нечего на меня сваливать, я его в последний раз видел, когда мама вела его сюда за руку.

— Не ври, Дик. Мама присела отдохнуть, когда мы пришли сюда, и прислала его к тебе.

— Если даже и так, он здесь не показывался.

Тут уж мама зарыдала по-настоящему. Все, конечно, слушали, больше ничего не оставалось: ведь мы были на одной волне. Мистер Перрин подошел и выключил мамин микрофон. Сразу сделалось тихо.

— Успокойте свою жену, мистер Логан, — приказал он, потом добавил: — Когда вы в последний раз видели ребенка?

Папа ничем не мог помочь; как только они пытались снова подключить маму, приходилось тут же отключать ее. Помочь она ничем не могла, только нас заглушала. Мистер Перрин обратился к остальным:

— Видел кто-нибудь маленького мальчика, который был с нами? Не отвечайте, если вам нечего сообщить. Кто-нибудь видел, как он уходил?

Никто не видел. Я сообразил, что он, наверное, убежал, пока все, повернувшись к нему спиной, разглядывали кратер. Я сказал об этом мистеру Перрину.

— Похоже на то, — согласился он. — Внимание все! Я постараюсь разыскать ребенка. Оставайтесь там, где вы находитесь. Не двигайтесь отсюда никуда. Я отлучусь минут на десять.

— Почему бы всем не пойти на поиски? — поинтересовался кто-то.

— Потому что, — сказал мистер Перрин, — пока у меня потерялся только один человек. Я не хочу, чтобы их было десять.

И он исчез огромными прыжками, каждый из которых покрывал футов пятьдесят.

Папа хотел было броситься за ним, но передумал, потому что мама внезапно пошатнулась, упала на колени и медленно осела на землю. Все разом заговорили. Какой-то идиот хотел снять с нее шлем, но папа ведь не сумасшедший. Я отключил радиосвязь, чтобы подумать самому, и начал осматриваться, не отходя от толпы, стоя у края кратера и пытаюсь рассмотреть все, что было видно.

Я проделал глазами весь путь, который мы прошли. Глядеть на кратер было абсолютно ни к чему: если бы шкет был там, его было бы видно, как муху на тарелке.

Другое дело — за пределами кратера: за несколько метров от нас можно было спрятать целый полк, скалы громоздились вдоль всего пути. Огромные, как дома, валуны с дырами, нагромождения камней, ущелья — сплошная каша. Время от времени виден был мистер Перрин, который рыскал крутом, точно собака, отслеживающая кролика, и подолгу возился на одном месте. Он почти что летал. Когда ему попадался крупный валун, он перепрыгивал через него и в прыжке наклонял голову, чтобы лучше видеть.

Потом он снова устремился к нам, и я опять включил радиосвязь. Все продолжали наперебой разговаривать. Кто-то говорил:

— Надо его найти до захода солнца.

Кто-то другой ответил:

— Глупости какие, солнце не зайдет еще неделю. Дело в запасе воздуха, говорю я вам. Эти скафандры только на четыре часа.

Первый голос сказал:

— О! — потом тихо добавил: — Как рыба, вытасщенная из воды...

Вот тогда я перепугался.

Чей-то голос произнес, задыхаясь:

— Бедный, бедный малыш! Надо его найти, пока он не задохнулся.

Тут резко вмешался голос моего папы:

— Перестаньте!

Я услышал чье-то рыдание. Может быть, мамино.

Мистер Перрин подошел к нам почти вплотную и заговорил:

— Всем замолчать! Мне надо вызвать базу, — и произнес решительным голосом: — Перрин вызывает контрольный пост, Перрин вызывает контрольный пост.

Ответил женский голос:

— Говорите, Перрин.

Он рассказал о случившемся и добавил:

— Вышлите Смита забрать эту группу, я остаюсь. Мне нужны все солдаты, которые есть поблизости, и добровольцы из числа опытных сотрудников Колониальной Службы. С первой же партией пришлите радиопеленгатор.

Долго ждать не пришлось. Они стаяей налетели на нас, точно кузнечики, наверное, они делали миль сорок-пятьдесят в час.

Было бы на что посмотреть, если бы мне не было так тошно.

Папа попробовал было поспорить, чтобы его не отправляли на базу с остальными туристами, но мистер Перрин оборвал его:

— Если бы не ваше упрямство, мы не попали бы в эту переделку. Следили бы как следует за своим ребенком, он не заблудился бы. У меня тоже дети есть, но я

их не таскаю на Луну, пока они еще маленькие и не могут сами о себе позаботиться. Так что идите со всеми — не могу я еще и вас на себя брать.

Я думал, папа бросится на него с кулаками, — и он бы так и сделал, если бы мама снова не потеряла сознание. Мы ушли вместе с группой.

Следующие два часа был сплошной кошмар. Нас посадили рядом с пунктом управления, и мы могли слышать через громкоговоритель, как мистер Перрин командует поисками. Сначала я думал, что они наткнутся на шкета сразу же, как начнут применять радиопеленгатор: даже если шкет не подавал голоса, можно было бы поймать треск его передатчика. Но с этим не получилось. Так ничего и не было слышно. И люди, которые отправились на поиски, тоже ничего не обнаружили.

Хуже всего было, что папа и мама даже не пытались ругать меня. Мама тихонько плакала, а папа утешал ее и поглядывал на меня с каким-то странным выражением. Я понял, что он меня просто не видит. Но догадался, в чем он думает: если бы я не настаивал на прогулке на поверхность, ничего бы не случилось. Я сказал:

— Да не смотри ты на меня так, папа. Никто ведь мне не поручал за ним следить. Я думал — он с мамой.

Папа ничего не ответил, только головой покачал. Похоже было, что он здорово устал, весь даже как-то съежился. А мама, вместо того чтобы обвинять меня и кричать, перестала плакать, и ей удалось через силу мне улыбнуться.

— Поди сюда, Дикки, — сказала она и обняла меня свободной рукой. — Никто тебя не винит, Дикки. Что бы ни случилось, ты не виноват, Дикки. Помни об этом.

И я позволил ей меня поцеловать, а потом ненадолго присел рядом с ними, но мне было еще хуже, чем прежде. Я все думал про шкета — как он и что с ним, кислород-то ведь у него кончается. Может, и не по моей вине, но я знал, что мог этого не допустить. Не надо было мне полагаться на маму и надеяться, что она за ним присмотрит, не умеет она этого как следует.

Она из тех людей, которые собственную голову могли бы потерять, если бы она не была как следует привинчена — для украшения. Мама, понимаете ли, хорошая, но страшно непрактичная.

Она бы страшно переживала, если бы шкет не нашелся. И папа, да и я тоже. Шкет всегда ужасно мешает, но чего-то стало не хватать, когда он перестал болтаться под ногами. Я вспомнил слова: «Как рыба, вытасщенная из воды...» Как-то я нечаянно опрокинул аквариум — и вспомнил теперь, как эти рыбы выглядели. Довольно неприглядно. Если шкет умрет такой смертью...

Я взял себя в руки и решил, что лучше придумать, как бы его найти. Через какое-то время я понял, что могу найти его, если бы только они пустили меня туда. Но меня, конечно бы, не пустили.

Снова появился доктор Эванс, директор, — он нас встречал, когда мы только подошли, — и спросил, не может ли он что-нибудь сделать для нас и как себя чувствует миссис Логан.

— Вы же знаете, что я все на свете бы отдал, чтобы этого не случилось, — сказал он. — Мы делаем все возможное. Я распорядился, чтобы из Луна-Сити выслали несколько металлоискателей. Возможно, мы обнаружим ребенка по металлу его скафандра.

Мама спросила, нет ли у них собак-ищеек, а доктор Эванс даже не стал смеяться. Папа предложил использовать вертолеты, тут же поправился — ракеты. Доктор Эванс растолковал ему, что со скоростью ракеты невозможно тщательно осмотреть окрестность.

Немного погодя я отозвал его в сторонку и стал уговаривать, чтобы он позволил мне участвовать в экспедиции. Он был вежлив, но непреклонен, а я все настаивал.

— А почему ты так уверен, что найдешь его? — спросил он. — Мы собрали сейчас самых опытных людей Лунной Службы, какие только оказались поблизости. Боюсь, сынок, что ты сам заблудишься или с тобой что-нибудь случится, если ты попробуешь искать наравне с ними. Если ты здесь потеряешь из виду ориентиры, то наверняка заблудишься.

— Но послушайте, доктор, — сказал я ему, — я ведь знаю шкета, то есть я хотел сказать, своего братишку, лучше, чем кто бы то ни было на свете. Я не заблужусь — то есть если и заблужусь, то так же как он. А за мной пусть кто-нибудь следит.

Он обдумал мои слова.

— Стоит попробовать, — неожиданно согласился он. — Я сам за тобой пойду. Надевай скафандр!

Мы вылезли, делая тридцатифутовые шаги, — максимум, на что я был способен. Доктор Эванс держал меня за пояс, чтобы я не споткнулся. Мистер Перрин ждал нас. Ему вроде бы мой план не совсем понравился.

— Может быть, старый приемчик «заблудившегося мула» и сработает, — согласился он, — но я буду продолжать поиски тем же порядком. Ну, малый, возьми-ка этот сигнальный фонарик, в тени он тебе пригодится.

Я стоял у края кратера и старался представить себе, что я — шкет, усталый и порядком разобиженный, что на меня не обращают внимания. Что я стал бы делать дальше?

Я вприпрыжку помчался вниз по склону — без определенной цели, так, как это сделал бы шкет. Потом остановился и обернулся, чтобы проверить, следят ли за мной мама, папа и Дикки. Следили за мной хорошо: доктор Эванс и мистер Перрин держались неподалеку сзади. Я сделал вид, что никто за мной не смотрит, и продолжал идти. Я оказался совсем близко от большого скопления скал и повернул к первой из них. Она не была достаточно высокой, чтобы я мог за ней спрятаться, но шкет там поместился бы. Похоже, он мог бы здесь затаиться — шкет любил играть в прятки, чтобы становиться центром внимания.

Вот я и подумал об этом. Когда шкет играл в эту игру, он воображал, что спрятаться — это забраться *подо* что-нибудь: под кровать или диван, под автомобиль или даже под кухонную раковину. Я огляделся вокруг. Множество подходящих местечек: в скалах было полно глубоких полостей и нависающих уступов. Я начал прочесывать их. Это было безнадежно — поблизости таких полостей, наверное, штук сто.

Мистер Перрин подошел ко мне, когда я выползал из четвертого по счету укромного местечка, слишком тесного для меня.

— Наши уже прошлишь здесь с фонариками, — сказал он мне. — Не думаю, что это что-нибудь даст, парень.

— Ладно, — сказал я, но продолжал свое. Я же знал, что смогу забраться в такие уголки, куда не пролезет взрослый. Я только надеялся, что шкет не забрался в такое место, куда мне не пролезть.

Шло время, а я все коченел и коченел и стал ужасно уставать. Прямые лучи Солнца на Луне очень жаркие, но в ту же секунду, как попадаешь в тень, становится холодно. А среди скал, у их подножий, никогда не бывает тепло. Скафандры, выданные нам, туристам, хорошо изолированные, но дополнительная изоляция помещается в перчатках и ботинках, да еще в задней части брюк, а я большую часть времени ползал на животе, залезая в укромные местечки.

Тело мое так онемело, что я с трудом двигался, а спереди был весь покрыт льдом. Из-за этого я, кроме всего прочего, ужасно беспокоился: а как же шкет? Не замерз ли он?

Если бы я не вообразил себе, как выглядела рыба, и как шкет может замерзнуть прежде, чем я доберусь до него, я бы уже все бросил. Я почти потерпел поражение. Кстати, в этих полостях было довольно жутко — никогда не знаешь, что там в их глубине.

Доктор Эванс взял меня за руку, когда я выполз из очередной дыры, и прислонил свой шлем к моему, чтобы я мог услышать его голос без передатчика:

— Пожалуй, пора кончать, сынок. Ты совершенно измотался; а не обрабстал и акра.

Я вырвался.

Следующая скала нависала немного, не выше фута. Я направил в углубление луч света. Оно было пустое и, казалось, не ведет никуда. Потом я заметил там поворот. Я пригнулся и пополз. Коридор чуть расширялся и сужался снова. Я подумал, что не стоит залезать глубоко, ведь шкет не стал бы ползти дальше в темноте, но все-таки пролез еще немного и зажег фонарик.

И увидел торчащий ботинок.

Вот как это все получилось. Я чуть не разбил голову в шлеме, выбираясь оттуда, зато тащил за собой шкета. Он был слаб, точно котенок, и лицо у него было какое-то странное. Когда я вылез, мистер Перрин и доктор Эванс так и бросились ко мне, начали колотить по спине и радостно кричать.

— Он умер, мистер Перрин? — спросил я, как только смог перевести дыхание. — Нехорошо он как-то выглядит.

Мистер Перрин осмотрел его.

— Нет... На горле есть пульс. Шок — да, и на холоде он пробыл слишком долго... Но ведь этот скафандр сделан по специальному заказу... Мы живо приведем его в чувство.

Он взял шкета на руки, а я потащился следом.

Через десять минут шкет, закутанный в одеяло,пил горячее какао. И я выпил немного. Все говорили одновременно, а мама опять плакала, но теперь вид у нее был нормальный, и папа тоже немного пришел в себя.

Он пытался заполнить чек на имя мистера Перрина, но тот резко отказался:

— Не нужно мне вознаграждения: ведь это ваш мальчик нашел его. Вы мне можете сделать только одно одолжение.

— Да? — Папа был сама любезность.

— Держитесь подальше от Луны. Здесь вам не место, вы не из породы пионеров.

Папа принял это как должное.

— Я уже обещал это жене, — ответил он, и глазом не моргнув. — Можете не беспокоиться.

Когда мистер Перрин уходил, я догнал его и сказал, чтобы никто не услышал:

— Мистер Перрин, я только хотел вам сказать, что вернусь, если вы не возражаете.

Он пожал мне руку и ответил:

— Я знаю, парень.

КАК ЗДОРОВО ВЕРНУТЬСЯ!

— Скорей, Аллан!

Домой, снова на Землю! Сердце ее бешено колотилось.

— Одну минутку!

Она стрелой выскочила из комнаты, а муж замешкался, в последний раз проверяя, не забыто ли что-нибудь важное в опустевшем помещении. Из-за высоких грузовых тарифов на линии Луна—Земля отправлять багаж ракетой было чистым безумием, и они распродали все, кроме тех мелочей, которые уместились в рюкзаке. Убедившись, что ничего не забыто, он двинулся к лифту, где его уже поджидала жена. Они поднялись на административный этаж и подошли к двери с табличкой: «Жилищный отдел. Управляющая Анна Стоун».

Мисс Стоун утрюмо приняла ключи от квартиры.

— Мистер и миссис Макрей, вы в самом деле от нас уезжаете?

Джозефина вмиг ошетинилась:

— А вы считали, что мы передумаем?

Управляющая пожала плечами:

— Ну, я еще три года назад по вашим жалобам поняла, что вы уедете.

«It's Great to Be Back».

© Г. Усова, перевод, 1993.

— По моим жа... Мисс Стоун, я не меньше других терпела все эти дикие неудобства в нашем... в вашем перенаселенном крольчатнике. Я не хотела бы обвинять лично вас, но ведь...

— Полегче, Джо! — одернул ее муж.

Джозефина вспыхнула:

— Извините, мисс Стоун.

— Пустяки. Мы просто по-разному смотрим на вещи. Я-то была здесь еще в те времена, когда весь Луна-Сити состоял из трех герметичных барakov, соединенных туннелями, по которым приходилось ползти на четвереньках. — Мисс Стоун протянула супругам крепкую руку: — Что ж, кроты, будьте счастливы, от всей души вам этого желаю! Удачного старта, счастливого пути и благополучной посадки!

В лифте Джозефина пробормотала:

— Кроты, вот еще! Только потому, что мы предпочитаем нашу родную планету, где можно, по крайней мере, дышать свежим воздухом.

— Но ты ведь и сама употребляешь это словечко, — заметил Аллан.

— Да, когда говорю о людях, вообще не покидавших Земли.

— Мы с тобой тоже не раз говорили, что если бы обладали достаточно здравым смыслом, то никогда не покинули бы Землю. В душе мы с тобой кроты, Джо.

— Да, но... Ах, Аллан, ты просто невыносим. Ведь это счастливейший день в моей жизни! А ты разве не рад, что едешь домой? Неужели не рад?

— Конечно, рад. Это же так здорово — вернуться! Верховая езда... Лыжи...

— И опера. Настоящая, живая опера! Аллан, поживем недельку-другую на Манхэттене, прежде чем уехать в деревню?

— Вот те раз! А я-то думал, что ты жаждешь ощутить дождевые капли на лице.

— Хочу! Страшно хочу! Хочу многого, и немедленно. Ах, милый, правда, похоже, что мы из тюрьмы выходим на волю?

Она прильнула к мужу. Лифт остановился, и он отстранил ее.

— Перестань трещать!

— Аллан, ты ужасен, — сказала она мечтательно. — Я так счастлива!

Им пришлось немного задержаться на этаже, где находились отделения банков. Клерк из Национального городского банка уже приготовил их аккредитивы.

— А-а, домой едете? Распишитесь здесь. Завидую вам: охота, рыбная ловля...

— Я предпочитаю купание в прибое и прогулки на яхте.

— А я, — сказала Джо, — хочу просто поваляться на зеленой травке и посмотреть на голубое небо.

Клерк кивнул:

— Вполне понимаю вас. Тут ведь ничего подобного и в помине нет. Желаю приятного отдыха. На три месяца едете или на шесть?

— Мы больше не вернемся, — твердо сказал Аллан. — Три года прожили, как рыбы в аквариуме, хватит.

— Ах так. — Клерк уткнулся в лежавшие перед ним бумаги и с дежурной вежливостью добавил: — Что ж, удачного старта.

— Спасибо.

Они поднялись на последний подземный этаж и встали на самодвижущуюся дорожку, ведущую к космопорту. В одном месте туннель выходил на поверхность и дорожка бежала внутри герметичного перехода. В смотровое окошко, обращенное на запад, была видна поверхность Луны, а за холмами — Земля. Вид ее, огромной, зеленой и щедрой, на фоне черного лунного неба и суровых немигающих звезд, вызвал на глазах Джо слезы. Дом! Эта прекрасная планета принадлежит ей! Аллан рассматривал Землю с меньшими эмоциями: он пытался определить гринвичское время. Восходящее Солнце как раз коснулось своими лучами Южной Америки. Должно быть, восемь двадцать, надо поторапливаться.

Они сошли с дорожки и попали в объятия друзей, пришедших их проводить.

— Эй, копуши, где вы там пропадаете? «Гремлин» отправляется через семь минут!

— А мы на нем не летим, — ответил Макрей. — Можно не спешить.

— Как не летите? Вы что, передумали?!

Джозефина рассмеялась:

— Да нет, просто мы взяли билеты на экспресс. Поменяли одни на другие. Так что у нас еще минут двадцать в запасе.

— Вот как! Парочка богатых туристов, а?

— Ну, разница в цене невелика, зато избежим двух пересадок и не будем болтаться в космосе целую неделю вместо двух дней. — Джо многозначительно потеряла оголенную поясницу.

— Она плохо переносит невесомость, Джек, — объяснил Аллан.

— Я и сам ее плохо переношу, всю дорогу мучился. И все же не думаю, что вам будет очень худо, Джо: на Луне вы уже достаточно привыкли к слабому тяготению.

— Может быть, — согласилась она, — но все же большая разница — одна шестая земной гравитации или совсем никакой.

В разговор вступила жена Джека Крейла:

— Джозефина Макрей, вы что, захотели рисковать жизнью, летя в ракете с атомным двигателем?

— А что в этом такого, дорогая? Вы же работаете в атомной лаборатории.

— Ну! В лаборатории мы соблюдаем все меры предосторожности. Торговой палате следовало бы запретить эти экспрессы. Может быть, я и старомодна, но я-то вернусь так же, как и приехала сюда, — на добром старом химическом топливе.

— Не запугивай ее, Эмма, — возразил Крейл, — технические дефекты на этих ракетах уже устранены.

— Не все. Я бы...

— Неважно, — перебил ее Аллан, — все решено, пора на стартовую площадку. Прощайте, друзья! Спасибо, что проводили. Рады были с вами познакомиться. Если вернетесь в наши богоспасаемые края, обязательно навестите нас.

— До свидания, ребята!

— До свидания, Джо! До свидания, Аллан.

— Привет Бродвею!

— Пока! И непременно пишите!

— Хорошего старта!

Они предъявили билеты, вошли в шлюз и забрались в стоявший там вагончик скоростной дороги, соединявшей собственно порт со стартовой площадкой.

— Держитесь, ребята! — бросил через плечо водитель.

Они поспешно уселись на мягкие сиденья. Шлюз открылся: туннель впереди был лишен воздуха. Через пять минут Аллан и Джо уже вылезали из вагончика в двадцати милях от порта, за холмами, которые покрывали крышу Луна-Сити, предохраняя от радиоактивных излучений двигателей космических экспрессов.

На «Ястребе» они попали в одно купе с семьей миссионера. Достопочтенный доктор Симмонс счел нужным объяснить, почему он путешествует в такой роскоши.

— Все из-за ребенка, — говорил он, пока его жена привязывала девочку к маленькому противоперегрузочному креслицу, укрепленному тяжами между креслами родителей, — она никогда не бывала в космосе, вот мы и решили не рисковать ее здоровьем.

При звуке сигнальной сирены все застегнули ремни. Сердце Джо забилось еще сильнее. Наконец... наконец-то!

Заработали двигатели, вжимая их в подушки. Джо и не подозревала, что можно чувствовать себя такой тяжелой. Ей было хуже, куда хуже, чем на пути сюда с Земли. Все время, пока ракета набирала скорость, ребенок громко рыдал от ужаса и непривычных ощущений. Казалось, прошло бесконечно долгое время, прежде чем корабль перешел в свободный полет. Когда исчезло отвратительное ощущение огромной тяжести, сдавившей ее грудь, Джо почувствовала, что сердцу стало так же легко, как и телу. Аллан отстегнул верхний ремень, стягивавший грудь, и сел.

— Как ты, малышка?

— Прекрасно. — Джо тоже отстегнула ремень и обернулась к нему. Потом она икнула. — Ох нет, совсем не прекрасно.

Минут через пять у нее уже не было никаких сомнений в характере своих ощущений: ей хотелось только

одного — умереть. Аллан выплыл из каюты и вызвал корабельного врача, который сделал ей укол. Аллан подождал, пока подействует наркотик, а потом отправился разыскивать буфет, чтобы испробовать собственное средство от космической болезни — микстуру Ма-зерсилла от тошноты, смешанную пополам с шампанским. К сожалению, ему пришлось убедиться, что эти великолепные порошковые средства не действуют. Может, не надо было их смешивать?

У маленькой Глории Симмонс космической болезни не было. Вскоре она обнаружила, что невесомость очень забавна, и упруго, точно воздушный шарик, отскакивала от потолка, пола и переборок. Ослабевшая Джо раздумывала, не удавить ли девчонку, когда та будет проплывать мимо, но это потребовало бы слишком больших усилий.

Торможение, хотя и превратило их вновь в неподвижные бревна, было все же огромным облегчением после тошнотворной невесомости. Для всех, кроме Глории. Она снова заплакала от страха и боли. Мать что-то пыталась ей объяснять, отец молился.

Они ощутили резкий толчок, завывала сирена. Джо с трудом подняла голову:

— Что это? Авария?

— Не думаю. Кажется, мы приземлились.

— Не может быть! Мы продолжаем тормозить — я же тяжелая, как свинец.

Аллан слабо улыбнулся:

— Я тоже. Земное притяжение. Забыла?

Ребенок продолжал плакать.

Они распрощались с семьей миссионера еще на корабле, так как миссис Симмонс решила подождать стюардессу из космопорта. Супруги Макрей, поддерживая друг друга, с трудом выбрались из ракеты.

— Не может быть, что это только сила тяжести, — негодовала Джо. Ей казалось, будто ноги вязнут в зыбучем песке. — Я же прошла специальный курс адаптации к земному притяжению на центрифуге там, у

нас дома, то есть я хотела сказать, в Луна-Сити. Наверное, мы просто ослабели от космической болезни.

Аллан с трудом распрямился.

— Ты права. Мы же два дня ничего не ели.

— Аллан, разве ты тоже не ел?

— Нет. Или скажем так: ничего не мог проглотить *надолго*. Ты голодна?

— Просто умираю от голода.

— Как насчет обеда в бифштексной у Кина?

— Чудесно. Ой, Аллан, мы ведь и вправду вернулись! — У нее в глазах опять блеснули слезы.

С Симмонсами они встретились снова, когда, перелетев через долину Гудзона в вагончике скоростной дороги, вышли на Большом центральном вокзале. Пока они ожидали багаж, Джо увидела достопочтенного пастора, который грузно выбирался из соседнего вагончика. На руках он держал Глорию. Жена шла следом. Симмонс осторожно опустил девочку на перрон. Глория с минуту постояла на дрожащих толстеньких ножках, потом шлепнулась наземь. Так она и лежала, то-ненько всхлипывая. Какой-то космонавт, судя по форме — пилот, остановился и с жалостью посмотрел на ребенка.

— На Луне родилась? — спросил он.

— Да, конечно, сэр. — Несмотря на все неприятности, Симмонс был чрезвычайно обходителен.

— Возьмите ее на руки. Ей снова придется учиться ходить.

Космонавт печально покачал головой и ушел. Симмонс постоял с озабоченным видом, потом, не обращая внимания на грязь, сел на пол возле ребенка.

Джо была слишком слаба, чтобы попытаться помочь Симмонсам. Она огляделась, ища Аллана, но тот был занят: прибыл рюкзак, который поставили прямо к его ногам. Аллан попытался поднять его и почувствовал себя глупо. Казалось, кто-то пригвоздил рюкзак к полу. А ведь Аллан прекрасно знал, что там нет ничего, кроме цветных и черно-белых микрофильмов, нескольких сувениров, туалетных принадлежностей и других мелочей — всего фунтов пятьдесят. Не мог этот рюкзак быть таким тяжелым, просто не мог. И все же это

было так. Аллан забыл, что такое пятьдесят фунтов на Земле.

— Носильщика, мистер? — обратился к Аллану щуплый седой старичок и подхватил рюкзак, словно перышко.

Аллан крикнул:

— Пошли, Джо! — и двинулся за старичком, чувствуя себя весьма неловко.

Носильщик замедлил шаг, приноравливаясь к тяжелой поступи Аллана.

— Вы что, с Луны?

— Да.

— Есть где остановиться?

— Нет.

— Ладно, придется вам помочь. Один мой приятель работает портье в «Коммодоре»...

Носильщик довел их до полотна самодвижущейся дороги, а затем до гостиницы. Они были слишком измотаны, чтобы идти куда-нибудь обедать, и Аллан заказал обед в номер. Джо уснула прямо в горячей ванне, и ее удалось извлечь оттуда с большим трудом: никак не хотела расставаться с приятным ощущением потери веса в воде. Аллан еле-еле убедил жену, что мягкий поролоновый матрац обладает почти такими же достоинствами. Спать они легли рано.

Около четырех утра Джо пробудилась от тревожного сна.

— Аллан, Аллан!

— М-м-м? Что случилось? — Он протянул руку к выключателю.

— Да ничего особенного. Просто мне приснилось, что я опять в ракете... Аллан, отчего здесь так душно? У меня ужасно болит голова.

— А? Не должно быть душно, у нас ведь номер с кондиционером. — Аллан пошмыгал носом. — Что-то и у меня голова побаливает, — признался он.

— Ну так открой окно.

Едва лишь холодный наружный воздух проник в комнату, Аллан задрожал и быстро юркнул под одеяло. Он еще не успел заснуть, размышляя, можно ли вообще спать под городской шум, врывавшийся в открытое окно, как жена снова позвала его:

- Аллан!
- Ну? Что еще?
- Милый, я совсем ооченела. Можно, я переберусь к тебе?
- Конечно.

В окно струился теплый и мягкий свет. Когда солнечный зайчик коснулся век Аллана, он открыл глаза. Жена тоже проснулась. Она вздохнула и прижалась к нему.

— Ой, милый, погляди-ка! Голубое небо — мы дома! Я и забыла, какое оно чудесное.

— А ведь здорово вернуться! Как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше. А ты?

— Великолепно. — Он откинул одеяло.

Она взвизгнула и натянула одеяло на себя.

— А?

— Пусть мальчик встанет и закроет окно, а его девочка еще понежится в постельке.

— Ладно.

Аллан двигался куда легче, чем накануне, но лежать в кровати все-таки было приятнее. Он снял телефонную трубку и попросил:

— Отдел обслуживания.

— Что вам угодно заказать? — приятным контрольно ответила трубка.

— Апельсиновый сок и кофе на двоих, яичницу из шести яиц — не слишком прожаренную, тосты из хлеба грубого помола. И пришлите «Таймс» и «Сатердей Ивнинг Пост».

— Через десять минут будет исполнено.

— Спасибо.

Подающее устройство загудело, когда он еще брился. Аллан взял поднос и подал Джо завтрак в постель. Поев, он отложил газету и сказал:

— Оторви-ка на минуту нос от своего журнала.

— С удовольствием. Уж очень велика эта проклятая штукавина, ее и держать-то устанешь.

— А ты бы выписала облегченное лунное издание. И обойдется-то всего в восемь-девять раз дороже...

— Не дури. Ну, что ты задумал?

— Как насчет того, чтобы выбраться из нашего затхлого гнездышка и отправиться покупать одежду?

— О-о-ох... Нет, не пойду я на улицу одетая по лунной моде!

— Боишься, что станут глазеть? Ты что, стала на старости лет пуританкой?

— Нет, милорд, просто не могу я выходить на улицу всего-навсего в куске нейлона и паре сандалий. Для начала мне нужна теплая одежда. — И она еще уютнее завернулась в одеяло.

— Прямо-таки больно слышать такие слова от отважной покорительницы космоса. Слушай, может, вызвать портного в номер?

— Пожалуй, слишком накладно. Ты-то все равно собирался выходить? Так купи мне любую тряпку, лишь бы она согревала.

Макрей заупряился:

— Пробовал я уже для тебя покупать...

— Ну, пожалуйста, в последний раз... Зайди к Сэку и купи синее джерси для улицы, десятый размер. И пару чулок.

— Уговорила.

— Вот и молодец. А я тут бездельничать не буду: вон какой длиннющий список людей, которым я должна позвонить и с кем должна повидаться.

Сначала Аллан отправился купить одежду для себя. Привычные ковбойка и шорты грели не лучше соломенной шляпы в зимнюю выюгу. Хотя в действительности было совсем не холодно. Солнце дарило приятное тепло, но человеку, привыкшему к постоянной температуре не ниже семидесяти по Фаренгейту, погода казалась холодной. Аллан всячески старался либо подольше оставаться в метро, либо идти по той стороне Пятой авеню, которая была защищена крышей.

Аллан подозревал, что продавец всучил ему завалящий костюм и что он выглядит в нем деревенщиной. Костюм, правда, согревал, но и весил изрядно, к тому же он стягивал грудь и затруднял дыхание. Интересно, думал Аллан, долго ли еще придется мучиться, пока снова обретишь земную походку?

Заботливая продавщица выполнила заказ Джо и, кроме того, подобрала для нее теплую пелеринку. Аллан отправился домой, согнувшись под тяжестью пакетов. Тщетно он пытался поймать такси. По-видимому, спешили все, а не он один. Один раз его чуть не сбил с ног какой-то мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Мальчишка крикнул: «Разуй глаза, дед!» — и скрылся прежде, чем Аллан подобрал подходящий ответ.

Когда он вернулся, все у него ныло и он мечтал о горячей ванне. Принять ванну не удалось: у Джо сидела гостья.

— Миссис Эпплби, это мой муж. Аллан, это матушка Эммы Крейл.

— Как поживаете, доктор... Или... Как лучше сказать — профессор?

— Лучше просто мистер.

— Когда я узнала, что вы в городе, я чуть не сгорела от нетерпения, так хотелось поскорее услышать о моей драгоценной девочке... Как ей там живется? Похудела? Хорошо ли выглядит? Уж эти мне современные девицы... Я всегда втолковывала ей, что надо побольше гулять. Сама я ежедневно совершаю променады в парке — вы только посмотрите на меня. Она прислала свою фотографию, кажется, я ее захватила с собой. На ней она выглядит совсем плохо, наверно, неважно питается. Эта синтетическая пища...

— Не ест она синтетической пищи, миссис Эпплби.

— ...должно быть, малопитательна, не говоря уже о вкусе. Что вы сказали?

— Ваша дочь питается вовсе не синтетической пищей, — повторил Аллан. — Свежие фрукты и овощи — это чуть ли не единственное, чего у нас в Луна-Сити в избытке. Растения, понимаете ли, выращиваются в специальных условиях.

— Вот я об этом и толкую. Признаться, не понимаю, как это вы там у себя, на Луне, получаете пищу из этих машин, кондиционирующих воздух...

— В Луне, миссис Эпплби.

— ...но она не может быть здоровой. Наши домашние установки для кондиционирования воздуха вечно ломаются и ужасно пахнут, просто невыносимо, мои дорогие. И вы думаете, что возможно построить не-

большую установку, такую, что... Хотя, конечно, если вы хотите, чтобы она еще изготавливала синтетическую пищу...

— Миссис Эпплби...

— Да, доктор? Вы что-то хотели сказать? Лично я...

— Миссис Эпплби, — с отчаянием заговорил Макрей, — растения в Луна-Сити выращиваются на огромной гидропонической ферме, в больших чанах. Там масса зелени. Растения извлекают из воздуха углекислоту и обогащают его кислородом.

— Но... вы в этом уверены? Помнится, Эмма говорила...

— Совершенно уверен.

— Ну-ну... Я не претендую на понимание подобных вещей, я ведь натура художественная, как частенько говаривал мой бедный Герберт. Герберт — это отец Эммы, он был всецело поглощен техникой, хотя я и настаивала, чтобы он слушал хорошую музыку и просматривал критические обзоры бестселлеров. Боюсь, что Эмма пошла по стопам отца. Я просто мечтаю, чтобы она бросила свою дурацкую работу. Неподходящее это дело для женщины, как вы считаете, миссис Макрей? Все эти атомы и нейтроны и прочие штуки, которые летают вокруг нас в воздухе. Я читала о них в разделе «Популярная наука» в журнале...

— Она хорошо в этом разбирается, и работа ей по душе.

— Ну разумеется, так и должно быть. Это же так важно — быть удовлетворенной тем, что делаешь, пусть ты даже и занимаешься ерундой. И все же я беспокоюсь о девочке — похоронить себя вдали от цивилизации! Поговорить не с кем, ни театров, ни культурной жизни, ни общества...

— В Луна-Сити демонстрируются стереокопии каждого бродвейского спектакля, имеющего успех. — В голосе Джо зазвучали резкие нотки.

— О-о? В самом деле? Но ведь это совсем не то, что пойти в театр, моя дорогая, там же общество изысканных людей. Вот когда я была девушкой, мои родители...

Аллан, позабыв о всяком приличии, сказал:

— Уже час. Ты обедала, родная?

Миссис Эпплби выпрямилась в кресле:

— О Боже! Пора бежать. Моя портниха — такая тиранка, но она гениальна, надо будет дать вам ее адрес. Вы были очаровательно любезны, мои дорогие, и я вам бесконечно благодарна за рассказ о моей бедняжке. Как бы мне хотелось, чтобы она оказалась такой же благоразумной, как вы. Она ведь знает, что я всегда готова предоставить свой дом в ее распоряжение, да уж если на то пошло, то и в распоряжение ее мужа. Заходите ко мне почаще. Обожаю разговаривать с людьми, которые побывали на Луне...

— В Луне.

— Это так сближает меня с моей милой крошкой. До свидания, до свидания.

Когда дверь за ней закрылась, Джо сказала:

— Аллан, мне необходимо глотнуть чего-нибудь покрепче.

— Мне тоже.

Поход по магазинам Джо сократила до минимума. Это занятие было слишком утомительно. К четырем часам они отправились в Центральный парк насладиться красотой осеннего пейзажа под ленивое цоканье лошадиных копыт. Вертолеты, голуби и перистые полосы, оставленные ракетными двигателями, придавали парку идиллическую прелесть и безмятежность. Джо проглотила подступивший к горлу комок и прошептала:

— Аллан, разве это не прекрасно?

— Да, конечно. Как все-таки здорово вернуться! Кстати, ты заметила, что Сорок вторую улицу опять всю разрыли?

Вернувшись в номер гостиницы, Джо рухнула на кровать, а Аллан немедленно сбросил ботинки. Сев в кресло и растирая ноющие ноги, он сказал:

— Весь вечер буду ходить босиком. Господи, как болят ноги!

— И у меня. Но мы же собирались к твоему отцу, милый.

— Что-о-о? Вот черт, я и забыл. Джо, нет, ты просто с ума сошла! Позвони и договорись на другой вечер. Мы же совсем выдохлись.

— Но, Аллан, он ведь приглашал кучу твоих друзей!

— Чушь собачья! Нет у меня в Нью-Йорке никаких друзей! Договорись на ту неделю.

— На ту? Гм-м-м... Слушай, Аллан, давай-ка лучше сразу уедем в деревню.

У Джо был крошечный клочок земли в Коннектикуте — старая, заброшенная ферма, оставленная ей родителями.

— А я-то думал, что тебе хочется недельки две походить по театрам и концертам. С чего вдруг такая спешка?

— Сейчас покажу. — Она подошла к окну, которое не закрывалось с самого полудня. — Погляди-ка на подоконник. — И она нарисовала на слое сажи свои инициалы. — Аллан, в этом городе столько грязи!

— Было бы странно, если бы девять миллионов людей не поднимали пыль.

— Но всю эту грязь мы вдыхаем в легкие! Почему здесь не соблюдаются законы по борьбе со смогом?

— Это не смог, а нормальная городская грязь.

— Луна-Сити никогда не был таким грязным! Там можно носить одно и то же белое платье, пока оно не надоест. Здесь его и на один день не хватит.

— Над Манхэттенон нет крыши, а копоты в воздухе хоть отбавляй от выхлопных газов.

— В том-то и дело. Я тут или мерзну, или задыхаюсь.

— А мне казалось, что ты мечтаешь о прикосновении дождевых капель к твоему личику.

— Не будь занудой. Я и теперь хочу того же, но только на свежем воздухе и среди зелени.

— Ладно. Мне это тоже по душе: надо поскорее приступить к своей книге. Я поговорю с твоим агентом по недвижимости.

— Я уже говорила с ним сегодня утром по телефону. Мы можем ехать в деревню когда угодно. Он начал там наводить порядок сразу же после получения моего письма.

В тот вечер в доме отца Аллана ужинали а ля фуршет, но Джо сейчас же уселась и попросила принести ей еду. Аллан тоже с удовольствием присел бы, но положение почетного гостя обязывало его провести

весь прием на ногах. Возле буфета его поймал отец и ухватил за пуговицу:

— Попробуй-ка эту гусиную печенку, сынок. Полагаю, после того, что вы ели на Луне, она покажется тебе чудесной.

Аллан согласился, что печенка великолепна.

— Ну, сынок, а теперь ты должен рассказать гостям о своих странствиях.

— Никаких речей, папа! Пусть они читают «Национальный географический журнал».

— Чепуха! — Отец повернулся к гостям: — Внимание, сейчас Аллан расскажет нам о жизни лунатиков!

Аллан закусил губу. Конечно, жители Луна-Сити именно так называли друг друга, но здесь это слово звучало совсем иначе.

— Да мне и говорить не о чем. Лучше продолжайте ужинать.

— Рассказывай, а мы будем закусывать!

— Расскажи нам о городе лунатиков!

— А вы видели лунного человека?

— Давай, Аллан, загни-ка нам про жизнь на Луне!

— Да не на Луне, а в Луне.

— Какая разница?

— Наверно, никакой. — Он колебался: действительно, объяснить, почему лунные колонисты так подчеркивали, что живут внутри земного спутника, было трудно, но манера говорить «на Луне» раздражала его так же, как слово «Фриско» раздражает жителей Сан-Франциско. — «В Луне» — просто мы так говорим. На поверхности мы проводим очень мало времени, разве что персонал Ричардсоновской обсерватории, изыскатели и так далее. Жилые кварталы, разумеется, расположены под поверхностью.

— Бойтесь метеоритов, что ли?

— Не больше, чем вы — молнии. Подземное строительство облегчает решение проблемы отопления и герметизации. Облегчает и удешевляет. Проходка горных пород не так уж трудна, а трещиноватая почва выполняет роль вакуума в термосе, в этих трещинах ведь и вправду вакуум.

— Но, мистер Макрей, — спросила очень серьезная дама, — неужели у вас не болят уши оттого, что вы живете под давлением?

Аллан обвел комнату рукой:

— Здесь точно такое же давление, как и там, — пятнадцать фунтов.

Дама была сбита с толку, но быстро нашлась:

— Возможно, вы и правы, хотя этому и трудно поверить. И все же я бы не могла жить замурованной в пещере. А вдруг произойдет взрыв из-за разницы в давлении?

— Давление в пятнадцать фунтов не опасно. Инженерам приходится работать при давлении в тысячи фунтов на квадратный дюйм. Кроме того, Луна-Сити подобно кораблям состоит из множества отсеков. Это гарантирует безопасность. Живут же голландцы под защитой плотин, есть дамбы и в низовьях Миссисипи. Метро, океанские лайнеры, самолеты — все это искусственная среда для обитания человека. Луна-Сити кажется вам странным только потому, что до него далеко.

Дама содрогнулась:

— Даже представить себе что-либо подобное жутко!

Какой-то весьма самоуверенный человечек протолкался вперед:

— Мистер Макрей, даже если допустить, что вся эта затея имеет значение для науки и так далее, то почему все-таки надо выбрасывать деньги налогоплательщиков на содержание города на Луне?

— Полагаю, что вы сами уже ответили на этот вопрос, — сдержанно сказал Аллан.

— А вы чем это оправдываете? Ответьте, сэр!

— Это не требует оправданий. Лунная колония уже многократно окупилась. Все лунные предприятия приносят доходы своим акционерам: и Шахты Артемиды, и Космические пути сообщений, и Компания обеспечения космических полетов, и туристическая корпорация «Диана», и Корпорация исследований в области электроники, и Лунные биологические лаборатории, не говоря уже о Лабораториях Резерфорда, — можете поинтересоваться. Согласен, Программа космических исследований иногда пощипывает налогоплательщиков,

поскольку является объединенным владением правительства и Фонда Харримана.

— Ах, так вы признаетесь в этом! А здесь важен принцип!

У Аллана невыносимо горели ноги.

— Принцип, принцип! Есть только один принцип: научные работы всегда окупались.

Он повернулся спиной к собеседнику и положил себе еще гусиной печенки. Кто-то тронул его за плечо. Аллан узнал старого школьного друга.

— Здорово ты отбрил старину Битла, поздравляю. Так ему и надо: он ведь, кажется, радикал.

Аллан улыбнулся:

— Все же не следовало выходить из себя.

— Ты его хорошо отделал. Слушай, Аллан, завтра вечером я собираюсь совершить экскурсию с парочкой приезжих клиентов по значным местам. Поехали, а?

— Спасибо, но мы уезжаем в деревню.

— Как же можно упускать такой случай? Столько времени быть погребенным на Луне и не позволить себе самых невинных удовольствий после этакой тоски!

Аллан почувствовал, что краснеет.

— Спасибо за предложение, но... ты видел когда-нибудь зал с видом на Землю отеля «Лунная гавань»?

— Нет. Собираюсь съездить. Разумеется, когда разбогатею.

— Вот это настоящий ночной клуб. Видел ты когда-нибудь, как танцовщица взмывает на тридцать футов и медленно опускается, кружась в воздухе? Пробовал коктейль «Лунатизм»? Видел, как работают жонглеры при малой силе тяжести?... — Аллан встретился взглядом с глазами Джо, сидевшей в другом конце комнаты. — Извини, старик, жена ждет. — Он отвернулся от приятеля, а затем бросил через плечо: — Кстати, «Лунная гавань» — не ночлежка для космонавтов, а вполне респектабельный «звездочный» отель. Он даже занесен в каталог «Дункан Хайнес Ассошиэйшен».

Джо была бледна.

— Милый, уведи меня. Задыхаюсь. Совсем расклеилась.

— Пошли.

Они извинились и уехали.

Утром Джо проснулась с сильным насморком, и для поездки в деревню пришлось взять воздушное такси. Под ними плыли низкие облака, но над облачной пеленой сияло солнце. Яркое солнце и усыпляющий рокот вертолета вновь наполнили их радостью.

Аллан нарушил мечтательное молчание:

— Забавно, Джо! Меня ни за какие коврижки не заманить обратно на Луну, но вчера я поймал себя на том, что стоит лишь раскрыть рот — и я яростно защищаю все лунное.

Она кивнула:

— Я тебя понимаю. Честное слово, Аллан, кое-кто из этих людишек ведет себя так, будто считает, что Земля плоская. Одни из них просто ничему не верят, а другие так ограничены, что ничего не понимают. Не знаю, кто меня больше бесит.

Стоял легкий туман, когда они приземлились. Домик встретил их уютом. Агент Джо к приезду хозяев разжег камин и набил холодильник всякой снедью. Через десять минут после посадки они уже пили горячий пунш и наслаждались покоем и теплом.

— Ну вот, — сказал, сладко потягиваясь, Аллан, — все в порядке. И в самом деле, как здорово вернуться!

— Гм-м... Все хорошо, кроме этой дороги.

Новое супершоссе для скоростных грузовых и легковых машин было проложено всего в пятидесяти ярдах от их домика, и рев мощных дизелей, одолевающих подъем, был слышен великолепно.

— Да забудь ты об этом шоссе. Повернись к нему спиной и смотри на лес.

Они уже настолько привыкли к ходьбе, что могли наслаждаться короткими прогулками. Им повезло: стояло теплое бабье лето. Уборщица попалась молчаливая и работающая. Аллан разбирал материалы трехлетних исследований, готовясь приступить к своей книге. Джо помогала ему с расчетами, снова привыкала к стряпне, спала и отдыхала.

В день, когда засорился туалет, ударили первые заморозки. Они обратились к деревенскому водопроводчику, который пообещал заглянуть на следующий день. Пока же пришлось прибегнуть к маленькому

уютному строению — реликту древних времен, стоявшему возле поленницы. Там жили полчища пауков.

Водопроводчик их не порадовал:

— Новый унитаз. Новую трубу. Стоит сменить и остальную арматуру. Пятнадцать-шестнадцать сотен долларов. По предварительному подсчету.

— Хорошо, — сказал Аллан, — начнете сегодня же?

Водопроводчик расхохотался:

— Я вижу, мистер, вам невдомек, как трудно в наше время раздобыть материалы и рабочих. Только весной, когда земля оттает.

— Это невозможно, друг. Во сколько бы ни обошлось, делайте сейчас.

Местный житель пожал плечами:

— Ничем не могу быть полезен. До свидания.

Когда он ушел, Джо взорвалась:

— Аллан, он просто не хотел нам помочь!

— Что ж, возможно. Вызову кого-нибудь из Норвока или даже из Нью-Йорка. Не можем же мы всю зиму бегать по снегу в эту избушку на курьих ножках.

— Очень надеюсь, что не придется.

— Конечно, нет. Ты и так уже один раз простудилась. — Аллан мрачно уставился на огонь. — Боюсь, что это я сам виноват и мое чувство юмора.

— Как так?

— Знаешь, все стали подсмеиваться над нами, когда пронюхали, что мы с Луны. Мне-то наплевать, но все же иной раз становится не по себе. Помнишь, на прошлой неделе я ходил в деревню?

— Что же случилось?

— Они взяли меня в оборот в парикмахерской. Сначала я и ухом не повел, а потом что-то во мне разыграло. Начал я им рассказывать про Луну. Вспомнил бородатые анекдоты насчет червей — обитателей вакуума, про окаменелый воздух. До них не сразу дошло, что я их дурачу, а когда дошло, все обозлились. Наш друг — специалист по санузам — тоже был в той же компании. Очень сожалею, малышка.

— Ничего. — Джо поцеловала мужа. — Если мне придется пробираться в туалет по снегу, то сознание,

что ты хоть немного отыгрался на них, будет меня согревать.

Водопроводчик из Норвока оказался более деятельным, но дождь и последовавший за ним мокрый снег сильно задержали работу. Аллан и Джо простудились. На девятый день после аварии Аллан сидел за письменным столом, когда услышал скрип двери. Значит, вернулась Джо с покупками. Он продолжал трудиться, но вскоре спохватился, что жена так и не вошла в комнату со своим обычным: «Привет!» Пришлось идти выяснять, в чем дело. Джо, сидя на кухонной табуретке, тихонько плакала.

— Милая, — сказал он настойчиво, — родная моя, что случилось?

Она подняла глаза:

— Тебе лучше не знать.

— Высморкайся. Теперь вытри глаза. Чего это мне лучше не знать? Что произошло?

Она заговорила, отмечая знаки препинания взмахами носового платка. Сначала лавочник сказал, что у него нет губок для мытья посуды. Потом, когда она ему на них показала, он стал уверять, что губки проданы. Наконец, он прошелся по адресу тех, кто «приглашает в деревню чужих рабочих и отбивает хлеб у честных людей». Джо разозлилась и напонила эпизод в парикмахерской. Лавочник стал еще суровее.

— «Леди, — сказал он мне, — не знаю, были ли вы с мужем на Луне или нет. Меня это не интересует, как и ваши деньги». Ох, Аллан, как мне плохо!

— Ну, сейчас ему станет куда хуже, чем тебе! Где шляпа?

— Аллан, никуда я тебя не пущу! Не хватало еще, чтобы ты ввязался в драку.

— Я не позволю ему грубить тебе!

— У него не будет такой возможности. Ох, милый, я так старалась делать вид, что все в порядке, но больше не могу. Я тут не останусь. И не только из-за лавочника, а из-за холода, тараканов и постоянного насморка. Я так измучилась. И ноги все время болят... — Она опять заплакала.

— Вот те раз! Ну так уедем, родная. Поедем во Флориду. Я буду кончать книгу, а ты — загорать на солнце.

— Не хочу во Флориду! *Я домой хочу!*

— Что-о? В Луна-Сити?

— Да! О Боже, я знаю, что ты не хочешь, но я не могу выносить всего этого. И не в грязи дело, и не в холоде, и не в этом идиотском сортире, а в том, что здесь нас никто не понимает. В Нью-Йорке было не лучше. Эти кроты *ничего* не смыслят!

Он улыбнулся:

— Давай, давай, детка, я на приеме.

— Аллан!

Он кивнул:

— Я уже давно понял, что в душе лунатик, но боялся признаться тебе. Ноги у меня ужасно болят, и мне осточертело, что со мной обращаются, как с ненормальным. Я старался быть терпимым, но эти кроты просто невыносимы. Мне не хватает людей с нашей доброй старой Луны. Они цивилизованны.

Она закивала головой:

— Может, это предубеждение, но у меня такие же ощущения.

— Это не предубеждение. Что надо, чтобы попасть в Луна-Сити?

— Билет.

— Господи, да я же не о туристской поездке, а о том, что нужно, чтобы получить работу! Ты знаешь что — интеллект. Отправка человека на Луну стоит дорого, а содержание его там — тем более. Чтобы окупить себя, он должен обладать многими достоинствами: высоким умственным коэффициентом, хорошим индексом совместимости, отличным образованием. Все это делает человека приятным, легким в общении и интересным. Мы избалованы: тупость среднего обывателя, которой кроты почти не замечают, мы находим невозможной, потому что лунатики — другие. И неважно, что Луна-Сити — самый удобный город из всех, построенных человеком. Главное — люди. Поедем домой.

Он подошел к телефону, старинному аппарату, предназначенному только для передачи речи, и вызвал Нью-Йоркское отделение Фонда. Пока он ждал ответа, прижимая к уху дубиноподобную трубку, Джо спросила:

— А если нас не возьмут?

— Вот и я этого боюсь.

Они знали, что лунные компании редко соглашаются брать на работу тех, кто однажды уехал. Требования к физической выносливости в таких случаях резко повышались.

— Алло... Алло... Фонд? Можно соединиться с сектором набора? Алло... Да не могу я включить изображение, у меня настенный висячий аппарат средних веков. Говорит Аллан Макрей, специалист по физической химии, контракт номер 1340729. И моя жена, Джозефина Макрей, контракт номер 1340730. Мы хотим возобновить контракты... Ладно, подожду.

— Моли Бога, милый, моли.

— Я и молю... Как вы сказали? Мое место еще не занято? Чудесно! Чудесно! А как насчет моей жены? — Он слушал с озабоченным видом. Джо затаила дыхание. Затем он прикрыл трубку рукой: — Эй, Джо, твое место занято. Спрашивают, пойдешь ли ты временно младшим бухгалтером.

— Скажи — да!

— Вот и прекрасно. Когда мы можем пройти испытания? Прекрасно, спасибо. До свидания. — Он повесил трубку и повернулся к жене: — Проверка состояния здоровья и психики — когда угодно, а по специальности экзамены сдавать не надо.

— Чего же мы ждем?

— Ничего. — Он набрал номер Норвокской вертолетной службы. — Можете доставить нас на Манхэттен? Силы господни, неужели у вас нет радара? Ладно, ладно, до свидания! — Он фыркнул. — Их вертолеты не поднимаются из-за плохой погоды: Сейчас вызовут Нью-Йорк и попробуют заказать более современную машину.

Через полчаса часа они уже садились на крышу башни Харримана.

Психолог был предельно доброжелателен.

— Ладно, разделаемся с проверкой психики до того, как за вас примутся терапевты. Расскажите мне о себе.

Он почти вывернул их наизнанку, время от времени покачивая головой:

— Понятно, понятно. А канализацию вам все-таки починили?

— Только что закончили.

— Сочувствую вам по поводу болей в ногах, миссис Макрей. У меня тоже они здесь ноют в подъеме. Значит, по этой причине вы и решили вернуться обратно?

— О нет!

— А по какой же, миссис Макрей?

— Честное слово, не по этой! Просто я хочу иметь дело с честными людьми, способными меня понимать. Если я чем-нибудь больна, то только тоской по дому и людям моего склада. Я хочу вернуться домой и готова взяться за любую работу, лишь бы попасть туда. Мое место на Луне, клянусь, только там.

Доктор стал необычайно серьезен:

— А что с вами, мистер Макрей?

— Да, в общем-то, почти то же самое. Пытался писать книгу, но не могу здесь работать. Тоскую по дому. Хочу вернуться.

Доктор Фельдман улыбнулся:

— Это не так уж трудно.

— Вы хотите сказать, что мы приняты?! Если выдержим проверку здоровья?

— Да бог с ней, с проверкой! Вы же проходили ее перед отправкой с Луны, данные достаточно свежие. Конечно, придется съездить в Аризону, пройти карантин и систему адаптационных процедур. Вы, вероятно, удивлены, что вопрос решается так просто. Ответ элементарен: нам не нужны люди, которых влечет высокая зарплата. Нам нужны люди, которые будут счастливы только на Луне и станут ее постоянными жителями, короче говоря, люди, считающие Луна-Сити своим домом. Теперь, когда вы получили «лунный удар», мы будем рады вашему возвращению.

Он встал и протянул руку.

Ночевали они в том же «Коммодоре». Джо внезапно осенило:

— Аллан, а как ты думаешь, не удастся ли нам получить прежнюю квартиру?

— Ох, вот уж не знаю. Надо бы дать старушке Стоун радиogramму.

— Лучше позвони ей, Аллан. Мы можем позволить себе такую роскошь.

— Идет!

Потребовалось около десяти минут, чтобы попасть на линию. Физиономия мисс Стоун, когда она их увидела, стала чуть менее угрюмой.

— Мисс Стоун, мы возвращаемся домой!

Обычная трехсекундная задержка, потом:

— Я знаю. Телеграмма пришла минут двадцать назад.

— Ах вот как! Мисс Стоун, наша прежняя квартира свободна?

Они ждали ответа.

— Я ее попридержала. Я же знала, что вы скоро вернетесь. Добро пожаловать домой, лунатики!

Когда экран погас, Джо спросила:

— Что она хотела сказать, Аллан?

— Похоже, что мы стали для нее своими. Члены одной лиги.

— Наверно, так... Ой, Аллан, погляди-ка!

Она подошла к окну. Ветер согнал облака и открыл Луну. Она была совсем тоненькая, новорожденная. Море Плодородия — завиток в волосах Лунной девы — ярко светилось. У правого края этого «моря» находилась крошечная точка, видимая лишь их внутреннему взору, — Луна-Сити.

Ясный серебристый полумесяц висел над небоскребами.

— Милый, разве она не прекрасна?

— Конечно, прекрасна. Будет так здорово вернуться! Не хлюпай носом!

А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК

— «Неограниченные услуги». Мисс Кормет слушает, — сказала она, глядя на экран. В голосе звучали одновременно дружеское участие и холодная деловитость — как раз в необходимой пропорции. Экран немного помигал и выдал стереоизображение: толстая, разодетая в пух и прах особа аристократической наружности, которой явно не помешали бы занятия спортом.

— О, моя дорогая, — простонало изображение. — Я просто не знаю, сумеете ли вы мне помочь...

— Я не сомневаюсь, что это в наших силах, — заворковала мисс Кормет, мгновенно прикинув стоимость платья и драгоценностей, явно настоящих, и решив, что клиент выгодный. — Какие у вас проблемы? И ваше имя, пожалуйста. — Она протянула руку к подковообразному пульту и коснулась клавиши «Связь с кредитным отделом».

— Все так безумно сложно! — с чувством произнесло изображение. — Надо же было Питеру именно сейчас сломать себе бедро! — Мисс Кормет нажала клавишу «Медицина». — Я всю жизнь говорила, что поло — опасное занятие. Нет, вы не представляете, моя

«We Also Walk Dogs».

© А. Корженевский, перевод, 1993.

дорогая, что такое материнские страдания... И главное, так некстати...

— Вы хотите, чтобы мы взяли на себя уход за больным? Где он сейчас?

— Уход? Боже! Ни в коем случае! Этим займется в клинике «Мемориал». Мы им достаточно платим. Нет, меня беспокоит званый обед. Принцесса будет очень недовольна, если все сорвется...

Ответный сигнал из кредитного отдела настойчиво мигал, и мисс Кормет решила вернуться к началу разговора.

— Понятно. Мы обо всем позаботимся. А теперь, пожалуйста, ваше имя, постоянный адрес и местонахождение в данный момент.

— Как?! Вы меня не знаете?

— Я догадываюсь, — тактично ушла от ответа мисс Кормет, — но в «Неограниченных услугах» полагаются только на информацию, полученную от самого клиента.

— Да, действительно... Очень мило и предусмотрительно с вашей стороны. Меня зовут миссис ван Хогбейн-Джонсон.

Мисс Кормет едва сдержала удивление. Необходимость консультироваться в кредитном отделе отпала. Но сигнал на пульте уже вспыхнул: «ААА» — неограниченный кредит.

— Однако я не вижу, как вы сумеете мне помочь, — продолжала миссис Джонсон. — Я же не могу разорваться, а мне нужно быть одновременно в двух местах.

— Мы любим сложные задачи, — заверила ее мисс Кормет, — и если вы расскажете мне подробнее...

Через несколько минут она вытянула из миссис Джонсон более-менее связный рассказ. Оказалось, ее сын, Питер III, — слегка потрепанный годами Питер Пэн, хорошо знакомый мисс Кормет по стереографиям в прессе, где его показывали в самых невообразимых нарядах, что захватывало воображение богатых бездельников, прожигающих время в свое удовольствие, — совершенно бездумно выбрал именно этот день, — когда у матери намечено важнейшее светское мероприятие, — чтобы покалечиться, причем довольно серъ-

езно. Более того, он настолько невнимателен к своей матушке, что совершил эту оплошность за полконтинента от дома.

Мисс Кормет поняла, что давняя привычка миссис Джонсон держать отпрыска под контролем требовала от нее немедленного появления у постели больного. И, разумеется, личного участия в подборе младшего медперсонала. Однако званый обед, назначенный на сегодня, должен был стать кульминацией многомесячных усилий и интриг. Как совместить все это в один вечер?

Твердо помня, что процветание «Неограниченных услуг» и ее собственный, довольно значительный доход зависят в основном от глупости, отсутствия предприимчивости или просто лени пустоголовых паразитов на теле общества, мисс Кормет объяснила миссис Джонсон, что компания «Неограниченные услуги» проследит, чтобы ее светский обед прошел успешно, для чего в ее гостиной будет установлен стереозэкран, и тогда она, видная в полный рост, сможет приветствовать гостей и беседовать с ними, находясь на самом деле у постели сына. Мисс Кормет проследит, чтобы приемом руководил самый способный менеджер с безупречной репутацией в обществе, чья связь с «Неограниченными услугами» не известна никому. При правильной постановке дела катастрофу можно превратить в светский триумф, лишний раз подчеркнув, что миссис Джонсон не только изобретательная, гостеприимная хозяйка, но и заботливая мать.

— Воздушное такси, которое доставит вас в ракетный порт, прибудет к подъезду через двадцать минут, — добавила она, нажимая клавишу «Транспорт». — До порта вас будет сопровождать один из наших молодых сотрудников, которому вы сообщите все необходимые дополнительные сведения. Каюта для вас и место для вашей горничной зарезервированы на рейс до Ньюарка, отбывающий в 16.45. Можете ни о чем не беспокоиться. Теперь это будет делать за вас компания «Неограниченные услуги».

— О, благодарю вас, моя дорогая. Вы меня так выручили. Вы ведь просто не представляете себе, какая ответственность лежит на человеке с моим положением в обществе.

Мисс Кормет вполне профессионально выразила сочувствие и решила, что старуху можно раскрутить на дополнительные услуги.

— Вы очень устало выглядите, мадам, — произнесла она озабоченно. — Может быть, мне следует позаботиться о массажисте, который будет сопровождать вас в дороге, или лучше дать вам в сопровождающие врача? Как вы себя сейчас чувствуете?

— О, вы так заботливы!

— Я пришла обоих, — решила мисс Кормет и отключила экран, немного сожалея, что не догадалась сразу предложить даме отдельную ракету. Особые услуги, не включенные в прейскурант, оплачивались по схеме «цена-плюс», и в подобных случаях «плюс» означал столько, сколько можно вытянуть из клиента.

Она переключилась на служебный канал: на экране возникло изображение молодого человека с внимательными глазами.

— Передаю запись, Стив, — отчеканила мисс Кормет. — Особые услуги, кредитный код — тройное «А». Я распорядилась о немедленном обслуживании.

Брови у Стива подскочили вверх.

— Тройное «А»... Премияльные?

— Конечно. Обслужи эту старую перечницу по полной программе, и чтобы все было безукоризненно. Ее сын сейчас в больнице. Проверь медсестер, которые его обслуживают, и если хоть одна из них хорошенькая, немедленно поставь вместо нее какое-нибудь пугало.

— Ясно. Давай запись.

Она отключилась, экран потускнел, и над ним загорелся зеленый огонек «Свободно». И почти тут же он сменился красным: на экране материализовалось новое изображение.

Этот уже не будет швырять деньги попусту, подумала Грейс Кормет, увидев ухоженного, подтянутого мужчину лет за сорок с пронизательным взглядом — твердым, но вполне вежливым. Накидка церемониального утреннего плаща была небрежно отброшена назад.

— «Неограниченные услуги», — сказала она. — Мисс Кормет слушает.

— Э-э-э... мисс Кормет, — начал мужчина, — я бы хотел поговорить с вашим руководством.

— С начальником оперативной службы?

— Нет, мне нужен президент «Неограниченных услуг».

— А что вас интересует? Может быть, я смогу вам помочь?

— Извините, но я не могу объяснить цель своего обращения. Мне необходимо увидеть президента, и немедленно.

— Извините и вы нас, но мистер Клер очень занятой человек. Увидеться с ним без предварительной договоренности и без объяснений цели визита просто невозможно.

— Вы записываете?

— Разумеется.

— Тогда, будьте добры, отключите запись.

Грейс протянула руку и на виду у клиента выключила магнитофон. Затем нажала еще одну кнопку, уже под пультом, и включила запись снова. Иногда в «Неограниченные услуги» обращались с просьбами о чем-то незаконном; служащие компании не болтали лишнего, однако предпочитали не рисковать. Мужчина выудил что-то из складок одежды и протянул в сторону мисс Кормет — из-за стереоэффекта казалось, что он тянется прямо через экран.

Лишь профессиональная выучка позволила Грейс скрыть удивление: перед ней блестела печать представителя всепланетного правительства, причем значок был зеленого цвета.

— Я договорюсь о встрече, — сказала она.

— Хорошо. И не могли бы вы встретить меня в фойе? Через десять минут.

— Я вас встречу, мистер... — Но того уже не было на экране.

Грейс соединилась с начальником оперативной службы и вызвала себе замену. Затем, отключив пульт, извлекла кассету с тайной записью разговора, взглянула на нее в нерешительности и, помедлив немного, опустила в прорезь панели, чтобы уничтожить нестойкую магнитную запись.

В кабинку вошла девушка — довольно эффектная блондинка. Она выглядела чуть заторможенной и вя-

лой, однако на самом деле ни то, ни другое к ней не относилось.

— Привет, Грейс, — сказала она. — Что-нибудь оставляешь?

— Нет. Чистый пульт.

— Что случилось? Заболела?

— Нет.

Ничего больше не объясняя, Грейс вышла из кабинки и прошла мимо целого ряда таких же помещений с операторами по особым услугам в большой зал, где работали операторы каталогизированных услуг. Здесь не было такого сложного оборудования, как в кабинке у Грейс: один только огромный талмуд с перечислением цен на все стандартные услуги компании и обычный видеофон позволяли оператору вполне успешно справляться практически с любым пожеланием клиента. Если же запросы превышали возможности каталога, клиента соединяли с кем-нибудь из аристократов находчивости вроде Грейс.

Она срезала путь, пройдя через главную картотеку между двумя рядами стучащих телетайпов, и оказалась в фойе. Пневматический лифт мгновенно доставил ее на президентский этаж. Секретарша не остановила мисс Кормет и даже не доложила о ее приходе, но Грейс заметила, как быстро забегали пальцы девушки по клавиатуре вокодера.

Обычно операторы не заходят просто так к президентам корпораций с оборотом в несколько миллиардов долларов, но компания «Неограниченные услуги» заметно отличалась от всех других на планете. Как и везде, здесь учитывали, покупали и продавали специальную подготовку, но превыше всего ценили находчивость и быстрый ум. Первым в иерархии компании стоял президент Джей Клер, вторым — его помощник Сандерс Френсис, а затем шли более двадцати операторов, принимавших заказы на особые услуги, к числу которых принадлежала и Грейс, а также менеджеры, в чью задачу входило выполнение особо сложных специальных заданий. Собственно, это была одна административная группа, поскольку операторы и менеджеры такого класса нередко просто подменяли друг друга.

За ними шли десятки тысяч других сотрудников, рассеянных по всей планете, — от главного бухгалтера, начальника юридического отдела, главного архивариуса до местных управляющих, операторов стандартных услуг и прочих, включая временных сотрудников: стенографисток, работающих где и когда требуется, повес, готовых занять пустующее место за праздничным столом, и так далее — вплоть до человека, сдающего внаем броненосцев и дрессированных блох.

Грейс прошла в кабинет мистера Клера — единственное помещение в здании, не заставленное электро-механическим, записывающим и коммуникационным оборудованием. Здесь был лишь пустой стол, несколько кресел и стереозэкран, который, не будучи занят, выглядел известной картиной Кранца «Плачущий Будда», ее оригинал находился в подземном хранилище в тысяче футов под кабинетом.

— Привет, Грейс, — поздоровался президент и придвинул к ней листок бумаги. — Что ты об этом думаешь? Санс говорит, это дрянь.

Сандерс перевел спокойный взгляд своих чуть выпученных глаз с шефа на Грейс Кормет, но никак не прокомментировал сказанное.

Грейс прочла:

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ?

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»?

Можете ли вы НЕ позволить себе

«Неограниченные услуги»???

В наш реактивный век можете ли вы

позволить себе тратить свое

драгоценное время на то,

чтобы ходить по магазинам,

самим оплачивать счета,

убирать жилище?

Мы отшлепаем за вас ребенка

и накормим кошку.

Мы снимем вам дом и купим новые ботинки.

Мы напишем за вас письмо теще

и подсчитаем расходы по корешкам чеков.

**Для нас нет работы слишком большой
или слишком незначительной — и все услуги
удивительно дешевы!**

**«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»!
ЗВОНИТЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ!**

Р. S. А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК.

— И как? — спросил Клер.

— Санс прав. Дрянь.

— Почему?

— Слишком логично. Слишком многословно. Нет динамики.

— А как, по-твоему, должна выглядеть реклама для неохваченного рынка?

Грейс на секунду задумалась, затем взяла у Клера ручку и написала:

ВАМ НУЖНО КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ?

**Torga НЕ ОБРАЩАЙТЕСЬ в
«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ».**

**По любому другому поводу
звоните в ЛЮБОЕ ВРЕМЯ — окупится!**

Р. S. А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК.

— М-м-м... Может быть... — осторожно сказал мистер Клер. — Попробуем. Санс, организуй распространение по типу «В», на две недели, только на Северную Америку. Потом дашь мне знать, как это восприняли.

Френсис спрятал листок в свой портфель, храня все то же непроницаемое выражение лица.

— А теперь, как я и говорил... — начал было президент.

— Шеф, — перебила его Грейс, — я назначила тебе встречу, через... — она взглянула на часы в перстне, — через две минуты и сорок секунд. Человек из правительства.

— Облагодетельствуй его и отправь назад. Я занят.

— Зеленый значок.

Мистер Клер встрепенулся. Даже Френсис посмотрел на нее с интересом.

— Вот как? Запись разговора у тебя с собой?

— Я ее стерла.

— Да? Впрочем, тебе видней... Твоя интуиция никогда тебя не подводила. Что ж, веди его сюда.

Она кивнула и вышла.

Спустя минуту ее посетитель появился в приемной для публики, и она провела его мимо нескольких постов, где в противном случае от незнакомца обязательно потребовали бы документы и стали бы выяснять причину визита. Оказавшись в кабинете Клера, гость огляделся и спросил:

— Могу ли я поговорить наедине с вами, мистер Клер?

— Мистер Френсис — моя правая рука, а с мисс Кормет вы уже общались.

— Хорошо. — Он достал зеленый значок и протянул его Клеру. — Пока обойдемся без имен, хотя я и не сомневаюсь, что на вас можно положиться.

Президент компании нетерпеливо выпрямился.

— Давайте к делу. Вы — Пьер Бьюмон, глава протокольного отдела Администрации. Что от нас требуется?

Бьюмон словно не заметил перемены стиля.

— Что ж, раз вы меня знаете... Отлично. До дела мы еще доберемся. Возможно, правительству действительно потребуются ваши услуги. Но в любом случае содержание нашего разговора должно остаться между нами.

— Все связи «Неограниченных услуг» являются служебной тайной.

— Речь идет не о служебной тайне. Мне необходима полная секретность, — сказал Бьюмон.

— Хорошо, — согласился Клер. — Продолжайте.

— Занятная у вас организация, мистер Клер. Насколько я понимаю, вы готовы взяться за любое дело — при соответствующем вознаграждении.

— Если это не противоречит закону.

— Да, конечно. Но закон можно интерпретировать по-разному. Я до сих пор восхищаюсь вашими действиями при оснащении второй экспедиции к Плутону. Некоторые ваши методы, на мой взгляд, просто м-м-м... бесподобны.

— Если у вас есть какие-то претензии, их лучше предъявить нашему юридическому отделу по обычным каналам.

Бьюмон выставил ладонь вперед.

— Ну что вы, мистер Клер. Вы неправильно меня поняли. Я не собирался критиковать, наоборот. Сколько изобретательности! Из вас вышел бы отличный дипломат!

— Ладно, давайте оставим пустые разговоры. Чего вы от нас хотите?

Бьюмон вытянул губы трубочкой, затем сказал:

— Предположим, вам необходимо принять более десятка представителей различных рас в этой планетарной системе, и вы хотите, чтобы все они чувствовали себя как дома и не испытывали никаких затруднений. Такая задача вам по силам?

Клер принялся размышлять вслух:

— Давление, влажность, радиационный фон, состав атмосферы, температура, специфические особенности культуры — это все просто. А как начет силы тяжести? Мы могли бы приготовить центрифугу для юпитерианцев, но с марсианами и титанцами все гораздо сложнее. Мы не можем уменьшить притяжение Земли. Придется принимать их на орбите или на Луне. Следовательно, это не по нашей части: мы никогда не оказываем услуг за пределами стратосферы.

Бьюмон покачал головой.

— Нет. Основное условие заключается в том, чтобы встречу провести здесь, на Земле.

— Почему?

— Разве в «Неограниченных услугах» принято спрашивать, почему клиенту требуется тот или иной вид услуги?

— Нет. Извините.

— Ничего страшного. Но вам, безусловно, потребуется дополнительная информация, чтобы понять, что именно предстоит сделать и почему работа должна проводиться тайно. Очень скоро — максимум через три месяца — на Земле состоится конференция. Однако до официального объявления никто не должен даже догадываться о ее созыве. Если о подготовке станет известно в определенных кругах, само проведение кон-

ференции потеряет свой смысл. Считайте эту конференцию чем-то вроде «круглого стола» с участием ведущих э-э-э... ученых системы примерно такого же состава и масштаба, как сессия Академии, проходившая прошлой весной на Марсе. Вы должны подготовить все необходимое для приема делегатов, но до поры до времени скрывать эти приготовления. Что касается деталей...

— Вы, похоже, считаете, что мы уже взялись за работу, — перебил его Клер. — Но судя по вашим объяснениям, нас ждет лишь колоссальный провал. В «Неограниченных услугах» провалов не любят. Мы оба с вами знаем, что жители планет с низкой гравитацией не способны провести в условиях повышенной силы тяжести более нескольких часов — во всяком случае, без серьезного ущерба своему здоровью. Межпланетные встречи всегда проводились на планетах с низкой гравитацией и всегда будут проводиться в подобных условиях.

— Да, всегда проводились, — терпеливо подтвердил Бьюмон. — Но вы представляете себе, в каком дипломатически невыгодном положении оказываются вследствие этого Земля и Венера?

— Не особенно.

— Хотя, может, это и к лучшему. Политическая психология не должна вас волновать. Но поверьте, невыгодное положение землян действительно существует, и эту конференцию Администрация намерена провести именно на Земле.

— Почему не на Луне?

Бьюмон покачал головой.

— Это не одно и то же. Хотя формально спутник находится в подчинении Земли, и Луна-Сити — свободный порт, но политически это совсем разные вещи.

— Мистер Бьюмон, — сказал Клер, в свою очередь качая головой, — мне кажется, вы в такой же степени не понимаете характер работы «Неограниченных услуг», как я не понимаю тонкостей дипломатии. Мы здесь не творим чудеса и не обещаем их. Мы просто посредники, типичные маклеры из прошлого века, только объединенные в огромную корпорацию и оснащенные новейшей технологией. Мы что-то вроде

отмирающего класса прислуги, но отнюдь не джинны из лампы Аладдина. У нас даже нет серьезных исследовательских лабораторий. Просто мы стараемся по возможности полно использовать последние достижения техники связи и практики менеджмента и проводить в жизнь то, что уже сделано. — Он указал на стену, где висела освященная временем эмблема компании: шотландская овчарка на натянутом поводке, обнюхивающая столб. — Вот суть нашей работы. Мы выгуливаем собак за тех, кому некогда этим заниматься. Мой дед так зарабатывал себе на колледж. И я тоже до сих пор выгуливаю собак. Но я никогда не обещаю чудес и не вмешиваюсь в политику.

Бьюмон старательно соединил кончики пальцев.

— Вы выгуливаете собак за плату. Да, разумеется, я знаю, вы ведь выгуливаете и моих псов. Пять мини-кредиток — это совсем недорого.

— Верно. И выгул сотни тысяч собак два раза в день дает совсем неплохой доход.

— Доход за выгуливание этой «собаки» будет весьма значителен.

— Сколько? — спросил Френсис, впервые выказав интерес к теме разговора.

Бьюмон перевел взгляд в его сторону.

— Результатом этого э-э-э... «круглого стола» могут стать буквально сотни миллиардов кредиток для нашей планеты. И, простите за выражение, мы жаться не станем.

— Сколько?

— Тридцать процентов от общей стоимости работ вас устроит?

Френсис покачал головой.

— Может статься, это будет не так много.

— Хорошо, давайте не будем торговаться. Мы оставим гонорар на ваше усмотрение, джентльмены, простите, мисс Кормет, и вы сами решите, сколько стоят ваши услуги. Думаю, я могу положиться на ваш планетарный и расовый патриотизм.

Френсис молча откинулся на спинку кресла, но на лице у него промелькнуло довольное выражение.

— Минутку! — запротестовал Клер. — Мы еще не дали согласия!

— Но ведь мы уже обсудили вознаграждение, — заметил Бьюмон.

Клер перевел взгляд с Френсиса на Грейс Кормет, затем стал внимательно рассматривать свои ладони.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я узнаю, возможно ли это в принципе, — сказал он наконец, — и тогда сообщу вам, возьмемся ли мы выгуливать вашу «собаку».

— Я не сомневаюсь, что возьметесь, — ответил Бьюмон, вставая и запахивая плащ.

— Ну что, умники, — произнес Клер с горечью, — допрыгались?

— Я как раз хотела вернуться к работе менеджера, — сказала Грейс.

— Всем остальным, кроме проблемы гравитации, может заниматься подчиненная команда, — предложил Френсис. — Гравитация — единственная загвоздка, остальное — ерунда.

— Разумеется, — согласился Клер, — но именно с этой загвоздкой нужно справиться. В противном случае у нас будут только колоссальные подготовительные расходы, которые нам никто не оплатит. Кому ты хочешь поручить это дело? Грейс?

— Почему бы и нет? — ответил Френсис. — Она вполне способна сосчитать до десяти.

Грейс Кормет бросила на него холодный взгляд.

— Санс Френсис, иногда я жалею, что вышла за тебя замуж.

— Семейные сцены будете устраивать дома, — предупредил Клер. — С чего начнем?

— Надо узнать, кто лучше всех разбирается в вопросах гравитации, — заявил Френсис. — Грейс, свяжись с доктором Кратволом.

— Хорошо, — сказала она и подошла к пульту стереозвукрана. — В нашем деле есть огромный плюс: вовсе не обязательно знать все, важно лишь знать, где узнать.

Доктор Кратвол входил в число постоянных сотрудников «Неограниченных услуг». И хотя в настоящий момент он не участвовал ни в одной целевой програм-

ме, компания платила ему хорошее жалованье и предоставила неограниченный кредит для оплаты любых научных публикаций и поездок на разные конференции, которые время от времени устраивают ученые мужи. Доктору Кратволу недоставало упорства настоящего исследователя, он по натуре был дилетантом. Но иногда ему задавали вопросы, и тогда все затраты на него окупались.

— О, привет, моя дорогая! — Лицо доктора Кратвола на экране расплылось в улыбке. — Знаешь, я только что обнаружил в последнем номере «Нейчур» интереснейший факт. Теория Браунли предстает теперь в совершенно неожиданном...

— Секундочку, док, — перебила его Грейс. — У нас мало времени.

— Да. Слушаю.

— Кто разбирается в вопросах гравитации лучше всех?

— В каком смысле? Вам нужен астрофизик или специалист в вопросах теоретической механики? В первом случае я, пожалуй, рекомендовал бы Фаркварсона.

— Я хочу попытаться понять суть явления. Как, что и почему.

— Ага. Значит, теория поля, так? В этом случае Фаркварсон вам не нужен; он занимается по большей части описательной баллистикой. В вашем случае я бы посоветовал работы доктора Джулиана.

— Как нам с ним связаться?

— Боюсь, это невозможно: бедняга умер в прошлом году. Огромная потеря для науки.

Грейс не стала выяснять, насколько велика эта потеря, и спросила:

— Кто занял его место?

— В смысле? А, понял, вам нужен ведущий специалист в области теории поля. Это О'Нил.

— Где он?

— Мне надо будет выяснить. Я его немного знаю, с ним не очень-то легко иметь дело.

— Выясните, пожалуйста. И скажите, кто мог бы тем временем дать нам хотя бы общие представления о гравитации?

— Может, вам стоит связаться с молодым Карсоном из нашего же проектного отдела? До перехода сюда он очень активно занимался подобными вопросами. Весьма сообразительный парень — я с ним неоднократно беседовал.

— Хорошо. Спасибо, док. Свяжитесь с кабинетом шефа, как только отыщете О'Нила. Это очень срочно, — сказала Грейс и отключила аппарат.

Карсон согласился с мнением Кратвола, однако тут же высказал свои сомнения:

— О'Нил высокомерен, и с ним очень тяжело договориться. Я у него работал. Но он, без сомнения, знает о теории поля и структуре космического пространства больше, чем кто бы то ни было на Земле.

Карсона посвятили в суть дела и объяснили стоящую перед ним задачу. Он сразу признал, что не видит решения.

— Может быть, мы все-таки преувеличиваем сложность проблемы? — сказал Клер. — У меня есть кое-какие идеи. Давайте посмотрим, прав я или нет.

— Что же, давайте, шеф.

— Притяжение, насколько я понимаю, создается близостью массы, так? Соответственно, привычная нам сила тяжести создается самой Землей. Каков будет результат, если над определенной точкой поверхности планеты поместить значительную массу? Получим ли мы противодействие силе земного тяготения?

— Теоретически, да. Но это должна быть чертовски большая масса.

— Неважно.

— Очень даже важно, шеф. Чтобы полностью нейтрализовать притяжение Земли, потребуется еще одна планета такого же размера. Разумеется, если вам нужно устранить тяготение не полностью, а частично, можно использовать меньшую массу, но толку все равно не будет. Притяжение ослабевает пропорционально квадрату расстояния от центра тела — в данном случае половины диаметра, — а масса тела и соответственно создаваемая им сила тяжести уменьшаются пропорционально кубу диаметра.

— И что выходит?

Карсон что-то подсчитал, затем поднял взгляд:

— Даже говорить страшно. Тут потребовался бы довольно большой астероид, причем из свинца.

— Астероиды уже перемещали.

— Да, но на чем он будет держаться? Ничего не получится, шеф: на свете нет ни источника энергии, ни технологии, которые позволили бы вам повесить над определенной точкой на поверхности Земли большой планетоид и удержать его на месте.

— Что ж, это была всего лишь идея, — сказал Клер задумчиво.

Грейс следила за обсуждением, наморщив лоб, затем решила высказаться:

— Насколько я понимаю, гораздо эффективнее в таком случае использовать очень большую массу в маленьком объеме. Я, кажется, читала что-то о веществах плотностью в несколько тонн на кубический дюйм.

— Ядра звезд-карликов, — согласился Карсон. — Все, что нам нужно, — это корабль, способный преодолеть несколько световых лет за считанные дни, затем способ получить материю из ядра такой звезды и новая теория пространства-времени.

— Ладно. Бог с ним.

— Подождите, — заметил Френсис. — Магнетизм в определенном смысле очень напоминает гравитацию, так ведь?

— Да, пожалуй.

— А нельзя ли как-нибудь намагнитить этих гостей с маленьких планет? Может, какие-то отличия в их биохимии?..

— Хорошая идея, — согласился Карсон. — Они действительно отличаются от нас, но не настолько сильно: по большому счету, это все та же органика.

— Видимо, да. Ничего не выйдет.

В этот момент вспыхнул экран, и доктор Кратвол доложил, что О'Нил в своем летнем доме в Портленде, штат Висконсин. Сам он с ним еще не связывался и, честно говоря, предпочел бы, чтобы это сделал кто-то другой.

Клер поблагодарил его и повернулся к остальным.

— Мы попусту тратим время, — заявил он. — После стольких лет нам следовало бы знать, что технические вопросы не по нашей части. Я не физик и, в конце

концов, мне решительно все равно, что из себя представляет гравитация. Это дело О'Нила и Карсона. Кстати, Карсон, вы сейчас отправляетесь в Висконсин и нанимаете О'Нила.

— Я?

— Да. Вам поручается эта операция — с соответствующей прибавкой к жалованью. Мигом в порт, ракета и кредитные документы будут готовы. Через семь-восемь минут вы должны быть в воздухе.

Карсон недоуменно захлопал глазами.

— А как насчет моей текущей работы?

— В проектный отдел сообщат, и в расчетный. Вперед!

Карсон молча направился к двери. Покидая кабинет, он уже почти бежал.

После ухода Карсона им оставалось только ждать его доклада. Но не дожидаясь результатов, они развернули деятельность по воссозданию полных физических и культурных условий трех планет и четырех крупных спутников — за исключением гравитации у поверхности каждого небесного тела. Задача, хотя и новая, в общем-то не представляла для «Неограниченных услуг» особых сложностей. Где-то кто-то наверняка знал все необходимое, и огромная гибкая организация под названием «Неограниченные услуги» начала отыскивать этих людей, нанимать и включать их в работу. Любой из операторов по особым услугам и значительный процент сотрудников рангом пониже могли братья за это дело и выполнять его спокойно, без суеты.

Френсис связался с одним из операторов по особым услугам — он даже не выбирал кого-то конкретно, просто поручил работу первому попавшемуся из свободных в данный момент: все они были готовы взяться за любое задание. Френсис подробно проинструктировал своего сотрудника и тотчас же выбросил из головы все мысли о новом проекте. Задание будет выполнено, и непременно в срок. Чуть громче застучат телетайпы, чаще засверкают стереоэкраны, и множество сообразительных молодых людей по всей Земле оставят свои

прежние дела и кинутся на поиски специалистов, которые и сделают эту работу.

Он повернулся к Клеру, и тот сказал:

— Хотел бы я знать, что у Бьюмона на уме. Научная конференция — это, конечно, для отвода глаз.

— Мне казалось, что политика тебя не интересует, Джей.

— Верно, ни межпланетная, ни какая другая. Разве что в тех случаях, когда от нее зависит наш бизнес. Но если бы я точно знал, что происходит, мы, возможно, сумели бы отрезать себе кусок побольше.

— Думаю, — вставила Грейс, — что соберутся крупные политики со всех планет и начнется большая дележка ресурсов системы.

— Да, но кого выкинут из игры?

— Надо полагать. Марс.

— Возможно. И бросят кость венерианцам. В таком случае есть смысл прикупить акций Юпитерианской торговой корпорации.

— Полегче тут, — предостерег Френсис. — Стоит только начать, и кто-нибудь обязательно заинтересуется, а у нас секретная работа.

— Пожалуй, ты прав. Тем не менее держи ухо востро. Наверняка найдется какой-нибудь способ погреть руки, пока вся эта история не закончилась.

Зазвонил телефон Грейс Кормет, и она достала аппарат из кармана.

— Да?

— Вас спрашивает некто миссис Хогбейн-Джонсон.

— Займитесь ею. Я сдала дежурство.

— Она не хочет говорить ни с кем, кроме вас.

— Хорошо. Подключите ее к экрану шефа, но держитесь на параллельной линии. Я с ней поговорю, а заниматься ее делом будете вы.

Экран ожил, и в центре появилось плоское, обрамленное рамкой изображение миссис Джонсон — одно только пухлое лицо.

— О, мисс Кормет, — простонала она. — Произошла ужасная ошибка. На этой ракете нет стереосвязи.

— Ее установят в Цинциннати. Минут через двадцать.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— О, благодарю вас! С вами так приятно иметь дело. И знаете, я подумываю о том, чтобы пригласить вас на должность секретарши.

— Спасибо, — ответила Грейс, не моргнув глазом, — но у меня контракт.

— Ерунда! Вы ведь можете разорвать контракт.

— Это невозможно. Извините, миссис Джонсон. До свидания. — Грейс отключила экран и снова взяла телефон. — Передайте в расчетный отдел, чтобы удвоили стоимость ее заказа. И я не намерена разговаривать с ней впредь.

Она в раздражении сунула аппарат обратно в карман. Надо же додуматься — секретарша!

После обеда, когда Клер отправился домой, позвонил Карсон, и его соединили с кабинетом Френсиса.

— Успешно? — спросил он, когда на экране возникло изображение Карсона.

— Отчасти. Я виделся с О'Нилом.

— И что же?

— Вы имеете в виду, сможет ли он выполнить работу?

— Да, именно. Сможет?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное. Я полагал, это даже теоретически невозможно. Но, поговорив с ним, понял, что очень даже возможно. У него есть новые разработки по теории поля, которые он до сих пор не публиковал. О'Нил — настоящий гений.

— Меня меньше всего волнует, гений он или идиот, — сказал Френсис. — Важно другое: построит ли он нам какой-нибудь нейтрализатор или уменьшитель гравитации?

— Думаю, да. Уверен.

— Отлично. Вы с ним договорились?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому я и звоню. Ситуация такова: я его застал в хорошем расположении духа, ну и поскольку мы когда-то вместе работали, и я раздражал его реже, чем другие ассистенты, он пригласил меня остаться на обед. Поговорили о том, о сем — его просто нельзя торопить, — а потом я сделал ему

предложение от лица компании. Его это слегка заинтересовало — я имею в виду, сама идея, а не предложение, — и он поделился со мной кое-какими соображениями. Но работать на нас О'Нил не будет.

— Почему? Вы, очевидно, предложили ему слишком мало. Видимо, этим придется заняться мне.

— Нет, мистер Френсис, не в этом дело. Деньги его не интересуют. Он весьма состоятелен и вполне способен финансировать свои собственные исследовательские программы. У него вообще денег больше, чем ему нужно. Но сейчас О'Нил занимается волновой механикой и не хочет отвлекаться ни на что другое.

— Вы дали ему понять, насколько важна наша работа?

— И да и нет. Скорее, нет. Я пытался, но для него нет ничего важнее собственных планов. Своего рода интеллектуальный снобизм, если хотите. Заботы других людей его просто не трогают.

— Ладно, — сказал Френсис. — Пока я вашими действиями доволен. Теперь вы займетесь вот чем: как только мы закончим разговор, вы свяжетесь с оперативным отделом и запишете все, что запомнили из разговора с О'Нилом о теории гравитации. Мы найдем других специалистов в этой области, скормим им новую информацию и посмотрим, не возникнет ли у них каких-то годных идей. Я же тем временем назначу группу людей, чтобы проверили его прошлое. Должны же у него быть какие-то уязвимые места — нужно их только найти. Может быть, какая-нибудь женщина...

— Годы уже не те.

— ...или какие-то укрытые от налогов суммы. Разберемся. Вы оставайтесь в Портидже. Раз вам не удалось нанять его, попробуйте наняться к нему. Будете снабжать нас информацией. Нам просто необходимо узнать, о чем он, может быть, мечтает или чего боится.

— Он ничего не боится. Это совершенно точно.

— Тогда ему что-то очень нужно. Если не деньги или женщины, то обязательно что-нибудь другое. Это как закон природы.

— Сомневаюсь, — медленно произнес Карсон. — Хотя... Я еще не рассказал о его хобби?

— Нет. Что за хобби?

— Фарфор. В частности, фарфор династии Мин. Судя по всему, у него лучшая коллекция в мире. И я знаю, что ему нужно!

— И что же это? Не тяните.

— Маленькое китайское блюдечко или мисочка — дюйма четыре в диаметре и два дюйма высотой. У этой штуковины есть китайское название, которое переводится как «Цветок забвения».

— Хм... не очень обнадёживающе. Думаете, он действительно ему нужен?

— Уверен. У него в кабинете есть голограмма «Цветка» — чтобы все время был перед глазами. Но когда О'Нил говорит о нем, у него только что слезы не наворачиваются.

— Узнайте, где он находится и кому принадлежит.

— Знаю, в Британском музее. Потому-то О'Нил и не может его купить.

— Вот как? — задумчиво произнес Френсис. — Ладно, тут ничего не поделаешь. Действуйте дальше.

Клер явился в кабинет к Френсису, и они обсудили ситуацию втроем.

— Похоже, нам для этого понадобится Бьюмон, — сказал он, выслушав последние новости. — Выцарапать что-нибудь у Британского музея — на это способно только Всемирное правительство.

Френсис утрюмо молчал.

— Что ты молчишь? Я что-нибудь не то сказал?

— Кажется, я знаю, в чем дело, — пояснила Грейс. — Помнишь договор, по которому Великобритания вошла в планетарную конфедерацию?

— Историю я всегда знал неважно.

— Суть в том, что правительство Земли просто не сможет взять что-то из музея без согласия британского парламента.

— Почему? Договор договором, но мировое правительство обладает всей полнотой власти над отдельными странами. Это подтвердил еще Бразильский инцидент.

— Да, разумеется. Но в палате общин начнут задавать вопросы, а это приведет к тому, чего Бьюмон старается всеми силами избежать, — к огласке.

— Ладно. Что вы предлагаете?

— Думаю, нам с Сансом нужно прокатиться в Англию и разузнать, насколько крепко «Цветок забвения» «приколочен» к месту, кто «забивает гвозди» и какие у него слабости.

Клер посмотрел на своего помощника: взгляд Френсиса, казалось, ничего не выражал, но, зная его долгие годы, Клер понял, что тот согласен.

— О'кей, — сказал он. — Берите это дело в свои руки. Полетите специальным рейсом?

— Нет, думаю, мы успеем на ночной из Нью-Йорка. Пока.

— Пока. Завтра позвоните.

Когда Грейс появилась на следующий день на экране, Клер удивленно воскликнул:

— Боже, крошка! Что ты с собой сделала?

— Мы нашли нужного человека, — коротко объяснила Грейс. — Он любит блондинок.

— Но ты, похоже, еще и кожу осветлила?

— Да. Как я тебе в таком виде?

— Изумительно! Хотя раньше ты мне нравилась больше. Что об этом думает Санс?

— Он не возражает: дело есть дело. Однако докладывать мне особенно нечего, шеф. Придется добывать товар левым путем. Обычными способами — никаких шансов.

— Не поступай опрометчиво.

— Ты же меня знаешь. Я не впутаю тебя в какую-нибудь историю. Но получится недешево.

— Разумеется.

— Тогда пока все. До завтра.

На следующий день она снова была брюнеткой.

— Что такое? — спросил Клер. — Маскарад?

— Оказалось, я не из тех блондинок, которые его интересуют, — пояснила Грейс, — но мы уже нашли подходящую.

— Сработало?

— Думаю, сработает. Санс готовит копию. Если все будет успешно, завтра увидимся.

Они вошли в кабинет — как будто бы с пустыми руками.

— Ну? — спросил Клер. — Как дела?

— Заэкранируй помещение, Джей, — предложил Френсис. — Тогда и поговорим.

Клер щелкнул тумблером интерференционного поля, и кабинет превратился в неприступную для любых следящих устройств гробницу.

— Как дела? — спросил он снова. — Достали?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс отвернулась, покопалась в одежде, извлекла «Цветок забвения» и поставила на стол шефа.

Сказать, что «Цветок» красив, значило бы вообще ничего не сказать. Он и был сама красота. Изящная простая форма без всякого орнамента — рисунок только испортил бы это чудо. Рядом с ним хотелось говорить шепотом, словно резкий звук мог уничтожить хрупкое творение искусства.

Клер потянулся было к «Цветку», но одумался и отдернул руку. Затем склонился над ним и заглянул внутрь. Дно сосуда угадывалось с трудом — как будто взгляд медленно уходил все глубже и глубже, тонул в этом средоточии света.

Он резко выпрямился, моргнул и прошептал:

— Боже... Я даже не подозревал, что на свете есть нечто подобное.

Затем посмотрел на Грейс и на Френсиса. У того в глазах стояли слезы — а может, ему показалось, потому что слезы застилали глаза ему самому.

— Послушай, Джей, — сказал наконец Френсис. — Может... Может, оставим его себе и просто откажемся от всего этого дела?

— По-моему, говорить об этом дальше бессмысленно, — устало произнес Френсис. — Мы не можем оставить его у себя. Мне не следовало предлагать это, а тебе не следовало меня слушать. Давай свяжемся с О'Нилом.

— Может, подождем еще денек и потом решимся, — предложил Клер, и его взгляд снова вернулся к «Цветку забвения».

Грейс покачала головой.

— Зачем? Завтра расстаться с ним будет еще труднее. Я просто чувствую. — Она решительно подошла к экрану и набрала нужную комбинацию.

О'Нил был очень рассержен, что его потревожили, тем более что они воспользовались экстренным кодом и вызвали его к отключенному экрану.

— В чем дело? — резко спросил он. — По какому праву вы беспокоите частное лицо, да еще через отключенный экран? Немедленно объяснитесь, и ваше счастье, если объяснение меня удовлетворит, а не то я еще в суд на вас подам.

— Мы бы хотели заказать вам небольшую работу, доктор, — спокойно начал Клер.

— Что? — О'Нил, казалось, был слишком удивлен, чтобы рассердиться всерьез. — Вы хотите сказать, что нарушили мое уединение, чтобы предложить мне работать на вас?

— Вознаграждение вас наверняка удовлетворит.

О'Нил помолчал, словно успокаивая нервы, сосчитал до десяти, затем сдержанно сказал:

— Сэр, некоторые люди считают, будто могут купить что угодно или кого угодно. Согласен, часто не без оснований. Но должен вам сказать, что я не продаюсь за деньги. И поскольку вы, по-видимому, принадлежите к числу таких людей, я приложу все усилия, чтобы это интервью обошлось вам недешево. Мой адвокат с вами свяжется. Всего доброго!

— Подождите, — торопливо сказал Клер. — Насколько я понимаю, вас интересует фарфор...

— Что, если это и так?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс бережно, почти с благоговением взяла «Цветок забвения» в руки и поднесла к экрану.

О'Нил молча наклонился вперед и впился взглядом в фарфоровый сосуд. Еще немного, и он бы, наверно, пролез сквозь экран.

— Где вы его взяли? — спросил он наконец

— Неважно.

— Я готов его купить — назначайте цену.

— Не продается. Но вы можете получить «Цветок», если мы придем к соглашению.

О'Нил смерил его взглядом.

— Он украден.

— Ошибаетесь. И уверяю вас, вы вряд ли найдете кого-нибудь, кто заинтересуется подобным обвинением. А по поводу работы...

О'Нил оторвал взгляд от «Цветка забвения».

— Что вам от меня нужно?

Клер объяснил ему суть проблемы, и, выслушав его до конца, О'Нил покачал головой.

— Но это просто смешно!

— У нас есть основания полагать, что теоретически тут нет ничего невозможного.

— Разумеется! Теоретически можно и жить до бесконечности, только никому это еще не удавалось.

— Мы думаем, что вы справитесь.

— Благодарю, конечно... Кстати... — О'Нил ткнул пальцем в сторону Клера. — Значит, вы и подпустили ко мне этого щенка Карсона!

— Он действовал в соответствии с моими распоряжениями.

— Тогда, сэр, мне не нравятся ваши манеры.

— Ладно. Как насчет работы? И вот этого? — Клер указал на «Цветок забвения».

О'Нил снова долго его разглядывал и жевал ус.

— Предположим, — вымолвил он наконец, — я приложу все свои силы к решению вашей проблемы... и потерплю неудачу.

— Мы платим только за результат, — сказал Клер, качая головой. — Вы, разумеется, получите денежное вознаграждение, но не это. «Цветок» будет премией только в случае успеха.

О'Нил, похоже, согласился, потом вдруг обеспокоенно спросил:

— А что, если вы просто дурачите меня голограммой? Этот чертов экран не дает возможности удостовериться.

Клер пожал плечами.

— Приезжайте.

— И приеду. Немедленно. Ждите. Кстати, где вы находитесь и, черт побери, сэр, как вас зовут?

Спустя два часа О'Нил влетел в кабинет президента «Неограниченных услуг».

— Вы меня обманули! Я навел справки, «Цветок» по-прежнему в Англии. Я... Вы еще пожалеете об этом, сэр!

— Можете убедиться сами, — ответил Клер и шагнул в сторону, чтобы О'Нилу был виден стол.

Они его не тревожили, понимая, что надо дать человеку спокойно насладиться чудом, и спустя какое-то время он повернулся к ним сам, но продолжал молчать.

— Так как? — спросил Клер.

— Я построю вашу чертову машину, — сказал О'Нил хрипло. — По пути сюда я понял, с чего надо начинать.

Бьюмон явился лично за день до открытия первой сессии конференции.

— Просто светский визит, мистер Клер, — заявил он. — Я хотел выразить свое восхищение по поводу выполненной вами работы. И передать вот это. — Он вручил Клеру чек Центрального банка на оговоренную сумму.

Клер принял чек, взглянул на цифры, кивнул и, положив на стол, сказал:

— Надо понимать, правительство удовлетворено качеством наших услуг.

— Это слишком скромная оценка, — заверил его Бьюмон. — По правде сказать, я не думал, что вам удастся выполнить такой объем работ. Делегация с Каллисто сейчас как раз путешествует в одной из этих передвижных цистерн, что разработали ваши люди. Они в полном восторге. Между нами говоря, я думаю, мы можем рассчитывать на их голоса на предстоящей сессии.

— Гравитационные экраны работают нормально?

— Безукоризненно. Я заходил в одну из таких цистерн, прежде чем их передали в пользование иноплане-

тянам, и буквально не чувствовал своего веса — меня даже замутило, как в невесомости. — Он косо улыбнулся. — В юпитерианские корпуса я тоже заглядывал — совсем другие ощущения.

— Да уж, — согласился Клер. — Когда сила тяжести в два с половиной раза больше земной, это, мягко говоря, давит.

— Что ж, задача была сложная, но вы с ней справились с честью. Мне пора идти. Впрочем, осталось еще одно дело... Я уже говорил доктору О'Нилу, что Администрацию, возможно, заинтересуют и другие сферы применения его открытия. Чтобы упростить дело, нам желательно получить от «Неограниченных услуг» отказ от претензий на эффект О'Нила.

Клер задумчиво посмотрел на «Плачущего Будду», погрыз костяшку большого пальца, затем медленно произнес:

— Нет. Боюсь, это будет сложно.

— Почему же? — спросил Бьюмон. — Таким образом нам удалось бы обойтись без вынесения судебного решения и сэкономить время. Мы готовы признать ваше участие и компенсировать его значительной суммой.

— М-м-м... Похоже, вы не совсем понимаете ситуацию, мистер Бьюмон. Между нашим с вами контрактом и контрактом доктора О'Нила с «Неограниченными услугами» есть значительная разница. Вы заказали определенный тип услуг и определенный товар, необходимый для выполнения услуг. И то и другое мы вам предоставили — за плату. Дело сделано. А в контракте доктора О'Нила оговорено, что на время действия контракта он является нашим штатным сотрудником. Следовательно, все результаты его исследований и соответствующие патенты принадлежат «Неограниченным услугам».

— В самом деле? — удивился Бьюмон. — Доктор О'Нил придерживается иного мнения.

— Доктор О'Нил заблуждается. В самом-то деле, мистер Бьюмон, вы, фигурально выражаясь, заказали нам пушку, чтобы убить комара. Неужели вы всерьез считаете, что мы, бизнесмены, после одного выстрела выбросим пушку на свалку?

— Нет, пожалуй. Каковы ваши планы?

— Коммерческое использование гравитационного модулятора. Подозреваю, что мы получим неплохую цену за соответствующую модификацию этой машины, скажем, на Марсе.

— Да, конечно. Это было бы вполне реально. Но я буду до конца откровенен с вами, мистер Клер: скорее всего, у вас ничего не выйдет. В интересах Земли использование изобретения доктора О'Нила должно быть ограничено только этой планетой. По-видимому, Администрация сочтет необходимым вмешаться и распространение модулятора станет правительственной монополией.

— А как вы утихомирите О'Нила?

— Ввиду изменившихся обстоятельств, откровенно говоря, не знаю. У вас есть какие-то предложения?

— Корпорация, где он будет президентом и обладателем значительной части акций. Кто-нибудь из наших многообещающих молодых сотрудников станет председателем совета директоров. — Клер подумал о Карсоне, потом добавил, наблюдая за реакцией Бьюмона: — Акции будет достаточно много.

Бьюмон проигнорировал приманку.

— И надо полагать, корпорация будет работать по контракту с правительством, ее единственным клиентом?

— Что-то в этом духе.

— Что ж, пожалуй, логично. Может быть, мне стоит переговорить с доктором О'Нилом?

— Прошу вас.

Бьюмон связался с О'Нилом и, когда тот появился на экране, завел разговор вполголоса. Вернее, вполголоса говорил только Бьюмон, сам О'Нил кричал так, что едва выдерживал микрофон. Клер тем временем пригласил Френсиса и Грейс и объяснил им, что происходит.

Наконец Бьюмон повернулся к ним лицом.

— Доктор желает поговорить с вами, мистер Клер.

— Что это за чушь собачья, которую мне пришлось тут выслушивать, сэр? — спросил О'Нил, смерив Клера холодным взглядом. — Как понимать ваши слова о том, что эффект О'Нила принадлежит компании?

— Это оговорено в вашем контракте, доктор. Вы разве не помните?

— Не помню? Я даже не читал эту дурацкую бумагу. Но предупреждаю: я потащу вас в суд, и разбирательство затянется на долгие годы. Я не позволю так себя дурачить!

— Подождите, доктор, — успокаивающе произнес Клер. — Мы не собираемся пользоваться преимуществом, предоставленным нам всего лишь юридической формальностью, и никто не оспаривает ваши права. Позвольте мне обрисовать, что я имею в виду... — И он вкратце изложил ему свою идею корпорации.

О'Нил внимательно дослушал, но лицо его по-прежнему хранило неумолимое выражение.

— Меня это не интересует, — сказал он резко. — Я скорее передам все свои права правительству.

— Я не упомянул еще одно условие, — добавил Клер.

— И можете не беспокоиться.

— Видимо, все же придется. Это будет, скорее, джентльменское соглашение, но оно очень важно. У вас хранится «Цветок забвения»...

— Что значит «хранится»? — мгновенно насторожился О'Нил. — Это моя собственность. Моя. Понятно?

— Согласен, — сказал Клер. — Однако мы делаем уступку в отношении подписанного вами контракта и хотим кое-что взамен.

— Что именно? — Упоминание о «Цветке забвения» сразу поубавило О'Нилу самоуверенности.

— Вы остаетесь владельцем «Цветка», но должны пообещать, что я, мистер Френсис и мисс Кормет имеем право появляться иногда у вас, чтобы взглянуть на ваше приобретение. Возможно, это будет случаться довольно часто.

О'Нил даже оторопел.

— Вы хотите сказать, что будете просто *смотреть* на «Цветок»?

— Да, именно.

— Просто смотреть и *наслаждаться*?

— Совершенно верно.

Теперь О'Нил взглянул на него по-новому, с уважением.

— Я не оценил вас раньше, мистер Клер. Приношу свои извинения. А насчет этой корпорации... Поступайте, как знаете. Мне все равно. Вы, мистер Френсис и мисс Кормет можете появляться и смотреть на «Цветок», когда пожелаете. Даю слово.

— Спасибо, доктор. От нас всех, — сказал Клер быстро, насколько это было возможно, чтобы не показаться невежливым, распрощался и отключил экран.

Когда Бьюмон заговорил, в его голосе тоже чувствовалось гораздо больше уважения:

— В следующий раз я, по-видимому, просто не стану вмешиваться в подобные дела: вы справляетесь с ними гораздо лучше. Ну а сейчас мне пора прощаться. До свидания, джентльмены, до свидания, мисс Кормет.

Он вышел, дверь за ним опустилась на место, и Грейс сказала:

— Похоже, дело сделано.

— Да, — откликнулся Клер. — Мы «вывели его собаку погулять». О'Нил получил то, о чем мечтал. Бьюмон — тоже, и даже сверх того.

— Но что именно ему нужно?

— Не знаю, но подозреваю, что он хочет стать первым президентом Федеративной Солнечной системы, если таковая когда-нибудь образуется. С нашими козырьными картами у него есть шанс. Вы представляете себе потенциальные возможности эффекта О'Нила?

— Смутно, — сказал Френсис.

— А ты думал, например, какую революцию он произведет в космонавигации? Или о широчайших возможностях колонизации новых планет, которые он откроет? Или хотя бы об использовании эффекта в индустрии развлечений? В одной только этой области он сулит несметные богатства.

— А что получим с него конкретно мы?

— Как что? Деньги, старина. Горы денег. Когда даешь людям то, что они хотят, это всегда прибыльно, — сказал Клер, поднимая взгляд на эмблему компании с изображением шотландской овчарки.

— Деньги... — повторил Френсис. — Да, видимо.

— И плюс к тому, — добавила Грейс, — мы всегда можем съездить посмотреть на «Цветок».

ПРОЖЕКТОР

— А она вас услышит?

— Если она на этом полушарии Луны. Если смогла выйти из корабля. Если радио в ее скафандре не повреждено. Если она его не выключила. Если она жива. А поскольку корабль не отвечает, а радиомаяк засечь не удалось, маловероятно, что она или пилот уцелели.

— Ее необходимо найти! Орбитальная станция, оставайтесь на связи. База Тихо, прием.

Ответ пришел с задержкой на три секунды, преодолев расстояние от Вашингтона до Луны и обратно.

— Лунная база, говорит генерал-комендант.

— Генерал, отправьте на поиски Бетси всех, кто сейчас находится на Луне!

Из-за задержки ответа создалось впечатление, что говорящий отвечает с неохотой:

— А вы себе представляете, сэр, насколько велика Луна?

— Не имеет значения. Где-то на ней сейчас Бетси Барнс, и потому ее должны искать все до единого — пока не найдут. А если она погибла, то вашему драгоценному пилоту тоже лучше оказаться мертвым!

— Сэр, площадь Луны почти пятнадцать миллионов квадратных миль. Если я пошлю на поиски всех своих людей, то каждому из них придется обшарить более тысячи квадратных миль. Бетси полетела с моим лучшим пилотом, и я не намерен выслушивать угрозы в его

Searchlight, 1962

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

адрес, когда он не в состоянии ответить сам. Ни от кого, сэр! Меня уже тошнит от советов всяческих невежд, понятия не имеющих об условиях на поверхности Луны. Мой вам совет — официальный совет, сэр — обратитесь на станцию Меридиан. Пусть они попробуют, вдруг им удастся совершить чудо.

— Ладно, генерал! — рывкнули в ответ. — С вами я поговорю позднее. Станция Меридиан! Доложите о ваших планах.

Элизабет Барнс, «слепая Бетси» — гениальная девочка-пианистка, совершала турне по Луне. После прошедшего с оглушительным успехом концерта на базе Тихо ее отправили в маленькой ракете на военную базу, расположенную на обратной стороне Луны — развеять скуку наших ракетчиков. Предполагалось, что весь перелет займет только час, а пилот находился в ракете лишь для подстраховки — такие челноки ежедневно сновали между Тихо и обратной стороной Луны в беспилотном режиме.

Но после взлета ракета отклонилась от расчетной траектории и исчезла с радарных экранов базы Тихо. Сейчас она находилась... где-то.

Не в космосе — в этом случае она передавала бы по радио просьбу о помощи, и ее радиомаяк засекали бы другие корабли, орбитальные станции и наземные базы. Она упала — или совершила вынужденную посадку — где-то в бескрайних просторах Луны.

— Орбитальная станция Меридиан, говорит директор... — Задержка не ощущалась: радиолуч пролетал двадцать две тысячи триста миль между Вашингтоном и станцией всего за четверть секунды. — Мы связались со станциями на видимой стороне, и теперь они транслируют наш вызов, перекрывая сигналами передатчиков всю поверхность этого полушария. Станция Ньютон, висящая в точке либрации над обратной стороной, обеспечивает такую же ретрансляцию в том полушарии. Корабли из Тихо кружат по орбите над границей полушарий и покрывают сигналом полосу, находящуюся в радиотени между нами и станцией Ньютон. Если мы услышим...

— Да, да! А как насчет радарного поиска?

— Сэр, для радара ракета на поверхности ничем не отличается от обломка скалы такого же размера. Наш единственный шанс — поймать их ответный сигнал... если они смогут его послать. Радар сверхвысокого разрешения сможет разглядеть их, если искать несколько месяцев — но в скафандрах, которые надевают, садясь в эти маленькие ракеты, запас воздуха всего на шесть часов. Мы уповаем лишь на то, что они услышат и ответят.

— А когда они ответят, вы тут же отыщете их пеленгатором, верно?

— Нет, сэр.

— Во имя всего святого, почему нет?

— Сэр, пеленгатор тут бесполезен. Он покажет лишь, что сигнал идет с Луны — а это мало чем нам поможет.

— Доктор, вы только что говорили, что можете услышать Бетси... но не сможете узнать где она?

— Мы столь же слепы, как и она. Мы надеемся, что она сможет подсказать нам нужное направление... если услышит.

— Как?

— При помощи лазера — мощного и очень узкого светового луча. Она услышит его...

— Услышит луч света?

— Да, сэр. Мы наскоро собрали устройство для сканирования поверхности лучом лазера, наподобие радара. Сам по себе луч нам ничего не покажет. Но мы промодулируем его несущую волну радиочастотой, а ту, в свою очередь, промодулируем колебаниями звуковой частоты. И станем передавать звуки пианино. Если она нас услышит, то мы попросим ее слушать, пока луч будет сканировать поверхность Луны, передавая всю шкалу звуков пианино...

— И вы намерены заниматься такой ерундой, когда маленькая девочка умирает?

— Мистер президент — заткнитесь!

— КТО это сказал?

— Отец Бетси. Меня привезли из Омахи. Прошу вас, мистер президент, помолчите и не мешайте им работать. Я очень хочу, чтобы моя дочь вернулась.

— Да, мистер Барнс, — угрюмо отозвался президент. — Начинайте работу, директор. Заказывайте все, что вам потребуется.

Директор станции Меридиан вытер вспотевшее лицо.

— Ничего не поймали?

— Нет. Шеф, нельзя ли что-нибудь сделать со станцией Рио? Они сидят как раз на нашей частоте!

— Сбросим на них кирпич. Или бомбу. Джо, передай президенту.

— Я слышал, директор. Сейчас они заткнутся!

— Ш-ш-ш! Тихо! Бетси... ты меня слышишь?

Сосредоточенный оператор поправил настройку. Из динамика послышался чистый и приятный девичий голосок:

— ...кого-то услышать! Ой, я так рада! Поторопитесь — майор ранен.

Директор выхватил микрофон.

— Да, Бетси, мы очень к тебе торопимся. Но ты должна нам помочь. Ты знаешь, где вы находитесь?

— Полагаю, где-то на Луне. Мы сильно ударились, и я уже хотела сказать что-то смешное пилоту, чтобы он не расстраивался, но тут ракета упала на бок. Я отстегнула ремни, отыскала майора Питерса, а он не шевелится. Но он жив — я так думаю; его скафандр пыхтит в точности, как мой, а когда я прижимаюсь к его шлему своим, то слышу какие-то звуки. Мне только что удалось открыть дверь. Нет, мы наверняка не на обратной стороне, — добавила она, — потому что там сейчас ночь. А на меня светит солнце — скафандр сильно нагрелся.

— Бетси, ты должна оставаться снаружи. В таком месте, откуда ты сможешь нас видеть.

— Тут как раз подходящее местечко, — хихикнула она. — Я вас вижу ушами.

— Правильно, как раз ушами ты нас и увидишь. Слушай, Бетси. Сейчас мы начнем обшаривать Луну лучом света. Ты услышишь его как звук пианино. Всю поверхность Луны мы разделили на восемьдесят восемь нот. Когда услышишь одну из них, кричи «есть!», а потом говори, какую именно ноту ты услышала. Сможешь?

— Конечно, — уверенно ответила она, — если только пианино настроено.

— Не волнуйся, настроено. Итак, мы начинаем...

— *Есть!*

— Какая нота, Бетси?

— Плоская «соль» первой октавы над средней «си».

— Эта нота, Бетси?

— Та самая.

— Что там за координаты на сетке? — крикнул директор. — Море Мрака? Передайте генералу. — Он повернулся к микрофону. — Мы скоро отыщем тебя, Бетси. Сейчас начнем обшаривать тот район, где ты находишься. Подожди немного, надо сменить настройку. Хочешь пока поговорить с папой?

— Ой! А что, можно?

— Конечно, можно!

Подключившись двадцать минут спустя к разговору, директор услышал: — «...конечно, нет, папа. Ну, может самую чуточку испугалась, когда ракета упала. Но обо мне позаботились — ты же знаешь, обо мне всегда заботятся».

— Бетси?

— Да, сэр?

— Приготовься слушать.

— *Есть!* Лягушачья «фа», на три октавы ниже.

— Эта нота?

— Правильно.

— Нанесите координаты на сетку и передайте генералу, пусть корабли стартуют! Она где-то в пределах десятимильного квадрата! Теперь вот что, Бетси — мы почти знаем, где ты. Осталось нацелиться лучом еще точнее. Не хочешь зайти в ракету и немного остыть?

— Не так уж мне и жарко. Просто вспотела немного.

Через сорок минут все услышали ликующий возглас генерала:

— Ракету нашли! Девочка машет рукой!

Содержание

Предисловие автора, пер. А. Тюрина	5
Линия жизни, пер. А. Тюрина	11
Дороги должны катиться, пер. С. Логинова и А. Етоева	35
Взрыв всегда возможен, пер. Ф. Менгельсона	82
Человек, который продал Луну, пер. Д. Старкова	132
Далила и космический монтажник, пер. А. Етоева	243
Космический извозчик, пер. С. Логинова	262
Реквием, пер. А. Корженевского	286
Долгая вахта, пер. М. Ермашевой	307
Присаживайтесь, джентльмены! пер. И. Оранского	325
Темные ямы Луны, пер. Г. Усовой	339
Как здорово вернуться! пер. Г. Усовой	356
А еще мы выгуливаем собак, пер. А. Корженевского	380
Прожектор, пер. А. Волнова	410

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга двадцать вторая

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, Т. Куликова

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление: Л. Булыкина, В. Ковалев

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,46. Усл. кр.-отт. 22,48. Уч.-изд. л. 20,5.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-303.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV—1039, Рига, а/я 22.

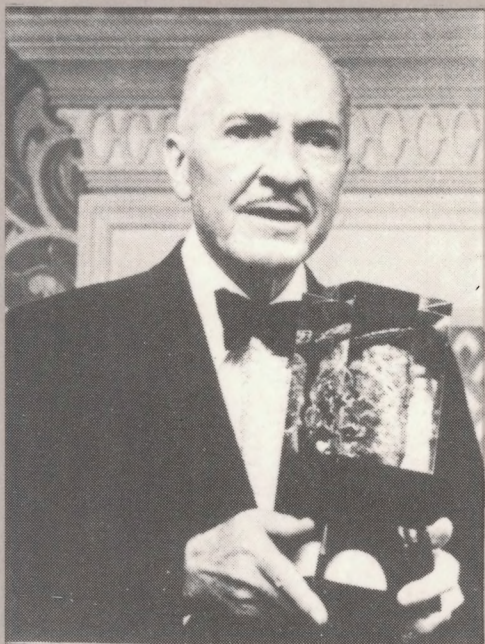
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе

310057, Харьков, ул. Донец-Закаржевского, 6/8.

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 22 / Пер. с англ.— Рига: Полярис,
1994.— 415 с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publinter